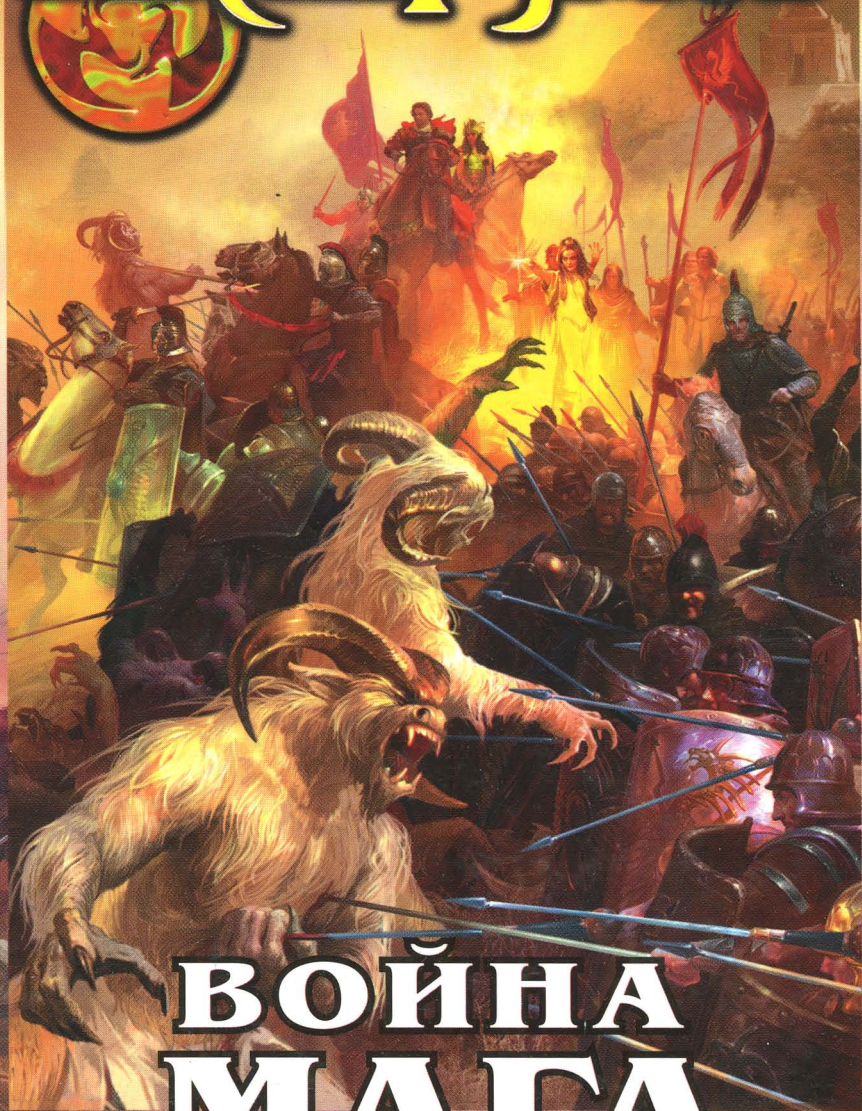
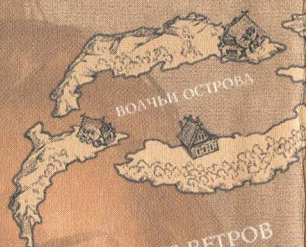
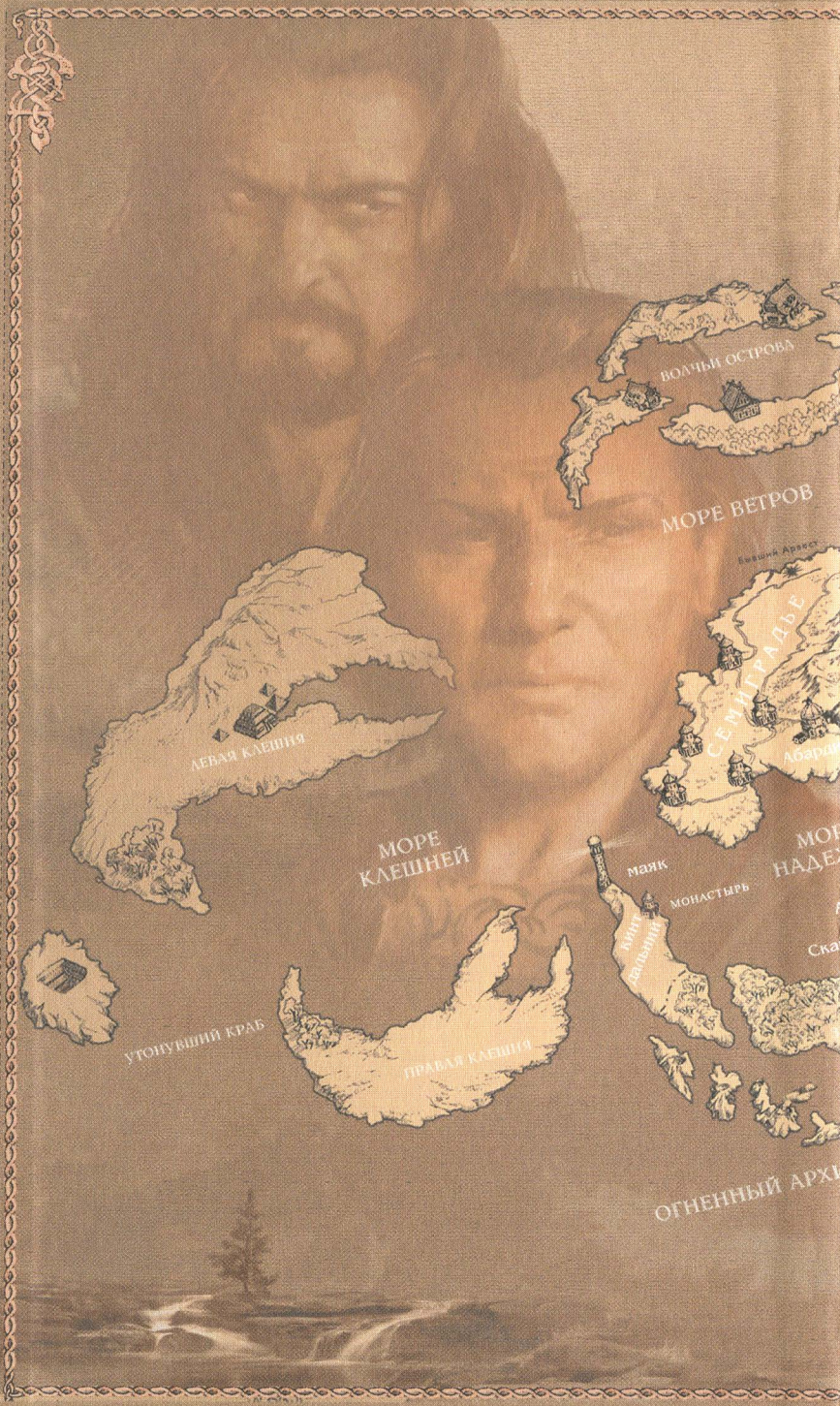

НИК ПЕРУТОВ

ВОЙНА МАГА

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ВОЛЧИЙ ОСТРОВА

Белый Архипелаг

СЕМЬ ГОРОВОДОВ

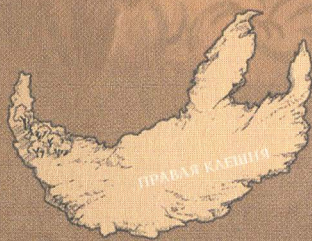
Абарис

МОР НАДЕЖ

Скалы

ЛЕВАЯ КЛЕШНЯ

ПРАВАЯ КЛЕШНЯ

МОРЕ КЛЕШНЕЙ

маяк

монастырь

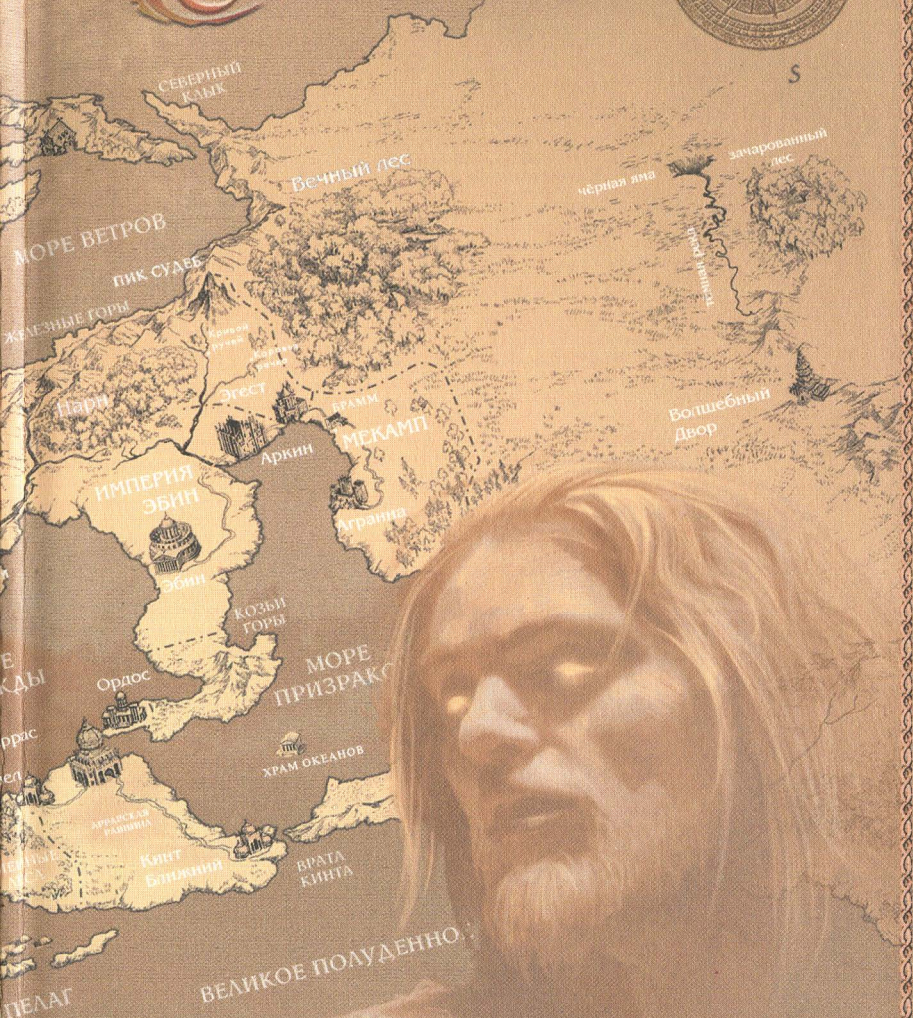
ОГНЕННЫЙ АРХИ

УТОНУВШИЙ КРАБ

Evial

ХРАНИТЕЛЬ МЕЧЕЙ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОЙНА МАГА

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

КОНЕЦ ИГРЫ

Часть 1

Москва

2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
П 26

Оформление *И. Саукова*

Художник *В. Бондарь*

Перумов Н. Д.
П 26 Война мага. Том 4. Конец игры. Часть первая: Цикл
«Хранитель Мечей». Книга 4 / Ник Перумов. — М.: Эксмо,
2006. — 480 с.: ил.

ISBN 5-699-15058-7
ISBN 5-699-17423-0

Наступает момент истины, когда каждому предстоит решить, зачем он жил и во имя чего способен умереть. Невероятные по мощи силы стягиваются к Утонувшему Крабу, пустынный островок посреди морей Эвиала. Отныне в его небесах, в подземельях великой, выстроенной на нем пирамиды решается судьба миров и всего Упорядоченного. Здесь боги становятся во главе людского воинства, чтобы побеждать, и люди протягивают им руку помощи в беде, здесь хитроумные заклятья разбиваются о крепость воли и любви, здесь смерть отныне — лишь ступень для новой счастливой жизни. Здесь кончается история мага Кэра Лазды, некроманта Неясыти, воина Феса, так непохожая на сказку, потому что все рассказанное в ней — правда.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-15058-7 (ч. 1)
ISBN 5-699-17423-0

© Перумов Н. Д., 2006
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2006

Автор сердечно благодарит всех, без кого эта книга — как и весь цикл «Хранитель Мечей» — никогда не смогла бы появиться на свет, кто сделал всё, чтобы она стала лучше:

Веру «Аэтернитатис» Бокову (Таганрог), с особыми благодарностями за невероятно скрупулёзный поиск ошибок,

Веру «Гатти» Камшу (Санкт-Петербург), с особыми благодарностями за неоценимую помощь в обсуждении последних глав книги,

Сергея «Мерлина» Разарёнова (Москва), с особыми благодарностями за дружескую поддержку,

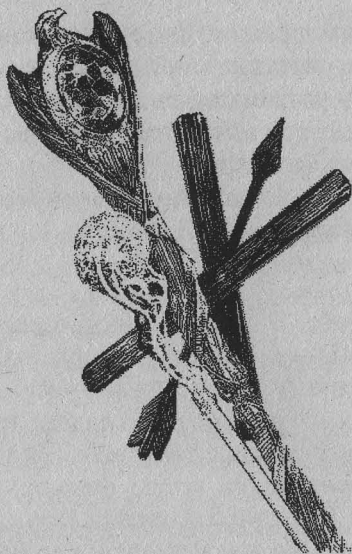
Владимира «Орка» Смирнова (Москва), с особыми благодарностями за общие оценки текста и внимательность при отыскании ошибок,

Загадочного и таинственного Маймонида, пожелавшего остаться Анонимным, с особыми благодарностями за непредвзятый и нелицеприятный анализ,

И также особо —

Владимира «Олмера» Смирнова, создавшего сайт www.olmer.ru, «Цитадель Олмера», а также www.refitov.com, без которого невозможным бы оказалось интернет-общение тысяч и тысяч моих читателей.

Автор благодарит также издательство «ЭКСМО» и его коллектив, десять лет назад поверивших в него и не оставлявших в дни как побед, так и поражений.

Интерлюдия I

устой замок на красной скале продолжал свой полёт, беззвучный, неостановимый. Ему безразлично было, куда лететь, пусть даже навстречу разгорающимся небесным пожарам. Гордый и надменный, он приближался сейчас к полыхающему зелёным пламенем горизонту, рваные облака под плавающим в пустоте исполинским камнем словно сжались, сбились вместе; изумрудное сияние поднималось всё выше.

Не останавливаясь, замок гордо вплыл прямо в объятия призрачно-пламенного занавеса, и красная скала мгновенно вспыхнула, рассыпаясь чёрной золой: Стены и башни оказались куда крепче: они потемнели, отдельные камни раскололись, трещины иссекли внешнюю броню, решётки покорёжило, но твердыня Хедина не сдавалась.

И лишь когда под крепостными фундаментами не осталось ничего, кроме пламени, когда красный камень обер-

нулся невесомым прахом, замок остановился. Завис на миг, словно прыгун над бездной, — и беззвучно канул, рухнул вниз, на лету разламываясь и обращаясь в руины. Балки, стропила, всё, что могло гореть, — вспыхнуло, но камень так и не поддался врагу.

Он не поддался, но самой цитадели Нового Бога больше не существовало.

* * *

— Спасибо тебе, Эйвилль, — повторил Хедин.

Познавший Тьму застыл, вскинув голову и обратив взгляд к бушующему в небесах шторму. Буря пожирала облака, втягивая их в себя, и безжалостно рвала на множество мгновенно тающих лоскутьев. Уже ничто не напоминало вычерченную на земле фигуру, изображавшую звёздные сферы Кирддина; слепая глазница, пустой провал черепа, медленно надвигалась, словно исполинский мертвец неспешно приближал оставшееся от лица к истомлённой плоти мира.

Конец нити уходил далеко, очень далеко, но не к пределам Хаоса и (на что втайне надеялся Хедин) не к чему-то непонятному, неведомому, на что он смог бы уверенно прилепить ярлык «обиталище Дальних».

Собственно, за долгие века того, что иные хронисты поименовали бы «властью над Упорядоченным», его владыки так и не нашли никаких следов загадочной расы, своих самых упорных и ловких врагов; существ — или сущностей?

Ни городов, ни храмов, ни крепостей. Попадались изредка места, где Дальним «поклонялись». Им служили, но не как Дальним, о которых всего и известно, что одно лишь название; служили тем или иным богам. Однако в капищах и храмах обязательно находилось место зеленоватому кристаллу, способному полыхать холодно-изумрудным пламенем.

Несколько раз Ракот, ненавидевший бездействие, наверное, даже сильнее, чем Молодых Богов, Ямерта и сродственников, устраивал походы против этих твердынь. Чтобы не нарушать Закон Равновесия, он обращался к авата-

ре грубого варвара, силача с чёрными волосами и синими, словно холодное северное небо, глазами.

Его армии — никакой магии, одни честные мечи да копья! — брали крепости штурмом. Жрецов, если они оказывались мрачными изуверами, практиковавшими изощрённые пытки и ритуальный каннибализм (читай — одну из самых сильных разновидностей магии крови), без долгого разбирательства допрашивали и развешивали вверх ногами на карнизах их собственного капища, каковое немедленно предавалось огню. Особые сотни оставались «на костях», дабы удостовериться, что очистительного пламени не пережил ни один из негодяев.

Ничего не помогало. Ни один из схваченных так и не смог навести на след неуловимого врага. Образы «повелителей» являлись жрецам и аколитам исключительно в глубине зелёных кристаллов и, разумеется, не имели ничего общего с истинным обликом тех, кто вещал из смарагдовых глубин.

Взъярившись, Ракот как-то раз собственной волей стёр во прах целую горную цепь, окружавшую один из таких «монастырей», но всё равно ничего не добился.

Хедин вспомнил монастырь в Бруневагаре, его «настоятеля» и Ночных Всадниц, учениц Сигрлинн. Великая чародейка, похоже, вела свою собственную войну с Дальними; но теперь, увы, её не спросишь и не позовёшь на помощь.

— Бруневагар оставим на закуску, — покачал головой тогда Хедин. — Он ведь, похоже, ничем не отличается от других, верно, Ракот?

Мрачный великан молча кивнул.

— Оставим напоследок, — повторил Познавший Тьму, и на том разговор закончился.

Сейчас Хедин боялся даже дышать, чтобы только не спугнуть удачу.

«Хитры вы, хитры, но не хитрее меня. Ловко всё подстроили, знаете, как сбить с толку Читающих, но глубины мастерства Эйвилль вы не предусмотрели. Великие, вы надменно взирали на своих недругов, зная, что никто,

кроме лишь Новых Богов, скованных по рукам и ногам проклятым Равновесием, не в силах вам противостоять. Однако и на вас нашлась-таки управа. Эльфы-вампиры, об этом вы даже и не подумали и не смогли от них закрыться. А Эйвилль — взяла и учуяла!..

Собрать всех подмастерьев, послать полки. Это не какая-то тайная крепость, даже не последняя Тёмная Цитадель Ракота, о которую Ямерт со товарищи поломали в своё время немало зубов. Самый обыкновенный, самый заштатный мирок с самой обыкновенной магией, какую только можно себе вообразить. Он не закрыт, подобно Эвиалу. И не ключевой, как Хьёрвард или Мельин. Не мир с естественными порталами вроде Зидды или Скробокка. Таких, как он, — мириады, и даже больше. Перебирать по одному — не хватит вечности. Не хватит времени даже владыкам Упорядоченного, брось они все остальные дела и отдайся одному лишь поиску.

Но теперь, враги мои, вас ожидают некоторые неприятности.

Думать об этом оказалось непривычно и пугающе сладко, так что Хедин поспешно остановил разогнавшиеся мысли. Испытывать упоение местью достойно Ракота. Познавший Тьму не смеет даровать себе подобного удовольствия.

Но чувство казалось поистине блаженным. Стоять в самом начале тёплого, верного следа тех, кто ускользал от него столько веков, кто разил из-за угла и бил в спину, сам всё время оставаясь безнаказанным!..

— Позвать Гелерру, — не поворачивая головы, бросил Познавший Тьму, в полной уверенности, что обязательно найдётся, кому передать его приказание. — Допрос пусть продолжает Ульвейн.

Не истекло и десятка ударов сердца, а прекрасная гарпия уже застыла на одном колене перед обожаемым повелителем.

— Счастлива исполнить слово великого Хедина.

Брат Ракота только безнадежно вздохнул. Некоторых

вещей невозможно добиться даже от самых верных слуг и подмастерьев.

— У нас есть направление. И мир, в котором кончается тропа, протянувшаяся из Кирддина. Я доверяю тебе больше всех, Гели. Возьми своих и отправляйся немедленно. Чтобы пересечь Межреальность, потребуется время. Ни я, ни мой брат не будем вас прикрывать, враг ничего не должен заподозрить...

Гарпия истово закивала.

— Мы рассыплемся, великий Хедин. Самое большее — по трое...

— Верно. Не горячись, Гели, и не вздумай скромничать. Возьми с собой всех, кроме лишь абсолютно необходимых здесь, в Кирддине.

— Но порталы... армия вторжения... быкоголовые...

— С ними мы справимся сами. Ульвейн расскажет мне, что вы узнали, а ты — не мешкай! Прихвати с собой вот это — с его помощью пошлешь мне весть.

В тонкую ладонь гарпии лёг прозрачный розоватый кристалл, с половину большого пальца; на первый взгляд ничего особенного, но...

— Он позволит тебе говорить со мной, какая бы магическая буря ни бушевала вокруг. Я боюсь выдать тебя этим, поэтому сам за тобой следить не смогу, не буду знать, где ты находишься. Так что ты уж, пожалуйста, докричись до меня сама. — Познавший Тьму слегка улыбнулся, вернее, заставил себя слегка улыбнуться; ведь ей это так важно...

Гелерра поспешно кивала, обеими руками прижимая кристалл к груди.

— Исполню всё, — повторила она. — Пусть повелитель не сомневается в своей верной слуге.

— Я не сомневаюсь, Гели, иначе не просил бы тебя взяться за подобное.

Ну, вот. Кажется, сейчас разрыдается от восторга. Нет, вроде бы справилась...

Стоявшая (прямо в грязи) на одном колене гарпия вновь истово поклонилась, почти упираясь лбом в землю,

расправила крылья и рванулась прямо в небо. Крошечная светящаяся фигурка наискось пронеслась по тёмному диску близящейся бури и пропала за горизонтом.

— Тропу Эйвиль разглядела, — пробормотал Хедин себе под нос. — А имён не назвала. Не смогла узнать? Или у тех, на другом конце, имён вообще не бывает?

Впрочем, у него есть самое главное. След. Чёткий след и его столь же чёткое окончание. В мире под названием... какая разница, как он называется! Важно, что он ничем, совершенно *ничем* не примечателен.

Так почему же он посылает вперёд Гелерру, отчего не отправляется сам, послав весть Ракоту, собрав все полки, подобно тому, как он собирался на штурм Брандея?

Предчувствие.

То самое, что вело вперёд и вперёд тогда, в давно минувшие годы, когда он ещё оставался самим собой, Познавший Тьму, а не Новым Богом, на чьи плечи давит груз всего Упорядоченного.

Да, он отправил гарпию навстречу страшной опасности. Но, если уж выбирать, то её — если придётся, она умрёт со всё тем же огнём в глазах и со «славой великому Хедину!» на устах. Она умрёт счастливой.

Привык двигать фигурки по тавлейному полю, правда, Познавший Тьму? И, что особенно отвратительно, по-другому нельзя. Какой же ты после этого, если разобраться, Бог? Так, нечто вроде домоправителя, которому уехавшие хозяева вручили ключи, строго-настрога указав, что он может делать, а что — ни под каким видом. И, опять же, к сожалению, этих хозяев не обманешь и не слушаешь. Иногда Хедину казалось, что он ощущает на себе странный взгляд — из ничего, из пустоты. Взгляд не четырёхзрачковых глаз (что он ещё бы понял) — нет, на него словно бы пристально глядело «само Упорядоченное», хотя Познавший Тьму прекрасно понимал, что это-то как раз и может быть только и исключительно поэтическим преувеличением.

Он упрямо встряхнулся. Сжал кулаки, запрокинул голову, вновь и вновь вглядываясь в далёкие звёздные огонь-

ки. Бедные смертные, сколько ж они мучаются, пытаясь понять их природу! А звёзды — они ведь всюду разные, в каждом мире, в каждом уголке Упорядоченного. Где-то — огромные пылающие шары, где-то — хрустальные лампы в бесплотных руках плывущих по чёрному своду духов; Упорядоченное воистину огромно, необозримо, оно небесноечно, но вмещает в себя всё, что только может прийти на ум.

«Нет, мои бесценные враги, — подумал Познавший Тьму, не отрывая взгляда от усеянного ночными светилами тёмного купола. — Я умею ждать не хуже вас. Вы привыкли рассчитывать и планировать так, чтобы *никогда*, до самого последнего момента, не появляться на поле боя самим, — жестокие уроки Хединсея усвоены хорошо. Разумеется, у вас есть какой-то отнорок. Отнорок в вашей *истинное* обиталище — за все бесконечные века я так и не понял, где же оно, в пределах Упорядоченного или, быть может, где-то во владениях Хаоса (я уже всё готов принять, даже такой абсурд?).

Гелерра спугнёт вас, но вы решите, что это — не более чем случайность, что Новые Боги слепо тычут наугад растопыренными пальцами, норовя изловить чёрную кошку в тёмной комнате. Вы ведь преисполнены такого самодовольства, вы кажетесь себе такими умными, такими пронывательными, вам и в голову прийти не может, что Хедин с Ракотом отправят против вас горстку подмастерьев во главе с восторженной гарпией, вы ведь станете ожидать настоящего штурма, неисчислимых ратей — подобно тому, что мы собирали, отправляясь в поход против Брандея.

Вы, конечно же, заметите их. Может, даже сперва отбросите. Так просто Гелерра не сдастся, не из таких.

А потом в дело вступит Эйвилль.

И тут, я надеюсь, вы совершите ошибку. Хотя бы один раз, попытаетесь достать меня через неё.

А пока — пока мне следует заняться Кирддином: портами, новыми поселенцами, быкоголовыми, и так далее и тому подобное.

И ждать вестей от Ракота из Зидды».

...Рядом с задумавшимся Хедином прозрачной тенью возник один из эльфов-вампиров. Познавший Тьму не обернулся. Приближённый Эйвилль поспешно опустил на одно колено.

— Великий, она просит есть. Велела идти к тебе.

— Я помню, — холодно, не поворачивая головы отозвался Хедин. Побороть извечное отвращение Истинного Мага к вампирам непросто. Иным это не удаётся и за много столетий. Эйвилль была исключением, но расположение к ней не распространялось на её спутников.

— Она просит есть, — чуть настойчивее проговорил, вернее, прошептал-прошипел вампир. — Она отдала все силы, повелитель. Ты обещал...

Хедин не повёл и бровью.

Когда-то, давным-давно, в пору расцвета его Поколения, когда Замок Всех Древних высился в полной своей красе и величии, среди многих законов действовал и такой, что запрещал прямое убийство Истинным Магом смертного. Хороший закон, Хедин вспоминал о нём не раз и не два, уже сделавшись Новым Богом, жалея о его падении; однако запрет никогда не распространялся на уже умерших, на тех же вампиров; и нынешний Закон Равновесия, связывавший Новых Богов по рукам и ногам, этого не запрещал также.

Потомство Эйвилль, её выкормыши не утратили многих талантов из свойственного расе эльфов — вампир мгновенно ощутил закипающий гнев того, кто (отлично знал он) мог в единый миг обратить и его, и сотворившую его мать-Эйвилль в кучку невесомого пепла; причём для этого Хедину не потребовалось бы никакого оружия.

— Простите, повелитель... — давно уже мёртвый эльф, лишившийся, в отличие от Эйвилль, даже имени, послушно упал на оба колена, склонив лицо к самым сапогам Нового Бога. Обычным сапогам, какие носили, выходя в море, свободные ярлы Восточного Хьёрварда.

— Скажи Эйвилль — я сейчас буду, — не глядя на вампира, бросил Познавший Тьму.

Тот поспешил убраться, исчезло лёгкое гниlostное дуновение, что Хедин всегда ощущал в их присутствии.

Это тебе придётся сделать самому, Познавший Тьму. Когда-то давно ты без колебаний бы отправил под клыки столь полезной для тебя вампирессы любого, кто подвернётся под руку, а потом сам и убил бы, да так, чтобы тот уже никогда не вылез бы больше на белый свет. Эх, всё ушло, всё. Свобода, решительность, беспощадность. Равновесие, оно, опять оно, проклятое; сейчас Хедин как никогда хорошо понимал Ракота. Конечно, куда лучше обернуться мускулистым варваром (Познавший Тьму усмехнулся) и очертя голову броситься в бой, чем... чем вот так, как он.

Однако этот вампир прав в одном, одёрнул себя Хедин. Эйвилль действительно нуждается в помощи.

Познавший Тьму вошёл в шатёр. Вампирша лежала на его ложе, бледное, снежно-белое лицо среди вороха чёрных мехов — и откуда только натащили таких?

— Повелитель... — на самом пределе слуха, даже его, Нового Бога.

— Всё будет хорошо, Эйвилль. — Порой надо произносить именно такие, ритуальные и ничего не значащие фразы. — Ты измоталась. Отдохнёшь, и...

— Есть... — моляще шепнула вампирша. — Повелитель... не могу... ухожу... я... отдала больше, чем следовало... простите меня, повелитель, но... нужна кровь, иначе...

На лице Хедина ничего не отразилось.

— Разве я сказал, что ты не получишь потребного, Эйвилль? — мягко проговорил он, присаживаясь на край ложа. — Разве я заставляю тебя голодать? Особенно после того, как ты навела меня на след? И разве не обещал я тебе *крови богов*?

По лепному, безжизненному лицу пробежала судорога.

— Повелитель... не мучьте...

— Даже и не думаю, — покачал головой Познавший Тьму. — Я держу своё слово, Эйвилль. Ты нужна мне, гм, живой и здоровой.

Горькая усмешка на истончившихся и почерневших

губах, из-под них тускло поблёскивают игольчато-острые клыки.

— Ты не ослышалась. Кровь богов. Вернее, *одного бога*. Но, надеюсь, ты простишь мне это, — и Хедин спокойно протянул Эйвилль свою собственную руку, тыльной стороной запястья вверх, где под загрубевшей кожей просматривались синие жилы.

Эйвилль вскрикнула, забилась, в ужасе зажимая ладонями рот и чуть не впиваясь клыками в собственную плоть.

— Повелитель!.. Как можно!.. Я... вы... меня спасли... я...

— Молчи, так ты теряешь силы ещё быстрее, — жёстко бросил Новый Бог. — Ну, давай, пока я не передумал и не послал тебе какого-нибудь быкоголового из пленных!

Из глаз вампириши покатались самые настоящие слёзы. Даже Хедин невольно поднял бровь — считалось, что это племя по природе своей неспособно плакать.

— П-повелитель... приказывайте, повелитель... я... слаба... не могу... отказаться...

Трясущийся подбородок коснулся твёрдо лежащей левой руки Познавшего.

Хедин не пошевелился.

Сахарные клыки появились из-под раздвинувшихся губ, острия осторожно коснулись загорелой кожи, прокололи её, вонзились глубже...

Названный брат Ракота замер, неподвижностью могущий поспорить со статуей.

Щекоча, скатились первые капли крови, и Эйвилль жадно слизнула их тонким язычком. А в следующий миг с утробным стоном бросилась на так и не отдёрнувшуюся руку, вцепилась в неё крепче, чем утопающий в брошенный с корабля канат.

Хедин закрыл глаза, привычно коснулся вольнотекущей Силы. Океаны, необозримые пространства и великая мощь, какую не опишешь никакими словами, — а ему подвластна лишь ничтожная толика. Правда, сейчас и этого хватит.

Он знал — Эйвилль не сдержит себя. Она сейчас в экс-

тазе, мало чем отличимом от смерти; и потому Познавший Тьму не удивился, ощутив болезненный укол — уже не в онемевшую руку, а прямо там, где сердце. Укол незримой иглой, означавший, что вампириша попыталась сделать из него себе подобного.

Хедин не стал отбивать настойчиво тычущееся остриё, ни тем более его ломать, хотя мог проделать это с лёгкостью, лишь глубоко вздохнул, останавливая готовый влиться в него яд. Не так-то просто обратить в тупого кровопийцу Нового Бога, но... без нужды и рисковать тоже не стоит.

Эйвилль жадно пила, так, словно истомлённая веками неутолимой жажды. Неподвижная, она страшилась проронить хотя бы каплю; и с каждым мгновением в вампирессу стремительно возвращалось то, что её соплеменники между собой называют «жизнью».

«Будет ли она благодарна, — подумал Хедин, внутренне кривясь от боли. Вовсе не просто было сохранять отстранённый и непроницаемый вид, словно подобное занятие для него совершенно привычно. — Будет ли благодарна или решит, что «так и надо»?»

Или всё выйдет, как он и предполагал, и вампиресса *поплывёт*?

Эйвилль пила. По левой руке медленно поднимался холод, отвоевал локоть, половину предплечья. Хедин не отводил запястья и не открывал глаз.

Огневеющее нечто клубилось вокруг рта вампириши, втекало в неё, пронизывало всё тело, мало-помалу растворяясь в удерживаемом лишь могущественной магией прахе. Тело вампира мертво, это именно прах, зола и ничего больше.

Вампиресса не отрывалась от запястья Познавшего Тьму, со стороны могло показаться, что она страстно целует руку своему повелителю; наконец, видя, что она не собирается останавливаться, Хедин осторожно, но решительно потянул кисть к себе — для этого пришлось взять её, ничего не чувствующую, валяющуюся мёртвой чушкой, — свободной правой рукой.

— Достаточно. Я сказал, достаточно, Эйвилль!

Вампирша с хриплым рыком рванулась следом за ускользающим источником вожаденной влаги.

— Опомнись! — загремел Хедин, вскакивая. Левая рука плетью упала вдоль туловища.

Эйвилль застыла, обезумевшие глаза вращались в орбитах, рот раскрыт, мелко подрагивают челюсти.

— Опомнись, — уже мягче проговорил Познавший Тьму. По левой руке разливалась жгучая боль, плоть оживала.

Прошло ещё несколько томительных мгновений, прежде чем взор вампирши прояснился, колени у неё задрожали, и она, где стояла, там и рухнула ниц перед гневным взором Хедина.

— Повелитель... — Теперь голос полнили сила и жизнь. — Казни меня, повелитель. Я... я... едва не...

— Я считал тебя крепче, — резко бросил Хедин.

— Повелитель... — она заплакала.

— Кровь богов, Эйвилль. Кровь богов.

— И это... нет, не описать... не передать... ни любовь, ни смерть, ничто... вечность... нет, перед *этим* всё пустое, всё! И я... я...

— Потеряла голову.

— Да! — с отчаянием выкрикнула вампирша. — Повелитель, если б знала, если б я только знала...

— Ещё немного, и мне пришлось бы ударить тебя, Эйвилль.

— Ударьте, повелитель! Я готова на мýку, на пытку...

— Глупая, — вздохнул Хедин. — Не зря про вас, эльфов, говорят, что втайне вы предаётесь, гм, очень экзотическим и непонятным для простых смертных видам любви. Мне пришлось бы ударить тебя не с целью покарать или причинить боль. Просто, чтобы остановить.

Тело Эйвилль сотрясало от рыданий.

— Повелитель...

— Вставай, — жёстко приказал Хедин. — У тебя сейчас сил хватит справиться с целой армией.

Эльфка-вампир неловко поднялась, замерла, низко опустив голову.

— Мне нет прощения...

— Прощение заслужишь в бою.

— Я готова! — вскричала Эйвилль.

— Без патетики, моя дорогая. Ты оказала мне огромную услугу, не буду скрывать. Я попытался отплатить. Но ты...

— Что надо сделать, повелитель?! — простонала несчастная.

Познавший Тьму помедлил, словно колеблясь.

— Мы все погибнем по первому вашему знаку, повелитель...

— Может, и придётся. Если выгоды от этого перевесят потери, — ядовито ответил Хедин. — Так вот. По найденному тобой следу я отправил Гелерру. Она потерпит неудачу. Но там, где она окажется вынужденной отступить, ты — напивавшись моей собственной кровью, — пойдёшь дальше, я не сомневаюсь. Пока я занимаюсь быкоголовыми, ты двинешься вслед за гарпией. Ты не упустишь ни одного её шага, ни одного действия. Но, как бы ни сложились обстоятельства у Гелерры, ни за что не выдавай своего присутствия. Ты станешь действовать одна, твои подопечные, — он сделал паузу, — останутся тут. Пугать быкоголовцев.

Эйвилль закивала.

— Там, где окончится дорога Гелерры, ты останешься в стороне от схватки. Следи за миром, не за сражением, понятно?

— Повелитель подозревает западню? — радуясь своей догадливости, вставила вампириша.

— Примерно. Меня особенно интересует, нет ли из того мирка какой-нибудь тайной тропки. Если кто-то и может это обнаружить, так это лишь ты, Эйвилль. С моей кровью в тебе.

«И кое для кого ты покажешься лёгкой добычей, моя дорогая».

Коротко кивнув воспрявшей вампирессе, Хедин резко

повернулся и вышел из шатра. Сейчас ему казалось, что всё внутри пропахло той самой гнилью, источаемой ночными кровососами.

К нему тотчас бросились оба эльфа, обращённых Эйвилль.

— Повелитель... — жадно облизнулся один, не в силах отвести взгляд от запястья Познавшего Тьму, где красовалась пара аккуратных дырочек. — Повелитель... не снизойдёт ли в великой своей милости...

Коротко, не замахиываясь, Хедин пнул вампира в лицо. Жадный, сосущий шепоток прервался, вампир сдавленно взвыл, опрокинулся и замер, боясь шелохнуться.

Второй предусмотрительно пал ниц, не произнося ни слова.

Хедин презрительно хмыкнул и прошёл мимо.

Вампиры, одно слово. Что с них взять.

* * *

Ракот и рыцари Ордена Прекрасной Дамы никуда не торопились. Но и не мешкали без нужды — очутившись в чужом мире, рыцари тотчас построились походным порядком, телеги встали четырёхугольником, кони влегли в постромки — и небольшой отряд двинулся прямо за высокой фигурой в алом плаще, развевающимся, несмотря на полное безветрие. Бывший Владыка Тьмы шагал, в задумчивости положив руку на загривок летучего зверя и невидяще глядя в небо. Чёрная бестия вела своего господина, словно собака-поводырь — незрячего хозяина.

Среди исполинских деревьев малому войску оказалось сподручно — лесные гиганты так далеко раскинули толстенные ветви, что на земле меж неохватными стволами ничего не росло, густая тень не давала подняться даже сорной траве.

Коня неспешно ступали по толстому ковру из опавших сухих листьев. Тишина, ни звука, безветрие, безмолвие, беспитие. Нет и мелких лесных тварюшек, шуршащих у корней, прячущихся в дуплах и среди ветвей. Толь-

ко деревья-гиганты: они словно не терпели никакой ещё жизни рядом с собой.

Рыцари слегка покачивались в сёдлах; оруженосцы и сквайры, как и велит устав, присели за высокими бортами телег, держа наготове снаряжённые двухдуговые арбалеты.

На языке у Ракота вертелась обычная в таких случаях фраза: «Не нравится мне эта тишина». Он не мог вспомнить, сколько раз произносил её — на сотнях различных языков, под самыми причудливыми небесами и в самом удивительном обществе.

И почти всегда оказывался прав.

Тем не менее первый день похода прошёл мирно и благополучно. Через лес, тотчас прозванный Тихим, струились столь же тихие ручейки, вода в них оказалась доброй, без каких-либо неприятных сюрпризов. Люди в отряде Ракота, конечно, привыкли к совсем другой тяге мира; Владыке Тьмы пришлось взять часть этой ноши на себя. И оттого Ракот не мог в полной мере очутиться в своём излюбленном облике — свирепого воина-мечника, лишь с самой малостью магии.

Четыре солнца Зидды почти не оставляли места ночи; но Орден Прекрасной Дамы подобным не смутишь. Его рыцари вообще отличались невозмутимостью — мир чудесен и невероятен, но стоит ли дивиться чему-то после того, как в это бытие явилась Она, Истинно Прекрасная Дама?..

Не удивились рыцари и когда в небе распростёрлись исполинские облачные крыла — словно громадная птица заботливо прикрыла землю от докучливых лучей сменявших друг друга светил, позволяя всему живому отдохнуть в блаженной темноте — или, вернее, сумерках.

Конечно же, Ракот вступил в Зидду не где попало. Со всем недалеко, в трёх переходах, начиналось нечто, что ему очень сильно не нравилось. Настолько, что он изменил своей обычной практике — сваливаться прямо на головы ничего не подозревающим врагам. Три дня марша — большой риск, что их обнаружат, но при этом и возможность хотя бы приблизительно понять, с чем же предстоит тут столкнуться.

Осторожный Хедин наверняка послал бы вперёд себя подмастерьев; Ракот всегда предпочитал идти сам и идти первым. Названный брат слишком много рассуждал о Долге и Равновесии; бывший Владыка Тьмы справедливо почитал наилучшими весами те, где рычагом служит его собственный меч.

Всё просто, говорил себе в таких случаях Ракот. Упорядоченное выбрало нас, и потому мы побеждаем. И будем побеждать до тех пор, пока не исчезнет уверенность в собственной правоте. Ведь как ещё Сущее может дать нам понять, что мы не сбились с дороги?

...На третий день — если считать появление Тёмной Птицы за ночь — отряд Ракота выбрался из-под сени исполинских деревьев. Открылась широкая речная долина, или, вернее сказать, бывшая речная долина. Бывшая — потому что от струившегося тут некогда могучего потока остался только жалкий ручеёк. На противоположном берегу леса оказались методично сведены. Холмы исчерчивали дороги, аккуратные, в полном порядке; а вдоль речного тупа до самого горизонта тянулись пирамиды. Самые разные — высокие и низкие, ступенчатые и гладкие, усечённые и нацелившиеся в сияющее небо острыми вершинами. Были тут самые простые трёхгранники, были — с четырьмя сторонами, конусы, попадались и купола... Больше всего это напоминало забытые кубики какого-то великанского ребёнка.

Ракот и не отстававший от него Читающий застыли. Многое видал Владыка Тьмы, но подобного паноптикума не попадалось даже ему.

— Ка-ак интересно... — процедил он сквозь зубы.

Цепь каменных гигантов оказалась не сплошной, тут и там зияли прорехи, причём невооружённым глазом видны были следы фундаментов — словно постройка поднялась в воздух, движимая неким чародейством, после чего...

После чего исчезла бесследно.

— И мы всё это проморгали. — Ракот сжал кулачищи, метнул гневный взгляд на Читающего.

«Я вижу лишь то, что хочет поручающий», — предусмотрительно поспешил оправдаться тот.

— Ну да, ну да — не приказали следить за Зиддой, и вот вам, пожалуйста, — буркнул Ракот. — Скажи мне лучше, что в этих пирамидах? Магия? Чья? Ямерт и присные?

«Там не творится в данный момент никакой волшбы. Я бессилен. Ты чувствуешь природу чародейства гораздо сильнее меня. Я могу лишь прочесть уже сотворённое заклятье», — напомнил Читающий. И Ракоту почудилось ехидство в его словах.

Владыка Тьмы не ответил, лишь молча махнул рукой, давая рыцарям знак переправляться через реку.

Их никто не атаковал, никто не препятствовал. Орден Прекрасной Дамы перебрался на противоположный берег в идеальном порядке, просто загатив дурно пахнущую топь.

Бывший Владыка Тьмы стоял возле крайней пирамиды — довольно высокой, около десятка ростов среднего человека — и недовольно хмурился. Умирающая, больная река взывала к отмщению. Как хотелось дотянуться до горных истоков, растопить даром пропадающие там снега, заставить очистительный паводок устремиться вниз по течению, сметая накопившуюся грязь и гниль! Чтобы среди зелёных берегов вновь заструились спокойные воды, кишашие жизнью, со звоном мириад насекомых, с плеском рыбы, со взмахами птичьих крыл...

— Работа для Ялини, — проворчал Ракот. — И чего, спрашивается, фордыбачила?..

«Река своей мукой питает пирамиды, — бесцеремонно вмешался в его размышления Читающий. — Но не только она. Страдания всего мира вливаются в них. Эти управляющие заклинания я могу прочитать».

— Кем они поставлены? Кем запечатлены? — терял терпение Ракот.

Читающий ответил после небольшой заминки:

«Я вижу только заклинания. Я не вижу лика наложивших».

— Почему я ничуть не удивлён? — буркнул бывший Властелин Тьмы, отворачиваясь.

Цепочка пирамид тянулась к самому горизонту, никем не охраняемая, по крайней мере на первый взгляд. Конечно, смести её Новому Богу вполне по силам, направить сюда поток — нет, не воды с горных ледников, но свободнотекущей Силы, пронзающей всё Упорядоченное, и тогда здесь не останется ни одного из этих проклятых строений.

Легко сказать, нетрудно сделать, «а что мы имеем в результате?», как угрюмо вопрошал Хедин после очередной вылазки названных братьев, приведшей на первый взгляд к полному успеху, а закончившейся мировой катастрофой, когда пришлось срочно открывать порталы, спасая ни в чём не повинных смертных (и даже «перворождённых» эльфов).

А чтобы сковыривать эти пирамиды по одной, понадобятся сотни тысяч работников. Поднимать свой стяг, «брать Зидду под руку Новых Богов», сиять на небесах, простирать руку над миллионными толпами падающих на колени?.. Да, после этого они с радостью исполняют каждое твоё слово, кинутся в огонь по первому твоему жесту, но, обретя силы, ты станешь и более уязвимым. Более зависимым от людской (или нелюдской) веры. Безнаказанно это сходит с рук только Спасителю, уж неведомо за какие заслуги.

Горстка рыцарей Сигрлинн тут, конечно, не спра...

Из леса вылетели первые стрелы, и меч сам прыгнул в Раковому длань — бой, наконец-то! Прямой и честный, где всё ясно и понятно и где важно лишь одно — одолеть неприятеля.

Орден Прекрасной Дамы словно только и делал, что ждал нападения. Высокие борта телег оставались подняты, за ними — в безопасности — слуги, выпряженные кони, припасы и тому подобное. Рыцари — все в броне — едва слышав привычный свист, резко повернулись, припадая на колени и прикрываясь треугольными, зауженными книзу щитами.

Невидимые лучники били на внушительное расстоя-

ние, куда не вдруг забросит железный свой болт старый добрый арбалет. Борта возов и песок под ногами мигом покрылись чёрной щетиной от воткнувшихся древков; иные бессильно отскочили от шлемов или наплечников, иные звонко клюнули в белоснежные щиты.

— Ну, давно бы так, — проревел Ракот, забрасывая плащ за спину и высоко вскидывая меч.

Орден Прекрасной Дамы — три дюжины братьев-рыцарей — спокойно развернулся в боевой порядок; острый клин спешенных воинов нацелился прямо на то место, откуда летели стрелы. Они отвлекут лучников неведомого врага, в то время как грумы выведут боевых коней.

— Сегодня будет чутьок попроще, — ухмыльнулся Ракот, нацеливаясь остриём меча туда, откуда летели стрелы.

С клинка сорвалось нечто вроде стремительно размазывающейся тёмной ленты; миг — и там, где тянули тети-вы неведомые стрелки, возникла чёрная сфера, заключившая в себя лучников.

Рыцари Сигрлинн, как по команде, взглянули на Ракота — как показалось брату Хедина, с немим укором, мол, зачем же ты так, это ж нечестно, это не равный бой...

— Ничего, — хмыкнул Владыка Мрака. — Вы мне нужны живыми.

Тёмная сфера, отражающая стрелы, — простенькое чародейство, доступное множеству обычных смертных волшебников, но и его Ракот остерегался держать слишком уж долго. Впрочем, рыцари в белой броне не мешкали — пользуясь моментом, уже бежали грумы и оруженосцы, слуги торопились впрячь в телеги коней.

Ракот усмехнулся и широким шагом, так, что лошадям приходилось переходить на рысь, двинулся вверх по пологому склону, туда, где чернели стены только что возведённой им темницы.

* * *

Хедин, Познавший Тьму, занимался любимым делом. Новый Бог играл сам с собою в живые тавлеи.

Прямо за его спиной пламенела арка портала, поднимавшаяся, словно крепостная башня; перед тавлейным

столом раскинулся оживающий лес Кирддина, и мягкий дождь шумел по зеленеющей листве, барабанил по туго натянутому полотну широкого зонтика, под которым уютно устроился Новый Бог.

Портал вёл в тот самый мир, откуда пришлось убраться Гелерре. В мир, где ожидала армия несчастных быкоглавцев, приведённая кем-то и поставленная на убой, потому что не было в Упорядоченном такого войска, что смогло бы в обычном бою устоять против подмастерьев Хедина.

Собственно говоря, во всей этой истории Познавшего Тьму занимало только одно — *кто* привёл это войско и как, во имя Орлангура и Демогоргона, вместе взятых, он пронюхал, *где* стоит разместить эту армию?

Выводы из этих размышлений получались невесёлыми. Собрать воинственных быкоглавцев не составляло труда; взятые Гелеррой пленники, как показал допрос, принадлежали к простому и решительному народу, превыше всего ставящему воинскую доблесть. Подбить таких на далёкий поход — всё равно, что подарить ребёнку новую игрушку. И получалось, что кто-то заранее не только расставил западню на Кирддине, но позаботился и о войске, чтобы висело на плечах Новых Богов, — буде ловушка не сработает.

Нет, молча покачал головой Хедин, делая очередной ход фигуркой морского змея. «На всякий случай» такую армию не собирают. Тут что-то иное...

И это «иное» с каждой минутой тревожило его всё больше и больше.

Что, если Дальние или Ямерт и его присные — что, если они получают сведения прямо отсюда, из лагеря Познавшего Тьму? Что, если кто-то из подмастерьев всё-таки соблазнился... не знаю уж, чем их можно соблазнить, но вдруг? Требовалось ведь точно рассчитать, *куда* именно будет открыт нами портал, ведущий сюда, на Кирддин. Точно рассчитать и заблаговременно отправить туда армию...

«Кто ещё кроме подмастерьев мог знать планы Нового

Бога? Неужели Читающие? Чем могли соблазниться эти существа? Ну, например, новыми знаниями. Такие знания есть и у Молодых Богов, и у Дальних. Чтобы выявить изменника, нужны сведения», — подумал Хедин.

Командиры — вот кто осведомлён, кто говорил с «жрецами, указавшими истинный путь». Эти «жрецы» — именно они-то и интересны. Человекоорудия Дальних (а кто ещё может с такой изобретательностью воздвигать перед ним одну стену за другой и при этом ещё и путать следы, закладывая бесконечные двойные петли и делая скидки?) — или всё-таки Молодые Боги?

Портал открыт. Приманка заброшена. Пусть идут, если не боятся.

Осторожно ступая, приблизился Ульвейн.

— Аррис прислал вестника, повелитель.

Хедин поднял голову, оторвавшись от игры.

— Аррису определён был Мельин.

— Совершенно точно, — поклонился Тёмный эльф. — Но... там всё окончательно пошло прахом. Судя по виду гонца.

— Зови. — Лицо Хедина осталось бесстрастным, только глаза чуть сощурились.

Гонец приблизился, такой же, как и сам Ульвейн, Тёмный эльф с вытянутым узким лицом и длинными шелковистыми волосами. Он только что вышел из боя — воронёная кольчуга рассечена в трёх местах, щёки и подбородок покрыты гарью, а эфес тонкого клинка и боевые перчатки — чужой кровью.

— Говори! — Познавший Тьму прервал попытку гонца опуститься на одно колено.

— Аррис влагает свою участь в длань великого Хедина, — задыхаясь, словно от долгого бега, едва вымолвил вестник. — Он нарушил приказ. Он вмешался.

Названный брат Ракота коротко кивнул. Его взгляд оставался непроницаемым, но, оказись тут сам Аррис, знавший Хедина куда лучше, он бы понял, что Познавший Тьму сейчас просто в ярости.

— Излагай, — бесстрастно произнёс Хедин.

Гонец заговорил, торопливо, но не сбивчиво, по-эльфийски чётко выговаривая слова.

— Разлом в мире Мельина извергает из себя полчища козлоногих тварей. Они сильны и смертельно опасны; тамошний правитель, человек, смертный, выступил против них, собрав большое войско. Но...

Соратник Арриса очень спешил. Он принёс вести о гибельном разладе среди тех, кто может противостоять вторжению, и о том, что местные маги прибегли к магии крови как к последнему средству.

Аррис, конечно, нарушил приказ и покачнул весы, угрюмо думал Хедин, движением руки отпуская вестника. Ульвейн повёл его к лагерю — сдать на попечение лекарям.

Магия крови им не поможет, размышлял Познавший Тьму. Она сработает лишь на краткое время. Когда-то, в незапамятные времена, созданные на её основе заклятья и обереги в самом деле могли держаться столетиями. Но всё изменяется — даже здесь. Мы слабеем, козлоногие усиливаются. Не потому ли, что мы постоянно скармливаем Неназываемому хоть и пустую, но всё-таки плоть Упорядоченного? Когда-то этот способ казался мне, и не только мне, неплохой находкой, а теперь?.. Ведь сила его растёт, и дальше закрывать глаза на это — верная смерть. Не только моя, всего Упорядоченного. Я слишком хорошо помню чёрные щупальца, гонявшиеся за живыми в мире, пожираемом нашим заклятым врагом.

Конечно, Аррису не справиться в одиночку. А мне опять придётся взвешивать и вымерять, определяя меру отпущенного, чтобы злосчастный Мельин не угодил бы в пучину ещё больших бедствий.

Кирддин придётся оставить. Ещё немного — и один из ключевых миров окажется в руках или, вернее, лапах Созидателей Пути, а допустить этого Хедин никак не мог. И, как бы ни были интересны и важны для него военачальники быкоглавцев, равно как и стоящие за ними — приходилось засучивать рукава и браться за давным-давно привычное, успевшее едва ли не надоесть дело.

Спасать мир. Очередной, один из множества. Лечить симптомы, а не болезнь.

Он бывал в Мельине, носился по его небесам коричневокрылым соколом. Вместе с Ракотом они похоронили Мерлина в мельинской земле, вместе, остолбенев, смотрели, как Спаситель благословил могилу великого мага и как Он ушёл — неторопливо, спокойно и скорбно, опираясь на посох, словно и впрямь чувствуя усталость от великих трудов.

Может, перенацелить главный удар туда?

Хедин поднялся, расправил плечи, хрустнул суставами. Читающий со своими шарами — невядалеке, вперившись в мягкое сияние, заключённое внутри сфер. Что видится ему там, какая волшба?..

Многие века Читающие охотятся за каждым заклятьем, которое можно приписать падшим Молодым Богам, — безо всякого успеха. Ямерт, владыка света, Ямбрен, хозяин ветров, Яэт, повелитель мёртвых, Ялмог, хозяин вод, Ятана, мать зверей, Явлата, хранительница звёзд...

Шестеро. Только шестеро, потому что седьмая, Ялини, хозяйка зелёного мира, отреклась от них, прошла искупление и тоже исчезла, не пожелав присоединиться ни к нам, ни к своей падшей родне.

Были, конечно, и другие — Ярдоз, хозяин пылающих земных недр; Яргохор, водитель мёртвых Хьёрварда; Ялвэн, распорядитель холодов и ключарь снежных кладовых; Ярмина, дочь самого Ямерта, смотрительница утренних и вечерних зорь — меньшие, младшие из числа Молодых Богов.

Почти забытые имена. Сейчас Хедин опять и опять повторял их, точно заново пробуя на вкус. Сколько сил отдано было борьбе... как сладок был миг триумфа, миг, когда они с Ракотом поняли, что победили — не просто одолев силой оружия, но превзойдя твёрдостью духа. Молодые Боги не выдержали угрозы Неназываемого, и Упорядоченное предпочло новых хозяев. Впрочем, скорее «распорядителей», нежели «властелинов»...

След Молодых Богов так и не отыскался. Падшие боги

исчезли, словно растворившись в безбрежных океанах Упорядоченного. Уж не помог ли кто поверженным, лишённым былых сил богам? Кто? Да хоть те же Дальние. Значит, не исключён союз обоих вероятных противников.

Познавший Тьму отдавал быстрые приказы. Читающий уже нырял в незримых потоках Силы, омывавших Кирддин, искал нацеленные вражьи заклятья; поспешно свертывая лагерь, поднимались полки, готовясь к новому маршу; сам Хедин решительно смёл тавлейные фигурки в мешочек, поднялся...

Сквозь пламенеющий портал прыгнул первый быкоглавец, ошарашенно повертел рогатой башкой. Четырёхрукий, как и предупреждала Гелерра, он разом мог орудовать и здоровенной секирой, держа её верхней парой ручищ, и щитом вкупе с малым топориком — эти были снизу.

Да, из быкоглавых вышли отличные воины. На локоть выше обычного человека, в два раза шире плечами. Страшная секира сметёт любую защиту, проломит любую броню, кроме разве что выкованной гномами.

Увидав Хедина, быкоглавец злобно взревел, размахнулся секирой; левая нижняя рука подняла щит.

За первым быкоголовым великаном последовали сразу трое его собратьев, следом — ещё и ещё. Только-только начавшая оживать трава Кирддина втаптывалась в землю тяжеленными, подбитыми железом сапожищами — в каждый из них обычный человек с лёгкостью засунул бы обе ноги.

Четыре, девять, шестнадцать — число быкоглавых росло.

Хедин не обнажил никакого оружия. Просто стоял, скрестив руки на груди, и пристально глядел на нового врага.

Да, конечно, Гелерра права. Познавший Тьму тоже слышал об этих созданиях, как, впрочем, и о сотнях, тысячах других рас и племён в пределах Упорядоченного. Но для его целей быкоголовые обитатели степей и гор отдалённого мирка не годились — особым умом они не от-

личались, лишь жуткой силой. Встречались, конечно, исключения.

Потребовалось совсем немного времени, чтобы вспомнить их язык — или, вернее, просто заговорить так, чтобы тебя поняли. Ещё одна небольшая преференция Нового Бога, пользующегося (во всяком случае, до недавнего времени) благорасположением самого Великого Орлангура.

— Вы напрасно явились сюда, — медленно произнёс Познавший Тьму. — Мне не нужны напрасные убийства безо всякой цели. Впрочем, если вы так уж горите желанием расстаться с жизнями и до срока отправиться в смертные пределы, милости прошу. Мне как раз необходимы добровольцы для жертвоприношений. Магия крови, изволите ли видеть...

Он очень надеялся, что в стремительно растущем клине увенчанных рогами голов найдётся хоть одна, которая поймёт, *кто* сейчас оказался перед ними.

— Пусть выйдет решивший, что я — это враг, — продолжал Хедин, видя, что быкоглавцы принялись недоумённо переглядываться.

Ответом стала ударившая прямо в лицо арбалетная стрела.

Закалённый стальной оголовок с хрустальным звоном разлетелся пылью невидимых глазом осколков. Древко мягко скользнуло в ладонь Познавшего Тьму.

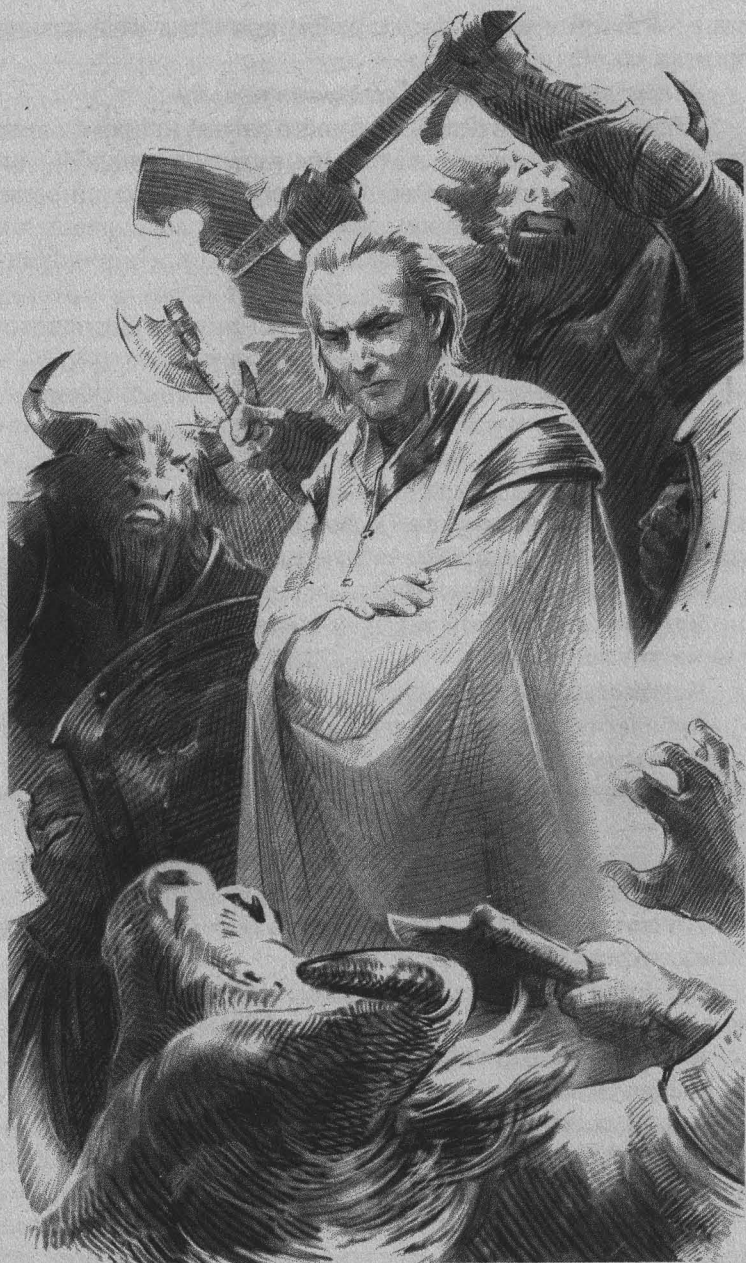
— Кто сказал, что меня надо убить? — невозмутимо повторил он.

От лагеря уже спешили его подмастерья, и Хедин тотчас вскинул левую руку раскрытой ладонью вверх — приказ немедленно остановиться. Быкоглавцы пусть себе стреляют. Если он узнает то, что собирается узнать...

Из портала выплеснулось уже несколько сотен рогатых созданий. Обтекая недвижимого Хедина, крылья этого войска вдруг кинулись вперёд, устремившись прямо на замершие шеренги подмастерьев Нового Бога.

«Кто управляет ими? Какие заклятья?» — резко бросил Хедин, обращаясь к Читающему.

Тот невозмутимо продолжал нависать над своими ша-

рами — точно и не неслась с рёвом прямо на него лавина рогатых громадин.

«Нет никаких заклятий, Познавший Тьму».

Хедин смотрел в глаза замершего прямо напротив него секироносца. Ничего в них особенного не крылось, ни сверхъестественной злобы, ни особой кровожадности. Обычные глаза не шибко озабоченного мыслительной деятельностью существа, каких несчётно в Упорядоченном.

— Что тебе пообещали здесь? — На сей раз Познавший Тьму вложил в голос самую малость власти.

Быкоглавец издал неразборчивое бульканье, судорожно передёрнулся и ринулся на Хедина, замахиваясь чудовищным топором.

Древко оружия рассыпалось мелкими щепками, тяжеленное лезвие просвистело мимо Нового Бога, шлёпнувшись наземь где-то далеко за его спиной.

— Кто привёл тебя сюда?

Ульвейн с Гелеррой так и не получили внятных ответов на эти вопросы.

Как всегда, всё приходилось делать самому.

Арбалетчики быкоглавцев дали первый залп, целясь в неподвижных подмастерьев Хедина — напрасная попытка. Наконечники дробились, древки ломались, ни один болт даже не долетел до цели.

— Кто послал тебя?! — Взгляд Познавшего Тьму вбуравливался под толстый череп быкоголового.

Противник Хедина зашатался, схватился за горло и опрокинулся. Мёртвый, как камень.

В этот момент рогатые собратья погибшего сцепились наконец с подмастерьями Хедина, и Новому Богу поневоле пришлось отложить дальнейшие расспросы.

Быкоглавые, казалось, не имели никаких шансов с самого начала. Идти против Хедина, Познавшего Тьму, — всё равно, что самому прыгать с утёса, навязав на шею камень потяжелее.

Новому Богу ничего не стоило заставить всех своих врагов просто умереть. Без глупостей вроде огня, молний

или тому подобного. Просто взять — и исторгнуть жизнь, прекратить её течение в один неразличимый миг. В незапамятные времена Истинным магам подобное запрещал закон Древних; нынешнему Хедину это тоже запрещалось, но уже другим законом — его Познавший Тьму поминал, наверное, чаще всего остального.

Распорядитель Упорядоченного не мог даровать своим подмастерьям бессмертия или неуязвимости. Не мог наделить их силой тысячи горных великанов или одарить их мечи способностью рубить сталь с той же лёгкостью, что и ничем не защищённую плоть. Не мог превратить их в полубогов, одним мановением руки сметающих со своего пути многотысячные армии...

Вернее — мог. Закон Равновесия ничего не запрещал напрямую. Он лишь управлял последствиями.

Битва мгновенно вскипела, словно в старые добрые времена — только сейчас вокруг раскинулась оживающая земля Кирддина, а не серые скалы Хединсея. Мятежный маг некогда обрушивал на врагов волны пламени; Новый Бог мог лишь оборонить себя.

Вокруг Хедина сгустился чёрный кокон. Непроницаемый снаружи, изнутри он представлялся совершенно прозрачным, названный брат Ракота видел и слышал всё, что творилось на поле боя. Шестеро или семеро быкоголовых ринулись на него, изо всех сил обрушивая огромные секиры на магическую защиту. Нанести ей ущерба они могли не больше, чем комары поверхности скалы, взбреди им в их крошечные головы безумная идея вонзить хоботки в камень.

Подмастерья Хедина привыкли иметь дело с самым невероятным противником. Их не смущали ни рост, ни сила, ни блеск оружия. Накатившую волну быкоглавцев они встретили спокойно, хотя какое уж там «спокойствие» ввиду смертельной опасности? Просто в подручные к Новому Богу попадали лишь такие, кто умел заставить собственный страх придавать новые силы, а не отнимать те, что были.

Быкоглавцев встретил настоящий вихрь — и обычных

стрел, и тех, что несли магическую начинку. Чарами среди подручных Хедина владел каждый, и соратников Нового Бога не сдерживало никакое Равновесие.

Четырёхрукие храбрецы проваливались в источающие огонь ямы, их обращало в ледяные глыбы, пластинчатые доспехи лопались, и на открытые раны набрасывались полчища пожирающих кровоточащее мясо насекомых. Хедин видел, как Ульвейн, крутясь, словно волчок, с двумя тонкими, слегка изогнутыми эльфскими саблями в руках, ловко уклонился от взмаха чудовищной секиры, поднырнул под щит и ударил — снизу вверх, остриём в нижнюю подмышечную впадину. Видно, там проходили артерии — из-под руки быкоглавца хлынул настоящий поток крови, рогатая голова запрокинулась, и он рухнул.

Хедин, конечно, мог закрыть портал, разорвав связь миров, и, конечно, этого не сделал. Пусть идут, пусть все ворвутся сюда, в Кирддин. Его подмастерья уже освоили магию этого мира, они легко чувствуют течение Силы, это куда лучше, чем очертя голову бросаться в портал — по другую его сторону всё может оказаться совсем по-иному.

Повинуясь неслышимой команде Нового Бога, подмастерья медленно пятились, уступая быкоглавцам поле боя. Из портала вырывались новые и новые сотни рогатых воителей, но к этому Познавший Тьму был готов. Ему требовались командиры, и он их получит.

Неподвижный чёрный кокон застыл прямо напротив раскрытой пасти пылающего портала; серые волны лишь бессильно бились о его поверхность.

Познавший Тьму повернулся спиной к portalу и неспешно зашагал вслед за валом четырёхруких воителей, аккуратно огибая мёртвые тела. Его подмастерья знали своё дело: сколько раз им приходилось биться с такими вот силачами, чьи хозяева самонадеянно решали, что могут бросить вызов Новым Богам; они привыкли. «Сделай и не умри», часто повторял им Познавший Тьму, отнюдь не требовавший от своих неперменного самопожертвования и «стояния в крови по колено». Завтра будет новый день, втолковывал подмастерьям Хедин. Новый день и

новый бой. Заменить погибшего в полках Познавшего Тьму — не такое простое дело.

— Я отбирал вас по одному из бесчисленного множества; вы — последняя стража Упорядоченного. Погибать вы не имеете права, понятно? Нет такого понятия, как «последний рубеж». Всегда найдётся ещё одна река, ещё один холм, ещё один перевал. Что? «Мы защищали женщин, детей и ослабевших?» — ерунда. Помните, что, решив героически умереть, вы обречёте на гибель куда больше этих самых женщин, детей и ослабевших.

Его подмастерья твёрдо усвоили урок. В отличие от Ракота, как раз свято верившего в древние «ни шагу назад!» и «не дамся живым!».

Быкоглавцы давили. Им казалось, что они побеждают — а на устилающие поле трупы сородичей они просто не оглядывались. И наверняка верили, что доблестно сражавшиеся попадают прямиком в небесные чертоги их местного бога, где рубятся в нескончаемых битвах, охотятся на невиданных зверей и пируют, не зная похмелья.

Очень может быть, что они и правы. Древние Боги, истинные Древние Боги, первые, кого исторгло из своей утробы Упорядоченное, там, где искры дыхания Творца соприкоснулись с её косной плотью, пали ещё на Боргильдовом поле; но остались во многих мирах мелкие божки и полубожки, — их в своё время Молодые Боги либо просто не заметили, либо сочли недостойными внимания. Со временем эти создания осмелели; особенно после того, как в Обетованном воцарились новые хозяева, слишком занятые бесконечной войной с Неназываемым, чтобы особо обращать внимание на шалости мелких собратьев принопамятного Бога Горы.

Сам Шарэршен тоже тут, где-то в гуще боя, наверное, один из самых преданных названным братьям подмастерьев. Старается, отрабатывает свободу.

Хедин ожидал, что быкоглавцы попытаются опрокинуть его полки; однако вместо этого рогатые воители вдруг вздумали резко выйти из боя — словно кто-то вовремя отдал им нужную команду. Стремительно разбившись на де-

сятки и пятёрки, огрызаясь арбалетными выстрелами, они отходили к совсем недавно ожившим зарослям, забросив щиты за спину и не боясь предстать перед противником трусами.

Познавший Тьму замер, сердито сдвинув брови.

Этого манёвра он не понимал. Да, быкоголовые понесли потери, но дух их не был сломлен, они сражались яростно и — Хедин готов был поклясться! — за миг до этого не помышляли об отступлении. Но кто-то очень быстро разобрался в происходящем и отдал единственно разумный приказ.

Чтобы справиться с подмастерьями, требуется куда больше двух десятков тысяч четвероруких силачей, пусть даже решительных, неустрашимых и свирепых.

Хедин едва удержался, чтобы не заорать: «Стойте! Вы куда?!»

Подмастерья не разрушили строй, не соблазнились истреблением бегущих. Вслед быкоглавым ударила магия, по-прежнему вырывая десятки из откатывающихся серых шеренг, но истребить всех чародейство не могло. Большинство рогатых воинов невредимыми достигли спасительного леса и растворились в его глубине.

* * *

Рыцари Прекрасной Дамы не нуждались в зажигательных речах перед боем, а во время сражения — в чьих-то командах. Сейчас они застыли, окружив диковинный чёрный шатёр, по воле Ракота Заступника заключивший в себя неведомых стрелков.

Бывший Владыка Мрака неспешно приблизился.

— Славные какие, — только и хмыкнул он, заведя рогатые головы, по четыре могучие ручищи и серую чешую брони, облегающей вздутые мышцы.

Пленники держались с истинным стоицизмом, очень быстро усвоив, что бросаться на чёрные стены совершенно бессмысленно. Десятка четыре, они со спокойным равнодушием уселись прямо на землю. Неподъёмная для людей тяга Зидды их, похоже, совершенно не волновала. Ни-

кто не бросил оружия, напротив, все держали наготове самострелы.

Ракот усмехнулся. Он любил подобные схватки.

Красный плащ соскользнул с широких плеч, клинок поудобнее лёг в ладонь. Названный брат Хедина дал рыцарям знак оставаться на месте и спокойно шагнул сквозь чёрную преграду — она не могла задержать собственного создателя.

Быкоголовые воины, как один, вскочили на ноги. Самый быстрый успел разрядить арбалет прямо в живот вражьему чародею.

Ракот проделал старый, но по-прежнему зрелищный трюк — клинком небрежно отшиб железный дрот в сторону.

— Кто хочет сразиться со мной по-честному, один на один? Свобода для всех вас, если одолеете меня!

Повелителю Тьмы, привыкшему отдавать приказы самым удивительным созданиям, не потребовалось много времени, чтобы освоить простой и грубоватый язык четвероуких воинов.

— Как же, «по-честному»! — вдруг рыкнул один из быкоголовых. — Эвон, стрелу отбил! Ты любого располосуеть, плюнуть не успеет!

Ракот усмехнулся.

— Замечательно, что поняли — оружием с нами не справиться, даже окажись вас тут в сто раз больше, — невозмутимо ответил он. — Тогда ответьте, кому вы служите, что охраняете в этих местах? Ответите — отпущу всех. Нет — живьём зарою под ближайшей пирамидой. И не думайте, — со зловещей ухмылкой добавил Ракот, — не думайте, что я дам вам умереть смертью истинных мужей. Нет. Забью во-подземь, но сами живы останетесь. До того мига, пока не рассыплется чёрным прахом само солнце этого мира. Ну, что скажете?..

Быкоголовые угрюмо молчали. Никто не бросился на неодолимого противника, даже в приступе отчаяния, и это было хорошо.

Ракот не очень рисковал — подобные народы-воины

почти всегда считают самым важным в своей жизни «правильную смерть», смерть в бою, «смерть воина». И куда страшнее пыток и боли для них угроза лишения посмертия, того, что они считают достойным себя.

— Змеи, — вдруг сказал быкоглавец, тот самый, что посмеялся над предложением «честного боя». — Змеи нам за то платят, чтобы мы всяких-разных к пирамидам не подпускали.

— Какие змеи? Опиши! — потребовал Ракот.

...Быкоголовый закончил, и стены призрачной темницы рассеялись. Рыцари вскинули было оружие, но рога-тые воители держали слово — прошли мимо недлинной цепочкой и потрусили к далёкому лесу.

— За мной, — Ракот махнул рукой в сторону пирамид. — Взглянем поближе на эти куличики.

* * *

...Отправиться в Мельин Хедину никак не удавалось. Быкоголовые рассыпались по окрестным лесам, но волновало Познавшего Тьму отнюдь не это. То здесь, то там вокруг его лагеря один за другим открывались новые порталы, и тот, кто творил их, явно знал своё дело. Уже не один, добрую дюжину миров соединяли с Кирддином пылающие призрачным огнём арки; и сквозь все те порталы двигались целые сонмы самых разных существ, не только быкоглавцев.

Можно было оставить Кирддин, никакая «осада» не удержала бы Познавшего Тьму и его подмастерьев, но как уйти, если, как кажется, можно в следующий миг ухватить за шкуру тех, кто устроил всё это безобразия?..

Скоординированность атак изумляла. Если это Дальние, то решающие сражения придётся устраивать в таком месте, где никакие порталы открыть в принципе невозможно и куда можно добраться только старым добрым способом — пешим порядком через Межреальность, совсем не так, как шло на штурм Авалона войско хединсейского тана.

Он не мог оставить Кирддин. Не мог бросить своих

подмастерьев — как оказалось, против *такого* вторжения им не устоять без его, Хедина, помощи. Он обязан был оставаться здесь и просто потому, что враги видели только его, и это давало гарпии с вампиршей лишние шансы.

А Мельин... в Мельин пришлось отправить подмогу во главе с Ульвейном.

Вестей ни от Гелерры, ни от Эйвилль по-прежнему не приходило.

Неужели он ошибся в вампирше?..

Нет, об этом и подумать невозможно.

Она *сделает* то, что от неё требуется. То, чего ждёт от неё он, Хедин.

Глава первая

вет в глазах Фесса померк, но сознания некромант не потерял. Правую руку оцарапали шипы на броне драконицы, под левую его подхватил Этлау. Магия вновь свободно текла сквозь них, заставляя кровь бодрее струиться по жилам.

В абсолютной тьме царил абсолютная же тишина. Ни звука, ни сто́на, словно последний удар Салладорца разом пресёк всю жизнь в подземной камере.

«Папа?» — мысленно окликнула его Рысь.

— Я в порядке, — отозвался некромант. — Ничего не вижу только.

Слева шевельнулся Этлау.

— Негаторы магии более не действуют, — кашлянув, проговорил инквизитор. — И, похоже, сударь мой Разрушитель, никого, кроме нас, в живых тоже не осталось.

— Эй, кто-нибудь! — вместо ответа гаркнул Фесс, вернее сказать, постарался гаркнуть.

Тишина.

Рыся осторожно выдула струйку драконьего пламени, смешно отставив нижнюю губу и враз сделавшись похожей на причудливый светильник где-нибудь во дворце Эргри или Арраса.

Подземелье оказалось пусто — ну, если не считать валившиеся на полу груды одежды и доспехи, скрывавшие полуистлевшие костяки. Этлау нагнулся, откинул задрывшуюся полу плаща — на него из-под шлемного наличья

взглянул нагой череп, словно из раскопанной древней могилы.

— Ай да Эвенгар, — покачал головой инквизитор. — Ай да Салладорец. Как же это наши смогли завалить его в тот раз?..

— Они его и не завалили, — отозвался некромант, опускаясь прямо на пол — ноги отказывались держать. — Это он сам так решил, похоже. Представил дело, как свою гибель, а в саркофаге лёжа думал, размышлял и планировал. Наверняка ещё и беседовал с Сущностью. Почти уверен, что всё это — Её план.

Инквизитор, вполголоса бормоча по привычке молитвы, стал обходить камеру, склоняясь над костяками, подающими первые признаки «жизни». О собственном «отступничестве» он, похоже, напрочь забыл.

— А вот почему мы-то уцелели, а, некромант? — спросил он, не поворачиваясь. — Что нас спасло? Не хочется верить, что мы и впрямь только и можем, что играть на руку этому чудищу...

— Кто это говорит «мы»? — хмыкнул Фесс. — Салладорец, когда говорил, упоминал только меня. Это я, по его мнению, сугубо предсказуем и не способен ни на что, могущее «удивить Эвенгара».

— Ты забыл, некромант, что мы уже довольно давно стоим спина к спине?

Фесс усмехнулся.

— Ну да, ну да, преподобный. Если бы не та комедия, что ты стал разыгрывать в самом начале...

— Какая такая комедия? — быстро и растерянно пробормотал инквизитор.

— Да вот такая. Заставить меня поверить, что ты действительно преследуем Святым Престолом.

— А, вот ты о чём... — вздохнул Этлау, завершая свой печальный обход. — Ну да, верно — мало у нас с тобой, Неясыть, теперь секретов друг от друга. Успел ухватить воспоминание-то. Догадался, молодец. Хотя я, собственно, и не сомневался.

— И я не сомневаюсь, что ты не сомневался...

Рысь фыркнула, выпустив целую струю пламени, окатившую потолок, и весьма выразительно уставилась на ссутулившегося инквизитора.

— Это была их идея, — виновато развёл руками Этлау. — Я, конечно, с себя вины не снимаю. Понтифику нужен был выход из Эвиала, ну, а мне... Вопросы мои шли от меня, а не от Курии, некромант. Надеюсь, хоть это-то ты понимаешь.

— Это-то я понимаю. А другого в толк не возьму — с кем ты, инквизитор? Мой путь ясен — я должен избыть Западную Тьму. А ты, чего ты хочешь, Этлау? На твой первый вопрос я ответил, если ты помнишь. Я нашёл Сущность в тебе, преподобный.

— Да, Сущность и Спасителя и ещё что-то третье, чему у нас пока нет ни слов, ни понятий, — кивнул Этлау. — Я помню, мэтр Лаэда.

— И что теперь, преподобный?

— Полагаю, — медленно проговорил Этлау, — я уже отвечал тебе.

— «Остановить Её», ты об этом?

— Именно. Но... не только. Я ведь усомнился и в Спасителе, верно? И я недаром вспоминал пророчества Пришествия. Не забыл, некромант?

— Разрушитель, Отступник и прорыв Тьмы.

— Похвально, похвально, ты слушал меня со вниманием... — Этлау скривился. — Никак не отвяжется эта дурацкая манера вещать, — пожаловался он. — Так вот, мэтр, нравится тебе или нет, но мы с тобой — это именно Разрушитель с Отступником. А прорыв Тьмы... разве то, что мы видели только что и что пережили, не есть оный прорыв?

— Не слишком ли громкие слова, Этлау? Это был всего лишь удар Салладорца...

— Удар, снёсший аркинские негаторы, а уж они, поверь, кое-чего стоят, — перебил инквизитор. — И я подозреваю, что на поверхности нас ожидает невесёлое зрелище.

— Недобитые птенцы, зомби Клешной?..

— Ты порой потрясающе наивен, Кэр. Хотел бы я то-

же так... Нет, мой добрый некромант, там, наверху — прорыв Тьмы. И, если ты не знаешь, что это такое, — очень советую тебе подготовиться. Не хотелось бы тебя лишний раз откачивать.

— А как же... мои друзья? — с заминкой выговорил некромант.

Этлау только вздохнул и развёл руками.

— Мы ничего не можем сделать.

Драконий огонь внезапно потух, мрак вновь задёрнул занавеси.

— Можем, всё мы можем, — прозвучал звонкий голос Рыси. — Их надо забрать отсюда. Я отнесу их на Пик Судеб, к Сфайрату. Если им суждено... уснуть навсегда, то Пик... это хорошее место. Чистое, если ты понимаешь, о чём я, папа.

Фесс понимал.

— Что ж, ничего не имею против, — развёл руками инквизитор. — Спрячь подальше Ключ, мэтр Лаэда.

— Не Ключ, Этлау, половину, только половину...

— Ничего, и её тоже придумаем, как к делу пристроить. Пропустите, я впереди пойду. Света не подкинешь, некромант?..

Не оглядываясь, они двинулись прочь из подземной камеры, разом превратившейся в погребальный покой. Фесс засветил небольшой огонёк, поплывший перед троицей. Рысь оставалась в человеческом облике.

— Прорыв Тьмы, прорыв Тьмы... — проворчал некромант, когда они поднимались по серпантину винтовых лестниц. — Не вижу никакого прорыва...

— Глянь сюда, Кэр.

Повинуясь команде Фесса, огненный шарик пролетел туда-сюда по длинному коридору; весь пол сплошным ковром покрывали мёртвые тела, вернее — всё те же прикрытые одеждой или латами костяки. И все они подергивались, шевелились, пытаясь дотянуться до проходящих мимо живых.

— Это ещё не прорыв, это оружие Салладорца, — упорствовал некромант. — И то сказать — почему Эвенгар уд-

рал? Почему не вернулся за второй половиной Ключа? Она ему не важна?..

— Думаю, — спокойно заметил Этлау, — даже он не дерзнёт сунуться *извне* в то место, где прорвалась Тьма.

— А как же мы?

— Нам легче, мэтр, мы — непонятно почему — уцелели в самом сердце шторма.

— Вот это мне особенно интересно, — буркнул Фесс. — Нас-то что спасло?..

— Ну, если принять, что ты — Разрушитель, а я — Отступник...

— Опять ты за своё, преподобный. А Рысь как же? Или, может, это её надо в «прорыв Тьмы» записать?

— Всё шутишь, Кэр.

— Дела такие — или смеяться, или плакать...

— Это была чистая Тьма. Чистая, изначальная. Она сметёт любые барьеры и заклатья, но спасует перед чистым же Светом. А твоя дочка — Свет, — с необычной интонацией закончил Этлау. — Она — настоящий дракон, каким ему и следует быть. «Архетип», как сказали бы наши вивлиофики. Тьма для неё — ничто, просто темнота, повод поспать, быть может. Даже если эта тьма сокрушает аркинские негаторы магии.

— Драконы не неуязвимы. Я знаю, — возразил Фесс. — Видел сам, ещё под Скавеллом.

— Я и не говорю, что все драконы такие, — неожиданно согласился инквизитор. — Другого... или другую... размало бы в той камере по стенке, и не помогла бы никакая броня. Это Рысь. Твоя дочка. Наверное, другой у тебя и быть не могло, мэтр.

— Что-то ты стал вещать, преподобный, точно... — Фесс замаялся. — Откуда ты всё это знаешь? О драконах, о Свете, о Тьме... о Рыське, наконец!

— Всё просто — ты отлично поработал, Кэр, когда показал мне мою сущность. Словно по голове пудовым молотом, но зато выковалось что-то новое.

— Жаль только, не ушло ничего из старого, — подала голос Рысь.

— Мне тоже, — кивнул инквизитор. — Но кто знает, вдруг пригодится? Там, на последнем берегу?

— До последнего берега ещё дотянуть нужно. Скажи лучше, преподобный... — Некромант вовремя прикусил язык. Потому что Рысе этот вопрос слышать совершенно не полагалось. Ведь если на неё, по словам Этлау, не подействовала «чистая Тьма» — то что случится, если драконица столкнётся с Сущностью?

«Ничего не случится, — беззвучно ответила негодная девочка. — Прости, папа. Я... подслушивала. Но Сущность — это ведь не Тьма, верно? Мы это знаем, и ты и я. Она лишь использует Тьму, просто как оружие. Ты ведь тоже понимаешь это, папа. Так что не бойся. Я не брошусь на неё очертя голову и не постараюсь «красиво умереть». Это будет просто бессмысленно, от летящего камня Она и то претерпит больше урона...»

Она права, подумал Фесс. Сущность — не Тьма. Хотя... Этлау утверждает, что Салладорец использовал эту самую «изначальную Тьму» — но как вышло, что я ничего не почувствовал? В конце концов, взывать к Тёмной Шестёрке приходилось не раз и не два. Они — вот настоящая Тьма этого мира. Её отражения, преображения, не злые и не добрые, а если и злые или добрые — так злостью или добротой самой многоорождающей и многоразящей Природы, где смерть даёт начало жизни, а жизнь — смерти.

Но ничего подобного здесь, в оставшемся позади подземелье, не было. Или Шестеро — это тоже не «чистая Тьма»?

Катакомбы Аркина встречали их жуткой, гулкой пустотой. Да ещё иссохшими костяками, словно те пролежали невесть сколько времени в самом сердце салладорской пустыни. Эвенгар не экономил силы и не рисковал необходимостью повторных атак.

Но... если он уничтожил всех и вся в подземельях... что случилось с зависшими, по словам того же Этлау, «меж смертью и жизнью»? Что с гномом, орком и полуэльфийкой?..

В секретной камере ничего не изменилось. Во всяком

случае, на первый взгляд. Те же три неподвижных тела, разве что у гнома вроде б руки были сложены чуть по-иному, или это Фесса уже подводит память?

Этлау заскрипел зубами, но решительно подхватил на плечо Прадда; невеликий ростом инквизитор почти исчез под массивным телом орка; зеленокожие руки почти что волочились по полу. Фесс сделал было движение к Рыси, но его опередила драконица, легко вскинувшая на руки неподвижную полуэльфийку, так что некроманту достался гном.

— Ничего, выберемся отсюда, перекинусь, всех потащу, — пообещала Аэсоннэ, видя изнемогающего инквизитора.

...Выбирались из подземелий они долго, несколько раз устраивая привалы. Преподобный отец-эзекутор по-прежнему твердил о «прорыве Тьмы» и об «исполнении пророчества»; Фесс, однако, слушал вполуха. Он едва мог оторвать взгляд от Рыси-первой, от бессильно свесившихся рук, мотающейся головы; нетронутая тлением, полуэльфийка и впрямь «казалась спящей», как любят говорить сказители.

— Утро наступает, — отдуваясь, заметил Этлау, когда они наконец очутились на поверхности.

— Какое ещё утро? — вокруг Фесса царила сплошная тьма. Где-то вдалеке полыхали пожары, но так — ночь как ночь.

— Он прав, папа, — Рыся аккуратно опустила свою ношу на камни двора. — Сейчас утро, но рассвет не настёт. Тьма прорвалась.

Аэсоннэ произнесла всё это с нечеловеческим спокойствием и достоинством — как и положено гордой дочери великого племени драконов.

— Не вижу ничего страшного, — проворчал некромант.

— Не видишь? — зловеще прошипел инквизитор. — А ты глянь повнимательнее, туда, к воротам!

...В толстых стенах Курии испокон веку хоронили её отличившихся слуг. Выдалбливалась неглубокая ниша, замотанное погребальным саваном тело вкатывалось туда и

замуровывалось. Поверх водружали мраморную плиту с соответствующей эпитафией; сейчас эти плиты, истёртые ветрами времени, с треском лопались, звонкий дождь мраморных брызг барабанил по гранитным плитам двора; из раскрывающихся могил один за другим выбирались скелеты, таща за собой полуистлевшие грязные тряпки погребальных холстин.

— Неупокоенные. В самом сердце Аркина, где нас всегда защищала Святая магия, — хладнокровно проговорил инквизитор. — Могли подняться все остальные погосты, но только не этот. А уж что делается сейчас в крипте кафедрального собора...

— Все архипрелаты собираются вместе, — хихикнула Рысь. Дерзкую драконицу, казалось, уже ничто не могло испугать.

— Ну, лезут мертвяки, ну и что? — не уступал некромант. — Неупокоенность я чувствую, не без того, но кроме неё — ничего. И этот самый «прорыв Тьмы» — он только здесь, или по всему Эвиалу?

— Пока только здесь, — отозвался Этлау. — И пока это только неупокоенные. А очень скоро повалят всякие твари и тварюшки... навроде тех, что славно погуляли в Эгесте после твоего туда визита, мэтр Лаэда. А потом... авторы «Анналов Тьмы» напридумывали ещё немало, но я бы не стал обращать внимание на плоды их воображения.

— Они вообще ничего не предсказали? — невинным голоском осведомилась Рыся, не сводя взгляда со скелетов, неуклюже барахтающихся среди мраморных обломков.

— Ну почему же... В том, что первой стадией прорыва Тьмы станет разупокаивание даже самых надёжно укрытых погостов, соглашаются все до единого толкователи.

— Папа, в Эгесте ты же смог отразить Сущность, да, папа?

Некромант ответил не сразу.

— Да, дочка, смог. Хотя... не уверен, что я Её именно «отразил», скорее Она отступила сама...

— Потому что поняла, что ты — на правильном пу-

ти, — подхватил Этлау. — На пути к воплощению Разрушителя. И совершенно неважно, что ты сам для себя отверг эту роль. Иногда действительно все наши поступки оказываются во вред, — он начал было поднимать палец, досадливо сжал кулаки, оборвав движение.

— Я не Разрушитель. И ты это знаешь, инквизитор.

— Ты *думаешь*, что ты не Разрушитель, — мягко поправил его Этлау. — Я лишь вновь и вновь удивляюсь Её хитрости. Она предусмотрела всё, и даже возможность того, что Её избранник попытается уйти от своей участи, восстанет против Нее, но всё равно, водоворот понесёт его к одной-единственной точке, в которой... всё и решится.

— Думаю, что задерживаться тут не стоит, — спокойно заметила Рысь, кивая на неупокоенных. Скелеты тем временем сумели разобраться, что к чему, и молчаливым строем двинулись к застывшему некроманту и его спутникам.

Мгновение — и вместо жемчужноволосой девушки-подростка появился могучий дракон. Гибкая шея изогнулась, голова выразительно кивнула на неподвижные тела.

Аркинские негаторы более не действовали, Рысь, Праща и Сугутора на драконьей спине удерживало чародейство. Фесс и Этлау взгромоздились следом, и Аэсоннэ, с некоторым усилием взмахнув крыльями, оторвалась от земли, пусть для этого ей и пришлось пробежаться по двору, словно дикой гусыне.

Неупокоенные проводили их равнодушными взглядами.

От великого города, где вздымались шпили бесчисленных соборов, где тянулись длинные торговые улицы, где некогда бросали якорь корабли со всего света — не осталось почти ничего. Кое-где догорали пожары — их некому стало тушить; среди развалин, точно муравьи, копошились фигурки в ало-зелёном: остатки армии Клешной смогли овладеть руинами Аркина.

— Где поури?! Где птенцы? — вырвалось у некроманта.

«Поури в полном порядке. Птенцам, боюсь, крепко не поздоровилось, многие так и вовсе ушли, — отозвалась драко-

ница. — *Я велела карликам убираться из Аркина как можно быстрее. Надеюсь, большинство успело — это полезные слуги.*

Вокруг по-прежнему царила темнота — беззвёздная и безлунная. Небо казалось задёрнутым сплошной непроглядной завесой, даже не облаками, живыми, несущими в себе дождь.

— Многие ушли, — вслух повторил Фесс. — А город-то стоит...

— Ты о чём, некромант?

— Птенцы Салладорца «сливались с Тьмой», пока дрались в городе. Наверное, когда иссякала заёмная сила Эвенгара, птенцы уходили. Но Аркин остался. Никакого сравнения с тем же Арвестом!

— Да уж, — поёжился инквизитор. — Арвест. Бррр... до сих пор дрожу. Неприятное это занятие — умирать, доложу я тебе, сударь мой Неясыть... Прости, отвлёкся. В общем, что-то тут не то. Тогда на весь город одной Атлики хватило.

Фесс помолчал, вспоминая. Да, Атлика... инквизитор прав, что-то с тобой и впрямь не то. Притащила трактат Салладорца. Откуда взяла, спрашивается?

— Этлау, а святые братья вообще часто ловили кого-то на этот самый «Трактат о сущности инобытия»? Ну, из-за меченых рун?

— Понимаю, о чём ты, — задумался Этлау. — Нет, не часто. За последние пятьдесят лет — и вовсе никого.

— А ведь Атлика орудовала в Ордосе, — напомнил некромант. — Потом появилась в Арвесте, уже с трактатом. Стёрла город с лица земли... и исчезла. Другие птенцы вон, тоже уходили... хотя что я Аркин поминаю, когда Салладорец воскресал, один из его последышей отправился к своей любимой Тьме — и ничего. Только саркофаг раскололся.

— Ты хочешь сказать, что Атлика — не та, за кого себя выдавала?

— Подозреваю, — буркнул Фесс. — Что-то слишком уж много тут совпадений.

— А какой смысл уничтожить Арвест, если не отбить

вторжение Клешной? — возразил инквизитор, однако Фесс не ответил — смотрел вниз, на окутанные серой хмарью руины Святого города. Пожары угасали сами собой, словно чистое пламя, пусть даже и разрушительное, не способно было гореть в заполнившемся туманом воздухе. Инквизитор заметил, куда смотрит Фесс, взглянул тоже, передёрнулся.

— В Аркине не осталось никого живого, — хрипло проговорил Этлау. — Тьма растекается окрест. Вскоре, как утверждают «Анналы», она должна остановиться... но потом отсюда начнётся Её последний поход.

— Будет тебе, накаркаешь, — буркнул некромант.

— Куда уж тут каркать... смотри, мэтр, наступает твоё время. Я помогу всем, чем только смогу, — нет больше ни Курии, ни понтифика, ни мастеров Святой Магии... ничего нет. Только мы с тобой.

— Ордос. Волшебный Двор...

— Надо б освободить Мегану, — слабо усмехнулся инквизитор. — На её месте я б, наверное, поступил точно так же. Отступник не имеет права жить — однако ж мы с тобой живём, и Салладорец, получается, выступил на нашей стороне, дал нам свободу...

— Нашу свободу мы взяли сами, — отрезал Фесс.

— Будет тебе, будет... пустые это словеса, Кэр. Не знаю, во что превратится Аркин под пологом Тьмы, но, боюсь, это место проклято уже навсегда. Церкви Спасителя уже не подняться... если только Он сам не соизволит спуститься в Эвиал.

В отдалении тёмный западный горизонт пересекла огнистая черта. Затем мелькнула ещё одна, уже на севере.

— Всё падают и падают... — проворчал Этлау. — А что это падает — ума не приложу. Сроду у нас ничего подобного не случалось, и в хрониках ничего не вычитаешь...

Ну да, закрытый мир, мельком подумал Фесс. Что на самом деле может тут падать?..

«Поури останутся тут, неподалёку, — услышал некромант. — На всякий случай».

— А наши зомби?

«Папа, — усмешка в голосе драконицы была едва заметна, — они уже не наши. С того самого мгновения, как Салладорец нанёс удар, и Аркин... изменился. У них теперь новая хозяйка».

И вновь ты права, Аэсоннэ. Что ж это со мной? Не чувствую простейших вещей, азбучных, как говорится. Конечно, Сущность, мать и исток всей неупокоенности, уже их перехватила. Плохо, но по сравнению со случившимся...

Вокруг Аркина странная темнота растекалась вширь, и весна умирала. Власть брало серое безвременье, сильно и неприятно похожее на вечный сон, который уже не закончится очередным пробуждением. Леса застыли неподвижные, облетевшие, и ветер не шевелил нагих ветвей — ветры тоже умерли, всякое движение в воздухе и на земле пресеклось. Реки держались лучше и дольше. Текучая вода вообще одно из надёжных средств от неупокоенности. Одиночный мертвяк может и не перейти простого ручья, если, конечно, это обычный труп, сам выкопавшийся из земли, а не поднятый силой некроманта — иначе зомби Фесса никогда не вошли бы в реку, схватившись в пригнопамятном бою с птенцами Салладорца.

...Но сейчас сдавались и реки. Русла застывали, словно в них струилась не лёгкая вода, а тяжёлая глинистая взвесь; поверхность сделалась неправдоподобно ровной, гладкой, словно зеркало, только, в отличие от настоящих зеркал, в этих ничего не отражалось — даже оцепеневших деревьев, что застыли над поражёнными немощью протоками. Хорошо, что деревни опустели, ещё когда армия Фесса только приближалась к Святому городу; некромант от всей души надеялся, что Сущность соберёт здесь невеликую жатву.

А потом в единый миг всё изменилось — Аэсоннэ пробила завесу распространяющегося сумрака. И внизу вновь зазеленело — весна пришла в аркинские пределы, ранняя и дружная. Шёл Месяц Воды, уже наступила его середина, и здесь, на границе Святой Области и Эгеста, снега давно отступили, а чёрные ветви в очередной, бессчётный раз

выбросили готовое к бою воинство лопающихся почек, бьющих в небосвод зелёными оголовками.

— Благодать, — выдохнул Этлау. — Словно и нет никакой тебе Тьмы...

— Благодать, — согласился некромант. — Однако... не дает мне покоя эта Атлика.

— Мне тоже, — признался инквизитор. — Но... если она служит, скажем, тому же Салладорцу, то зачем отражать нападение Клешной, пусть даже и такой ценой?

— Другая у неё была миссия. — Фесс старался вспомнить сейчас мельчайшие подробности. — Клешни отбить — так, побочное, но полезное.

— Гм, полезное... тебя, некромант, определить в Разрушители.

— Быть может. Уж слишком настойчиво она мне подсовывала тот трактат.

— Значит, она служила Западной Тьме?

— Едва ли. Клешни ведь тоже с Её руки кормятся.

Инквизитор раздражённо хрустнул пальцами.

— Но она ведь не из магов!

«А кто ж её теперь-то знает, — подумал Фесс. — Не из магов Долины, верно. И... я слишком привык думать, что, кроме нас, второй такой общины чародеев нет и не было. А что, если я ошибаюсь? Если действуют тут, в Эвиале, какие-то ещё сущности, мне неведомые? Может, они и Эвенгара сподвигли на его дела? Мне-то в Ордосе словом не с кем было перемолвиться, а Салладорец — школу создал. Набрал последователей. Написал трактат... стоп, а как он его размножил? Это ж какой труд нужен! Писцы, опытные переписчики... откуда им взяться? Кто тогда был грамотен, кто до такой степени разбирался в рунах, чтобы всё скопировать правильно? Тут ведь штрих на полволоса сдвинешь, как говаривал Парри, и всё, нету заклинания!

Тьма и Свет, как я не замечал этого раньше? *Кто же помогал Салладорцу в самом начале?!*

Откуда взялись последователи, эти самые птенцы? Он что, выходил на площади и проповедовал? Конечно, Академия — самое свободное место во всём Старом Свете, но

такого не потерпел бы ни один ректор. Быть может, к Эвенгару и впрямь отнеслись со снисхождением, всё-таки свой; недаром ведь гонялась-то за ним Инквизиция, а не Белый Совет. Но всё равно — так просто набрать учеников у него бы не вышло. Или вышло бы, но за долгие годы — тайные общества, тройки, пятёрки, где рядовые знают только своего набольшего; а тут за считанные месяцы — целая школа, верные аколиты, ячейки по всему Эбину, Семиградью, Эгесту, Мекампу! Как там говорил Дазнур, если не врал, конечно же: «Трактат «О сущности инобытия» он написал за три месяца. Я не знаю, как ему это удалось. Он не ел, не пил и не спал. И не пользовался никакими источниками, не списывал ничего у древних. Он просто ставил опыты. С Тьмой. И, разумеется, ставил он их над самым собой».

Х-ха, опыты он ставил.

Ему же просто продиктовали этот трактат.

Нет, погоди, это ты уже завидуешь. Не продиктовали, конечно же. Но что *помогли* — это почти наверняка.

Кто помог? Сущность? Возможно... Тогда Атлика — тоже из числа Её избранных слуг? Нет, не сходится. Тогда она бы и пальцем не тронула ворвавшихся в Арвест. Или... тронула бы? Иногда мне кажется, что Сущность — не единая. Порой Она словно сама с собою борется... Или тут всё ещё сложнее? И в Эвиале сошлись какие-то иные, мне совершенно неведомые игроки, просто использующие то, что подвернётся?..»

Руки сами сжались в кулаки, некроманта затрясло.

«Ты видел только то, что хотел видеть. Весёлую девчонку, быть может — подружку, потом — фанатичную последовательницу Эвенгара. Ты всегда относился к фанатикам с пренебрежением, их ограниченность, их слепота только поддерживали твои «широту познаний» и «открытость взгляда». И не замечал очевидного! Что Атлика появлялась исключительно там, где надо и когда надо; что она, именно она стала причиной твоей кровавой распри с Инквизицией; она подсунула тебе Трактат и настойчиво склоняла «почитать» его; а потом просто уничтожила Ар-

вест, словно показывая тебе пределы своей силы, и исчезла. Верить своим глазам в таких случаях нельзя — Атлике, если она маг, ничего не стоило навести сложную иллюзию, а самой скрыться — хотя бы по тем же «тонким путям», о которых говорил Сфайрат. Так что это, маски? Стоп, обряд в катакомбах, Атлика и Маски — они заодно? Слишком мало ты ещё знаешь, братец Кэр, о тех, кто действительно играет в Эвиале. Пешка ты, как ни крути, хоть и рвущаяся к краю поля...»

— Что-то надумалось, Неясыть? — осведомился Этлау, не нарушавший размышлений некроманта.

— Только то, что с Атликой не всё так просто, — честно признался некромант. — Но вот с кем она, за кого стоит — не знаю.

«Если я её встречу, то, ручаюсь, папа, ты это узнаешь», — посулила Рысь-Аэсоннэ, даже и не подумав извиниться за то, что опять подслушивала его мысли.

— Только на то и надеюсь, — буркнул Фесс, решивший махнуть рукой на дурные манеры несносной драконицы. — Что б мы без тебя делали...

...Рыся мчалась, и воздух стонал под её широкими крыльями. Слева — Нарн, справа — Вечный лес, а прямо под ними — многострадальный Эгест. Где-то там безымянная деревушка, где он, Фесс, встретил Рысь-первую, чьё бездыханное тело чуть покачивается сейчас на могучей драконьей спине.

«Круг завершается», — подумал некромант. Вернее, петля, наверное, самая широкая из всех, пройденных здесь, в Эвиале. Северный Клык, башня старика Парри — степи Замекампыа — Мекамп — Ордос; так завершилась первая. Ордос — Арвест — Большие Комары и другие окрестности ещё живого города — вторжение Клешной, удар Атлики и его собственное бегство; закончилась вторая петля. Нарн — Эгест — Вечный лес — Пик Судеб и конец третьей петли; четвёртая повела его далеко на юг, в Салладор и Кинт Ближний, закончившись в Скавелле, в тот миг, когда странная девчонка с исполинским чёрным мечом, тоже непонятно, кто такая, явно не местная, не из Ордоса, прервала

его нелепый бой против Клары Хюммель; пятая петля легла через Чёрную башню, вырвалась из её пылающих руин, вновь метнулась к Пику Судеб, а затем вторично устремилась на полдень, словно норовя провести некроманта по всем памятным ему местам — будто бы стараясь что-то втолковать.

Он не внял немоу совету. Вновь и вновь он слепо лез вперёд, точно муравей на стеклянную стенку. Уже лишившись Мечей, он всё равно не отворачивал. Это что, смелость, упорство, или глупость? Слишком много упущенных шансов. Слишком мало настоящих удач; одни потери. Лишь одно обретение — Азсоннэ, дочка.

Что дальше? Пик Судеб, оставить там мёртвых (всё-таки мёртвых, не обманывая себя, некромант!) — и что делать потом? С половиной Аркинского Ключа, бежавшим со второй половиной Салладорцем и Сущностью, растекающейся над руинами Аркина? «Семеро против Фив», порой говаривала Клара, принеся это изречение из какого-то далёкого мира.

И неужто Сущность предусмотрела даже такой поворот, неужто Она обращает его в Разрушителя против его воли, несмотря на его единственное и жгучее желание — покончить с Нею самой? Или Она настолько выше человеческих страстей? Настолько привыкла использовать людей как инструмент? Где он сможет остановиться и дать отпор? Где?..

И сколько у него осталось времени? Будет ли мрак растекаться из развалин Святого Города и дальше или же остановится?

Салладорец. Что-то с тобой не так. Явно не так. Выспренность речи, драматические появления... или это тоже часть плана?

Фесс забыл о свистящем вокруг ветре, о несущейся внизу земле. Что-то очень важное оказалось совсем близко, надо лишь выстроить события в правильную цепочку и дать им верное толкование.

А потом всё вдруг встало на свои места. Да так, что он,

сам несколько опешив от этого, смог отстраниться от мыслей об Эвенгаре и вспомнить Сфайрата.

Сфайрат... посмотрим, как ты станешь выкручиваться на этот раз. Драконам больше не остаться в стороне и не отделаться одним рейдом, как это случилось в Скавелле. Нет, им придётся вылезти из уютных пещерок, со внезапной злобой подумал некромант. И тогда...

На миг он представил себе это — восьмёрку драконов во главе со Сфайратом и себя самого, верхом на жемчужной Аэсоннэ, клином несущихся прямо на стену абсолютного мрака, перегородившего Эвиал от земли до самых небесных сфер, знающих, что это их последний полёт, и...

Тьфу, какая глупость. «Последний полёт». «Красивая смерть». Смерть красивой не бывает, можно умереть с толком или же без оного. Кэр Лаэда привык думать, что его отец погиб именно с толком — хотя последнее время некроманта всё больше одолевали сомнения. Те видения с отцом, что посещали его, — пришли из глубины собственной памяти некроманта? Или же это на самом деле весточка, поданная из Серых Пределов?..

Однако бесконечная ночь, вместившая в себя столько разных событий, всё-таки уступала место утру. Солнце поднялось над Вечным лесом, разящие лучи устремились на затенённый запад, и ночные тени обратились в поспешное бегство — всюду, кроме Святого города. Сотканный из мрака щит играючи отразил натиск светлого воинства.

Фесс оглянулся. Чудовищная сфера вытягивалась вверх, но, по крайней мере на глаз, не расширялась. Сперва сумеречно-серый, она заметно почернела, и если раньше сквозь пелену можно было различить уцелевшие шпили Аркина, то теперь там царила одна сплошная темень.

— Наверное, так же выглядит и Сущность... — Этлау тоже поминутно оглядывался.

— Нет, не так, — отозвался некромант. — Сущность — это настоящая чернота. Не Тьма, нет — просто отсутствие всего, в том числе и света.

«А вот эту самую Тьму нельзя столкнуть с Сущностью?» — подала голос драконица.

— Знать бы, как... — вздохнул Фесс.

И в самом деле, как?

На горизонте неколебимой крепостью, несокрушимой твердыней вырастал Пик Судеб, и невольню Фесс подумал, что здесь им и предстоит, наверное, настоящий «последний бой» — просто потому, что они не смогут ни сдаться, ни покончить с собой; так и будут отходить, пока спины не упрутся в холодный камень скалы.

Проносясь над Эгестом, Аэсоннэ не таилась, и люди внизу разбегались в панике, едва заведя в небе жемчужнокрылого дракона. Большинство бросались к храмам Спасителя; небось решили, что настал конец света, спешат помолиться в последний раз, попросить Его о снисхождении...

День вступил в полную силу, когда выбившаяся из сил Рыся опустилась среди горных отрогов. Впереди зияла пещера — драконице не требовалось карты, чтобы отыскать проход, ведущий к Кристаллу Магии.

А в проёме застыла человеческая фигура в полном доспехе; чуть покачивались перья кричаще-пышного плюмажа.

Сфайрат в очередной раз показал, что умеет предугадывать события. Он ждал их.

— Словно и не расставались, некромант.

— И тебе тоже привет, о многомудрый Сфайрат.

— Я смотрю, ты решил помириться со Святой Инквизицией? — усмехнулся дракон.

— Не с инквизицией. Только с одним из них.

— С Отступником, если быть точным, — вежливо поклонился Этлау.

— С Отступником... ох уж мне эти человеческие выдумки, — покачал головой Сфайрат. — Идёмте внутрь. Что ты хочешь сделать с этими телами, Фесс? А, понимаю — похоронить глубоко и надёжно, чтобы никто не осквернил их могилы? На этот счёт не сомневайся, я покажу тебе подходящее место...

Стиснувшиеся было кулаки некроманта разжались са-

ми собой. Сфайрат не смеялся. Достойное погребение считалось очень важным у драконов — достаточно вспомнить галерею бывших Хранителей в глубине Пика Судеб. И сейчас ядовитый, язвительный дракон был искренен, он на самом деле решил, что Фесс совершил хоть один по-настоящему верный поступок — привёз сюда своих погибших друзей, чтобы с честью предать их земле.

— Да простит меня многомудрый Сфайрат, но Святая Инквизиция считает, что эти трое несчастных живы.

Дракон не удостоил отца-эзекутора ответом.

Прибывшие осторожно опустили тела орка, гнома и полуэльфийки на каменные лежа в глубине одного из боковых коридоров. Отец Этлау в благоговении застыл перед Кристаллом; в отличие от Фесса он не мог заметить, что сам волшебный камень светится теперь не так ярко, а поверхность его покрылась сероватым налётом, словно бы паутиной.

— Когда ты хочешь устроить погребение, некромант?

— Я... взгляни на них сам, о мудрый дракон, разве они кажутся тебе мёртвыми? Прошло много месяцев с того дня, как... как они получили свои раны. Разве труп может сохраниться так долго?

— И это говорит мне ученик Дазнура? — поморщился дракон. — Из того, что *ты* не заметил наложенных заклятий, не следует, что их там вовсе нет.

— А они есть? — набычился отец Этлау, словно болев за доброе имя святых братьев. — Ты, некромант, вот что... не заваливай наглухо выход, ну к ним, туда.

— Инквизитор. — Сфайрат впервые взглянул тому прямо в глаза, и Этлау, не выдержав, поспешно отвёл взгляд. — Я позволил тебе спуститься сюда, потому что всем нам осталось уже совсем немного. Но не испытывай моего терпения и не заставляй меня сделать твой земной путь ещё короче!

— Я не думаю, что нам «осталось совсем немного», — решительно проговорил Фесс. — Мы пришли сюда с мыслями не о смерти, а о жизни, да простится мне эта патети-

ка, многомудрый. Сущность прорвалась в Аркине, а Салладорец...

— Унёс вторую половину Аркинского Ключа, я знаю, — кивнул дракон. — Возмущения сил оказались такими, что мой кристалл отражал всё это, словно в зеркале.

— Другая половина у меня, — негромко произнёс некромант, разжимая пальцы.

Кристалл Магии полыхнул яростным, несдерживаемым пламенем; серую паутину с его боков словно слизнул огонь. Сфайрат вскрикнул и отшатнулся, закрываясь локтём; Рыся не устояла на ногах, а Этлау и вовсе шваркнуло об стену.

— Ключ... — просипел дракон, медленно отводя руку и сильно щурясь. Смотреть впрямую на артефакт он не держал.

— Половина Ключа, — вновь поправил его Фесс. — Вторая осталась у Салладорца.

— Никогда не думал, что человеческие руки смогут создать нечто подобное, — со вздохом признался Сфайрат, по-прежнему искоса глядя на чёрные, опоясанные огнём кубики в ладони Фесса.

— Человеческие ли? — проворчал Этлау, с трудом вставая. — Откуда это взялось в Аркине? Кто его смастерил? Первые понтифики? Не смешите меня. Они и ночной вазы не смогли бы измыслить.

— Странные то речи в устах носящего рясу, — с холодной насмешкой заметил Сфайрат.

— Я — Отступник, — гордо выпрямился Этлау. — Я более не в лоне Святой Матери.

— И ты считаешь, это твоя заслуга? — хмыкнул дракон.

— Нет, не моя. Но я надеюсь сыграть несколько иную роль, чем мне навязывают «Анналы Тьмы».

— А почему, собственно говоря? — вдруг заинтересовался Сфайрат.

— Я разуверился в Спасителе, — слова эти дались Этлау с явным трудом. — Я ношу в себе Тьму, и... и что-то ещё. Я лишь пешка. И мне не нравится то, что *они*, дви-

гающие меня с клетки на клетку, хотят сделать со мной, когда я пройду до конца. И со мной, и с миром.

— Ты решил, что Спаситель — не благ? — продолжал спрашивать дракон.

— Не благ, — кивнул Этлау. — Я метался, я сомневался... молился тоже... а вот сейчас, стоя перед тобой, о мудрый дракон, я не нахожу в себе сомнений. Я обречён был умереть на улицах Арвеста, умереть честной смертью... а вместо этого стал куклой того же Спасителя.

— Многие верные чада Святой Церкви сочли бы эту участь за величайшее счастье, — многозначительно заметил Сфайрат.

— Верно. Сочли бы, — кивнул инквизитор. — И я сам бы счёл ещё совсем недавно. Но... бывает, что у куклы открываются нарисованные глаза. Я был *там*, дракон, я видел *это*, я смотрел за грань... там нет ничего, о чём говорит Священное Писание. Нет никакого посмертия, дракон. Нет ни милостей, ни кары. Нет воздаяния. Есть лишь утроба. *Его* утроба. И... я не хочу туда. Лучше уж погаснуть, точно догоревшая свеча, чем терпеть такое.

Фесс невольно поёжился — воспоминания инквизитора вдруг вспыхнули в его сознании.

— Нам легче — Спаситель не имеет власти над родом драконов, — проговорил Сфайрат, но как-то не очень уверенно.

— Не в этом дело, — досадливо бросил некромант. — Какая разница — имеет, не имеет... Сфайрат! Сущность прорвалась в Аркине и, наверное, вскоре одолеет последнюю преграду. Салладорец...

— Но у тебя — половина Ключа, — перебил дракон, — Эвенгар, бесспорно, силен и способен на многое, но... Разве это его не остановит? То, что артефакт разят на двое? Хотя, судя по мощи того, что ты сейчас в руках держишь, может, и ему хватит... не знаю, не могу понять, — Сфайрат раздражённо хрустнул пальцами. — А вообще — расскажите мне во всех подробностях всё с самого начала.

Появившаяся вскоре Эйтери пожала некроманту руку и нежно обняла Рысю.

— Рада видеть тебя целым и невредимым, Фесс. Кажется, руки-ноги на месте? В моих услугах не нуждаешься?

— Не нуждаюсь, Сотворяющая. Разве что вот это... — и он показал изрезанную ладонь.

— Ох ты... — враз посерьёзнела гнома. — Чем посёкто? Чем-то ведь очень непростым...

— Да вот этим, — на левой ладони Фесса возник шестигранник из Чёрной башни.

— Ой! — вздрогнула Эйтери, так же как и Сфайрат закрываясь сгибом локтя. — У-убери. Пожалуйста...

— Исток, — проговорил Сфайрат, осторожно заглядывая через плечо некроманту. — Ты носишь с собой самый настоящий исток.

— Исток чего?

— Чёрной башни, как нетрудно понять. Ты можешь возвести её где угодно и когда угодно — вот только не думаю, что у тебя осталось время этим воспользоваться.

— Воспользоваться-то он, наверное, может, а вот сколько это продлится... — зябко поёжилась Сотворяющая. — Поставить-то можно, но потом...

— Времени у нас нет, — кивнул дракон. — Но штука, бесспорно, могущественная. Значит, говоришь, при её помощи смог набросить Смертную Сеть?

— Ты неправ, Сфайрат. Строить Чёрную башню вовсе не обязательно. Она всегда со мной, всегда. И я в любой миг могу войти в неё. Время для меня остановится... наверное.

Дракон, Этлау и гнома слушали его, округлив глаза.

— Твоя собственная Чёрная башня... ну да, ну да. Непременный атрибут Разрушителя, хотя напрямую «Анналы Тьмы» об этом и не говорят...

Гнома метнула на инквизитора подозрительный взгляд — как-никак не так давно разбрызгивала на главной площади Аркина свои эликсиры, вытаскивая некроманта с пыточного эшафота.

— Не знаю, можно ли пускать такое в ход...

— Боюсь, выбора у нас уже не осталось, — заметил Сфайрат. — В Кристалле сейчас — настоящая буря. Броня

вокруг Эвиала истончилась. Он... открывается, если ты понимаешь, о чём я, Фесс. Новые сущности вторгаются в него, совершенно чуждые всему здешнему, самой природе нашего мира. Я не знаю, кто они, не знаю, зачем они здесь и почему. И... Кристалл трепещет так, словно чувствует сдвиг и смещение всей магии Эвиала и окрестностей. Не смотри на меня с таким ужасом, Эйтери, страх обессиливает. А вот что вызывает эти сдвиги и смещения, я боюсь даже думать.

— Спаситель, — с мрачной торжественностью провозгласил инквизитор. — Он идёт. Пророчества исполняются. Разрушитель, Отступник, прорыв Тьмы — всё в наличии.

— Интересно, — ледяным тоном поинтересовался дракон, — что, если я сейчас испепелю тебя, «Отступник», а прах развею над Пиком Судеб? Что тогда случится с пророчествами?

— Ровным счётом ничего, — прежним тоном отозвался Этлау. — Пророчества — это просто запоры. Отодвинул их, распахнул створки — и больше о них уже никто не вспомнит. Так и здесь. Мы нужны, чтобы мир оказался в смертельной опасности. Чтобы все храмы — битком, чтобы стон и плач, чтобы общий крик — «прииди, прииди!»... А Ему только того и надо.

— Если Он настолько могущественен — зачем какие-то условности, пророчества и прочая ерунда? — тихо проговорила Эйтери. — Просто войти в мир и взять его, как добычу...

— Метафизика учит нас, что беспредельных, ничем не ограниченных Сил нет и быть не может, — Фесс припомнил уроки, затверженные ещё в Долине. — Нет всемогущих богов или чего-то ещё. И оттого у Спасителя тоже есть свои пределы.

— Но кто эти пределы устанавливает? — не выдержал Этлау. — Кто и как? И можно ли до него дозваться, попросить о помощи? Или нам остаются только сородичи нашего дорогого некроманта? Госпожа Клара Хюммель, например? Ну, ну, не поднимай брови, мэтр Лаэда. Свя-

тые братья встречались с ней и её отрядом, уже довольно давно, в Агранне. Может, ещё удастся как-то успеть?..

— Клара сейчас очень далеко, на западе, — перебил инквизитора дракон, и на лице его застыло очень странное выражение. — Бьётся в Империи Клешной.

— Откуда ты знаешь? — изумился некромант.

— Я... следил, — признался Сфайрат. — После той нашей встречи, когда я определил, что она — на Волчьих островах, мне... оказалось тяжело вновь впасть в неведение, — как-то подозрительно скомкано закончил он.

В глазах Эйтери мелькнула весёлая искорка, несмотря на все тяжкие известия:

— Да уж не случилось ли так, что ты неровно к ней дышишь, о многомудрый дракон?

— Что?! — взревел Сфайрат, мгновенно преображаясь. Струя кипящего пламени ударила вверх, огонь растёкся по купольному своду пещеры. Этлау, Фесс и даже Аэсоннэ бросились врассыпную.

Страшный хвост несколько раз хлестнул вправо-влево, оставляя глубокие борозды на камне, прежде чем дракон наконец успокоился и вновь принял человеческий облик.

— Это к делу совершенно не относится! — громогласно объявил он, мрачно глядя на втянувшую голову в плечи Сотворяющую. — Нам достаточно, что я точно знаю местонахождение чародейки и её отряда.

— Я могла бы туда добраться, — осторожно проговорила Аэсоннэ, скромно потупив глазки — ни дать ни взять пай-девочка из дорогого пансиона. — Могла бы слетать. Одно крыло здесь — другое там.

— Клара нам не помощница, — выпалил некромант.

— Это ещё почему?

— Да потому, преподобный, что она понятия не имеет, что такое Сущность и как с ней бороться. Думает, что на всё про всё хватит добытых у меня Мечей.

Мельком Фесс подумал о масках, но затем отбросил беспокойство. Не до них сейчас. А если они действительно хотели добраться до Мечей, так уже наверняка добра-

лись — едва ли Клара додумалась спрятать Мечи хотя бы вполовину так хорошо, как это сделал он, Фесс...

— Мечи? Какие Мечи? Что за Мечи? — встрепелась Эйтери.

Пришлось пересказать историю Алмазного и Деревянного Мечей, начиная с мельинских приключений Фесса, в ту пору ещё не некроманта, а всего лишь скромного воина Серой Лиги.

— Нет, она нам понадобится. — Сфайрат вцепился себе в подбородок, напряжённо размышляя. — Может, ты не так уж и неправ, Аэсоннэ...

Кэр отвернулся. Сказать по правде, встретиться с Кларой он предпочёл бы один на один и совсем в другой обстановке. Поражение до сих пор жгло ядовитой обидой. Как индюка спеленала, как мальчишку осилила! Ну ничего. Ещё посчитаемся.

— А много ли вас таких, драконов? — услышал некромант. Этлау говорил напористо и уверенно, не сомневаясь в своём праве распоряжаться. — Может, собрать вас всех вместе и...

Сфайрат что-то резко ответил, похоже, напомнил инквизитору Скавелл и схватку его сородичей с Червём; мысли же Фесса внезапно приняли совершенно иное направление.

Собрать вместе всех драконов — нет, это не поможет. Сущность надёжно защищена от подобных атак. А вот что, если...

Нет, безумие. Сколько времени уйдёт на поиски?..

Не так и много, если Рыся постарается.

И тогда уже нанести Кларе визит вежливости.

— Тёмная Шестёрка, — сказал он вслух. — Если собирать, так уж всех. И драконов, и их. Уккарона, Дарру, Аххи, Сиррина, Зенду, Шаадана — всех.

Воцарилась изумлённая тишина.

— Тёмная Шестёрка? — поднял брови Сфайрат. — А что... можно, конечно, но...

— Мы успеем, — прозвенел голосок Рыси. — Я смогу, я быстрая.

— Ты быстрая, но здесь потребна особая быстрота. Надо собрать все силы, Фесс. И Клару, и Шестерых — если, конечно, они тебя слушают.

— В конце концов, некромант я или кто? Хотя Сущность готова к подобной атаке, — медленно проговорил Фесс. Всё-таки он не зря входил в новую, воздвигавшуюся по его воле и видимую ему одному Чёрную башню — там, в Аркине. — Она ждёт силы, мощи, натиска. Артефактов, ты прав, инквизитор. И Она готова отразить всё это. Что, в общем, неудивительно — после полутора-то тысяч лет подготовки. Сперва я ведь тоже хотел кинуться следом за Кларой, мне казалось, что всё кончено, что без Мечей я — ничто, и надежды на победу рассыпались во прах. Но потом... — некромант глубоко вздохнул. Он приступал к самой трудной части. — Мы можем планировать и рисовать стрелки на картах. Сущности от этого ни жарко и ни холодно. Она будет спокойно ждать. И Она не допускает ошибок. Не стоит надеяться, что Она создаст какое-то материальное вместилище для своей мощи, которое можно разрушить обычной магией.

— Прекрасные рассуждения, — зло перебил Этлау. — Но что потом?

— У нас — половина Аркинского Ключа, ключа ко всей неупокоенности Эвиала, — не обращая внимания на инквизитора, продолжал Фесс. — Завеса, отгораживающая Сущность от нашего мира, двойка — она сдерживает Западную Тьму, но также и не пропускает никого к ней. Мы не знаем — пока не знаем! — что за половина попала нам в руки и что она может: открыть ли дорогу Сущности, или, напротив, пропустить нас к ней. Надеюсь, что мудрый Сфайрат поможет ответить на это; я сам приложу все усилия, хотя, наверное, точно не сможет сказать даже сам Салладорец. Как бы то ни было, эта половина Ключа — наша самая большая надежда. Эвенгару ведь требовался артефакт целиком, он не собирался его разнимать. И если я правильно понял его намерения, то сейчас у него один выход — попытаться добыть вторую половину, силой ли, хитростью ли.

— А почему он не может исполнить задуманное с той половиной Ключа, что откроет дорогу Сущности? — спросила Эйтери.

— Потому что, я полагаю, Салладорец задумал нечто совершенно иное, нежели просто высвобождение Западной Тьмы, трансформу мира и «очищение его от людей». Эвенгар — исследователь... и сейчас он ставит самый главный эксперимент своей жизни. Ему недостаточно просто выпустить Сущность из клетки и потом покорно ждать, когда Она явится за ним. Он не из таких, он хочет управлять, а не болтаться на ниточке.

— Ты знаешь всё это, некромант, или просто вещаешь? — недовольно скривился инквизитор. — Придумаешь?

— Я несколько раз сталкивался с Эвенгаром. Я помню, что рассказывал о нём Даэнур. Салладорец легко мог добиться власти, он достаточно хитёр. При его-то способностях, полагаю, возникни у него такое желание, он состоял бы в преотличных отношениях со Святой Инквизицией. Подобно королеве Вейде. Но Салладорцем двигало нечто иное, и... — Фесс заколебался, — и это не только банальное властолюбие. Он хочет проникнуть в инобытие так глубоко, как это не удавалось ещё никому из смертных или бессмертных, а весь Эвиал для него — не более, чем набор стеклянных колб и калительных печей для мастера-алхимика. Но есть и ещё одно. У него имеются могущественные союзники. Те, кто помогал ему с самого начала стать именно Эвенгаром Салладорским, величайшим Тёмным магом Эвиала... — и некромант повторил свои рассуждения о Салладорце и Атликке.

— Смелое утверждение, Фесс, — заметил Сфайрат. — Не слишком ли многое ты оставляешь на долю чистого воображения?

— Не слишком. Меня легко проверить. Если отбросить всё прочее и сосредоточиться только на Аркинском Ключе, то получается вот что: Салладорец бежал из Аркина примерно на восемь часов раньше, чем мы. Если я прав,

он попытается взять нас за глотку ещё до сегодняшнего вечера. Ему тоже есть что терять, и ему тоже надо спешить.

— А если нет? — не уступал Этлау.

— Тогда нам остаётся только собрать всё, что у нас есть... и двинуться на запад. С помощью драконов, разумеется. Но мне кажется, Салладорцу так нужен целый Ключ. Физиономия у него была... скажем так, нерадостная, когда я вырвал у него половину артефакта. Думаю, тут ему не помогут даже союзники.

— И это всё? Больше ничего? Никаких доказательств?

— Салладорец искусно подгадал так, чтобы удар его птенцов совпал со штурмом Аркина имперским флотом, — начал было Фесс.

— Это азбука стратегии, — перебивая, пожал плечами Сфайрат. — И отлично укладывается в теорию, что сам Эвенгар — всего лишь марионетка Западной Тьмы.

— Птенцы и флот Клешной не пытались помочь друг другу. Они не взаимодействовали. Каждый был сам по себе. Атлика уничтожила Арвест, когда ничто не могло помешать ало-зелёным взять город и двинуться дальше.

— Ну, и что? Допустим. Разве это доказывает, что Салладорцем движет нечто большее, чем желание поспособствовать «великой трансформе»?

— Если бы он должен был просто завладеть Ключом, ему не потребовались бы никакие птенцы, — возразил Фесс. — Эвенгар просто появился посреди сражения, произнёс несколько выпренних фраз и исчез, мгновенно перенесясь именно туда, где хранился Ключ. Спрашивается, что ему мешало сделать это раньше, тихо и бесшумно, не привлекая к себе внимания?

— Он говорил о том, что Аркин хорошо защищён, — напомнил инквизитор. — И птенцов следовало принести в жертву, чтобы открылась дорога...

— Я бы не верил этому так безоглядно. Что, Курия немедленно бы обнаружила Эвенгара, приблизься он к стенам Святого города?

— Ну, а вдруг? — не отступал Этлау. — Вдруг всё так и есть?

— Мне такая магия неизвестна. А драконам?

Сфайрат покачал головой.

— Моя память крови молчит.

— Моя тоже, — подала голос Рыся.

— Вне зависимости, какая половина Ключа у него в руках, Салладорец от второй не отступится, — стоял на своём и Фесс. — Если ему нужно просто открыть дорогу Сущности, то хватит и половины.

— Да, но как узнать, какая осталась у нас? — задумался Сфайрат. — Ты говорил, тебе потребуется моя помощь, некромант?

— Если многомудрый Хранитель позволит зачерпнуть силы непосредственно у доверенного ему Кристалла Магии, я, наверное, смогу это сделать, — Фесс взглянул прямо в глаза дракону.

Все так и обмерли.

— Ты понимаешь, о чём просишь, человеке? — с трудом справился с яростью Сфайрат. — Кристалл...

— Один из восьми оставшихся источников магии Эвиала...

— Да, но не «источник»! То, что преобразует, трансформирует, то, что...

— Какая разница! — резко перебил некромант. — Я возьму многое, тут малым не обойдёшься, но иначе никак не получится.

— Ты знаешь, что станешь делать, Неясыть? — Эйтери осторожно коснулась его рукава. — Тебе ведомы формулы, прописи, рецепты?

— Нет, — честно признался Фесс. — Ничего такого мне не ведомо. Только наитие, Сотворяющая. Но разве ты не изобретала собственных эликсиров? Разве ты всегда следовала лишь записанному в книгах?

— Нет, но...

— Вот и я тоже. Слушайте все! Если у нас та половина Ключа, что откроет дорогу Сущности на восток, — то можно кричать «осанна!» и «аллилуйя», я ничего не спутал, Этлау? — и мы можем спокойно ждать визита Салладорца. Ну, а если у нас то, что откроет *нам* доступ к Запад-

ной Тьме... тогда, опять же, ждём Эвенгара в гости, если я всё правильно предположил. Хотя тут, признаюсь, возникает неопределённость.

— А если нет? Если Эвенгар не станет марать руки о такую мелочь?

— Соберём драконов. Воззовём к Тёмной Шестёрке. И будем драться — до последнего издыхания. Постараемся опередить Тёмного мага, едва ли он может в единый миг оказаться там, на дальнем западе...

— То есть по Старому Свету он прыгать может, как хочет, а к Ней — ни-ни? Я б на такое не слишком надеялся...

— Больше нам ничего не остаётся, Этлау.

— А Эвенгар не может определить, что за половина Ключа попала к нему в руки?

— Не знаю, Эйтери. Может, сумеет. Может, нет. Но для этого ему тоже потребуется Кристалл Магии. Салладорец оставит нас в покое, только если Сфайрат прав, и весь «план» Эвенгара — это освободить Сущность, и в руки ему попала именно та часть Аркинского Ключа, что нужно. В любом случае ждать нам осталось недолго, и мешкать я не намерен. Многомудрый, могу ли я воспользоваться Кристаллом? — обратился Фесс к дракону. Сфайрат угрюмо молчал, и когда некромант уже отчаялся дожидаться его согласия, вдруг кивнул — действуй, Кэр Лаэда.

— Папа! — Рысь вдруг кинулась ему на шею. — Папа, не надо. Папа, ну, пожалуйста, не надо!..

По щекам драконицы катились крупные слёзы.

— Почему, дочка, почему? — шепнул Фесс ей на ухо, обнимая за плечи. — Что тут такого?

— Кристалл не выдержит, я боюсь, — так же шёпотом ответила она.

— Выдержит, дочка. Я постараюсь. — Он осторожно отстранился. — Рыся, милая моя, ступай, я...

Она только покачала головой.

— Я буду рядом.

— Глупая. А если со мной что-то случится? Хочешь, чтобы у Эйтери оказалось разом двое пациентов? Нет,

иди, иди, пожалуйста. Будь рядом с Сотворяющей. И... помоги ей, если что.

Фесс выпустил худые плечики Аэсоннэ и решительно повернулся к ней спиной.

Всё, больше ничего нету. Ни пещеры, ни скал вокруг, ни всей разношёрстной компании. Даже Рыси, Аэсоннэ, дочери, — и той нету. Остались только он и Кристалл. Да ещё чёрные кубики Ключа. Сфайрат неправ — человеческим рукам такого не создать.

Пальцы сами вновь сомкнулись на тяжёлом шестиграннике.

Чёрная башня всегда со мной, но сейчас она должна немного подождать.

Кристалл ярился в небывалом бешенстве. Волны пламени катились из глубины, бились изнутри в отполированные грани, и Фессу казалось, что исполинский камень вот-вот лопнет, взорвётся, раздираемый сошедшимися в смертельной схватке силами.

Некромант осторожно протянул руку; чёрные кубики Аркинского Ключа коснулись поверхности кристалла; магический камень был горяч, словно под ним кипел жидкий подземный огонь.

Фесс отступил на два шага, крепче сжал в левом кулаке заветный шестигранник истока. Сдавил его, морщась от боли, и уже не удивился стремительно изменяющемуся миру вокруг.

Пещера становилась библиотечным залом Чёрной башни; тянулись вдаль галереи книжных полок, прогибающихся под тяжестью массивных томов. Однако на сей раз прямо посреди пола, раздробив тёмную плиту, возвышался полыхающий кристалл; его сила боролась с мощью вынесенного из Башни амулета. Чудом удерживаясь на вершине, чернели кубики заветного Ключа; рвущееся из Кристалла пламя, казалось, пронзает их насквозь.

Искать подходящие заклятья среди этих бесчисленных инкунабул? Безнадёжное занятие.

Фессу казалось, что решение вот-вот придёт само, вынырнет из глубины памяти, он чувствовал это, подобно

стоящему на пороге человеку, готовому сделать следующий шаг.

Но вместо этого с одной из полок вдруг сорвалась книга и, трепеща страницами, точно диковинная стрекоза, зависла в воздухе прямо перед ним. Изумлённый, Фесс уставился в раскрывшийся том.

Написано на непонятном языке, похоже на иероглифы Синь-И, хотя откуда в восточной державе могли знать хоть что-то об Аркинском Ключе?

А прямо посередине желтоватой страницы оказался нацертанный тёмно-красным рисунок: череда странных сцепленных кубиков на вершине кристалла. И это как две капли воды походило на реальность — именно так положил Фесс доставшуюся ему половину артефакта. Иероглифы поплыли, срываясь со своих мест, точно осенние листья в ручье.

— Делай, как я говорю, — прозвучал тот самый грудной голос, что благодарил некроманта за освобождение, в том самом видении, где поури и ещё шестеро странных сущностей крушили Чёрную башню. — Окропи Ключ кровью, смотри, она у тебя уже течёт...

— Я сам! — выдавил из себя некромант. — Я... должен... сам...

— Ну, конечно, конечно, гордость человеческая, — вздохнул голос. — Окропи Ключ, не мешкай. У нас мало времени.

— Кто ты?!

— Ещё не понял? Тогда и говорить не стану, незачем зря раскачивать Весы. Торопись, некромант, ради всего для тебя святого, торопись!

Фесс шагнул к пылающему Кристаллу, вытянул подрагивающую руку. Сквозь сжимающие шестигранник пальцы сочились быстрые тёмные струйки.

Ключ вспыхнул ослепительно белым, едва его поверхности коснулась первая капля. Вторая разбилась роем мгновенно сгоревшей пыли, ударившись о горящий камень магии.

Иероглифы тем временем продолжали свой танец, и

теперь они уже не казались бессмысленными. Повинуясь смутному наитию, некромант потянулся к Кристаллу, словно окунаясь в раскаленную купель, зашипел от боли. Взор застилало яростное сияние, и среди него — белый росчерк пылающего нестерпимым, слепящим светом Ключа. Поток силы — несдерживаемый, неостановимый — подхватил Фесса, швырнул его к стене Чёрной башни, словно норовя вырвать из-под горных корней, вновь унести туда, к последнему пределу, где от неба до земли поднялась непроницаемая стена, стена не-мрака и не-тьмы, стена не из этого мира, преграда, воздвигнутая нечеловеческими силами, сплетавшимися в диких плясках, ещё когда не было ни самого Эвиала, ни иных, куда более древних миров, когда не было вообще ничего, один только Хаос, великий, беспредельный, не имеющий начала, но — могущий встретить свой конец: это пронеслась вдруг искажённая яростью морда козлоногого.

...Однако камни Башни выдержали. Человеческое тело тупо ударилось о них, рухнуло на пол, застонало, попыталось подняться.

Там, где был Кристалл, крутился тугой огненный вихрь, в нём плавал сияющий Ключ; со стороны надвинулась тёмная завеса, простроченная пламенными нитями; цепочка полыхающих кубиков, куда больше похожая на детскую игрушку, чем на могущественный артефакт, поплыла ей навстречу, слилась с ней, и...

Медный звон басовитого колокола. Тёмная завеса разлетелась тысячами острых осколков, а следом за ней хлынуло Нечто, то самое, описать кое не удалось бы никакими словами. Некроманта вторично сбило с ног, однако он удержался на одном колене; перед его глазами словно развёртывалась невиданная битва — Кристалл Магии тоже взорвался, алые брызги смешались с чёрными, и огонь схлестнулся с серой мглой, прорезал её, опрокинул и погнал вспять.

— Наш Ключ... наш... — вырвалось у некроманта.

Эта половина Аркинского артефакта, похоже, отпирала именно ту часть барьера, что не допускала никого к За-

падной Тьме, оставляя в неприкосновенности преграду, удерживавшую саму Сущность.

Фесс почувствовал, как из глаз покатались слёзы.

Им повезло. В кои веки, после стольких неудач судьба улыбнулась им.

Окровавленные пальцы разжались, шестигранник выскользнул и покатился по полу; Чёрная башня послушно стала таять, рассыпаясь лёгким туманом.

Он вновь оказался на холодном полу Сфайратовой пещеры, и к нему с воплем мчалась Рысь. И... он смотрел на мир нечеловеческими глазами.

Некромант разом видел всё, и спереди, и сбоку, и сзади. Шевельнулся — по камню что-то заскрежетало, словно драконья чешуя.

Ужас резанул острой бритвой по внутренностям, готовый расплескаться вокруг слепым безумием, но чудовищное наваждение уже проходило, глаза вновь, как и положено, смотрели прямо перед собой, и тело вновь облекала кожа, а не подвижная костяная броня.

Рысь на миг замерла как вкопанная, а потом бросилась поднимать Фесса.

— Папа, пап, что это было? Что с тобой? Ты в кого превращался?..

— Ни в кого я не превращался, — некромант заставил себя улыбнуться. — Это морок, отражение от заклатья. Со мной всё в порядке, дочка.

— Д-да? — Рысь, похоже, не слишком ему поверила. — А то тут такое вместо тебя появилось, у-у-у, страх один, да и только!

— Что, дракон?

— Если бы! Кабан — не кабан, но что-то вроде. Клычищи — во! Сфайрат бы обзавидовался. Лапы — что две моих шеи, когда я — не Рысь, а Аэсоннэ.

— Всё прошло, — повторил некромант. — Мало ли, что привидится, когда такие заклатья в ход идут...

Он скосил глаза — половина Аркинского Ключа, целая и невредимая, по-прежнему возлежала на вершине

пламенеющего Кристалла. Черные кубики, прочерченные огнём грани.

— Нам удалось, дочка, — Фесс с трудом поднялся, опираясь на руку драконицы.

— Что удалось?.. Ой, пап, да ты ж весь в крови!

— Не преувеличивай, всего-то ладонь порезал... — Он поспешил подобрать заветный шестигранник.

— Эйтери! Эйтери-и! — заверещала негодная драконица, но Сотворяющую не требовалось подгонять, она уже была рядом, на бегу раскрывая заветную сумку со снадобьями и эликсирами.

— Опять! — всплеснула руками гнома. — Теперь левую, звон, искромсал?.. Держи его, Аэ, а то у меня кровоедка жгучая...

Подоспели и Сфайрат с Этлау.

— Вот именно так ты, мэтр Лаэда, и перекидывался там, в Аркине, — проворчал инквизитор. — Смотри, нас не сожри ненароком. А то, не ровён час, и ты, словно волколак...

— Я не волколак и даже не верволк, — фыркнул некромант, морщась от боли в порезанной ладони: Эйтери не жалела снадобья, и впрямь оказавшегося жгучим, точно пламя. — Это просто отдача, ну, после заклинания...

— Не хотел бы я с тобой схватиться, если это и впрямь — превращение, — покачал головой Сфайрат. — Но...

— Мне удалось, — предвосхищая вопросы, быстро проговорил Фесс, меняя тему. — Ключ откроет нам дорогу к Западной Тьме, но не выпустит Её на свободу.

Его слова встретил дружный вздох облегчения.

— Повезло. Что тут говорить, повезло, — покачал головой Этлау. — Услыхал Он мои молитвы... — преподобный осёкся, втянул голову в плечи и даже зажал себе рот ладонью. — Если, конечно, успеем...

— Будет тебе, Отступник, — усмехнулся Сфайрат. — Ну что ж, Фесс, всё как ты говорил — если ты прав, то Эвенгар явится за недостающей половиной, ну, а если не явится...

— Надо послать весть остальным драконам. На случай, если не явится.

— Уже давно сделано, Фесс. За кого ты меня принимаешь? Все мои... и Аэсоннэ, конечно, тоже, — быстро поправился он, — сородичи уже спешат сюда. Спешат из всех сил.

Рысь как-то не шибко уверенно поправила волосы.

— Ничего, не бойся, милая моя, — Эйтери обняла юную драконицу за плечи. — Я не я буду, если ты не произведёшь среди них настоящего фурора...

— Какого ещё фурора?! — рявкнул Сфайрат. — Сотворяющая, оставь эти глупости. Нарядами и притираниями займётесь после... если мы, конечно, уцелеем.

— Уцелеем, уцелеем, конечно же, уцелеем, — закивала Эйтери. — Все уцелеем, всё будет хорошо...

— Так, может, не мешкать? — Этлау беспрерывно потирал руки от нетерпения. — Зачем нам дожидаться Салладорца, которому, быть может, всё это и не нужно? Может, он уже на западе, может, уже готовится... начать трансформу, убереги нас от этого... кто-нибудь!

— Не «кто-нибудь», а мы сами, — мрачно поправил его Сфайрат. — Но нам всё равно надо дожидаться остальных драконов. Только когда нас девять, мы способны обогнать само время.

— Эвенгар придёт, — убеждённо повторил некромант. — А нам ещё ведь предстоит разобраться с Империей Клешной.

— А чего с ними разбираться? — искренне удивился инквизитор. — Слуги Западной Тьмы, пропащие души, предавшиеся, гм, самой разнузданной некромантии, какая только возможна. Боюсь даже себе представить силу, потребную, чтобы двигать брошенные на Аркин орды этих зомби...

— Мне вот донельзя интересно, зачем им вообще понадобился этот штурм Святого города?

— Как это «зачем понадобился»? — фыркнул инквизитор. — Аркин — твердыня Церкви, опора духа. Думаешь, ничья вера не пошатнётся, когда весть о падении Аркин-

ского понтификата разойдётся по Старому Свету? Думаешь, после этого Клешням не станет легче?

Фесс покачал головой.

— Это не обычная война. Вспомни Арвест, преподобный отче. Разве это был просто налёт? Тогда против нас ещё шли живые воины, обычные люди. Но как они себя вели?.. Разве Клешни пытались закрепиться на западных берегах? Ведь Арвест был не первый.

— Верно, — кивнул Сфайрат. — Драконы помнят. Клешни время от времени высаживались в Семиградье, почему-то именно там. Дворцовые многотумцы Эбина считали, что Империя пытается захватить там портовый город, откуда начнёт планомерное завоевание Старого Света.

— Не нужен им Старый Свет, — убеждённо проговорила вдруг Эйтери. — Ничего им не нужно, они все уже сами там мёртвые, мёртвые правят, мёртвые ходят, мёртвые воюют...

— Поэтично, но едва ли верно, — едко проговорил Сфайрат. — Не стоит, однако, отходить далеко в сторону. Да, Клешни — очень странны. Род драконов не помнит ничего подобного в Эвиале. Но что из этого следует, Фесс? Мне всегда казалось, что Империя — просто орудие Западной Тьмы, отсюда и все странности.

— Верно. Орудие. Но кто им повелевает? Сущность или Салладорец?

— Одно другого стоит, — буркнул Сфайрат. — Не вижу большой разницы.

— Есть разница, — проговорил некромант. — Одно дело, если набег придумали там, на Клешнях, и совсем другое, если это дело рук Эвенгара.

— А он не мог просто использовать обстоятельства?

— Уж слишком точно попал. Словно знал, где и когда будет нанесён удар.

— Эвенгару не откажешь в, гм, проницательности, — признался Сфайрат. — Мог и провидеть, прознать... недоступными для нас средствами.

— Мне же кажется, что весь этот штурм, от начала до конца — его идея, — покачал головой Фесс. — Я, если че-

стно, только сейчас начал понимать, с кем мы имеем дело. Один его удар — и все в Аркине легли мёртвыми, голыми скелетами, всю плоть словно огнём спалило.

— А вы уцелели, — Сфайрат только руками развёл. — Теряюсь в догадках, Фесс.

— Я ведь уже говорил...

— У меня с головой порядок, инквизитор. Я отлично помню, что ты говорил. Но, если *ты* помнишь, я тебе ответил, что сказки меня не интересуют.

— Посмотрим, — обиделся Этлау, — как ты запоешь, когда Он сюда начнёт спускаться.

— Если «Он» начнёт спускаться, — передразнил преподающего дракон, — мой род исполнит свой долг. До конца, как и положено драконам.

— Я тебя не понимаю... — начал инквизитор, но Сфайрат только махнул рукой.

— И не поймёшь, а я тебе всё тут растолковывать не намерен, мы не в воскресной школе. Как скоро Эвенгар может оказаться здесь, Фесс?

— Я же говорил — к вечеру.

— Нет. Как скоро он сможет *добратся* досюда?

...В этот миг где-то далеко-далеко, в заоблачной выси прокатился далёкий гром, и пол в пещере ощутимо вздрогнул. Эйтери невольно ойкнула, а Сфайрат в единый миг принял свой истинный облик.

— Кажется, на твой вопрос уже ответили, о многомудрый дракон, — вздохнул Фесс.

Глава вторая

Мельин в руках узурпатора Брагги. Клавдий исполняет свою роль. Но самое главное — бароны остановили-таки козлоногих. Остановили, несмотря ни на что. Той самой магией крови, от которой он, Император, отмахивался и отпихивался. А бароны — ничего, руки испачкать не побоялись. Точнее, конечно, не «бароны», а «мятежная Радуга».

Время утекает стремительнее, чем вода из худой бакла-

ги. Если он, Император, не покончит с этой пирамидой в самое ближайшее время, им с Тайде будет просто некуда возвращаться.

Но магия крови!.. Зарезанные дети!..

А может, это твоя собственная память мешает тебе и толкает под руку, Император? Память о детях-Дану на посыпанной песком арене, их впитывающаяся кровь, избуренный меч в твоей руке, почти разорвавший жертве шею? Ты до смерти боишься возвращения этих воспоминаний, потому что они — квинтэссенция того, что пытались вложить в тебя воспитатели, та же Сежес? И сейчас ты прикрываешь красивыми словами собственную трусость? Разве ты колебался, когда отдал тот, самый первый приказ, бросив легионеров на подворья Орденгов Семицветья? Разве ты думал о том, что случится с городом и горожанами, сколько осиротеет тех же детей, сколько их сгорит в почти неизбежном пожаре? Ведь и то сказать — не счесть малышей, сгинувших в Чёрном Городе, малышей, что не бежали, а в ужасе забивались под лавки или столы, наивно надеясь укрыться от жгучего пламени? Они ведь тоже погибли, и притом — безо всякой пользы. Да, конечно, легионы пришли в ярость. Да, простые обыватели мстили магам, и мстили безжалостно, но решающей победы ты тогда так и не достиг.

Так, может, «для блага государства» действительно следовало послушать советов Сежес и Сеамни? Сделать своими руками то, что сейчас проделали Радуга и бароны?..

Император тяжело усмехнулся.

Если уж вспоминать уроки его наставников до самого конца, то он, напротив, оказался в выигрыше. Грязная работа сделана чужими руками, ему остаётся лишь с умом воспользоваться её плодами. Пусть народ и легионы проклинают тех, кто забирает у них детей. Это неплохо. Это даже очень хорошо. Узурпатору будет не на кого опереться, кроме баронских дружин. Но, чтобы перехватить удачу, ему, Императору, нужна его собственная победа — здесь, у коричневой пирамиды.

У пирамиды, один вид которой заставляет бледнеть и дрожать даже самых закалённых центурионов.

...Солнце едва поднялось над восточным горизонтом и попыталось дотянуться пока ещё неяркими лучами-копьями до цепи угрюмых пирамид, а Серебряные Латы с гномьим хирдом уже стояли в боевых порядках и старый легат Сулла привычно рывкал на чуть замешкавшихся легионеров, вставших в строй на секунду позже соседей.

Император не собирался рисковать.

Сеамни не отходила от него ни на шаг, ни днём, ни ночью, вот и сейчас, в простой кольчуге и высоком островерхом шлеме, сидела на резвой кобылке, не сводя с пирамиды застывшего, прозревающего нечто невидимое прочим взора.

Рядом с Императором держалась и Сежес со своими помощниками: те едва не падали — ночь выдалась неспокойной, призраки тянулись бесплотными лапами к выложенной линии оберегов, отступали нехотя, щеря чёрные провалы пастей. Сежес велела не тратить на них силы — не станет пирамиды, не придётся заботиться и о её бестелесных стражах.

Наступали по всем правилам. Рассыпавшиеся цепью велиты, манипулы в сомкнутом строю, прикрывшись щитами, готовые огрызнуться пронзающим ливнем пилумов. Прямоугольник хирда казался тараном, что, не заметив, снесёт любую преграду, опрокинет любого врага — вот только где он, этот враг?

...Осталась позади незримая черта, образованная амулетами и оберегами, теперь вся надежда на чары волшебников, если призраки рискнут-таки выползти под яркие солнечные лучи.

Но нет — коричневые стены приближались, а вокруг — тишина и бездвижность. Охватив пирамиду полукольцом, небольшое войско Императора продолжало наступать, угрюмые легионеры невольно горбились да выше поднимали щиты, словно ожидая ливня встречных стрел.

Здесь, вблизи от Разлома, землю выгладило, содрав с неё нежную кожу родящей почвы и оставив один голый

камень — словно нарочно приглашая легион к наступлению.

До пирамиды оставалось два полёта стрелы, и манипулы невольно стали сходиться теснее, почти наваливаясь боками друг на друга.

Император опустил руку в седельную сумку, туда, где, обмотанная бычьей кожей и ремнями, лежала белая костяная печатка.

Последнее средство, если дело повернётся совсем уж скверно.

...Как всегда, «такое», если и случается, то исключительно внезапно. Против Императора не стояло могучей армии, как на Ягодной гряде, не мчалась в атаку неистовая семандрийская конница — одна лишь пирамида, за которой, как доносили разведчики, никто не прятался, да и много ли там спрячешь, если в полусотне шагов пролёт край Разлома?

Но по коричневым скатам внезапно прошла короткая судорога, а над пропастью взметнулся высоченный и широкий «зонтик» белёсой мглы, накрывший пирамиду, словно плащом.

Серебряные Латы разом остановились, не требуя команды.

Серый плотный туман впитывался коричневым камнем, втягивался в трещины, крупными каплями скатывался по ступеням; негромко, но тягуче и мрачно заныл ветер, раздирая себя о вершину пирамиды.

Всегда смирный мерин Сежес дико заржал, запрокидывая голову и едва не сбрасывая волшебницу. По граням пирамиды зазмеились трещины, осколки плит медленно поднимались и зависали в воздухе, мало-помалу складываясь в гротескные фигуры, пугающе сильно напоминающие козлоногих.

Разлом оживлял свою гвардию.

— Сежес, — произнёс Император одними губами, не поворачивая головы к чародейке, — твоя очередь, волшебница.

Её пятеро помощников, бледные и растерянные, в

ужасе глядели на бывшую гордость Голубого Лива. Первой опомнилась Асмэ, схватила за руки Мерви и Диокана; Серторий подхватил Дильена, протянул другую ладонь, вместе с рыжей аколиткой замыкая кольцо.

Коричневая пирамида разваливалась всё быстрее и быстрее.

У пока ещё целого подножия споро выстраивались козлоногие, подражая Серебряным Латам тесными рядами и ровными прямоугольниками собственных «манипул».

А чародеи медлили, что-то бормотали, зажмурившись и взявшись за руки. Сежес насилу успокоила своего конька, расстегнула ворот — на блистающей, точно диамантовая, цепочке висело голубое облако, орденский знак Лива.

— Сейчас, — выдохнула она, и все пятеро её помощников разом вскрикнули, точно от боли; сама чародейка изогнулась дугой, словно швыряя вперед неподъемную каменную глыбу.

— Вперед, мой Император, — прошептала она и стала заваливаться набок, Вольные из числа ближней стражи едва успели подхватить исхудавшее за последнее время, почти невесомое тело.

Правитель Мельина ожидал, что в рядах козлоногих сейчас полыхнет пламя, или туда грянет молния, или, скажем, под ними расступится земля, однако секунды текли, а на поле боя ничего не происходило.

Тем не менее Император резко вскинул правую руку, и буксинщики тотчас сыграли атаку.

Словно рождаясь из глубины, из сердца каждой манипулы, над полем повис низкий и грозный рык. Когда Серебряные Латы сойдутся на расстояние броска пилума, рычание обернется яростным, оглушительным боевым кличем легионов, одинаково страшным и для людей, и для нелюди. Велиты вскинули луки, первые стрелы прочертили небо, взмывая по высоким дугам над полем боя, застывая на краткий миг в самой верхней точке — с тем, чтобы низринуться вниз, алчно отыскивая цель остро отточенными жалами.

Наверное, уме́й стрелы говорить, они сказали б, что нет ничего прекраснее этого мига на высоте, когда под тобой — сходящиеся квадраты войск, тысячи сильных и храбрых рук, внимательных глаз, напряженных ног и спин; они сказали б, что секунда, когда перед тобой, как кажется, такое множество целей — высшее блаженство; исчезающая терция времени, когда забываешь, что твой полёт задан натяжением тетивы стрелка и углом возвышения лука...

И люди бы поняли, особенно те, кто любит ссылаться на обстоятельства и кивать на Судьбу; но мы — не стрелы, и сами выбираем свой путь, мы свободны от рождения до могилы, и только сами куём свои цепи.

Ты тоже выковал свои собственные кандалы, Император. Они волочатся за тобой, звеня при каждом движении, тянут тебя назад, пригнетают к земле, у тебя нет даже той секунды, что имеют стрелы, зависнув в вершине смертоносной дуги.

Выпущенный велитами первый залп взмыл и рухнул, негустая сеть стрел накрыла выстроившихся идеальными квадратами козлоногих, со странным звуком пробивая составленные из каменных обломков тела — наконечник словно встречал сперва слой льда и потом уходил в воду.

Козлоногие не шевельнулись. Однако несколько фигур в их рядах дрогнуло и осело вниз, окутываясь облаком пыли и рассыпаясь бесформенной грудой. Оружие легионеров обрело власть над врагом, и ничего большего бывалым центурионам не требовалось.

Войска сошлись почти вплотную; велиты спешили выпустить последние стрелы и отойти назад через сжимающиеся промежутки между стенами щитов; козлоногие, потеряв десятка полтора своих, тоже не стали больше мешкать.

Немые, эти создания устремились вперёд беззвучно, без боевых криков — но от топота каменных ножищ застонала земля. Коричневой пирамиды больше не было — на её месте остался лишь небольшой рукотворный холм, высотой с обычную деревенскую избу.

Каждый из Серебряных Лат точно знал, что ему надлежит исполнить, и не нуждался в командах. Словно единое целое, манипулы извергли ливень пилумов, но, поскольку каменные твари и не думали останавливаться, первая шеренга опустилась на одно колено, укрывшись щитами и выставив длинные копья.

В следующий миг мёртвый каменный вал с грохотом налетел на воздвигшуюся плотину, выкованное человеческими руками железо хлестнуло по каменным обломкам, скреплённым иномировой магией. Козлоногие твари не имели никакого оружия, но один их удар проламывал щиты.

Серебряные Латы встретили натиск шквалом летящих из-за сомкнутых щитов пилумов и частоколом выставленных копий. Коричневая волна выплеснулась вперед, исходя словно вытекающей в воду кровью — клубящейся пылью от рушащихся наземь осколков зачарованного камня. Сежес ли сделала тварей уязвимыми для человеческой стали, или это работало старое чародейство Нерга (если, конечно, таковое вообще существовало изначально, в чём Император теперь сильно сомневался) — кто знает, во всяком случае, порождений Разлома можно было убивать, а большего в тот момент и не требовалось.

Легионеры, привыкшие сражаться и с людьми, и с магами, и с Дану, стоявшие против знаменитого гномьего хирда, бивавшие и баронов, и семандрийцев, и пиратов, схлестнувшиеся насмерть с козлоногими, когда те едва вырвались из породившей их бездны, — сейчас лишь крепче сбивали щиты да, наваливаясь левым плечом, норовили ткнуть каменного супостата копьём, пилумом или гладиусом. За холодным воинским мастерством ветерана вскипало нечто новое.

Не просто боевой азарт, не просто желание выжить, не просто ощущение, что защищаешь свой дом и дело твоё — высоко и справедливо. Нет, люди сошлись врукопашную даже не с нелюдью, а с чем-то абсолютно несовместимым с самим миром.

С солнцем в небе, с белой косынкой облаков, прочер-

тившей голубизну, с плавным течением рек, с бушующим гневом океанов; с холодом ледяных корон, увенчавших горы, и с жаром безводной пустыни. Даже смерти, простой и понятной, порождения пирамиды оказывались чужды целиком и полностью. Они сражались не для того, чтобы победить, они не ощущали ни боли, ни гнева, ни ненависти. Они просто шли вперёд и бездумно крушили все, что оказывалось у них на пути.

Сложенные из мертвых осколков порождения могущественной магии, не доброй и не злой, а просто запредельно чужой, эти существа сражались и не отступали, лишь потому, что не умели. Без знамён и командиров, они бились каждый в одиночку, в отличие от легионеров, чувствовавших не просто соседа по строю — но товарища, готового, если надо, прикрыть друга собой.

Строй Серебряных Лат прогнулся, но выдержал. Заманивая тварей в промежутки между манипулами, легионеры по сигналу буксинщиков разом наваливались с двух сторон, давя и круша всё, что оказывалось меж двух стен щитов. Копья били с быстротой разящих змей, легионеры, рыча, смыкали ряды над упавшими и давили, давили, давили — манипула превращалась в огромный пресс, втаптывавший во прах каменных слуг пирамиды.

В яростном круговороте боя обычному бойцу кажется, что он сражается уже вечность. Что миновали эпохи и эоны, что солнце застыло на небе, пригвождённое к нему могучим чародейством. Некогда утереть пот, глаза и нос забивает едкая коричневая пыль, словно Серебряные Латы все разом очутились на каторжных каменоломнях; первые ряды орудовали уцелевшими копьями, задние же затверженными движениями метали пилумы через головы сцепившихся перед ними товарищей. Ну а те, кто лишился копий, уперев четырёхфутовые щиты в землю, пускали в ход мечи.

Легион легко менял тактику боя. Мог, как на Свилле, встретить налетающую конницу ураганом пилумов, мог броситься на противника с мечами наголо, мог давить оказавшегося упорным неприятеля сплошной стеной щитов-

скутумов, когда бойцы, вкладывая в удар всю массу, старались сбить врага с ног и уже после этого поразить гладиусом.

И даже сегодня, сражаясь с порождениями вражьего чародейства, манипулы не нарушали порядок чередования в строю, дравшиеся в первых рядах ловко менялись местами с задними, отходя вглубь для краткого отдыха или чтобы перетянуть рану.

Они не думали об этом, простые солдаты Империи, но сегодня они бились так же, как и их пращуры на Берегу Черепов; медленно стягивали кольцо, и козлоногие шаг за шагом отступали, гибли от рук легионеров. Под ударами каменных чудовищ ломались щиты, разлетались щепками крепкие древки копий, шлем неудачливого легионера вдавливался в месиво, только что бывшее его плотью, но Император видел, что линия Серебряных Лат всё ближе и ближе придвигается к Разлому.

Впервые легионеры теснили тварей из бездны, и при том безо всякой магии крови.

Окружённый стражей из Вольных, Император оставался позади, приберегая небольшой боевой запас. Он видел, как гномий хирд, ошетилившись длинными пиками, рвал и втапывал в землю каменных монстров, а знамя с Царь-Горой и имперским василиском уже трепетало почти у самого Разлома; видел, как, несмотря на потери, манипулы, точно гончие, повисли на пятящихся тварях, прижимая их к самой пропасти. Не было ни времени, ни места для тонких маневров, ложных отступлений и ударов из засад: сегодня всё решалось схваткой грудь на грудь, и Серебряные Латы выдержали.

...Первая из каменных бестий очутилась на краю обрыва, попыталась уклониться от брошенного пилума, одна из лап соскользнула, и козлоногий сорвался вниз. Он падал беззвучно, и живой туман так же бесшумно, без всплеска, поглотил его.

Порождения Разлома не боялись и не отступали — их шаг за шагом выдавливали, толкали к пропасти, и срывались они, всё так же пытаясь зацепить хоть кого-то из лю-

дей, укрывающихся за избитыми, растрескавшимися щитами.

Сомкнувшийся, единый строй людей и гномов замер у обрыва. Последний из козлоногих сгинул в белёсой мгле, остались только бесформенные груды коричневых обломков. Центурионам пришлось чуть ли не силой оттаскивать легионеров от пропасти — кто-то готов был кинуться туда, очертя голову. Былой ужас исчез, как не бывало; мечи загремели о щиты (у кого они уцелели), победный салют легионов...

Холодная волна ужаса.

— Всем назад! — срывая голос, закричал Император. Не знал, почему, отчего, зачем, но так было нужно. Буксинщики заиграли отступление.

Серебряные Латы привыкли повиноваться. Когорты отхлынули от Разлома, дружно подались назад — и вовремя, потому что над пропастью взметнулась настоящая волна белой мглы, точно океанский вал; густой и плотный туман заволок то место, где совсем ещё недавно стояли упоённые победой люди; когда же мглистый язык медленно и нехотя втянулся обратно, тел погибших там уже не оказалось — всё исчезло вместе с доспехами.

— Слава Императору! — крикнул кто-то из опомнившихся легионеров; клич подхватили десятки и сотни глоток. — Слава Императору! — гремело над бездной, и, казалось, даже сам Разлом замер в неуверенности, прислушиваясь к людскому торжеству.

— Их можно бить. — Император повернулся к бледной Сеамни. Дану за всё время сражения не проронила ни звука, не пошевелилась — замерла в седле алебастровой статуэткой. — Их можно бить, и мы их задавим, Тайде!

Бывшая Видящая молча взглянула на него — чёрные глаза полны слёз.

— Что с тобой? — опешил Император, протягивая руку и обнимая тонкие плечи.

— Это всё не настоящее, — едва слышно шепнула Дану. — Это ловушка, Гвин. Мы должны были победить, убедиться, что уж теперь-то...

— Ты так чувствуешь?

Молчаливый кивок.

Вокруг гремели приветственные крики войска, легионеры и гномы шумно радовались победе, а сам Император внезапно ощутил себя, словно на горном леднике.

Да, успех достался им поразительно легко. Конечно, и в когортах, и в хирде есть потери — но сама пирамида почти что стёрта с лица земли, воинство её защитников истреблено... однако изменилось ли хоть что-нибудь в Мельине?

Зашевелилась и застонала Сежес, пролежавшая всё это время без чувств.

Что ж, очень кстати, чародейка.

* * *

Сеамни потом призналась Императору, что почувствовала себя словно вновь в плену у Белой Тени, точно наяву услышала её смех, и поняла, что неведомый разум, управляющий Разломом, доволен точным исполнением своего плана. Сежес, едва передвигая ноги и опираясь на руку Кер-Тинора, в оставшиеся дневные часы исходила поле вдоль и поперёк, её ученики по камню перебрали то, что осталось на месте исчезнувшей пирамиды.

Легионеры с хохотом взбирались на остатки зловещего сооружения; самые остроумные решили, что стоит непременно справиться тут малую нужду.

Пирамида уничтожена, но только её надземная часть. Тот самый камень, о котором говорила Муруно, очевидно, скрывается в подземельях.

К проконсулу Клавдию помчался быстрый почтовый голубь. А Император, не дожидаясь ответа, велел разгребать завал и долбить каменное ложе некогда грозной пирамиды.

...На следующий день загремели сооруженные гномами тараны. Раздевшись до пояса, легионеры тянули веревки, раскачивали подвешенные между треногами бревна, и те падали, всей своей тяжестью раз за разом ударяя окованными остриями в неподатливый коричневый камень.

И Сежес, и Сеамни попытались определить, нет ли где пустот поближе к внешней стене, однако не преуспели, развалины пирамиды успешно отразили их натиск. Помощники чародейки попытались сложить стеноломное заклинание, однако, пустив его в ход, уползли еле живые — чары отразились от руин, едва не разорвав на куски незадачливых волшебников.

Тараны оказались успешнее, правда, и они едва вгрызались в древний камень. Нутряные слои стойко сопротивлялись осаде.

Правитель Мельина, чей домен сжался сейчас до размеров лагеря его небольшого войска, терял терпение. Тараны гномов исправно и неутомимо долбили упрямые развалины, однако работа продвигалась медленно. Недопустимо медленно.

...А мятежные бароны тем временем без боя заняли Мельин, вновь и вновь повторял себе Император. Справится ли Клавдий, сумеет ли пройти по волосяному мосту, сохранить столицу, легионы и остатки имперской казны? Брагга наверняка пришёл в бешенство, узрев почти совершенно пустую сокровищницу.

Правитель Мельина не находил себе места. Это было не его сражение, он требовался там, на востоке, ему, а не прямодушному Клавдию, следовало вести переговоры с заносчивыми баронами, уже возомнившими себя победителями. От проконсула сейчас требовалось только одно — сохранить армию и её запасы, заставить мятежников уверовать в то, что они и в самом деле взяли верх...

Перед шатром горел небольшой костёр, Император невидяще смотрел на огонь.

И лишь когда ему на плечо, на железные сочленения панциря — с ним правитель Мельина расставался только ночью — легла тонкая ладошка Сеамни, Император вышел из транса.

Солнце стояло в зените, невдалеке ритмично бухали тараны. После сражения со стражами пирамиды легион Серебряных Лат и гномы заскучали — вокруг мёртвая пустыня, даже охоты не стало.

Центурионы, конечно же, мечтать не давали. Легионер или марширует, или строит лагерь, или сражается, или спит. А если он не занят ни тем ни другим, следует уstraивать учения. С утра до вечера.

— Гвин.

— Тайде, всё пошло не так, — Император накрыл её ладонь своею. — Я ждал боя. Взял лучших из лучших. А сражаться не с кем! Не знаю, что мы найдём в этой пирамиде, если пробьёмся...

— Пробьёмся, — с неколебимой уверенностью сказала Сеамни. Села рядом, отбросила чёрные волосы с лица. — Мы пробьёмся, Гвин, я чувствую. На камни этих стен наложены заклятья, но они слишком стары и ослабли со временем. Тараны справятся с ними быстрее, чем я и Сежес, даже удайся нам расшифровать защитные чары.

— Я не только о пирамиде.

— Магия крови, которую пустила в ход Радуга? А чего ж ещё ожидать от мятежного Семицветья? Они останавливают вторжение, как могут.

— А что, если остановят? — шёпотом проговорил Император, не отводя взгляда от пляшущих языков пламени. — Что, если *они* спасут Мельин?..

— О-о-о... — Сеамни озабоченно взглянула в лицо любимому. — Вот оно что. Так я и знала. «Если Радуга спасёт мою Империю, достоин ли я по-прежнему бороться за её трон?» Сидишь и думаешь, что придётся уйти в добровольное изгнание, потому что править Мельином должны те, кому удалось его защитить? И по-прежнему считаешь, что наш с Сежес совет первыми прибегнуть к человеческим жертвам был нехорош?..

— Я, наверное, плохой правитель, Тайде. Раньше мне казалось, что я пойду на всё, чтобы стереть Радугу с лица земли и отстоять мою Империю. А теперь оказалось, что готов, но не на всё. Я жертвовал легионерами, посылая их в самоубийственные атаки, я выжимал налоги с разорённых пахарей, я убивал чародеев... а оказалось, что последнего шага я сделать не могу. Слаб. Маги Радуги преспокойно резали детишек, и одержали победу, сделав то, чего не смогли мы, — остановили козлоногих. И теперь... я не

знаю. Я в растерянности, Тайде. Впервые за всю эту войну. Я не колебался, бросая Империю и прыгая за тобой в Разлом, не колебался, когда мы сошлись лицом к лицу с той Белой Тенью. Не колебался на Свилле, на Ягодной гряде. И сейчас, возле Разлома, не колебался тоже. Однако... последний шаг... детей резать... — он на миг закрыл лицо руками. — Знаю, знаю, что ты сейчас скажешь. Что принцип меньшего зла требует спасения многих ценою жизни нескольких. Что, если не остановить козлоногих, погибнут вообще все дети нашего мира. Я отлично всё это знаю. У меня даже, — он усмехнулся, криво и бледно, — у меня даже есть собственный опыт в детоубийстве. Давний, конечно, но такое не забывается. Но — не могу. Ни сам, ни отдать приказ. Легче вновь броситься в тот же Разлом.

Сеамни молча покачала головой.

— Я тоже убивала детей, Гвин. Пытала и мучила невинных. Троша... что я с ним сделала... — она вздрогнула.

— Это не ты, это Иммельсторн...

— Да. Но не только. Я ненавидела вас, людей, ненавидела вашу расу. Мечтала, чтобы она сгинула вся, без остатка, чтобы повторился Берег Черепов, только уже с другим исходом. Без этого, наверное, Царь-Древо не выбрало бы меня.

— Царь-Древо отдавало Иммельсторн в руки Дану, любого Дану, разве не так?

— Так, да не так. Любого, но готового нести с его помощью смерть врагам Деревянного Меча, тем, кого ненавидели его создатели. Так что не поливай себя грязью, Гвин, милый мой. Ты побеждал во всяком бою. Даже козлоногие не смогли взять верх над твоим войском. Поэтому...

— Ты не понимаешь, Тайде, — горько проронил Император. — Если Радуга действительно одержит верх над тварями Разлома, если маги остановят вторжение, пусть даже ценою кровавых жертв, мои же легионеры отвернутся от меня. И правильно сделают — они служат не только Императору, но и Империи. Зачем им правитель, ввергнувший их родину в хаос жуткой войны, зачем им сражаться против магов, если чародеи спасают их, легионе-

ров, чад и домочадцев? Ты думаешь, что те же Серебряные Латы...

— Серебряные Латы пойдут за тобой и в Разлом, если ты прикажешь, — строго сказала Сеамни. — Нет, Гвин, народ от тебя не отвернётся. Почему ты о нём так плохо думаешь? Неужто у народа такая короткая память и все дружно забыли, чем была Радуга до войны? Как маги жгли всех, кто мог посягнуть на их чародейские монополии, как истребляли детишек из простонародья, в ком замечена была хоть малая искра магии? Не скоро забудут люди и Шаверскую резню.

Одно благодеяние не перевесит. Волшебники ведь спасают не только других, но и себя — в первую очередь. Отбрось сомнения, Гвин, ты побеждал, пока был уверен в себе и своей правоте. Ничего не изменилось, поверь. Нам просто надлежит чуточку поторопиться. — Дану легко вспорхнула с места. — Пойду, попрошу легионеров постараться.

Однако Сеамни не успела сделать и пары шагов — на встречу ей, чуть ли не расталкивая молчаливую стражу Вольных, выкатился Баламут, весь перемазанный коричневатой каменной пылью.

Запыхавшийся от быстрого бега гном, глядя прямо в глаза Императору, выдохнул только одно слово:

— Пробились!

Правитель Мельина поднялся.

— Пробились, мой Император, пробились! — Гном Баламут аж подпрыгивал от нетерпения. — Ка-ак раскатали таран, да ка-ак вдарили! Кирпичи до неба полетели!

— И что там? Что, Баламут?

— Там? Дыра, мой Император! — бодро отрапортовал гном. — Мы сразу же стражу поставили, а я побежал к твоей милости.

— Ну, пора, — повелитель Мельина встал, повёл плечами. Привычная тяжесть кованого доспеха уже почти и не тяготила.

— Я с тобой, — тотчас вскочила и Сеамни.

Император только покачал головой.

— Я с тобой, — с напором повторила Дану.

— Нет. Я пойду с Сежес. Больше — никого. Это главная пирамида, Тайде, тут, под ней, прости за высокий слог, скрыто главное зло. Может, оно нас и сожрёт, но я надеюсь, что при этом подавится. — Император откинул полог шатра. Пропустив вперед Сеамни, шагнул вперед.

— Гвин...

— Нет, Тайде, нет. Я стану думать о тебе, а не о деле. Если же придётся жертвовать собой, то...

— То ради дела, а не для того, чтобы меня спасти?

— Не обижайся. — Император осторожно коснулся её волос цвета воронова крыла. — Я должен отдать жизнь так, чтобы избыть Разлом и его тварей. Хотя, конечно, никто заранее ничего отдавать не собирается, это я только для красного словца... Впрочем... — Император тряхнул головой и через силу улыбнулся, — мы ещё посмотрим.

Сеамни гордо выпрямилась, вытерла слёзы.

— Другая на моём месте вцепилась бы в тебя зубами и ногтями — за то, что ты, подлый мужичонка, ставишь свою мужчинскую Империю выше меня, — она ещё пыталась шутить. — Но я тебя знаю. Империя и в самом деле значит... — она не договорила: «больше меня», изо всех сил пытаясь скрыть тревогу за любимого.

— Тайде. Вы с ней стоите рядом, Империя и ты. Но я уже один раз отрёкся от державы — ради тебя. И не хочу лишиться тебя вторично. Мы отправимся вместе с Сежес. На разведку. Вдруг нам повезёт? Должен же хоть раз выпасть наш расклад!

— В игре с Разломом, Гвин, не выпадет.

— Значит, перевернём стол, а карты выбросим, — ухмыльнулся Император.

— Я буду ждать, — негромко произнесла Сеамни, отворачиваясь. — Нет-нет, не целуй меня и не обнимай. Это получится как бы прощание, а я прощаться с тобой не желаю. Предпочту вообразить, что ты изменяешь мне с... с молодой... гм... молодой землепашкой на стог свежескошенного сена.

— Я — и тебе изменяю?! — с шутилой искренностью возмутился Император. — С землепашкой? Откуда ты только таких слов-то набралась?

Сеамни улыбнулась, приложив ладошку к его губам.

— Я знаю, родной. Не надо ничего говорить. Просто иди — и возвращайся. Поскорее. Очень тебя прошу. Ты вернёшься, ты отдохнёшь... а потом я покажу тебе, что все землепашки нам, Дану, и в подмётки не годятся. Иди, — и она слегка подтолкнула его в спину.

Лагерь императорского войска гудел, прослышав об успехе стенобойной команды. Легионеры помоложе и не столь опытные, наверное, только и делали бы, что строили предположения — что же может ждать их внутри, но Серебряные Латы просто готовились к новому бою. Точильные камни лишний раз проходились по лезвиям гладиусов и остриям пилумов; подтягивались шлемные ремни и завязки доспехов, проверялись щиты, поручни и поножи. Легкораненные костерили лекарей и требовали, чтобы их вернули в строй.

Сборы Императора были недолги: побольше факелов и воды. И вот уже отданы распоряжения Сулле и прочим — ждать их с Сежес до следующего дня, если не вернутся — попытаться пройти по следу, если дорожка оборвётся и поиски потайной ловушки ни к чему не приведут — уходить к Клавдию.

...Он должен был отдать этот приказ, хотя прекрасно понимал — «уход к Клавдию» всего лишь ненадолго отсрочит полную и всеобщую гибель.

Сежес, в кожаных штанах и короткой кожаной куртке, с широким ножом у пояса, сейчас больше напоминала заправского пирата с южного взморья, чем чинную и добропорядочную чародейку из почтенного и уважаемого магического ордена. Рядом с волшебницей зачем-то топтался Баламут, какой-то до странного тихий и потерянный. В руках гном мял объёмистую деревянную флягу.

— Благодарю моего Императора за доверие, — поклонилась Сежес. — Я слышала, что мы идём вдвоём?

Правитель Мельина молча кивнул.

Сежес улыбнулась.

— Я рада, — серьёзно сказала она. — Очень рада... что в конце концов мы теперь — не два вцепившихся друг другу в горло врага.

Глаза Императора чуть заметно сузились. Да, он помнил всё. Жгучее желание мести, жгучая нутряная ненависть, от которой нет спасения.

— Сейчас не время для подобных разговоров, Сежес, честное слово, — холодно прервал волшебницу Император. — Что было, то было, и нет смысла повторять. Много изменилось, очень многое. Нас по-прежнему разделяет прошлое, но ворошить его бессмысленно. Когда-то я черпал в ненависти силы. Сейчас они приходят сами. И я больше не жажду мщения.

— Я... я счастлива слышать это, — неожиданно смутилась волшебница. — Пролилось много крови, повелитель, большей частью — невинной... но Радуга должна принять на себя ответственность. Мы растили послушного волкодава и не заметили, что получился вольный волк, ненавидящий клетки, даже если они позолоченные, в миске — самая лучшая еда, а для случки регулярно приводят самых лучших самок... — Щеки Сежес запылали румянцем, она покачала головой. — Мы возомнили себя истинными хозяевами людских судеб. Но хозяева не живут в таком страхе. А мы жили, хотя и боялись себе в этом признаться. А потом это кончилось тем, чем и должно было — огнём в Чёрном Городе, и магичками, изнасилованными разъярённой толпой.

Пальцы чародейки судорожно тискали наборную рукоять ножа.

Император не прерывал. Сежес требовалось выговориться — они оба понимали, что эта вылазка, как ни обманывай себя и как ни подавляй «высокие слова», на самом деле может оказаться для них последней.

— Отдал ли мой Император все необходимые распоряжения? — кашлянув, осторожно осведомилась Сежес.

— Да, конечно, — спокойно кивнул тот. — Всё как обычно. Империя не останется без престолоблукстителя — пусть Брагга сколь угодно коронует себя в Мельине и именуется властителем.

— Повелитель оставил в Мельине императорские регалии, — напомнила волшебница. — Для многих простолю-

динов это кое-что будет значить. На ком подлинная корона — тот и подлинный император.

— Мы всё равно ничего отсюда не изменим. Я верю Клавдию. Он не предаст. И знаешь, почему, Сежес? Потому что он верен не мне, а Империи. Её благу.

— Высокие материи, — вздохнула волшебница. — Выкурить Браггу из Мельина будет непросто. Тем более если они и впрямь пустят в ход магию крови и смогут задерживать козлоногих. Те, у кого не тронули детей, станут петь им осанну. «Ведь не у меня же беда, у других». Да и вообще, детей-то настругать — долгое ль дело?

— Высокие материи, как ты сама их назвала, — усмехнулся Император. — Ну, идём, достопочтенная. Надеюсь, *твои* дела тоже все улажены.

— Кроме замужества дочери, — бледно улыбнулась Сежес. — Не побыть мне императорской тещей, эх, не побыть...

— Не вы ли с Сеамни Оэтаканн в два голоса советовали мне жениться на доченьке барона Брагги?

— Советовали, — вздохнула чародейка. — Потому что того требовало благо Империи, как мы его понимали. И то, что человек и Дану пришли к одним и тем же выводам...

— Всё равно ничего для меня не значит, — перебил правитель Мельина. — Я уже говорил это Сеамни, повторю и тебе, Сежес: есть компромиссы, на которые я не пойду. Даже если за это придётся заплатить властью над целой Империей.

— Я знаю, — грустно откликнулась волшебница. — Идёмте, мой повелитель. Стоя на месте, Разлом не закроешь.

— Очень точное замечание, — хмыкнул Император и проверил, легко ли меч выходит из ножен. — Идём, Сежес. Я — первым, твоё дело отыскать и обезвредить магические ловушки.

— Тогда уж позвольте мне войти впереди вас, мой Император.

— Нет, — отрезал тот. — Капканы надо искать до того, как в них попадётся, а простые пружинные мышеловки

срабатывают порой не хуже самых сложных чародейских. Их ты находить не умеешь. В отличие от меня.

— Как будет угодно повелителю. — Сежес покорно склонила голову.

— Стойте, стойте! — засуетился вдруг Баламут. — Ты, госпожа чародейка, того... фляжку-то не взяла. Обещала взять и не взяла. А?

Сежес метнула на Императора быстрый и смущённый взгляд.

— Обещала, Баламут, обещала, — вроде как раздражённо оборвала она гнома. — От тебя не скроешься. Давай сюда свою отраву. Торжественно обещаю влить её в глотку самому отвратительному монстру, что нам попадётся. Ручаюсь, он тут же испустит дух.

— Испустит, сударыня моя Сежес, всенепременно испустит! — с уморительной серьёзностью закивал Баламут. — Наш гномояд — он такой, он только для чистых духом пользителен, а чудилы всякие от него мрут, что мухи осенью. У нас в пещерах, бывало, каменных крыс им травили — потом по году ни одной не появлялось!

— Рада за народ гномов, — поджала губы чародейка, однако следующие её слова совсем не вязались с отстранённо-раздражённым видом. — Ты, Баламут, тут тоже... не геройствуй сверх меры. Меня дождись, ладно?

— Дождусь! — радостно завопил гном. — Всенепременно дождусь! И бочонок... нет, два бочонка гномояда выкачу! Такой пир устроим!..

— Только чтобы наутро никто б меня холодной водой обливать не вздумал!

— Ни-ни, государыня, как можно! Ну, да пребудут с вами силы подземные, да будут они милостивы, да... — гном отвернулся, по-прежнему бормоча под нос какие-то благословения. — Да, и ещё одно, милостивая госпожа Сежес. Вот это тоже возьмите. Берёг для себя, на крайний случай... ан нет, чую, она мне руку жечь станет, коль у себя оставлю. Возьмите, государыня, не пожалеете.

На раскрывшейся ладони гнома, тёмной и заскорузлой, пересечённой жёсткими, словно камень, буграми мозолей, лежал небольшой медальон — розовый, похожий

на турмалин камень, в немудрёной серебряной оправе. Император было нахмурился, но Сежес только покраснела ещё пуще и мало что не закрылась платком, словно мельбинская жеманница на выданье.

— Ты отдаешь мне гномью удачу?

— Отдаю, отдаю, госпожа, от чистого сердца отдаю. Наденьте, Царь-горой умоляю. Он, может, и неказист, ни золота, ни истинного серебра, ни бриллиантов...

— Зато камешек в нём — всем бриллиантам под стать, — закончила чародейка. — Царский подарок, Баламут. Спасибо тебе. Я не забуду.

— Да чего уж там...

— И я говорю — спасибо тебе, Баламут. Я на тебя надеюсь, — Император положил руку на плечо низкорослого воителя.

— Не сомневайтесь, повелитель. Хирд костью ляжет, но не отступит.

— Я и не сомневаюсь. Иначе тебя и твоих здесь бы не было.

...Ко вскрытому таранами ходу они шли сквозь молчаливый строй войска. Гномы и люди, легион и хирд — проводжали их до самого пролома. И лишь когда Император поставил ногу на край, сотни мечей вновь разом ударили в щиты.

— Слава! — рывкнули Серебряные Латы. — Слава, слава, слава!..

— Я вернусь! — крикнул в ответ Император. По сухим глазам прошла внезапная и короткая резь. — Что вы меня славите-то, точно покойника?! Отставить, я приказываю!

Это было, конечно, не так. Умершему Императору, когда погребальный возок двигался мельбинскими улицами, положено было кричать «да упокоит!», но слышать эту «славу» сейчас оказалось выше сил правителя Мельина.

Крики стихали, дисциплина брала верх.

Не оборачиваясь больше, Император нырнул в чёрный зев пролома. За спиной правителя была приторочена внушительная связка факелов. Такую же, только поменьше, взгромоздила себе на плечи волшебница.

Сежес тяжело вздохнула, зачем-то помахала легионерам и в свою очередь тоже скрылась в темноте.

Сеамни Оэтаканн осталась стоять, закрыв лицо ладонями. И стояла так, застыв неподвижной статуей, до самых сумерек, пока её не увели Вольные во главе с Кертинором.

Император и Сежес сгинули безвестно.

Легат Сулла, мрачнее ночи, сидел у костра, завернувшись в плащ, словно рядовой легионер, и ждал утра — когда, согласно приказу повелителя, когорты должны двинуться на выручку.

...Свет сочился сквозь рваную рану в своде того, что осталось от грозной пирамиды, и тотчас же умирал, словно проглоченный вековой пылью, поднятой ногами Императора и его спутницы. Затасканное выражение «пахнет смертью» подходило тут как нельзя лучше. По насыпи, образованной обломками свода, Император и волшебница спустились в широкую галерею. С одной стороны виднелся близкий тупик, другой конец уходил во тьму.

— Что это за штуковину всучил тебе Баламут, чародейка? За что ты его так благодарила?

Сежес вздохнула.

— Ах, эти гномьи предрассудки, повелитель... Это талисман. Якобы с частицей самого Каменного Престола. По легенде, отводит подземное зло, приносит удачу, вплоть до того, что выпущенная в упор стрела сломается в полёте. Хорошо бы, да только ерунда всё это. Сколько раз мы захватывали эти игрушки... хоть бы в одной на единый грош магии. Взяла я это, в общем, чтобы беднягу не обижать. Пришлось изобразить большое душевное волнение. Надеюсь, мой повелитель простит своей верной слуге эту небольшую инсценировку.

— Прощу. Но тебе придётся распить с ними гномояду, Сежес, как только мы вернёмся.

— Повелитель! — возопила чародейка.

— Гномы — наши союзники. Радугу они ненавидели... гм, не меньше многих людей. Если у тебя получится дружба с Баламутом...

— Да-да, я понимаю, — отвернулась Сежес. — Политика, будь она неладна. Воля ваша, повелитель, прикажите — стану и с гномами пьянствовать. Надеюсь только, вы унизите меня не зря.

— Никто тебя не унизит, Сежес. Гномояда я с тобой сам выпью. Баламуту надо будет оказать честь.

— Ну и дела, — нервно рассмеялась волшебница. — Мы едва вошли в пирамиду, и десятка шагов не сделали, а рассуждаем, как станем пировать по возвращении!

— Тогда поговорим о чём-нибудь более соответствующем месту. Что-нибудь чувствуешь, Сежес?

— Нет, мой Император. Если тут и есть ловушки, спрятали их так, что я ничего не вижу.

Император считал шаги: выходило так, что их вывело почти к краю основания пирамиды. Здесь галерея резко свернула вправо под прямым углом. Она шла под основанием более несуществующей внешней стены, коричневые плиты покрывала причудливая иероглифическая вязь. Те же символы, что и в прошлой пирамиде, вскрытой там, у морского побережья.

Тихо. Пыльно, пусто — как в склепе. Но притом и постоянный давящий поток того, что Сежес поэтически называла «дыханием смерти».

Порой Император улавливал нечто знакомое — вот это памятно по колодезю, где разыгралась последняя битва с Белой Тенью, это он ощущал, схватившись с эльфкой-вампиrom; ну и, конечно, всё вокруг постоянно и болезненно напоминало о белой перчатке — левая рука заныла, от кисти до самого плеча.

Да и сама перчатка — вот она, в тощем заплечном мешке. Страшный подарок козлоногих Император решил взять с собой. Здесь место их силы, её средоточие. Кто знает, не пригодится ли этот предательский дар?

Император был готов пустить перчатки в ход, даже если это отворит все до единой жилы в его теле. Он словно наяву видел заваливающуюся внутрь пирамиду, видел, как рушатся следом и все остальные, как начинают оплывать, осыпаться края Разлома, как сдвигается, сужается и стягивается чудовищная рана в теле Мельина. «За такое, да про-

стятся мне высокопарные слова, и жизнь отдать не жаль», — думал Император.

Однако он шёл с мыслью «победить и вернуться», а вовсе не «победить и умереть». Что, наверное, и спасло от первой ловушки: самой простой поворотной плиты в полу, под которой пряталась яма с утыканным кольями дном.

— Славно поработали, — спокойно сказал Император, поддерживая под локоть слегка побледневшую Сежес, ойкнувшую при виде раскрывшегося провала и белеющих на дне костей — явно нечеловеческих: рогатый череп, широкий и приплюснутый, имел три глазницы.

Неведомому грабителю не повезло.

При свете факела осторожно перебрались на другую сторону. Проход резко отворачивал от внешней стены в глубь пирамиды, идти стало гораздо труднее: весь пол покрывали подозрительные выступы, выглядевшие ну до- нельзя похоже на верхушки рычагов, приводящих в движение спусковые устройства.

Огонь обгладывал древки факелов, Сежес послушно меняла их один за другим, а продвигались они с Императором медленно. Пирамида оказалась нашпигована сюрпри- зами. Один раз повелителя Мельина спасли лишь кован- ные гномами доспехи — он, наверное, не заметил очеред- ную нажимную пластинку, в стене что-то звонко щёлк- нуло, и железный дротик со звоном отлетел от стального нагрудника. Сежес испуганно охнула, но не растерялась, успев поддержать едва не опрокинувшегося на спину Им- ператора.

— Спасибо, — перевёл дух правитель Мельина. — Странно, ни одной магической западни. Словно строите- ли вообще не знали никакого чародейства.

Он осторожно опустился на пол, на чистое место. Вол- шебница села рядом.

— Да, ловушки как ловушки, — кивнула Сежес. — За- щита от могильных грабителей, не от волшебников.

— Может, эту пирамиду изначально возвели в мире, где не знают чародейства?

— Если верить Муруно, это не так, — заметила волшебница.

— Строители пирамид, эти змееголовые умеют перебрасывать их из одного мира в другой. И что-то мне подсказывает, что так называемая Великая Пирамида видела куда больше двух солнц.

— Интересно, — Сежес вытерла со лба пот и гарь от факела. — То есть сперва появляется эта самая «великая пирамида», а потом уж начинают разворачиваться все остальные?

— Не могу сейчас это доказать, но вспомни — Муруно говорила, что зловредная пирамида «стоит на берегу», но не была построена там. Конечно, довод не ахти какой, слабенький, чего уж там, я понимаю. Но косвенно...

— Косвенно, это конечно, — кивнула волшебница. — Не знаю только, как это нам может помочь.

— Ты права, сейчас — никак. Это так, на будущее...

— На будущее — искать мир без магии? Но Муруно же назвала нам то место, откуда к данкобарам явились создатели пирамид, — Эвиал?

— Мне это название знакомо, — спокойно сказал Император. — Я был там, Сежес, помнишь?

Волшебница кивнула.

— Конечно, помню, повелитель. Невероятное совпадение, что и говорить.

— Я не верю в *такие* совпадения. Я как раз и должен был туда попасть. Разлом соединил наши миры не случайно, и не случайно появились тут эти пирамиды.

— Очень хорошо, — мягко проговорила чародейка. — Но как это поможет нам сейчас, повелитель? Думает ли мой Император, что мы с ним вот так просто доберёмся до того самого «огненно-красного камня цвета горящей крови», о котором говорила Муруно, и... разобьём его?

— Разумеется, нет. Волшебница данкобаров говорила также, что стены «больших» пирамид не поддадутся никаким осадным машинам, однако сюда мы пробились самыми обычными таранами.

— Значит, и эта пирамида тоже... не та? — вздрогнула Сежес.

— Не знаю. Мы прошли десятки этих строений, но что у этой надо остановиться, все почувствовали тотчас...

— Не признак ли это западни? Превеликие силы, почему я об этом раньше не подумала... — Сежес схватила за голову.

— Так или иначе, эту нам надо пройти до конца, — Император поднялся. — На месте сидючи... ну, понятно.

Узкий коридор преломлялся под прямыми углами, повторяя очертания некогда возвышавшихся внешних стен, свиваясь в квадратную спираль. От Императора и Сежес требовались поистине неимоверные усилия, чтобы не наступить, не потянуть, не передвинуть — чтобы не привести в действие одну из бесчисленных ловушек.

— Кого они тут ожидали? — сквозь зубы шипела Сежес, потерпев очередную неудачу в попытках обнаружить настороженные капканы магическим способом.

— Армию гробокопателей, не иначе, — в тон ей откликнулся Император. — Может, в том мире профессия грабителя могил распространена куда больше, чем в нашем?

— Легионеры бы здесь далеко не прошли...

— Ну, отчего же. Прошли бы. Я пока насчитал тридцать одну ловушку. Это меньше, чем полманипулы. Любой полководец скажет, что на подобные жертвы командир идти просто обязан.

Сежес вздохнула и ничего не сказала. Наверное, недоумевала про себя, почему же её Император не отдал такого очевидного для него самого приказа.

Сам же правитель Мельина вскоре почти уверился в том, что они только зря теряют время. «Дыхание смерти» дыханием смерти — для Императора это означало, что где-то рядом скрываются голодные бестелесные сущности, возможно, сородичи приснопамятной Белой Тени. Скрываются, но не нападают — почему?

...Мало-помалу они потеряли счёт времени. Менялись факелы — хорошо, что они захватили с собой изрядный запас. Ловушки закончились, теперь Император и Сежес продвигались быстрее, но тёмный коридор упрямо не желал кончаться.

— Он не становится короче, — вдруг остановилась чародейка.

— Ты заметила? Я тоже. Вот уже четыре полных круга от угла до угла ровно тридцать два шага. И не убывает.

— Нас кружит, — на сей раз Сежес побледнела уже по настоящему.

— Кружит. А ты по-прежнему не чувствуешь никакой магии?

— Нет. Ничего.

— Тогда идём дальше, — решил Император.

...Поворот, поворот, ещё один и ещё. Тридцать два шага от угла до угла — и в трепещущем свете факела открывается всё тот же коридор, как две капли воды похожий на уже пройденный. Правитель Мельина нацарапал было на стене большой крест — ожидая, что они каким-то образом ходят по кругу — но нет, метка им больше так и не попала.

— Нет смысла идти дальше, повелитель, — не выдержала наконец Сежес. — Где-то была ошибка. Или мы таки угодили в их ловушку.

Император молча сжимал кулаки. Они угодили-таки в ловушку, волшебница совершенно права. Бессмысленно даже думать, где и как это случилось. И всё-таки, всё-таки... именно на это ведь и рассчитывали неведомые строители. Что угодившая в их лабиринт жертва остановится, повернёт назад... и, ясное дело, останется здесь навсегда.

— То-то мне подозрительным показалось, когда сошли на нет все эти проклятые штуковины. Сколько их всего было, повелитель? Тридцать одна, вы говорили?

— Тридцать две. После того разговора мы натолкнулись только на один-единственный капкан.

— Тридцать две ловушки... тридцать два шага... — забормотала Сежес. — Ну конечно! — Она вдруг хлопнула себя по лбу. — Это всё для отвода глаз. Мы идём вниз, мой Император.

— Вни-из? Я не чувствую никакого уклона, — удивился Император. — А ну-ка... У тебя найдётся монетка, Сежес?

Волшебница кивнула.

Имперский монетный двор всегда славился не только чеканкой, но и почти идеально правильной формой золотых кругляшей. Правитель Мельина поставил золотую марку на ребро — но та и не думала никуда катиться.

— Ничего не понимаю. Если ход уводит вниз, то...

— А в этом и состоит их магия... самая простая... какую и засечь труднее всего... ой!

Впереди что-то с грохотом рухнуло.

Они завернули за угол и упёрлись в тупик. Опустившаяся плита закрыла дорогу дальше. Правитель Мельина обернулся — и вторая такая же плита рухнула в дальнем конце коридора, окончательно заперев их.

— Вот так, — после некоторого молчания проговорила волшебница. — Никаких тебе нажимных пружин и прочего вздора. Пирамида сама знала, когда приводить ловушки в действие.

— Ты можешь что-нибудь сделать, Сежес?

— Вы ведь для этого меня и брали, повелитель? Ясное дело, могу. Ваша очередь светить мне, мой Император.

...Чародейка возилась очень долго, так долго, что их запас факелов съёжился до последней пятёрки. Произносила какие-то заклинания, чертила углём какие-то фигуры перед опустившимися плитами — всё напрасно.

— Я... я бессильна, повелитель, — наконец выдохнула она и отвернулась, закрыв лицо руками.

— Не шибко хорошо выходит, — хладнокровно произнёс Император, железной рукой давя в себе зашевелившийся животный ужас.

— Убьёте меня, когда станет совсем немого? — подняла на него глаза Сежес. — Только... не больно чтоб. Быстро. Ужасно боюсь боли...

— Ерунда, — отрезал Император. — Никто никого убивать не будет. Ты уверена, что...

— Да, уверена, — обессиленно выдохнула чародейка. — Иначе не говорила б такое. Эти плиты охраняет магия, по сравнению с которой моя — детские забавы. И волшебство пирамиды тщательно скрыто, так хорошо, что даже в упор не разглядишь.

— Большое видится на расстояние... — процедил сквозь зубы Император. — Твои соображения, волшебница?

— Сулла должен отправиться на поиски...

— Три десятка Серебряных Лат умрут, прежде чем доберутся до внешней плиты.

Сежес совсем низко опустила голову.

— Мне стыдно, повелитель. Но... в недавнем сражении со стражами этой пирамиды погибла почти сотня людей. В чём разница, мой Император?..

— Много раз говорил — в бою у легионера есть шанс остаться в живых. Шансов здесь у той тридцатки, что пойдёт первой, уже не будет.

Волшебница покачала головой.

— Но справиться с вторжением и возродить Империю может только мой повелитель. Без него всё прочее просто теряет смысл.

— Не всё меряется смыслом, волшебница. Некоторых вещей ты не делаешь просто потому, что не имеешь права их делать, какие бы доводы ни приводил твой трепещущий от страха смерти рассудок.

— Это не рассудок, мой Император. Это долг, а он выше рассудка. Повелитель не имеет права умирать и имеет право требовать, чтобы за него умирали другие.

Правитель Мельина только покачал головой.

— Я знаю, что Сулла не отступит. Я не могу запретить ему... отсюда. Он пойдёт по телам, как привык. Быть может, полезет первым и первым же погибнет. Будем ждать, Сежес, покуда хватит воды. Мы продержимся самое меньшее семь дней. Садись. Здесь прохладно, а нам надо экономить силы и воду. Плащ возьми, накройся.

Потянулось томительное и тягучее время. Император аккуратно загасил факел, лишний раз проверив, на месте ли огненная снасть. Сежес едва не оскорбилась — мол, не считает же повелитель её неспособной зажечь огонь?..

— Ты спокойна, волшебница? — Император нарушил становящееся тягостным молчание.

— Пытаюсь, повелитель.

— Сейчас как раз подходящее время поговорить. О былых делах.

Невидимая Сежес усмехнулась.

— О да, мой Император. Самое что ни на есть.

— Былые дела, знаешь ли, подчас не дают покоя. Ты помнишь, с чего всё начиналось? Два покушения на меня? Тот бродяга на улице, обернувшийся чудовищем, и потом — мастер Н'Дар, отправивший меня в руки Дану?

— Мастер Н'Дар? — удивилась чародейка. — Мой Император не доверил этого секрета своим верным слугам.

— Сейчас уже всё не так, как в те дни, так что, наверное, ты сможешь признаться. Покушения — они ведь случились не без участия Радуги, верно? Наверняка же кто-то у вас слал «на самый верх» доклады, что Император Мельина — болезненно горд, своеволен, и вообще «что-то замышляет»?

Сежес не отвечала, Император слышал только её дыхание.

— Сперва я заподозрил в покушении именно Семицветье. Потом пришёл к выводу, что это — дело рук Дану. Но потом... потом, когда возвращался мыслями к самому началу всего, подумал, что без помощи из Орденгов Дану, стоявших на самом краю истребления, это никогда бы не удалось.

— Мой повелитель действительно хочет поворошить старое? — наконец отозвалась Сежес. — Вы же сами недавно говорили, что порой бывает лучше просто похоронить прошлое. Похоронить, может — вбить осиновый кол, что, по народным поверьям, так действенен против вампиров. Радуга в своё время наделала много всего, мой Император. Я — тоже. Я небезгрешна. Не могу сказать, что совесть моя чиста, а на руках нет невинной крови. Я отдавала приказы... всякие приказы. Человеческие жертвоприношения — втайне от всех. Контроль за нобилитетом — через их детей, которых мы забирали из семей...

— Но ведь не только благородное сословие способно к магии, верно?

— Ну, конечно же, — даже с некоторым раздражением отозвалась чародейка. — «Голубая кровь» магов — такая же выдумка, как и многое другое. Иначе откуда бы взя-

лись многочисленные колдуны и чародейки, что называется, «из народа»?

— Так всё-таки, те покушения...

— Не знаю, мой Император. Могу лишь поклясться, что сама не отдавала такого приказа. За другие Ордена поручиться не могу. Погибший Арк вообще устроил потрясающую интригу, которая, в случае удачи, дала бы ему несказанную, невообразимую власть.

— Сеамни рассказывала. А что, неужто идея овладеть Деревянным Мечом доселе не приходила в голову никому из Семи Орденов?

— Мы мало что знали о нём тогда, — призналась Сежес. — Туманные пророчества Дану, больших любителей страшных и запутанных предсказаний, ничего больше.

— Как же узнал Арк?

— Клянусь, не ведаю, мой Император. Может, с помощью Нерга?

— А Драгнир? Алмазный Меч? Как он очутился у гномов? И почему это оказалось так замечательно совпавшим с налётом Дану?

— Я старалась не задавать себе этих вопросов, мой Император. Слишком многое требовало моего немедленного вмешательства после. А что же до покушений... Повелитель, я мечтала, что смогу примирить вас и Радугу. Что Семь Орденов станут другими, как и императорская власть...

— Семь Орденов станут другими, — жёстко отрезал Император. — По-другому и быть не может. Открытыми для всех, у кого есть способности, — во-первых. Подвластными правителю Империи — во-вторых...

— Мой повелитель, — мягко остановила его Сежес. — Быть может, строить подобные планы несколько, гм, преждевременно? Мы сидим в подземной каменной клетке, и...

— Мы выберемся отсюда, — последовал непреклонный ответ. — И одолеем козлоногих. И закроем Разлом. Если не верить в это, то и жить тогда не стоит.

— Завидую вере моего Императора.

— А ты всё-таки ушла от ответа, Сежес. От ответа на мой самый первый вопрос.

— Не надо ворошить прошлое, повелитель, — теперь и в голосе волшебницы прорезалась твёрдость.

Император усмехнулся.

— Значит, помогали... наверное, не ты сама и не твой Лив. Но — кто-то, где-то, как-то... Может, вы тогда бы и не допустили моей гибели, она вам на тот момент была не очень выгодна. Запугать, чтобы и головы не мог поднять, увести лучшие войска из столицы...

Чародейка молчала.

— Однако, — Император потянулся. Тщательно смазанные сочленения доспехов нигде не скрипнули, — пожалуй, пока лучше и впрямь помолчать. Чтобы горло зря не пересыхало.

...Но долгого молчания не выдержала уже Сежес. И принялась тихонько рассказывать о себе, о детстве в Орденском замке — её родители были магами Лива, как и она сама. О рано проснувшихся способностях, о том, чему она становилась свидетелем, как старшие, думая, что четырёхлетняя кроха ещё ничего не понимает, говорили о человеческих жертвах, о выведении новых чудовищ, о Смертном Ливне (хорошо, ибо помогает держать Империю в повиновении), о том, что простолюдины всё чаще и чаще обнаруживают способности к магии, а это недопустимо; что казни-аутодафе таких самозванных магов дают мощный выброс силы, чем пользуются все без исключения Ордена Семицветья...

— Так вот почему вам это было нужно... — проронил внимательно слушавший Император.

— Не «вам», повелитель. «Им». Я больше не часть той старой Радуги. Отреклась от неё, когда решила идти за моим Императором.

— А твои родители — они живы?

— Да, — последовал ответ, и правитель Мельина невольно удивился. Сежес оставалась неизменной всё время, сколько он себя помнил, — ослепительно красивой черноволосой женщиной, она словно не имела возраста, но казалась старой, чуть ли не древней. Хотя что ж тут удивительного — если Сежес могла отсрочить свою собственную старость, то почему это не могли её родители?

— У меня и дочь есть, притом — в брачном возрасте, — сварливо напомнила чародейка. — Уж не решил ли повелитель, что мне — лет полтора?..

Император усмехнулся.

— От магов всего можно ожидать. Где же сейчас твой отец и мать, Сежес, где твой муж?..

— Родители вместе с мятежниками, — неожиданно прямо ответила чародейка, — а муж... мужа у меня никогда не было, повелитель. Только отец моей дочери. Мы встретились и разошлись. Девочка осталась у меня.

— Где же она теперь?

— В Мельине. С Клавдием. Я не случайно упоминала её, когда говорила о свадьбе...

Беседы прерывались, Император откупоривал фляжку, позволяя женщине сделать глоток воды, которую следовало экономить.

Потом они забылись сном, кратким и не принёсшим облегчения. Вокруг по-прежнему царил мёртвая тишина, ни звука, ни стука и никаких признаков того, что Сулла прибавается им на помощь.

Доспехи Императора высасывали тепло, в подземелье царил мучительный холод.

— Не знаю, стоит ли ждать, — покачал головой правитель Мельина. Тьма давила, и он высек огня, засветив один из немногих оставшихся у них факелов.

— Но что мы можем сделать, повелитель? — Сежес лежала у стены, поджав коленки к груди и обхватив их руками.

— Многое, — спокойно ответил Император.

И — полез в заплечный мешок.

— Повелитель... — только и смогла прошептать Сежес, когда увидела на руке правителя Мельина знакомую белую перчатку.

— Вот и пригодилась, — словно давней знакомой сказал Император кожаной рукавице. — Не думал, что тебя надену... однако ж вот как сошлось.

— Повелитель... не надо...

— Предлагаешь и в самом деле умереть здесь, чародейка? Я не согласен. Возвращаться смысла нет, Сежес.

Вперёд и только вперёд! Жаль, что сил у меня хватит только на один... гм... одно заклинание.

Волшебница заметно дрожала, и видно было, что идея «только вперёд!» ей не слишком нравится.

— Мой повелитель... быть может, лучше всё-таки обратиться на поверхность? Начнём правильную осаду. Легионеры...

— Тут не справятся, — спокойно закончил за неё Император. — Не обманывай себя. Дороги назад нет и быть не может. За нами наблюдали. Следили. Поняли, кто мы. Разобьём одну плиту — появится следующая. Вперёд нас, может, ещё и пропустят — по вечному пренебрежению бестелесных к нам, смертным; а вот назад — ни за что. Не трусь, волшебница. Когда у тебя на плечах висят козлоногие, а весь Мельин грозит вот-вот провалиться в этот самый Разлом, — до страха ли тут за свою собственную шкуру? Ну, готова? Зажмурься, сейчас тут... станет ярко.

Сежес послушно закрыла глаза ладонями, словно маленькая девочка.

Император поднял левую руку, сжал кулак, нацелился им в преградившую путь плиту. Давно, давно он не испытывал этого чувства, давно роковая перчатка не касалась его плоти; сейчас Императору казалось, что он вновь обрёл давно отсечённую скальпелем медикуса кисть. По жилам волнами прокатывались жар пополам с болью. Император знал, какова окажется цена. Жаль, конечно, что всё лечение Нерга, купленное столь дорого, пойдёт псу под хвост... ну да ничего, живы будем (хоть на краткое время) — посчитаемся и со всебесцветными.

Правитель Мельина постарался вспомнить, как это было, когда ему удавалось разбудить силу, прячущуюся под пластинами белой кости. Ворота в баронском замке, живые факелы на Ягодной гряде, пылающая башня Кутула... его собственная кровь, превращающаяся во всесокрушающий поток клубящегося пламени, рвущегося из вскрывшихся вен.

Сколько раз она приносила ему победы, эта перчатка. До того самого дня, когда потребовала возвращения долга.

Козлоногие знали, что ему подарить, знали даже слишком хорошо. Почему же всё-таки кипит эта война? С врагом, способным на такие дары, можно вести переговоры, можно попытаться склонить его к компромиссу...

Нет. Враг может оказаться умён, расчётлив, хитёр, он может тонко спланировать на много ходов вперёд, но при этом глубоко презирать тебя, до такой степени, что даже сама мысль о настоящих переговорах представляется ему глубоко кощунственной. Переговоры ведут с равными. Козлоногие людей равными не считали, в этом Император не сомневался.

Назад поворачивать смысла нет, пусть трясущаяся Сежес даже и не надеется. Но идти вперёд... уж слишком охотно подставился им этот проход с ловушками, обманул, усыпил бдительность, даже для верности (чтобы уж точно не свернули) — стрельнул настоящим арбалетным болтом. И они поверили, попались на крючок, с тем чтобы оказаться в тупике, запертыми в коротком коридоре, с обеих сторон закупоренном неподъёмным камнем.

Приведёт ли дорога именно туда, куда нужно? К тому самому «камню цвета кипящей крови», о котором так выразительно и многословно рассказывала замурованная в стене чародейка неведомого народа данкобаров?

Император опустил кулак. Привычная ярость вздымалась горячечной волной, жилы на левой руке вспухали, от плеча до кончиков пальцев под кожей словно катились цепочки шариков; над белой перчаткой стала подниматься дымка — испарялся обильно проступивший пот.

Каменная преграда манила, притягивала к себе взгляд Императора, словно сама напрашивалась на единственный разящий удар. Смети меня! Покажи свой гнев, сокруши все преграды, открой себе дорогу дальше, ещё дальше, до...

...до следующей такой же преграды.

Император не слышал собственного гневного рыка, не видел, как перепуганная Сежес упала на колени, пытаясь отползти и вжаться в угол; ослепительная вспышка боли, яростный жар, охвативший левую руку, — и Император

Мельина, резко повернувшись, направил удар вовсе не в преграждавшую путь коричневую плиту.

...Подземелье озарилось неистовой вспышкой. Обезумевший свет смешался с загоревшейся вдруг, обращённой в нечто большее, чем просто пламя, человеческой кровью.

Кулак Императора грянул в пол предательского коридора, там, где в него упиралась преградившая путь плита, и камень взорвался облаком плавающих на лету осколков. Плоть пирамиды текла и оплывала, сорвавшееся с белой перчатки пламя вскрыло целый лабиринт подземных ходов, озарённых сейчас свирепым рыжим огнём.

А Император увидел тот самый камень, о котором толковала Муруно. Глубоко-глубоко, в самом центре паутины, кристалл, висящий прямо в воздухе, самоцвет, алый, «точно горящая кровь».

Нет, ты ошиблась, медведица, чародейка данкобаров. Я вижу, как горит моя собственная кровь, и это пламя сейчас — снежно-белое. Я словно вонзаю огненный кинжал в плоть ненавистного врага, пусть даже он сумел вцепиться мне в горло. Это уже ничего не значит, мой клинок погружается всё глубже, он уже пробил доспехи и вот-вот дойдёт до вражеского сердца.

* * *

Легат Сулла, бессильно уронив руки, выслушивал доклады гонцов. Легион пробился в глубь катакомб. Старый вояка не ждал ничего хорошего, и потому Серебряные Латы шли, обвязавшись верёвками и прикрывшись здоровенными деревянными щитами, срубленными прямо тут, наспех, когда повелитель не вернулся к сроку. Несмотря на все предосторожности, почти два десятка легионеров или погибли, или получили ранения, но лучшие бойцы Императора только скрежетали зубами и упрямо лезли вперёд, несмотря на потери.

Потом ловушки кончились. Однообразный коридор, вырубленный в сплошном камне, ничего больше. Зачарованная спираль, уходящая всё глубже и глубже, ход без конца. Опасаясь волшебства, легионеры разматывали внушительной толщины канат, способный выдержать вес де-

сятка человек в полном вооружении; канат кончился, но никто и не подумал останавливаться.

Спуск продолжился. Спираль под остатками пирамиды увела очень далеко, так что даже Баламут признал, что они теперь — «ниже самых глубинных горизонтов», где когда-либо стучали кирки Подгорного Племени.

Ничего и никого. Император исчез бесследно.

Все эти часы Вольные не отходили от Дану по имени Сеамни Оэтаканн. Тайде не произнесла ни слова с того самого момента, как правитель Мельина скрылся в черноте пролома. Сперва стояла и просто смотрела на тёмную дыру, потом медленно вернулась в походный шатёр, села, сложила руки, закрыла глаза и погрузилась в транс. Вольные, куда лучше людей разбиравшиеся в подобных вещах, тотчас окружили её тройным кольцом. Сулла не перечил. Оставшиеся у него помощники Сежес ничего не смогли добиться. Надежда только на данку. Старый легат знал, на что она способна — Деревянный Меч впечатан в неё навечно, это скажет любой, кто был на поле битвы под Мельином.

Сеамни ничего не пила и не ела. Не шевелилась, и даже дыхание стало почти незаметным. Вольные, однако, исправно несли службу — к *гайлат* повелителя, того, кому они присягнули, не мог подступиться никто, и о каждом подрагивании её ресниц тотчас докладывалось Кер-Тинору.

Именно поэтому первые же произнесённые Дану слова, а именно: «Все прочь из-под земли!» донесли до легата Суллы незамедлительно. Сам же легат не стал выяснять, почему да отчего, а просто приказал — «всех наверх!»; и, наверное, именно поэтому никто не погиб, когда земля тяжело вздрогнула и на месте коричневых развалин взметнулся столб слепяще-белого пламени.

Сеамни Оэтаканн резко открыла глаза и встала.

— Он здесь.

* * *

...Сежес и Императора окутывала сфера истончённого, почти прозрачного пламени. Срывавшийся с белой перчатки поток огня крушил одну за другой каменные пре-

грады, однако Императору казалось, что это равномерно пульсирующий кристалл сам наплывает на него. Если бы правитель Мельина смог в тот миг оглядеться по сторонам, то узрел бы себя словно в вершине исполинского перевернутого конуса, на страшной глубине — и бесконечные извивы спиральной дороги, поднимавшейся вверх, к безнадежно далекому свету. Император и Сежес плавали в пустоте, вокруг них все взрывалось и горело, крепчайшая скала испарялась, словно вода на раскалённой сковороде, однако они до сих пор оставались живы. Волшебница взирала на повелителя с благоговейным ужасом — Император сейчас походил на древнего бога, занятого в своей кузнице, в дыму, пламени и крови рождающего новый мир..

Казалось, вокруг них корчится и стонет от нестерпимой боли сам Мельин.

А потом белое пламя столкнулось с мерцающими гранями кристалла, и все вокруг встало дыбом.

Кристалл разлетелся миллионами мельчайших брызг, в свою очередь обернувшихся языками пламени, но уже совсем иного, темно-багрового

Сила вырвалась на свободу, давно плененная и заточенная в темницу дикая сила. Незримая, в отличие от огня, она пронзала все и вся, проникая сквозь магическую защиту белой перчатки, сквозь стальную броню императора, сквозь плоть и кровь, впечатываясь в кроветворную сердцевину костей, намертво вплавляя себя в самое человеческое естество, привнося в него такую мощь, что не сможет долго пребывать в подобном вместилище.

Правитель Мельина успел заметить выкатившиеся от боли глаза Сежес, ее изломанный мукой рот, а потом небрежно надетый на шею волшебницы амулет Баламута взвился в воздух, цепочка натянулась и лопнула, камень засиял ослепительно белым, поток пламени устремился прямо в него, словно всасываясь во внезапно раскрывшуюся глубину. Сежес кричала — неслышимо в реве и грохоте огненного урагана.

..Император даже не успел подумать о конце — их

«пузырь» потащило вверх, он словно закачался на волнах тёмнопламенного моря, стремительно возносясь обратно к свету. Огонь затопил подземную пирамиду, его водовороты несли две жалкие фигурки всё выше и выше — до тех пор, пока не разъялась скала и Императора с Сежес не швырнуло под облачное небо, на самом краю великого Разлома.

Предохранявший их «пузырь» лопнул, и Император увидел: там, где недавно коричневели развалины, кипел водоворот, где тёмно-алое смешивалось с бледной живой плесенью, хлынувшей из ведущей в Эвиал бездны. Облака пара и жуткое зловоние — подземное пламя пожирало заливающую его мглу, но запасы Разлома казались неисчерпаемыми.

Сулле не требовалось отдавать команды — и Вольные, и легионеры сами, едва завидев Императора и Сежес на самом краю огненной бури, бросились на выручку.

Вдоль Разлома ползли новые трещины, из них вырывалось всё то же тёмное пламя. Две соседние пирамиды задрожали, их грани потрескались, из-под фундаментов протянулись к свету языки багрового огня; настоящая буря поднялась и в Разломе, мгла становилась всё плотнее, обращаясь почти в жидкость и перехлёстывая через края пропасти. Не то туман, не то взвесь, не то распылённая в воздухе слизь волна за волной заливали огнистые трещины, точно пытаясь загасить пламя. Огонь слизывал эти волны, пар почти застлал всё происходящее, однако люди видели — две пирамиды разом рухнули, торжествующее пламя взвилось над обломками — и затухло, погребённое под настоящим девятым валом, прокатившимся от Разлома.

Живой туман побеждал. Пар ещё валил из трещин, но огненные языки исчезли. Две пирамиды лежали в руинах, но дальше дело не пошло: цепь зиккуратов осталась почти что в неприкосновенности.

Буря утихала. Плававший в недрах огонь погас, кошмарное зловоние гнало людей прочь от Разлома; бесчувственную Сежес несли на руках Вольные, Император шагал сам, хоть и пошатываясь; левая рука повисла, ничего не

чувствующая, и со сжатой в кулак латной перчатки быстро капала кровь, скатываясь по гладко-белой кости и не оставляя следов.

Тело выло от боли, рвущейся из самой глубины, из костной сердцевины; Император чувствовал себя бокалом, наполненным до самых краёв, и содержимое стремительно разъедало стеклянные стенки, оно не признавало никаких границ.

Кровь стремглав мчалась по жилам, сочилась из пор. Странно, но правитель Мельина не ощущал никакой слабости. Он умирал, он знал это, как знал и то, что долг исполнен и можно спокойно уйти.

...Нечто мохнатое, крылатое, размером с доброго медведя, глухо завывая, пронеслось над головами и с размаху рухнуло в Разлом, на лету окутываясь огненным облаком, — Император едва повернул голову. Завет волшебницы Мурона исполнен. Кристалл разрушен. Вторжение козлоногих будет остановлено.

Глава третья

— Что это, сестра? — простонала настоятельница. Она словно уже забыла, что нынешняя проводница совсем недавно была её узницей.

— Что это, государыня моя? — мрачно повторил старый вампир Эфраим. — Это, достопочтенная, есть Западная Тьма, сиречь Сущность. Глашатай Спасителя, Его провозвестник и предтеча. Так считает Ночной Народ и так считаю я.

— Сестра? Он прав? — Настоятельница потянула Мегану за рукав, словно маленькая девочка строгую мать.

Хозяйка Волшебного Двора молчала.

Волшебница, вампир и «спасителява невеста» — более чем удивительная компания! — стояли на невысоком холме недалеко от южных ворот Аркина. Внизу, у подножия, вилась дорога, тщательно ухоженная и замощённая, чуть дальше, за дорогой, начинались фермы, местность исчертили живые изгороди, виднелись черепичные крыши и бе-

лые стены казавшихся игрушечными домиков — здесь, вблизи Святого города, даже крестьянские жилища должны были выглядеть «прилично», дабы не оскорблять взоры аркинской Курии, когда почтенные прелаты отправлялись на юг. Северу такого внимания не уделялось, да и что там делать Его Святейшеству?

Однако и поля, и дорога — всё было совершенно пусто, всё вымерло. И неудивительно — в море, что хорошо просматривалось с вершины, на внешнем рейде Аркина, чернели бесчисленные мачты боевых галер, и не требовалось особых познаний в военно-морском деле, чтобы определить, откуда корабли явились.

Но не галеры Империи Клешной притягивали сейчас взоры чародейки, Эфраима и настоятельницы. Они неотрывно смотрели на Аркин.

Святой город окутывала Тьма. Нет, не настоящая ночная темнота и, собственно говоря, даже не мрак, а какая-то пепельно-серая пелена, наподобие мелкой-мелкой паутины. Над престолом первосвященников Эвиала поднималась чудовищная призрачная сфера, и внутри этого «покрывала» творились какие-то совсем непонятные и очень неприятные вещи.

Мегана видела следы отплавших пожаров: однако огонь не пожрал всё и вся на своём пути, дома остались обглоданными лишь до половины, а кое-где выгорела только крыша. Волшебница отлично знала, что остаётся после буйства пламени даже среди выстроенных из камня кварталов, — а тут его кто-то словно вовремя залил водой.

Внешний обвод аркинских стен казался невредимым, но ворота были не просто широко распахнуты, а и вовсе сорваны с петель — это огромные, неподъёмные створки из кованой стали, гордость Святого города!

Серая завеса поднималась до самых облаков, терялась в них, но хозяйка Волшебного Двора чувствовала, что эта преграда тянется выше, много выше, может, до самых звёздных сфер, а быть может, и дальше.

Несмотря на то что они стояли на холме, поверх аркинских стен им открывались лишь шпили соборов да не-

сколько самых высоких крыш. Серая мгла застилала взоры, однако Мегана, отличавшаяся остротой зрения, видела там какое-то шевеление — и это были явно не люди. Что-то сновало вверх и вниз, сбивалось в клубки и снова распадалось, и это «что-то» на самом деле было чернее тьмы.

— Эгест, — вслух подумала чародейка. Вампир Эфраим сперва недоумённо свёл брови, но затем энергично кивнул.

— Точно, государыня. Как в Эгесте. Ночной Народ тогда по всем щелям забился, решил, что идут те, кто нас сменит...

Настоятельница упала на колени и зарыдала в голос. Нет сомнений, она тоже знала о судьбе северного города, угодившего — по милости Разрушителя — под удар Тьмы.

Мегана нервно потёрла руки. Она понятия не имела, что делать, какими заклятьями тут можно воспользоваться и поможет ли вообще хоть что-нибудь.

Эфраим с неудовольствием взглянул на рыдающую монашенку и потёр подбородок.

— Подлечу-ка я поближе. Нет, нет, один. А вы, сударыни, оставайтесь тут и помыслите, что можно предпринять. Я мигом, честное слово, и моргнуть не успеете!

Утро выдалось пасмурным, и вампиру лететь было легко; огромный нетопырь взвился в воздух и помчался прямо к серому занавесу. Только тут Мегана поняла, что завеса, хоть и медленно, но движется, растекаясь во все стороны.

Тьма сочилась сквозь пробитую брешь. Чисто академического интереса ради можно было б задаться вопросом «кто пробил?», но тут у хозяйки Волшебного Двора сомнений уже не оставалось.

Разрушитель был здесь. И похозяйничал вволю.

Эфраим заложил лихой вираж возле самой серой стены — за ним неспешно, словно по докучливой обязанности, потянулся язык пепельного тумана. Нетопырь проворнее забил крыльями, и Тьма отстала, точно поняв, что за этой добычей не угнаться; высунувшийся язык медленно и лениво втянулся обратно. Чёрные точки и росчерки

на шпилях и крышах задёргались, засуетились куда проворнее, будто муравьи, если ткнуть в их кучу палкой.

Держась на почтительном расстоянии от серой преграды, Эфраим полетел к морю — взглянуть на флот Империи Клешной; вскоре летучая мышь совершенно скрылась из виду.

Настоятельница тем временем почти успокоилась, лишь время от времени слышались сдавленные всхлипывания.

— Вставай, — Мегана потянула монашку за плечо. — Тут дело ещё хуже, чем я думала.

— Куда уж хуже, — проныла бывшая настоятельница. — Тьма прорвалась. Пророчество исполнилось. Спаситель... нисходит с высей горних... судить и рядить, каждому по делам его...

Мегана едва не влепила ей пощёчину.

— Вставай! Надо понять, что это такое, что стало с Аркином!

— А чего тут понимать... Западная Тьма сюда пришла, и теперь уже не отступит, покуда Он её не изгонит... и не нашей человеческой рукой тут что-то изменить...

Волшебница не выдержала — вцепилась монашке в плечи теперь уже обеими руками, затрясла что есть силы.

— Это Аркин! Твой город! Магия Спасителя!.. Да вставай же, вставай!

— Ты говорила... мы пойдём останавливать Его... а теперь... меня трясёшь?!

Ничего не осталось от властной и гордой женщины, одним движением брови заставлявшей трепетать бедных послушниц.

— Да, говорила, — в ярости выпалила Мегана, хватая настоятельницу за подбородок и заставляя взглянуть себе прямо в глаза. — У нас — есть — Его — кровь. Могущественный артефакт, никогда раньше не оказывавшийся в руках магов Эвиала. Надо только распорядиться им как следует. Я рассчитывала на Аркин... но теперь...

— А теперь и вовсе рассчитывать не на что... — Настоятельница обвисла, не сопротивляясь и являя собой пол-

ную покорность судьбе. Бей её, убивай, режь на куски — ничего уже не поможет.

— Мне надо прорваться в Аркин. Туда, к центру Святой магии, в ваш кафедральный собор. Ты острее меня чувствуешь свой город, скажи мне, что там? — трясла Мегана монашку.

— Ничего там больше нет. Ни магии Спасителя, ничего. Там только мрак. Протяни руку — рука отсохнет. Шагни за край — станешь её рабом. «Анналы Тьмы» предсказали всё правильно... Три пророчества исполнены. Больше Его ничто уже не сдерживает.

Мегана заскрежетала зубами. Когда власть великой Сущности ограничена некими независимыми от неё законами, кои она не может изменить по собственной воле, — это означает, что всегда есть шанс дать отпор, даже если эти «законы» и повернулись так, что воля надмирового создания кажется почти абсолютной и непобедимой. Почему исполнение пророчеств даёт Спасителю власть над Эвиалом? Что такого важного в Разрушителе или даже «прорыве Тьмы»? Как это связано с Его властью и силой?

Мегана надеялась найти ответы в Аркине, на алтаре кафедрального собора, соединить мощь чар Волшебного Двора и Крови гнева, но дорога в Святой город оказалась перекрыта.

И неизвестно, где Ан. Где Анэто, жив ли вообще?

Захлопали крылья. Вернулся Эфраим, перекинулся обратно, старчески побрюзжал, что, мол, совсем не осталось сил днём летать, и как только он сюда дотянул?

Не приходилось удивляться неутешительным вестям. Флот Империи Клешной стоял на якорях, и команды, составленные из оживлённых мертвецов, тупо пилились на серую завесу, застыв, точно в молитвенном экстазе. Сама же завеса не оставалась неподвижной: медленно расползлась во все стороны, и всё, оказавшееся под ней, тотчас замирало. Переставали раскачиваться ветви деревьев, трава прилегалась к земле, словно втоптанная в неё целым войском. Никого и ничего живого вокруг Святого города уже не осталось; звери, птицы, даже жуки и бабочки поспешили

убраться подальше, и печально шумели лишь обречённые дубы. Они показались Мегане последним отрядом, прикрывающим отступление разбитого войска; и о том лишь сожалели остающиеся, что их гибель ненамного задержит врага.

— Что это за твари внутри круга, Эфраим?

— Они не наши, — последовал ответ. — Как в Эгесте, я удостоверился. Такие же точно. Не отсюда, не эвиальские. Скапливаются, ползают туда-сюда... так и ищут, кого бы сожрать.

— И всё? А сама эта завеса, что она?

Вампир сокрушённо развёл руками.

— Она. Западная Тьма. Сгущается и расползается.

— Ты можешь проникнуть туда, в город?

Эфраим только покачал головой.

— Она враждебна не только людям. Ни вампиры, ни даже зомби тут не пройдут.

— А как же эти, которые внутри?

— Наверное, особая порода. А может, нам это только кажется, — философски заметил вампир.

Мегана бессильно уронила руки. Она вырвалась из заочения, она почти добралась до цели — только чтобы понять, что та недостижима.

* * *

Анэто пробудился от того, что кто-то осторожно коснулся его плеча. Еще не открывая глаз, понял, что лежит на мягком, почти неощутимом ложе высоко над землёй, где ветер скользит меж сплетённых ветвей в древесном домике нарнийских эльфов, искусно укрытом в кронах. Сколько же он проспал? Закатное солнце золотило листву, невдалеке лениво перекликалась птичья мелочь, словно никому не было дела ни до какого Спасителя, равно как и до Западной Тьмы, с маниакальной настойчивостью прорывающейся на восток Эвиала.

— Лежи, лежи, господин маг, — проговорил голос королевы Вейде. Анэто дёрнулся, накидывая плащ; властительница Вечного леса негромко рассмеялась.

— Люди... даже в самые последние дни вы не можете отбросить условности.

— Что происходит, милостивая королева? Что с заклатьем?

— Сегодня ночью, дорогой маг. Сегодня ночью.

— Пресветлая Вейде встанет на моё место?

— Именно, — кивнула эльфийка. — Мы должны получить ответ насчёт четвёртого пророчества.

— Четвёртого? Я думал...

— Дорогой мой Анэто, неужто вам не видна ещё связь между Спасителем и Западной Тьмой? Они неразрывны и неразделимы. Я должна взглянуть Ей в глаза, это правда, должна понять, насколько крепки ограждающие Её заплоты и что случится с ними, если мы уничтожим хранящийся в Аркине Ключ. Бояться не стоит, потому что бездействие наше приведёт к куда более жутким последствиям. Собственно говоря, ничего испортить мы уже не в состоянии. Эвиал обречён, и дело лишь в сроках.

— Звучит не слишком обнадеживающе, — заметил Анэто, потянувшись к чаше с водой для умывания.

— И, надеюсь, мой дорогой милорд ректор не обижается на давешнее? — вкрадчиво осведомилась эльфийка. — На сонный эликсир, который я позволила себе добавить вам в питье?... Вы отдали все силы, дошли до полного истощения и нуждались во сне, настоящем, долгом, глубоко, безо всяких мыслей, тревог и кошмаров.

— Гм... спасибо, — не слишком уверенно отозвался милорд ректор. Откровенность Вейде пугала больше, чем её бесконечные тайны, увёртки и недомолвки.

— Вам сегодня придётся держать меня, — прежним безмятежным голосом продолжала хозяйка Вечного леса. — Держать, когда я стану в фокус, и... когда начну, в общем. Держать, чтобы меня не унесло слишком далеко и я не досталась бы Западной Тьме на закуску. От милорда ректора, главы Белого Совета, потребуется всё, на что он способен, и даже больше. Вам надо было отдохнуть, мой дорогой маг. Что же касается будущего... оно ещё не наступило. И пусть мои слова прозвучали «не слишком об-

надёживающе», нам нельзя уступать страху. Сейчас у нас ещё есть шансы. Если упадём на колени, станем молиться и прочее — шансы эти пропадут совсем. Поэтому не обижайтесь на меня. Я надеюсь, вы восстановили силы, дорогой мой маг, потому что проспали, как говорится в сказках, «три дня и три ночи». Нет-нет-нет, — она выставила обе ладошки, — и слышать ничего не хочу. Милорд ректор, выжатый, как половая тряпка, мне сегодня не нужен. Мне нужен человек, муж в полном расцвете сил, способный — один из всех! — удержать меня на пороге бездны. Ни Айлин, ни Шоар, ни, да простится мне это злословие, бедняжка Соэльки на такое не способны, как и ни один из моих собственных подданных, эльфов Вечного леса. Вы, друг мой, — единственная надежда Эвиала. Да, звучит громко, но сейчас такое время, когда высоких слов бояться не следует. Они как нельзя лучше отражают реальность.

Она перевела дух, незаметно смахнула со лба выступивший пот, словно и не эльфийская королева, а обычная поселянка.

— Но у нас ещё есть время — до вечерней зари, мой любезный милорд ректор.

Анэто постарался, чтобы его слова прозвучали сухо и по-деловому:

— Пресветлая владычица. Признаюсь, что я потерял нить ваших рассуждений.

— Так спрашивайте, милорд, и я постараюсь ответить, — Вейде казалась самой любезностью.

— Вы встанете на моё место, Ваше величество. Взгляните в глаза Западной Тьме...

— Всё именно так, — с поистине королевским достоинством кивнула эльфийка.

— Что вы рассчитываете там увидеть, пресветлая?

— Я, по-моему, уже говорила, — с некоторым удивлением отозвалась Вейде. — Нам нужен Аркинский Ключ. Если он окажется в руках Разрушителя, всё пропало, Спасителя уже ничто не остановит.

— Но как этот ключ, — Анэто сделал неопределённый жест, — обрёл такую власть над Ним? Я вообще не слыш-

ком доверяю историям, где могущественная иномировая сущность оказывается в такой зависимости от вполне материального объекта, и...

— Нет, в самом деле, вы — истинный ректор, мой милый маг. Даже сейчас вы говорите со мной, словно стоя на кафедре. Точный ответ мне, увы, неведом. Но похоже, что дело тут в равновесии, в великом и всеобъемлющем законе, самом главном законе бытия. Чем могущественнее сила, тем в больших ограничениях она нуждается, чтобы, выражаясь по-простому, не наломать дров. Как возникают подобные ограничения — одна из величайших загадок мироустройства, любезный мой маг. Простите мне этот менторский тон, но я уже не один век ломаю над этим голову; если позволите, — она изящно поклонилась, — то, быть может, помог бы вот такой пример: по дороге едет закованный в броню воин, сильный, храбрый и прекрасно вооружённый. Навстречу ему вылетает орда мальчишек, кто-то швыряет камни; сами они не в состоянии серьёзно ранить рыцаря, но один из булыжников попадает коню под копыта, лошадь спотыкается, воин падает с её спины — и представим, что случилось всё это на мосту, рыцарь оказывается в воде и тонет. Можем мы представить этот камень великим, могущественным артефактом? Нет. Просто он оказался в нужном месте и в нужное время.

— Но, чтобы сбить рыцаря, сгодится любая каменюка, — возразил Анэто. — Его не для этого создавали, он просто *может* это сделать. А Аркинский Ключ? Едва ли это творение дикой природы.

Вейде с досадой поморщилась.

— Мой дорогой маг, в этом примере камень *случайно* оказался как раз тем, который подхватили. Аркинский Ключ *случайно* оказался связан со Спасителем. Требовалось нечто, наделённое достаточной силой — как в моём примере, сбить рыцаря мог только изрядно тяжёлый камень.

«Она уходит от ответа, нарочно всё запутывает, — подумал Анэто. — Наверное, раньше я бы запомнил это — и отступил, не стал настаивать, довольствуясь тем, что «раз-

гадал» её комбинацию. Но сейчас я ни до чего не могу думать. И потому — пойдём напрямик».

— Кто сделал Аркинский Ключ, пресветлая?

— Спаситель, это же очевидно, — безмятежно пожала плечами эльфийка. — Во время своего Первого пришествия.

— Ваше величество была этому свидетелем?

— Конечно, нет. Зачем этот допрос, дорогой мой Анэто? Да, я видела Спасителя. Смотрела Ему в лицо, вот так же, как сейчас вам. Но дела Его всегда оставались тайной. Так что я всего лишь строю предположения. Но, кроме Спасителя, создать такой артефакт некому. Полагаю, магам Ордоса, не говоря уж о Волшебном Дворе, такое не под силу, ведь верно?

Анэто нехотя кивнул.

— Да и архипрелаты Аркина далеко не сразу достигли высот в Святой магии, — продолжала Вейде. — А преграда на пути Западной Тьмы уже стояла. Следовательно, к ней имелся и Ключ.

— Замок на дверь можно повесить и после, — заметил Анэто.

— Ну, мой дорогой маг, нельзя же проводить настолько прямые аналогии. Барьер вокруг Западной Тьмы можно было сотворить только вместе с Ключом, одновременно, никак не после.

— Почему?

— Потому что такова его природа, — снисходительность сменилась несколько наигранным раздражением. — Зачем вы задаёте детские вопросы, мой дорогой маг?

— Потому что ответ «такова его природа» давно перестал меня удовлетворять. У нас совсем не осталось времени, мы вынуждены идти вслепую...

— Нет, — перебила Вейде. — *Мы* не идём вслепую. Вслепую пойдёте *вы*, если решите в обычной человеческой гордыне, что можете справиться здесь сами, без меня. Анэто, я отдала этому полторы тысячи лет. *Я* ждала Второго Пришествия, я...

— И пресветлая королева Вейде не знает, как посту-

пить, не знает, выдержит ли барьер вокруг Западной Тьмы, рискуя всем и вся, творит невероятные заклинания...

— Да! — яростно прошипела эльфийка, разом забыв о «милом друге» и «дорогом маге». — Я готовилась, чтобы спасти ваш паршивый мир, где вы только и можете, что резать друг друга. Я предавала и продавала, чтобы только сохранить нас, эльфов, за чьи спины вам, людям, сейчас придётся прятаться!

— Ваше величество, — с каменным спокойствием поклонился Анэто, — я отдаю дань вашим актёрским способностям. Впрочем, неудивительно — вы ведь шлифовали их полторы тысячи лет. Сейчас вот вы разыграли ярость и всегдашнюю, *ожидаемую людьми* неприязнь к ним эльфов. Не знаю, зачем вам это надо, дорогая королева. Но догадываюсь. Ваши заклатья имеют несколько слоёв; я всего лишь человек, маг, я не прожил пятнадцать веков, готовясь к этому дню, но эти слои — почувствовал. Вы задумали что-то ещё, светлая владычица. Вы подъяли мёртвых, подъяли их столько, что все ужасные деяния Салладорца или некроманта Неясыти по сравнению с этим — детские забавы. Зачем вы это сделали, королева? Я видел — павшие эльфы поднялись и растаяли, а остальные, мёртвые других рас, отдавали вам свою силу. Заклятие прервалось, когда вся эта мощь вливалась в вас, пресветлая. Что дальше, Вейде? И что случится со всеми, кого это заклинание вырвало из могильного покоя?

Вейде выслушала гневную тираду мага молча, не двигаясь и не перебивая, только сверкали огромные дивные глаза.

— Вот так. Мой дорогой маг, получается, разоблачил коварные замыслы предательской эльфийки, смело бросил ей в лицо слова обвинения...

— Нет! — резко оборвал её Анэто, надвинувшись, так что Вейде от неожиданности осеклась. — Не потому, что замыслы «предательские». Не верю, что светлая королева Вечного леса *может* сейчас кого-то предавать. Нет, Ваше величество. Вы просто используете нас, не говорите нам всей правды; но предавать — не предаёте. Нам действи-

тельно надо встать спина к спине, если есть ещё хоть какой-то шанс пройти по волосяному мосту между Спасителем и Западной Тьмой. Я по-прежнему готов сделать всё, что от меня потребуется. Но я бы предпочёл, чтобы королева Вейде высказывалась о своих планах более откровенно.

— Хорошо, — помедлив, уже мягче отозвалась эльфийка. — Я действительно поднимала мёртвых, но совсем не так, как обычные некроманты. Подъятые делились со мною той силой, что владели при жизни, неважно, простые пахари или могущественные маги. Я потревожила прах Ночного Народа, вскрыла их тайные погосты, проникла в скальные гробницы властителей Синь-И, обобщила весь мир, Анэто. Я боюсь, что мои нарнийские братья не одобрили бы такого.

— Как это «не одобрили»? Весь Эвиал готов рухнуть, а они бы «не одобрили»?

— Надо знать Тёмных эльфов так же хорошо, как их знаю я, чтобы понять, Анэто.

— Мне они не показались настолько уж непознаваемыми, моя королева.

— Очень хочется ответить: а вы поживите с моё, любезный милорд ректор. Нарнийцы помешаны на чести, Анэто, на своём собственном кодексе, зачастую не слишком совпадающем с нашим или же человеческим. Они совершенно спокойно откажут в помощи преследуемому, если сочтут, что это поставит Нарн под угрозу. И они совершенно спокойно совершат общее самоубийство, если решат, что иного пути для защиты чести не осталось.

Анэто промолчал.

— Побеспокоить мёртвых — с их точки зрения, величайшее преступление. За него карают изгнанием. Ни один эльф никогда не перемолвится с изгнанником и единым словом. Вы — человек, вам... действительно не понять, что это значит для моего народа. Мы... говорим не только словами.

— Покарать изгнанием — одно, а приговорить весь мир — несколько иное, не согласны?

— Беда в том, — вздохнула Вейде, — что, с точки зрения обитателей Нарна, спасти мир такой ценой — значит обречь его на куда более страшную участь.

— Принцип меньшего зла?

— Совершенно точно, — оживилась эльфийка. — Вот поэтому я и... гм... сочла возможным не ставить их в известность обо всех деталях моего плана. А мне нужна сила, любезный милорд ректор, очень много силы, куда больше, чем может дать даже эта фигура, которую я рассчитывала и планировала последние лет триста, и то еле успела.

— И что вы хотите сделать с этой силой, королева? Что она может? Отбросить Спасителя? Залить светом Западную Тьму? Что?

Вейде усмехнулась.

— Нет, мой дорогой маг. Такие... создания вообще непобедимы посредством чистой мощи, они сами по себе — такая мощь. Если вода прорывает плотину, то единственное средство — открыть для неё каналы. Она их заполнит и успокоится; а срочное возведение на её пути ещё одной преграды кончится лишь большею бедой.

— Как вы хорошо рассуждаете, пресветлая королева, — покачал головой Анэто. — Всё просто, понятно и ясно, что делать дальше. Вам ясно. А вот мне — нет. Иносказания, образы... а что делать, я по-прежнему не знаю.

— Хорошо, — казалось, Вейде с трудом сдерживается. — Я высоко ценю вас, мой дорогой маг, и потому откажусь от некоторых своих привычек, как то: никогда ничего не повторять.

Первое, — она принялась напоказ загибать пальцы. — Мы должны овладеть Аркинским Ключом. Любой ценой, и я имею в виду именно это: «любой», за исключением только одного — я сама погибать не имею права. Просто потому, что меня никто не сможет заменить, даже вы, не в обиду будь сказано, дорогой мой Анэто...

— Я не обижаюсь, — спокойно ответил Анэто. — Я создаю ограниченность своих сил и познаний.

— Замечательно, — проворчала эльфийка. — Второе. Как только Ключ окажется в наших руках, мы уничтожа-

ем его. Каким именно образом — будет ясно после того, как я взгляну в лицо Западной Тьме. Ну... или не уничтожаем, но «упокаиваем», да простится мне жаргон некромантов. Всё упирается в Ключ, Анэто. Это последнее, что сдерживает Спасителя. Уже устала повторять, да ещё и вашими человеческими словами!.. — не сдержалась она напоследок. — Язык от них ноет.

— Сочувствую, моя королева, — съязвил Анэто. — И как же нам завладеть сиим артефактом?

— На этот вопрос тоже ответит наше сегодняшнее заклятье, мой дорогой маг.

— Хорошо. А как быть с другими бедами, прорывом Тьмы, например? Белый Совет всегда держал множество наблюдателей в самых разных местах Старого Света. Их делом было именно следить за возможным прорывом Тьмы. Конечно, некоторое время я, м-м-м, не получал от них сообщений, но...

— Тьма прорвалась. Пока не знаю где, — покачала головой Вейде, не обращая внимания на злую иронию мага. — Но надеюсь сегодня узнать и это.

— Хорошо бы. Но, пресветлая, после этого — нам ведь всё равно придётся идти на Аркин?

— Да. И брать его штурмом.

* * *

Мегане, Эфраиму и настоятельнице ничего не оставалось делать, как медленно отступать от оказавшегося недосягаемым Святого города. Тьма расползалась, и земля застывала, умирали ветра и воды, всё погружалось в оцепенение.

— Вечная осень, — прошептала настоятельница, с трудом отводя взгляд от облетевшей рощицы, затопленной серыми сумерками.

— Осень, но зима её уже не сменит, — неожиданно поэтически заметил вампир. — Последний сон, и уже всё — больше не проснёшься.

Мегана ничего не ответила. Она брела, сцепив зубы и

сжав кулаки, поминутно оглядываясь на сгущающуюся серую завесу у них за плечами.

— Государыня, — осторожно проговорил Эфраим. — Дозволено ли будет осведомиться, куда мы теперь направляемся?

Чародейка тяжело вздохнула. Вампир прав — куда им теперь уйти? Образа Спасителя плачут кровавыми слезами; и как можно этому противустать? Аркин закрыт; где Курия, где Святая Инквизиция?

Всё мёртво вокруг. Брошены поля, пусты фермы и деревеньки, пусты загородные резиденции высокопоставленных прелатов — на Святую Область словно обрушился мор.

Трое путников не шли, не тащились — почти пятились на север, не в силах отвести взглядов от неспешно растекающейся, победительной тьмы. Вернее, чего-то, очень на неё смахивающего.

Вампир взял на себя заботы о пропитании — летал, шурша кожистыми крыльями, гоняясь за кем-то по кустам, но вернулся ни с чем и только скрежетал зубами. Зверьё ушло, бежало прочь, как от лесного пожара.

Вечером Мегана остановилась. Куда идти дальше, да и зачем?

Что остаётся делать?..

Не хочется уходить, так и не увидев Ана, не услышав его голоса, не посмотрев в его глаза — и пусть всё остальное провалится в тартарары. Где там сейчас Этлау, где Инквизиция — до неё ли им, когда образа Спасителя плачут кровью?

Позади, по шпилям Аркина всё оживлённее снуют тёмные существа; и она, Мегана, дальше не побежит.

Во всяком случае, пока не услышит Анэто.

Подобно тому, как уходила весть магам Ордоса и Волшебного Двора, когда они собирали подмогу против Этлау, Мегана звала и сейчас. Только на сей раз она не прятала чувства под черепашьи панцири тайнописи.

Где ты, отзовись. Где ты, я вырвалась из заточения, я вернулась, я тут. Отзовись, нам осталось совсем немного времени, ну откликнись же!..

Тишина и молчание.

А темнота за спиной всё расползается. И чёрные твари, слезая со шпилей, собираются у самой черты. Кажется, они всей массой давят на серую преграду, собой проталкивая её всё дальше и дальше.

Эфраим только цокал языком.

Делать было нечего, и трое спутников отступали по главному тракту, связывавшему Аркин и Эгест (ещё одно напоминание!).

Смеркалось, они не решились остановиться. Позади сиротливыми призраками застыли опустевшие деревни; настоятельница упросила их зайти в покинутую церковь — образа Спасителя сплошь покрывала алая кровь. Монахиня взвизгнула и бросилась прочь.

...В сумерках за их спинами шпили Аркина неожиданно засветились — гниlostным зеленоватым светом.

— Началось, — вдруг выдохнула настоятельница, останавливаясь и падая на колени. — Спаситель, отец наш, заступник и опора, спаси и сохрани от всякого зла, предаю душу свою в лоно твоё...

В одном месте серый занавес лопнул, и Мегана увидела, как в призрачном свете поток чёрных теней вприпрыжку устремился по дороге. Мгла, казалось, погналась за ними, и вскоре над дорогой повисли многоголосый вой, рычание, рёв, скрежет, в которых хозяйке Волшебного Двора слышалось злобное разочарование.

Зелёное свечение становилось всё сильнее, затмевая звёзды; стало светло, словно в ночь самого яркого полнолуния. Выше на холме показалось ещё одно селение, на сей раз — обитаемое; горели огни, перекликались голоса.

Эфраим выразительно взглянул на Мегану.

— Конечно, — кивнула она. — Оставайся здесь, я говорю...

— О чём?! — заверещала настоятельница, вцепляясь в плащ чародейки скрюченными пальцами. — Всё, кончились разговоры наши! Молитесь, вы, все!! И ты, вампир, тоже молись, раз живой, значит, и душа в тебе живая есть,

молись, молись, тебе говорю!.. — Дальнейшее потонуло в утробном вое.

Эфраим и Мегана переглянулись.

* * *

Вейде ушла, скользнула гибкой зелёной тенью по ви-сячей дорожке, проброшенной между деревьями Нарна. «Брать штурмом...» Анэто устало опустил на узкую ле-жанку-гамак. Действительно ли пресветлая этого хочет?

Если да, то поднимать полки на приступ все равно придется ему, а не кому-то другому. Люди за эльфийкой не пойдут, будь она хоть трижды королевой.

Чародей с досадой подумал, что совсем не появляется в лагере собственного войска, устроенном на границе Нар-на. Тёмные эльфы допустили в глубь своих владений од-ного милорда ректора, не сделав исключений ни для кого.

Сумеречное небо озарилось, огненная черта рассекла горизонт; донёсся отдалённый и глухой грохот. Ещё одно чудо, упавшее с неба. Последние дни их становилось всё больше и больше. Небось и это не последнее, их теперь видно даже на ярком свету.

Да, вот и второй. Ближе; наверное, на самой окраине Эгеста. Интересно, что скажет по их поводу Вейде; занял-ся бы сам, но, проклятие, как же он устал, сил совсем не осталось, а надо вставать и идти.

«Сегодня ночью, — стучало в голове. — Сегодня. Вей-де встанет в фокус исполинской звезды и... — и что то-гда?» Многоопытный чародей, глава Белого Совета терял-ся в догадках. Ответы королевы Вечного леса убедили его только в одном — эльфийка ведёт свою игру, и она, эта игра, не имеет почти ничего общего с её словами. Поме-шанные на чести нарнийцы могут этого и не заметить, но он-то, он!..

Анэто считал себя прожжённым интриганом, умею-щим видеть всё самое низкое и подлое, ведь иначе, пола-гал чародей, ему никогда бы не продержаться столько вре-мени на самом верху пирамиды, умело лавируя между вла-стями предрежащими Старого Света. Ордос ни с кем не

воевал в открытую. Столкновение с Инквизицией после штурма Чёрной башни стало первым.

План у Вейде явно с двойным дном. И это значит, что ему, Анэто, сегодня нельзя просто «держать» эльфийскую чародейку.

Ректор ордосской Академии расправил плечи, глубоко вдохнул. Да, в небесах творится Спаситель ведаёт что, подобного нет ни в одной хронике, но сегодня надо забыть об этом.

Забыть обо всём, кроме одного — во что бы то ни стало прочесть творимое владычицей Вечного леса заклинание.

Чародей потянулся к посоху, когда привычно захолодило голову и знакомый голос тихонько прошептал «Ан!..»

У волшебника подкосились ноги. Раньше он считал, что подобное случается только с героями слезливых баллад, распеваемых миннезингерами.

«Мег?! Мегана, где ты?!»

«Ан... Ан, ты жив...» — выдохнули там, в дальней дали.

«Где ты? Мегана?»

«Возле Аркина. Со мной всё в порядке. А ты, ты?..»

«Со мной тоже. Мы в Нарне, с эльфами и Вейде. А ты... возле Аркина? Послушай, но как?..»

«Потом расскажу, Ан. Аркина больше нет, понимаешь? Вместо него — только Тьма. И ещё что-то, куда хуже и страшнее. И... образа плачут кровавыми слезами, Ан. Конец близок. Совсем близок».

«Мег! Мег, выходи на тонкий путь. Что тебе там делать?! Выходи, слышишь, я удержу...»

Волшебница грустно усмехнулась.

«Ан, ты не знаешь, что тут творится. Помнишь Эгест после визита некроманта? Так вот, здесь это намного хуже. Намного. Твари... бестии... не описать словами... Тонкие пути дрожат и содрогаются. Боюсь, они меня уже не удержат».

Эгест. Ну да, конечно. Они побывали там вместе с Мег и Кларой Хюммель, вскоре после визита некроманта Нейсыти.

«Что, снова? То же самое?»
«Гораздо хуже, Ан. Гораздо!..»
«И что происходит?»

«Твари напирают на тёмный барьер. Кажется, он их сдерживает... а они воют, рычат, рвутся наружу... Кое-где прорываются».

«Мег, уходи отсюда. Слышишь? Уходи немедленно!»

«Здесь люди, Ан. Мы уже достаточно далеко от Святого города, здесь было спокойно, люди оставались, бежане задерживались...»

«Мег! Ты им уже ничем не поможешь. Только погибнешь зря. А вместе мы, быть может...»

* * *

«Ан, — сердце у неё заходило, словно от долгого бега. — О чём ты? Образа заплакали кровью, и...»

«Вот именно! — зло перебил он. — Образа заплакали кровью, Ему осталось совсем немного, и тогда всё вообще станет неважным. Не задерживайся ни на минуту, слышишь? Ни на миг, выходи на *тонкий путь*, я дам маяк, я помогу удержать тропу, ты окажешься прямо тут, в Нарне, Мег, слышишь? Мег... — он запнулся, — Мег, любимая. Прошу тебя. Умоляю. Проклятие, у меня никогда не хватало слов для таких случаев...»

Мегана улыбнулась. Внутри стало тепло-тепло, словно в лютую стужу она глотнула обжигающе-горячего вина с пряностями.

Глупые мужчины. Они думают, что достаточно произнести одно-единственное слово, и женщина немедля забудет обо всём, бросится следом, чтобы только припасть к груди и спрятаться у них за спиной?

«Ан. Спаситель — ещё там, а чудища — у меня за плечами. Обещаю, как только отражу приступ и выведу людей из-под удара, не промедлю и мгновения. Хорошо? Не сердись, милый, — подсластила она пилюлю напоследок. — Всё хорошо. Мы свободны и живы. Мы можем говорить друг с другом. Что ещё надо?»

«Дом на тёплом берегу, старый сад и пятерых дети-

шек, — вдруг ответил Анэто, и в его мыслях уже не чувствовалось прежней горечи и злобы. — Сделай, как считаешь нужным, Мег. Тебя не переубедишь, как и меня. Сделай, что должна, и позови меня, хорошо? Обещаешь?»

«Обещаю, милый мой. Обещаю», — послала горячую мысль Мегана.

«А ты уверена, что чудовища нападут?» — вдруг забеспокоился милорд ректор.

«Уверена, Ан. Я чувствую их жажду. И преграда, что сдерживает их, уже истончилась до предела...»

«Всюду одно и то же, — с непонятной тоской отозвался маг. — Откуда они только берутся и что жрут, если на зуб не попадает ни одного человека?»

«Мы обсудим это, как только я вернусь, обещаю, — послала Мегана. — Если только не найдём занятия поинтереснее».

Она не стала говорить, что уходить им, собственно говоря, уже некуда.

* * *

...Ането почти без сил рухнул на свой гамак. Мегана. Живая. И конечно же, ввязавшаяся в какую-то бессмысленную драку. Чудовища, серая завеса, Тьма, овладевшая Аркином; интересно, что по этому поводу думает Вейде?

Ректор Академии Высокого Волшебства больше не мог сидеть на месте: спустился на землю по тонкой, но очень крепкой лесенке из лианы, в которую гостеприимные хозяева вплели сучки-ступеньки. Двое нарнийцев, оставленных при нём не то в качестве охраны, не то — почётной стражи, вскочили на ноги и с достоинством поклонились.

— Мне надо разыскать владычицу Вейде, — не стал терять времени Анэто.

Старший из эльфов неспешно кивнул.

— Мы пошлём весть.

— Прошу поторопиться, — волшебник еле сдерживался. — Новости очень важные, о достойные стражи Нарна. Очень важные.

— Мы понимаем, милорд, — вежливо отозвался кив-

нувший ему нарниец. — Не беспокойтесь. Владычице всё будет передано, как только она отзовётся.

Анэто молча и отрывисто кивнул. Отвернулся, вонзив посох в землю и до боли сцепив пальцы на блистающем камне в оголовке. Мегана, Мегана, Мегана — стучало в висках. Что она задумала? Зачем эта бессмысленная бравада, этот бой — что она хочет доказать? Свою храбрость?..

«Очень скоро нам понадобится вся наша храбрость, — мрачно подумал он. — Когда придёт время взглянуть в лицо Спасителю».

* * *

— Пресветлая госпожа чародейка... пресветлая госпожа...

Кто-то настойчиво тянул Мегану за полу длинного плаща.

Девчонка лет семи, держит за руку двухгодовалого карапуза, от смущения прикрывающего глазёнки чумазой ладошкой.

— Пресветлая госпожа... скажите, вы ведь их прогоните, верно? Правда прогоните? А то мама сказала...

Мегана всегда считала себя начисто лишённой сентиментальности, детей чародейка не имела и не любила — но сейчас по сердцу словно провели когтистой лапой.

— Мама, конечно, знает, что говорит. Но мы их прогоним. Это я тебе обещаю. Не сойти мне с этого места.

— Ой, спасибо, пресветлая госпожа! — заулыбалась девочка. — Так всех и повешу: мол, мне сама госпожа Мегана сказала!

— Повести, повести, — волшебница осторожно погладила её по голове. — Повести обязательно.

Девочка церемонно поклонилась, как принято было кланяться священнику, и, таща за собой спотыкающегося малыша, мелкой рыбёшкой скользнула через толпу — только и мелькнула пара длинных косичек.

«Мы их прогоним, — повторила про себя чародейка. — А если нет — обещаю тебе и твоему братику: вы ничего не почувствуете и ничего не увидите. Вы просто заснёте, креп-

ко-крепко, и последний сон будет чист и прекрасен, как весенняя заря. Живыми вы *им* не достанетесь. Как и я».

...Селение под названием Левые Зыбуны кишмя кишело народом. Большинство — бежавшие из Аркина и его окрестностей, иные пришли из Эгеста, его южных областей, когда через них проходила маршем мёртвая армия некроманта Неясыти. Множество людей сбились возле церкви, храм переполнился, и народ молился, упав на колени где придётся. Вдруг песнопения пресеклись чьими-то отчаянными вскриками и рыданиями: серая завеса, до толе приближавшаяся со скоростью размеренно шагающего пешехода, рванулась вперёд двумя рукавами, в несколько мгновений замкнув кольцо вокруг селения.

Собственно, после этого в деревне и началось почти что форменное светопреставление. Только что ожесточённо швырявшие пожитки на телеги люди замирали, остановившимися взглядами упираясь в окружившую их дома мглистую стену, за которой корчилося, извивалось, шелестело, клало многоногое, многожвальное воинство. Мегана видела, как твари со всего размаха бросались на серый занавес, бились, словно рыбы в сети, тщась разорвать отгородившую их от людей завесу; и преграда мало-помалу поддавалась, истончалась, становясь почти прозрачной. То одна, то другая бестия с размаху бросались вперёд, впечатывая уродливые морды в серое нечто, отпрыгивали с воем, словно от боли, но попыток не оставляли.

Люди в Левых Зыбунах молились, громко призывая Спасителя. Кто-то выл, не хуже чудовищ за серой мглой, кто-то прилюдно каялся в грехах, кто-то, несмотря ни на что, тащил за волосы визжащую женщину — прилюдно кающийся только что признался, что имел с нею «грех».

Настоятельница, надо отдать ей должное, сумела взять себя в руки — ходила среди молящихся, присаживалась рядом, обнимала за плечи, что-то шептала, поминутно осеняя себя знаком Спасителя и многозначительно указывая пальцем в такие бестревожные и мирные небеса.

Эфраим угрюмо стоял рядом с Меганой, завернувшись в плащ и накинув капюшон. «Да, тебе-то ничего, — не-

вольно подумала волшебница, — взлетел — и всё, свободен...»

Стены серой хмари поднимались высоко в небо, но всё-таки не до самого звёздного купола, крылатое существо могло спастись. Чародейка искала глазами в толпе давешнюю девочку — вон она, вместе с братцем, послушно стоит на коленях рядом с истово молящейся матерью.

Наверное, Эфраим смог бы вынести их отсюда, пришла мысль. Пусть не всех, но хотя бы детей... перелететь с ними через завесу. Смог, если бы для этих селян вампир — не был едва ли не хуже самой Западной Тьмы. Здешние пахари скорее отдадут детишек скапливающимся за чертою бестиям, чем позволят «кровососу» улететь вместе с ними.

Серая мгла удерживала тварей Тьмы в клетке, пусть не очень надёжной, но всё же удерживала. До срока, и — чувствовала Мегана — этот срок стремительно истекал.

Ну что, хозяйка Волшебного Двора, помнящая ещё времена «передачи посохов»¹, пришёл твой черёд? Дать бой, несмотря ни на что. Быть может, бесполезный — Анэто прав, если Он явится сюда, не останется ни людей, ни пожирающих их чудовищ — но я намерена его выиграть. Каждый прожитый миг — уже победа. Победа над всеми этими «иномировыми сущностями», самыми настоящими вампирами, по сравнению с которыми старый Эфраим — сущий агнец, образец смирения и добродетели.

Вокруг чародейки образовалось пустое пространство — на неё почти не обращали внимания, люди готовились к «последнему суду», как гласило священное предание.

Едва державшийся на ногах священник показался из церковных дверей, трясущейся рукой раздавая благословения рванувшимся к нему. Мегана вздохнула — ещё совсем недавно она тоже принадлежала к «чадам Спасителя», внимала проповедям, старательно читала писание... в другой жизни, совсем другой.

Замкнувшаяся вокруг деревни серая завеса, однако, совсем перестала приближаться. Чёрные твари бесились

¹ См повесть «Вернуть посох» в сборнике «Дочь некроманта»

извне, давили и рвались, но преграда держалась и держалась.

Священник обходил коленопреклоненные ряды, осеня паству знаком Спасителя. Когда, описав круг, настоятель оказался совсем рядом с Меганой, чародейка, чтобы не навлечь на себя гнева толпы, тоже склонила голову.

Склонила, и потому пропустила момент, когда, словно повинувшись набравшему силу молитвослову, серая завеса прогнулась под отчаянным натиском — на неё разом бросился целый сонм чёрных тел — и лопнула.

Мегане почудился пронёсшийся едва слышный стон — словно женщины в родовых муках.

Чёрный поток ринулся вверх по склону, топча живые изгороди и опрокидывая плетни. Песнопение пресеклось, сменившись воплями ужаса, однако священник только взмахнул руками, сам заведя канон в полный голос — и оцепеневшие люди подхватили.

Эфраим выразительно взглянул на чародейку. Мол, если ты решила драться, сейчас самый для этого подходящий момент. Или же пора, гм, как бы это помягче выразиться — пора уносить ноги.

Мегана только улыбнулась. Лёгкая теплота из души так и не уходила, слова Анэто катались внутри, точно мягкие шарики, и очень хотелось взлететь. Вот просто взять — и воспарить над этой землёй, неважно, духом, призраком или крылатым существом. Сейчас она казалась себе всемогущей. Твари? Бестии? Монстры Тьмы? Что ж, чем больше, тем лучше! Настало время хозяйке Волшебного Двора показать себя во всей красе.

Ничего особенного. Это просто прорыв Тьмы. Тот самый, которого так боялся Белый Совет, распахав наблюдателей по всему Старому Свету, за исключением лишь Империи Клешной — чтобы, упаси Спаситель, не пропустить.

Чего тут бояться? Ведь это просто смерть. Самое банальное и обычное, что только случается в жизни.

Бегите, бегите быстрее. Вы просто морок, обрывок ночного тумана, случайно занесённый в дневные пажити. Вы

истаиваете на свету, несмотря на все устрашающие атрибуты, а может, именно благодаря им.

Идите ко мне, ведь вы устали от собственной злобы. Она распирает вас, это единственное, что вам оставил неведомый создатель. Отними у вас злобу — и не останется вообще ничего.

— Государыня... — едва шевеля губами, проскрипел рядом Эфраим. Вампиру, похоже, очень не хотелось расставаться даже с его нынешней не-смертью и не-жизнью.

— Не бойся, — безмятежно проговорила волшебница, не сводя взгляда с катящейся лавины. — Ничего не случится. Совсем-совсем ничего.

Кажется, вампир решил, что она лишилась рассудка, если судить по брошенному на неё взгляду; Эфраим повёл плечами, словно проверяя, легко ли сбрасывается плащ и не запутается ли он в нём, когда придётся перекидываться в летучую мышь.

— Не медли, чародейка.

Ого. А это уже настоятельница. Я и не заметила, как она оказалась рядом.

Не бойся, тут нечего бояться, слышишь? Сейчас я всё сделаю, только не шевелись и не мешай мне... Что? Ты меня не слышишь? Или это я забыла, что слова надо проносить вслух?..

Ну, давай, Мегана. Ты чувствуешь, как по жилам струится уже не кровь, а чистая сила? Ощущаешь, как земля уходит из-под ног, исчезает вечная её тяга, погибает горизонт и ты оказываешься словно на дне исполинской чаши? Видишь, как вскакивают, пытаются бежать и снова падают только что истово молившиеся люди? слышишь их крики? — нет? Ах, да, ведь для тебя сейчас ничего не существует, только ты, набегающие монстры да ещё Ан — там, глубоко внутри тебя, его второе «я», которое всегда с тобой; и ты, Мегана, ты вскидываешь и резко роняешь руки, не потому, что твоё заклинание требует каких-то жестов: просто тебе невыразимо хочется, словно мужчине-воину, ощутить движение, ломающее врагу горло и опрокидывающее его на истоптанную землю.

Мегана не чертила магических фигур — свободнотекущей силы хватало и так. Старые формулы неотменимого уничтожения, распада и рассеяния сами оживали в памяти — чародейка зазубрила их ещё в далёкой юности, но с тех пор никогда не пользовалась.

Разрушение не с помощью «стихийного посредника», огня, молнии или рушащихся валунов, нет — разъятие тех незримых скреп, что есть в любом магическом создании. Высший уровень мастерства для любого эвильского чародея.

В Мегане не клочкотала сейчас ярость, не бушевал гнев, нет, она оставалась каменно-спокойной и чуть ли не погружённой в безмятежное созерцание. Гнев и ярость делают тебя уязвимой, учили древние трактаты из Синь-И, чьей мудростью не пренебрегал Волшебный Двор.

Сейчас. Пусть... пусть подойдут поближе.

Это, оказывается, тоже наслаждение, и притом из самых острых — балансировать на самом краю, на последней грани, ощущая своё могущество, упиваясь им и зная, что ты — господин в жизни и смерти таких страшных и непобедимых на вид тварей.

Сейчас, Мегана. Один удар — и всё. Люди спасены, они в безопасности. Пусть на время, но сейчас важен каждый выигранный день, каждый час. Эти несчастные не должны призывать Спасителя. Я должна показать им, что есть и другие силы, что есть другая надежда. Что за наш мир ещё можно драться и побеждать. Я должна...

— А-а-а-а!!! — раздалось прямо у неё за спиной.

Настоятельница. Несчастливая обезумевшая монахиня, которую она, Мегана, за волосы вырвала из рушащегося монастыря только лишь затем, чтобы привести в новую ловушку.

— Стой! — завопила чародейка, решив, что бедняга окончательно лишилась рассудка и намеревается покончить с опостылевшим существованием. Ведь я же говорила ей... или нет?!

Настоятельница не обернулась, просто раскинула на бегу руки и что-то прокричала — Мегане послышались

начальные строчки общей молитвы Спасителю, но дальше последовало нечто совершенно непонятное.

С растрепавшихся волос бегущей одна за другой посыпались белые искры. Их становилось всё больше, они сливались в сплошной поток, и вот уже за настоятельницей поплыл настоящий призрачный плащ, сотканный из кристально чистого снежного пламени, девственного, словно горные вершины под ярким летним небосводом.

Магия Спасителя. Незамутнённая, в своём первозданном виде. Мегана оторопела — она никогда ещё не сталкивалась с такой мощью. Волшебный Двор, несмотря на веру своей собственной хозяйки, держался подальше от Его слуг и слов.

Не останавливаясь, бегущая ворвалась прямо в гущу крысолодов и прочей нечисти.

Мегана почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. Что она наделала, эта глупая монахиня? Для чего всё это?..

Миг спустя волшебница поняла, для чего. Когда чёрные жвалы, челюсти, щупальца и клинки в лапах крысолодов разом обрушились на облачённую в белое фигуру, неподвижно застывшую в самой середине их катящейся лавины.

«Всё тебе!» — прозвучало в сознании Меганы за миг до того, как белое сияние исчезло, погребённое под темной шевелящейся массой.

Монахиня не вскрикнула, с её губ не сорвалось ни единого стога; но Мегана едва устояла на ногах, когда на неё обрушился поток небывалой, невероятной мощи.

Зачем, сестра, зачем?! — хотелось ей закричать. Я справилась бы с тварями и так... или тебя обмануло моё кажущееся бездействие?

Но теперь Мегана смогла бы справиться с несущейся ордой, что называется, одним мановением руки.

Сейчас!..

Стон-выдох, режущая боль в груди, словно отданная погибшей настоятельницей сила не желала покидать своё новое обиталище. И — ощущение лопнувшей струны,

рухнувшей преграды, обвалившейся плотины, и потока, устремившегося в открывшийся пролом.

Хозяйка Волшебного Двора нанесла свой удар. Запоздавший, но сделавшийся куда более убийственным. Он накрыл всех тварей без исключения — и Мегана поняла наконец, что переоценила себя. Без отданного монахиной она достала бы самое большее четверть той дикой стаи, что рвалась сейчас к вожделенной живой добыче.

...Когда скрепы рвутся, наполнявшая их сила ищет выход. И находит — в бешенстве, принимающем форму буйства стихий.

Ряды мчащихся монстров мгновенно испятили вспухшие там и тут огненные шары, лопающиеся с оглушительным треском. Магическое пламя тотчас перекидывалось на соседние создания; они успевали пробежать ещё сколько-то шагов, прежде чем рухнуть наземь дурно пахнущей грудой обугленных костей.

Мохнатые спруты, громадные скорпионы, словно состоящие из одних только жал и жвал, крысолюди, чёрные волки ростом с доброго быка, громадные черви с дырами зубастых пастей, и так далее и тому подобное. Излюбленное оружие смерти. Именно смерти, не Тьмы — всё это сейчас горело. Созданное для уничтожения — уничтожалось само. Мегана не ведала пощады.

...Но запас сил истаивал стремительно, даже с учётом пожертвованного настоятельницей, чьего настоящего имени чародейка так и не узнала. Мегана отдала всё заёмное и сейчас щедро расставалась со своим собственным.

Она знала, что переступает границы, что откат обрушится на неё такой болью, что сподоби силы небесные выдержать, но остановиться уже не могла. Заклятье поддерживало само себя, высасывая из Меганы жизнь, и это течение казалось небывалым блаженством, прекраснее всего, что у неё было, сильнее даже любви к Анэто.

Взрывы покрыли весь склон, немногочисленные крысолюди, оказавшиеся самыми сообразительными, удирали со всех ног, не зная, что для сотворённых Меганой чар не существует наступающих или убегающих и что они не пощадят никого, даже сдающихся и бросивших оружие.

...Мегана не видела себя со стороны, не чувствовала излома тела, запрокинувшейся головы, незряче расширившихся глаз. Её подхватил Эфраим, затормозил, затряс — на изглоданном пламенем склоне уже не осталось ни одной твари, но заклятье не прерывалось, и вот уже вспыхнула сама земля, ещё сохранившая следы уничтоженных монстров, огненные языки потянулись ещё дальше, к колышущейся серой завесе, что, похоже, изо всех сил пыталась затянуть прореху.

В отчаянии Эфраим размахнулся и вlepил Мегане пощёчину — его отшвырнуло, ладони задымались. Вампир взвыл, сорвал плащ, уже ни на что не обращая внимания, перекинулся и, вцепившись когтями в плечи волшебницы, рванулся с места прямо в небо.

Ничего больше ему не оставалось — только тащить Мегану подальше от проклятого места и над серой завесой, надеясь, что она, эта завеса Тьмы, сможет разорвать гибельную связь между стремительно умирающей чародейкой и по-прежнему бушующим её заклинанием.

Люди замерли.

— Услышал Спаситель молитвы наши... — торжественно начал было священник, но его внезапно перебил новый голос:

— Так ведь то Тьмы засланцы были! Иль не видели, люди добрые, как чаровницу вóмпер утащил?! Небось ещё горшую участь нам наколдовали, проклятые, чтоб им ни дна, ни покрывши, ни гроба честного, ни пути прямого!..

— Счастье, что ты этого не слышишь, государыня, — пробормотал про себя вампир, изо всех сил работая крыльями. — Иначе бы и спасти их не стала.

Мегана молчала. Заклятье работало, высасывая последние остатки жизненной силы; вампир заскрежетал зубами — он чувствовал эту жизнь, стремительно покидающую тело волшебницы, и ему оставалось доступно только одно средство, потому что связи не разрывались и даже скрывшая землю внизу завеса мрака ничем не помогла.

Гигантская летучая мышь изогнулась, острые зубы

впились в шею чародейки, и хозяйка Волшебного Двора закричала.

...Старый вампир Эфраим летел медленно-медленно, едва взмахивая уставшими крыльями — он, способный, если нужно, покрывать множество лиг в считанные часы! Но сейчас вожак Ночного Народа едва удерживался в воздухе. Земля внизу наконец-то очистилась от серой хмари, вновь потянулись поля, пажити и покосы — мирный, обжитый Эгест — однако он не дерзал опуститься, не был уверен, что сможет перекинуться обратно. Опасался он и Нарна — Тёмные эльфы недолюбливали Ночной Народ.

Смертельно бледная чародейка, словно кукла, болталась в когтях летучей мыши, на открывшейся шее алели две пары небольших пятнышек — след вампирьего укуса. Эфраим, в свою очередь, отдал почти всё, что имел; ему удалось разорвать гибельную связь, заклинание больше не высасывало жизненные силы из Меганы, вампирий укус и его магия сделали своё дело, но что скажет (а главное, что *сделает*) волшебница, когда очнётся?..

Медленно, лишь чуть быстрее едущего рысью всадника, Эфраим летел на север. Куда — он сам пока не знал, лишь бы подальше от проклятой Тьмы, овладевшей Святым городом.

«Надо же, — уныло думал вампир, едва взмахивая отяжелевшими крыльями. — Сколько живу, радовался Тьме. А оказалось, что от неё надо бежать ещё резвее и шибче, чем от Света...»

* * *

Анэто не находил себе места. Мегана внезапно умолкла, он не мог достучаться до её сознания. Приближалась полночь, назначенное Вейде «смотрение в глаза Западной Тьме», и чародей, наученный горьким опытом, не ждал от этих переглядушек ничего хорошего.

Все те мёртвые, подъятые Вейде в прошлый раз; все те погибшие эльфы — они стояли перед его мысленным взором, и он вновь и вновь повторял — королева Вечного леса обманула всех и вся, включая нарнийцев. Вейде служила всем — и никому, кроме самой себя.

Доказательства? О, на формальном суде, перед непод-

купным Белым Советом, он едва ли смог бы выстроить хоть сколько-нибудь стройное обвинение. Чтобы явить собратьям-чародеям все деяния Вейде, потребовались бы многомесячные усилия всего Ордоса вкупе с Волшебным Двором — чтобы отследить сотворённые эльфийской королевой чары, расшифровать их и продемонстрировать высокому трибуналу.

Оставалось лишь действовать так, как он и намеревался. В одиночку. Анэто не удивился бы, узнав, что его разговор с той же Мег стал известен Вейде. Но пылкие объяснения с возлюбленной — одно, а вызов на помощь нескольких десятков чародеев Ордоса — совсем другое. Это помимо всего прочего и открытый разрыв с Нарном. Схватиться же сейчас ещё и с Тёмными эльфами означало погубить всё.

Анэто вызвал на разговор Ксавьера, старшего из лекарей-магов. Тщательно подбирая слова, ректор Академии задавал вроде бы важные вопросы — как дела в лагере, что с войсками, подошли ли ещё полки, каков их дух, нет ли перебоев с припасами; но пожилой целитель повидал слишком многое и слишком хорошо знал самого Анэто, чтобы остаться после этой беседы в полном неведении.

Сейчас милорд ректор запоздало корил себя, что так и не озаботился создать тайный код, известный лишь ордосским магам, — всегда считалось, что передающаяся посредством чар беседа и без того надёжно защищена от нежелательного внимания; эх, святая простота... Сейчас Анэто уже так не думал.

Он мог рассчитывать только на себя.

И всё потому, что слишком доверился эльфке...

Он подобных размышлений его отвлёк всё нарастающий где-то в вышине протяжный рёв. Что-то ломилось сверху, из резко прохудившихся в последнее время небесных сфер; не один ли из этих загадочных болидов?..

Задирая голову, маг постарался выбраться на открытое место — задача не из простых, когда ты в самом сердце великого Нарна. Двое эльфов, его «почётный эскорт», спешили следом.

Гром рос и ширился, он сотрясал вековые стволы, и мелкие лесные обитатели носились в несусветной панике.

— Кажется, *это* летит прямо сюда! — Нарниец утратил всю обычную невозмутимость.

Он прав, смятенно подумал Анэто.

А миг спустя увидел и само загадочное нечто.

Огненный шар, обвитый языками пламени, в сердце которого билась и корчилась изломанная бесформенная тень.

— Превеликие пуши... — только и успел простонать кто-то из эльфов, когда яростно пылающее ядро врезалось в землю за недалёкими деревьями.

Земля содрогнулась, так, что ни Анэто, ни нарнийцы не устояли на ногах. Древние стволы лопались с оглушительным треском, горячий вихрь подхватил и унёс сложенные ветви; к небу спиралью устремился чёрный дым, за уцелевшими деревьями запылало пламя.

И одновременно Анэто почувствовал там, в самом сердце пожара, чужую жизнь. Абсолютно, совершенно чужую, явившуюся из иного мира, не подчиняющуюся законам Эвиала, высокомерно и презрительно попирающую их... и в то же самое время — так же абсолютно и совершенно несвободную, пленённую ещё более могущественной сущностью, представить себе истинные масштабы которой потрясённый маг сейчас не мог.

— Туда! Скорее!..

Но оба нарнийца, похоже, придерживались противоположного мнения.

— Надо известить набольших, — начал старший.

— Надо дождаться подмоги, — вторил ему младший.

— И это бесстрашные Тёмные эльфы великого Нарна! — не сдержался волшебник.

— Наши честь и смелость — ничто по сравнению с благом Леса, — сквозь зубы процедил старший; рука младшего рванулась к оружию, остановившись лишь в последний момент.

— Как хотите, милостивые государи. — Анэто повернулся к ним спиной и решительно зашагал прямо к гудящему пожару.

Однако Нарн и впрямь защищали могущественные чары — маг даже не успел подумать, как он, собственно говоря, будет пробиваться сквозь пламя, а огонь уже угасал, языки его бессильно шипели: их, словно нашкодивших котят, за шкурки, отбрасывала от вековых стволов неведомая сила. Милорд ректор ощутил вмешавшееся волшебство, но прочесть его уже не успел — последние искры унёс промчавшийся ветер, задушив их трепещущие огоньки.

В теле Нарна открылась уродливая чёрная рана: расщеплённые исполинские дубы, покрытая обугленной щепой земля, выжженные лесные травы и сам подлесок; а в середине этого непотребства, заключенное в сферу прозрачного пламени, корчилось, свивая и развивая многочленистое тело, невиданное и неведомое в Эвиале существо. Во всяком случае — и Анэто ничуть в этом не сомневался — это создание не входило ни в один каталог монстров и чудовищ, прилежно составлявшийся и пополнявшийся многими поколениями ордосских магов.

Оно походило на гигантского скорпиона салладорских пустынь, однако вместо головы чудовища потрясённый Анэто увидел тонкий женский стан идеальных очертаний; обнажённую грудь. Прекрасное лицо с высоко поднятыми скулами и большими, эльфийского разреза, глазами, любуемые волной золотые волосы.

Существо страдало. Страдало несказанно, неопишимо, заламывая тонкие руки и кривя мягко очерченный рот. Оно не обращало ни малейшего внимания на застывшего мага; боль почти погасила его сознание.

Наделённое громадной силой и магической мощью, создание не могло противиться куда более могущественным чарам. И они, эти чары, заставили его огнистую тюрьму подняться над обугленной землёй и медленно двинуться прочь, на запад, легко расталкивая или ломая оказавшиеся на дороге стволы.

«Вот это болиды, — ошарашенно думал Анэто. — Что ж это за неведомые гости, пожаловавшие в Эвиал? Новая армия Тьмы? Слуги Спасителя? Новая кара, новое бедствие? Теперь и они начнут пожирать несчастных поселян, не хуже приснопамятных тварей из Змеиных лесов? И что

теперь делать нам? Чем ответит Вейде? Удар такой силы неминуемо нарушит тонкий баланс её заклинательной фигуры; а если этих тварей сюда свалится не одна?..»

«Милорд ректор, — Вейде словно услышала его смятенные мысли. — Дорогой мой маг, пришла пора. Мы начинаем. Раньше времени, но что уж поделать. Придётся долго доводить заклятье до нужного уровня, и сама ночь ещё не так близка; но *это*, упавшее в Нарн... Нам надо спешить, мой милый друг. Помните, что вам предстоит сегодня удержать меня на самом краю Западной Тьмы...»

«Я готов, пресветлая королева», — Анэто собрал всю выдержку, постаравшись ответить, как и подобает блюдущему своё достоинство магу.

«Жду вас, мой друг, на прежнем месте».

«Поспешаю всемерно», — церемонно ответил ректор Ордоса, и Вейде, едва заметно хихикнув, ушла из его сознания.

А пламенная сфера с девой-скорпионом тем временем воспарила над вершинами Нарна и поплыла дальше, на запад. Позади за ней осталась настоящая просека, проломленная в нарнийской чаще, да чёрная проплешина пожара, задушенного магией великого леса.

* * *

— Вы видели последний болид, королева?

Анэто нашёл эльфийку на крошечной прогалине, там, где располагался фокус огромной, на весь Нарн, магической фигуры.

Вейде кивнула. Роскошные волосы владычицы Вечно-го леса развевались, словно под ветром — хотя воздух под густыми кронами застыл в тяжелой неподвижности.

— Там было существо...

Эльфийка жестом остановила его.

— Всё знаю, мой добрый друг. Я это предвидела. Броня вокруг Эвиала дала трещину. Чуждых нам созданий из чуждых нам миров засасывает потоком Силы, устремившейся в пролом. Ещё одна примета Второго Пришествия, хотя сведений о ней вы не найдёте ни в каких «анналах».

— Но... куда ж они все направляются, эти создания?

— Их притягивает Западная Тьма, я полагаю. Больше нечему. У царственных эльфов зачарованного леса есть пророчество, от которого я слишком долго отмахивалась, и, похоже, зря; пророчество как раз на этот случай. Там говорится, что к Отступнику придёт могучая подмога из «мест иных, дальних и незримых». Я подозревала, что имеется в виду Синь-И.

— Они должны явиться к Отступнику? Да, в «Анналах Тьмы» нет ничего и близко похожего.

— Это лишь пророчество, дорогой мой Анэто. Слова «Отступник» там не было, лишь туманный намёк, расшифрованный мною таким образом. Но ведь я могла и ошибиться.

— Если Отступник собирает войско, да ещё *такое* войско... — поёжился Анэто.

— То у нас один выход — как можно скорее уничтожить их обоих, — подхватила Вейде. — И Отступника, и Разрушителя. И я надеюсь, что в глазах Западной Тьмы я прочту ответ и на вопрос, где нам их искать. А потом — потом мы пройдем *лесным коридором* или вашими, милый мой ректор, *тонкими путями*... прямо туда.

— Даже прежде, чем в Аркин? — Наверное, все-таки не стоит до срока делиться с Вейде тем, что рассказала Мегана: что Святого города больше нет и, собственно, наступать теперь просто некуда.

— Посмотрим. Скорее всего нет. Аркинский Ключ — могущественный артефакт, он не покажется лишним, когда придётся сойтись с этой парочкой.

Анэто молча кивнул. Давай-давай, эльфка. Посмотрим, как ты запоёшь, узнав, что на месте Святого города — море мрака и твой драгоценный Ключ — за такой оградой, что даже тебе не пробиться?..

Ты замыслила нечто невероятное, Вейде. Весь Эвиал для тебя, как, наверное, и для Салладорца, — не более чем инструмент. Мечтаю посмотреть на тебя, когда ты поймешь, что этот «инструмент» выскальзывает из пальцев.

«Шаги Спасителя всё ближе, — горько подумал волшебник. — Второе Пришествие вот-вот состоится, а каждый всё равно лелеет собственные планы, точно надеется

как-то выжить и избежать общей участи. Даже я — может, оттого, что не верю до конца в это самое Пришествие? Несмотря на все магические видения — просто отказываюсь верить? Конец не может быть всеобщим, умру я, мои друзья — но мир останется, он пребудет вовеки. И убедить себя, что *не останется ничего*, — у меня не получается. Наверное, по извечной человеческой привычке.

— Готовы ли вы, любезный друг мой? — Голос эльфийки журчал, подобно весеннему ручейку.

— Готов, — бесстрастно отозвался чародей.

— Тогда мы начинаем.

— Вдвоём? Без нарнийцев?

— Сегодня они нужны в другом месте, у Потаённых Камней Нарна. Мне потребуется *вся* сила, какую только можно извлечь из этого леса.

— Приказывайте, пресветлая королева.

Анэто надеялся, что злая насмешка в его словах останется незамеченной.

Вейде кивнула.

— Тогда держите меня, друг мой. Крепко-крепко.

Глава четвёртая

...Клара Хюммель, боевой маг по найму, глава своей Гильдии, уроженка Долины магов, где обитают сильнейшие, как они сами считают, чародеи Упорядоченного, решительно шагнула под низкую арку, откуда лился мягкий свет, выпускаемый явно не факелами или масляными лампами. Рубиновая шпага удобно и привычно лежала в правой ладони, левую чародейка положила на эфес Деревянного Меча, висевшего на левом боку.

Высеченный в сплошной скале заклинательный покой; что именно заклинательный — ясно по испещрившим стены рунам и магическим фигурам. В полу — углубления, где неярко полыхают беспламенные огни, вытянувшиеся дорожкой к воздвигнутому в дальнем конце жертвеннику — уже знакомому по великой пирамиде рубиновому кристаллу, пылающему, словно кипящая кровь.

И спокойно стоящие фигуры, высокие, с головы до

пят закутанные в просторные плащи, лица скрыты низкими капюшонами.

И ещё — шипение. Вползающее в уши отвратительное шипение, словно под самыми ногами у Клары — клубок сплётшихся змей.

— Пришшли, — раздалось вдруг в покое.

Клара вздрогнула — такое торжество наполнило этот голос, словно его обладатель наконец-то достиг цели своего бытия.

Ни одна из закутанных в плащи фигур (чародейка не сомневалась, что это дуотты) не шевельнулась, не подняла оружия для защиты, вообще не обратила никакого внимания на грозный клинок в руке боевой волшебницы.

— Вперёд!

Клара больше не мешкала. В таких местах добрых душ не встретишь, а потому нечего и тратить время на какие-то слова и разговоры. Пусть скажет своё простая и честная сталь — она не успела в своё время, когда эта мерзавка Сильвия крушила охраняющие Эвиал скрижали; так пусть же потанцует сейчас, отправив к праотцам (или в любую иную форму небытия) собравшихся здесь злодеев!

За спиной Клары кто-то предостерегающе крикнул — похоже, Ниакрис, но волшебница уже не слушала. Наконец-то равный бой. Наконец-то она поймала этих негодяев, когда они не окружены многотысячной ратью. Наконец-то боевая чародейка Долины сможет показать себя во всей красе.

Как она ждала этого! Не болтаться под разными небесами безвольной куклой, то убегая от гнева Игнациуса, то преследуя по пятам негодника Кэра... а полностью принадлежать себе.

«Несравненное право — самому выбирать свою смерть», — сказал один великий поэт в странном мире, лишённом магии, на чьих алмазных пляжах Клара позволяла себе понежиться время от времени.

Сейчас она сама начинала поединок.

...Клара атаковала, как учили, — любимой зачарованной шпагой, метя под капюшон ближайшей фигуры. В левой руке — кинжал-дага, мало чем уступающий рубиново-

му клинку. Камни на эфесе полыхнули алым, сталь пронзила грубую ткань коричневого плаща, но поражённый в горло враг даже не пошатнулся. Окровавленное остриё высунулось наружу, Клара не промахнулась, и перед ней стоял не призрак, а существо из плоти и крови — тем не менее фигура не торопилась падать.

Краем глаза Клара заметила движение слева, крунулась, отвечая стремительным и точным выпадом кинжала — остро отточенная дага встретила лёгкое сопротивление, и...

И ничего.

Если не считать того, что оба клинка намертво застряли.

На помощь бросилась Райна, ударила щитом, опрокидывая левого и нанизывая на копьё правого. Бешено взвизгнула Тави: мельника вспомнила уроки давно погибшего наставника, и с переплетённых особым образом пальцев сорвалась молния; словно отвечая ей, беззвучная и смертоносная, прыгнула Ниакрис, и воздух уже стонал, рассекаемый парой небольших ухватистых топориков.

Что-то сотворил и Бельт, Клара ощутила упругий толчок чужой магии; с бешеным боевым кличем кинулись в свалку Шердрада с подружками-орками; оружие и чары разили... никого в действительности не поражая.

А фигуры в капюшонах, пробитые копьями, рассечённые клинками и топорами, обожжённые молниями, вспоротые изнутри каким-то заклятьем Бельта вдруг стали стремительно распухать, вспучиваться, уродливые коричневые плащи расползались по швам, из прорех пёрло нечто бесформенное и бесцветно-серое; липкая, упругая масса, в которой застревала сталь и тонула магия.

Ловушка. Идеальная западня. Мышеловка, настороженная на Клару Хюммель.

«Назад, все назад!» — хотела она закричать — и не смогла.

Серая змейка легко скользнула по рубиновому клинку, вспыхнула, коснувшись яростно пылающего камня, но за ней рвались десятки других. Выпустив бесполезные эфесы, Клара схватилась за оранжевый браслет. Миг она ещё

поколебалась — и тут её резанул ледяной взгляд Райны, с молчаливым ожесточением бывшей в серой дряни, охватившей её уже по грудь.

«Не допусти позора», — говорил этот взгляд.

Но Мечи!.. Оставить их? Они-то небось переживут даже Хаос...

Причудливо перевитые нити сделались нестерпимо холодными. Кларе показалось, что время останавливается — для всего и всех, кроме неё. Она удивлённо оглянулась — точно, её товарищи и спутники застыли в странных, изломанных позах, кто до колен, кто до пояса, а кто и по грудь охваченные серой массой.

От браслета расходились волны холода, рука немела, что-то чувствовали лишь кончики пальцев, но очень скоро сдались и они. Острые иголки вонзались в локоть, и Клара заскрежетала зубами — терпеть такую боль ей не доводилось уже давно.

Браслет Хаоса не нуждался в наставлениях. Ему требовалось отдать лишь одну команду, и дальше он поступал по собственному разумению.

Клара зажмурилась, стараясь дышать ровно и глубоко. Она не имела права терять сознание, тогда вырвавшуюся из заточения кровожадную и разрушительную силу не сдержит уже ничто.

Браслет, великое сокровище, знал своё дело. Он защищал хозяйку — так, как считал нужным. Он остановил поток Великой Реки, время застыло для всех, кроме самой Клары; сейчас он должен расправиться с серой дрянью.

Прошли мгновения, они сливались в цепочку, чародейка Долины молча корчилась от боли, но ничего не происходило. А потом браслет вдруг вспыхнул и распался оранжевой трухой, медленно осыпаясь с Клариног запястья.

...Несдерживаемое время ринулось вперёд, словно топясь наверстать упущенное. Захрипела Шердрада — серое уверенно заливало ей рот и одновременно не давало поднять руку с кинжалом, потому что орка явно вознамерилась покончить с собой, перерезав себе горло.

Браслет не выдержал, он столкнулся с ещё большей

силой, и это означало только одно. Настолько страшное, что Клара раньше боялась задумываться о подобном.

Браслет Хаоса бессилён против одного-единственного. Против самого Хаоса.

А следовательно, дуотты Империи Клешной имели у себя в союзниках по крайней мере одну поистине великую Сущность.

У Клары хватило духа не тешить победителей своим ужасом и отчаянием. Она не кричала и не рвалась, просто молча стояла, не опуская глаз.

Чародейка завела свой отряд в ловушку.

— Мечи, Клара! — выкрикнул Бельт. — Только они... ещё помогут. Это Хаос, я его чувствую, это он, больше никому; Клара, скорее, иначе...

Он отчаянно замычал — серое поднялось выше губ.

Вот и всё, Клара...

Она потянулась к дремлющей мощи Алмазного и Деревянного братьев — но тут серая мгла бросилась ей прямо в лицо, словно разъярённая крыса, и мир в глазах Клары разом померк.

* * *

Достопочтенный мессир Архимаг с трудом сдерживал нетерпение. Дела шли лучше и не придумаешь. Игнациус не верил в «судьбу», «предназначение», «везение» и тому подобную чушь. Происходит только то, что ты сам подготовил. И если тебе «не повезло» — это говорит лишь о том, что подготовка никуда не годилась.

До недавнего времени почти все планы достопочтенного мессира прилежно осуществлялись. Да, иногда он терпел неудачи — но всякий раз тщательно разбирался в случившемся и извлекал уроки. Поставив перед собой какую-либо цель и отступив однажды, со второй попытки всегда побеждал.

В этот же раз всё складывалось поистине чудесно, впоору было заподозрить чьи-то каверзы и «игру в поддавки», но преимущество Игнациуса заключалось в том, что его противники «поддаваться» как раз не могли.

Со следами Смертного Ливня мессир Архимагу пришлось повозиться. Сильвия стремительно набирала силу и

стала бы, наверное, по-настоящему опасной, не позаботься Игнациус ещё и об этом. Впрочем, как и обо всем остальном.

Сейчас он стоял, «вкушая заслуженный отдых», как сказала бы Ирэн Мескотт, опираясь на посох и не без самодовольства глядя на девственно-чистый берег. Оставленного Ливнем гибельного болота больше не существовало.

— Неплохо, неплохо, — пробормотал чародей. — Очень даже неплохо, сударь мой Архимаг. Даже откат оказался не так уж страшен.

Теперь Смертный Ливень станет гулять по Эвиалу. Раз Сильвия выпустила его на волю, обратно она его не загонит. Эта стервочка, вкусив подобного лакомства, от него уже не оторвётся.

Куда больше занимали Игнациуса падающие всё чаще и чаще огненные болиды. Раньше это случалось лишь по ночам, а теперь их всё больше и больше можно было видеть ярким солнечным днём. Они рушились куда-то за горизонт, порою — в море; и мессир Архимаг почувствовал нечто вроде раздражения — он не любил «загадок», тем более здесь, в Эвиале, где он так долго и старательно готовил свой капкан.

Вот и теперь — пока почтенный маг стоял, отдыхая и любуясь на дело своих рук — кристально чистый песок, прозрачная вода, — горизонт рассекла огнистая черта. На сей раз таинственный болид рухнул не так далеко — в полулиге от берега, взметнув к очистившемуся небу белопенный столб. Игнациус прищурился — и увидел, как из водоворота поднялось диковинное крылатое создание, что-то вроде змея, увенчанного длинным радужным гребнем, заключенное в огненную сферу, и медленно поплыло над морем прочь — на запад, на запад, на запад.

— Вот даже как, — пробормотал про себя Игнациус. — Превеликие небеса! Это кто ж такой?!

Мессир Архимаг истребил за свои три тысячи лет не одну сотню жутких (и жутчайших) тварей, однако ни разу не сталкивался ни с чем подобным. Недолго думая, он вскинул посох.

Крылатый змей конвульсивно дёрнулся, сделал попытку повернуть — но куда там! Похоже, что на закат его тащили самые настоящие канаты, хоть и незримые.

Губы мессира Архимага сжались в тонкую, побелевшую линию. Неприятно. Наложённое на сущность заклинание явно сильнее его, Игнациуса, чар. Конечно, он вымотался и устал, но, небеса и бездны, наговоры местных волшебников обязаны перебиваться по одному щелчку его пальцев. А тут...

Игнациус резко вонзил посох в землю. Так, кажется, местное заартачилось. Посмотрим, посмотрим...

Мессир Архимаг оттого и стал «мессиром», что *никогда*, ни разу в жизни, не относился с пренебрежением ни к одному противнику. Даже к самому захудалому.

И сейчас он ударил всей своей мощью и умением, соединяя слово с мыслью и жестом. Архаика порою тоже бывает полезна.

Чары Игнациуса охватили змееподобное существо, властно отдавая ему приказ — назад!

Радужный гребень замерцал, запереливался, плоская голова с лишёнными век глазами обернулась, и Архимаг услышал бесплотный, полный несказанной муки голос:

«Сссспасссибо тебе, но ты опоздал. Мне уже не поможешь, помоги другим. *Он* затягивает всех... торопись, маг, торопись. Я укажу дорогу...»

И тут вмешалась другая сила — та самая, таящаяся за блистающим закатным горизонтом. И она, эта сила, очень не любила, когда с её игрушками начинал забавляться кто-то ещё.

По рукам Игнациуса словно хлестнули обжигающим кнутом, так что маг зашипел от боли и выпустил оголовок посоха. А радужного змея помчал вперёд налетевший неизвестно откуда ураган, однако пленник успел в последний раз взглянуть на Игнациуса:

«Торописсь... на осссстров... осссстров...»

Речь его пресеклась, многоцветные отблески драгоценного гребня погасли в поспешно навалившихся со всех сторон тёмных тучах.

Архимаг остался стоять, потирая левое предплечье, на

котором — он знал — вскоре вспухнет багровый рубец. Его не хотели убить, его просто предупреждали.

Но ничего, ничего. Он успел увидеть и, главное, почувствовать достаточно. Сегодня же вечером он подробно разложит всё по магическим компонентам и тогда разберется, в том числе и где лежит этот самый «оссостров».

Посоветоваться с Динтрой? Пожалуй... вот и пригодится наш лекарь, коий, как всё сильнее подозревал Игнациус, на самом деле никакой не лекарь, а...

Пришла пора выяснить также и это. Если, конечно, не помешает главному.

Во всяком случае, больше мессиру Архимагу тут делать нечего.

* * *

Ворота ордосской Академии Высокого Волшебства оказались накрепко запертыми, и на яростный стук долго никто не отзывался.

— Поумирали они там все, что ли? — раздражённо бросил Хаген, по-прежнему не расставаясь с обликом лекаря Динтры. Его левая рука лежала на груди Даэнура, и только поэтому сердце дуотта ещё продолжало биться.

— Никак нет, — отозвался кто-то из добровольных носильщиков. — Все маги, как один, сколько было, с нами дрались. В школе одни юнцы остались, даже огнешара не пустят.

Хаген молча поднял бровь — едва ли здешние чародеи озаботились поделить свои планы с дружинниками-ополченцами. В конце концов створка всё-таки приоткрылась, и «лекарь Динтра» увидел совсем молоденькую девчонку с непослушными рыжими кудрями над высоким чистым лбом.

— Мэтр Даэнур ранен, мы доставили его в Академию. — Хаген решительно шагнул внутрь. — Куда его отнести?

Растерявшаяся девчонка (наверное, только-только принятая, подумал Хаген) махнула рукой в сторону длинного серого здания.

...Факультет малефицистики, сиречь злоделания, встре-

тил Хагена пустотой, тишиной, запустением. Пыль, паутина, затхлость. Здесь не убирались, наверное, целую вечность.

...А книги тут, похоже, неплохи — Хаген отсюда ощущал исходящую от них злую ауру. Они призывали к отмщению, сами просились в руки, и понятно, почему племянник Аглаи Стевенхорст взялся за них: молодёжь слишком любит простую и грубую силу. Результат сразу, да и вообще — некромантия, таинственно, красиво. Чёрное идёт многим. Даже слишком многим.

В глубине нашлась комната с узкой лежанкой, Даэнура осторожно переложили на неё; Хаген махнул добровольным помощникам: мол, уходите, спасибо, ваше дело сделано.

Жёлтые совиные глаза раскрылись, неожиданно остро и резко взглянули на «лекаря».

— Говори, я слушаю, — негромко произнёс ученик Хедина.

— Благодарю, — выдохнул старый дуотт. — Слушай, пришедший извне!.. или... нет. Скажи, ты ведь от *них*? От настоящих богов, от тех, кто правит... всем этим, что больше Эвиала?

Хаген молча кивнул, и у Даэнура вырвался вздох облегчения, безгубый рот искривился в гротескном подобии улыбки.

— Я знал, — шепнул он. — Я верил. Верил, что *там* должна быть справедливость...

— Ты хотел поведать мне что-то важное, — не слишком вежливо прервал его Хаген. — Что твои соплеменники-дуотты готовят, как ты сказал, «возвращение». Кого, когда, во имя чего?

— Да... — глубокий выдох, в глазах — боль, которая уже не уйдёт. — Дай мне немного силы, великий. Иначе мои братья успеют раньше, чем я закончу свой рассказ.

Хаген вновь кивнул. Лежащие на груди дуотта пальцы сжались в кулак, лицо осталось бесстрастным, но Даэнур вновь улыбнулся через силу:

— Тебе больно. Это хорошо — за тобою истина. Дуот-

ты, мои братья, измыслили план мести за своё давнишнее поражение. Они знали, что не могут победить. Им оставалось только умереть, но так, чтобы захватить с собой всех, *всех* своих врагов и их потомков. Они связались с тем, что здесь называют Западной Тьмой. Вместе с другими, неизвестными мне, создавали Империю Клешной, познавали высокую некромантию. И всё потому, что Она обещала им победу, великую трансформу, что изменит весь старый Эвиал, отмщение врагам. А они, дуотты, за оказанную Ей помощь станут... высшими. Посвящёнными. И двинутся с Ней покорять новые миры. До тех пор, пока каждый из них не станет богом. В своём собственном бытии.

— Неплохо, — процедил сквозь зубы Хаген. — И откуда ты всё это знаешь?

— Что ведомо одному дуотту, то знают все. Ну... или почти все.

— А почему же теперь открываешься мне? — На миг в Хагене вновь ожил лихой хединсейский тан. — Предаешь свою кровь?

— Моя кровь обезумела, великий. И я потому предаю дуоттов в твои руки, что надеюсь на милосердие. Ты ведь не случайно принял облик лекаря, не случайно лечишь и меня...

— Не трать силы, Даэнур. Говори, чего ты просишь?

— Непусти полного истребления дуоттов, великий. Отведи свою карающую длань от невинных малолеток. Выведи их из этого проклятого обиталища; дай им пустой, никем не заселённый мир, где они смогли бы начать всё сначала. Дети, только дети, и подростки, в ком ещё нет этой скверны, кто не отравлен мстью!.. Умоляю тебя, великий!..

Даэнур сделал попытку соскользнуть с лежанки и обнять ноги Хагена. Напрасная попытка, железная рука бывшего тана без труда удержала декана на месте.

— Лежи и не шевелись, — рыкнул сподвижник Хедина. — Я обещаю тебе, что сделаю всё, мне доступное. Донесу твою просьбу тем, кто определит судьбу дуоттов.

Твои соплеменники, похоже, и впрямь не могут делить ни с кем свои обиталища. Даю тебе слово.

— Спасибо, великий... — Лицо Даэнура расслабилось, веки смежились. — Теперь я буду говорить дальше. Средоточие всего и вся — маленький остров на крайнем западе, под названием Утонувший Краб. На нём, на этом острове... — Шёпот дуотта сделался еле слышным, и Хаген наклонился к самым губам, боясь пропустить хотя бы слово.

* * *

Мессир Архимаг умел поспешать медленно и никуда не торопиться, когда сталкивался с действительно необъяснимым. Динтра ушёл в город и пропал; ну и пусть его, ну и хорошо, нечего мешаться под ногами...

Проводив взглядом пленённого змея, скрывшегося в туманной дымке у горизонта, Игнациус в буквальном смысле засучил рукава. Сбросил тяжёлый плащ и прямо тут, на морском берегу, принялся чертить заклинательную фигуру.

Там, где Фесс и Рыся тратили целый день, Игнациус справлялся за час. Рука старого мага не дрожала, и ему хватало одного взгляда на затянутое тучами небо, чтобы разом определить положение всех важных для данного магического построения светил.

Он быстро взмок, но работу не оставил; острие посоха чертило на песке на удивление правильные прямые, дуги и хорды. Очень скоро он будет знать всё.

* * *

— Высокородная госпожа Клара Хюммель, — прогнул странно знакомый голос. — Вот и довелось встретиться вновь, высокородная госпожа!

Клара застонала — в виски словно ввинчивалась пара тупых толстенных болтов.

— Сейчас вам станет легче, госпожа. Вот так — лучше?

Боль и впрямь отступила. Мельтешение в глазах улеглось, так что чародейка смогла осмотреться.

Тот же самый покой, только на сей раз — никакого следа серой дряни. Она совершенно обнажена и распята на алтарном камне цвета кипящей крови; и рядом стоит, усмехаясь, тот самый козлоногий, с кем по поручению Игначиуса довелось вести переговоры!

— Вижу, высокородная госпожа узнала меня.

— Допустим, — процедила сквозь зубы Клара. — Узнала. Что, в прошлый раз на меня не насмотрелся? Снова полюбоваться захотелось?

— Высокородная госпожа, — в голосе козлоногого звучала почти искренняя обида. — Уверяю вас, что сие сделано исключительно с целью обезопасить и нас, и вас от каких-либо неприятных сюрпризов. Я лишён плотского влечения, хотя и понимаю, что это такое.

— Бедный, — сощурилась чародейка. — В таком случае ты много потерял.

— Возможно, — вежливо поклонилась тварь. — Но, с разрешения госпожи, ближе к делу.

— А без этого, — Клара постаралась кивнуть на цепи, наручники и кандалы, — никак не обойтись? Вы лишили меня магии, я всё равно никуда не денусь...

Козлоногий с серьёзностью, которая в другой ситуации показалась бы потешной, покачал головой — совсем по-человечески.

— Нет, высокородная госпожа. Обстоятельства изменились. Вы смогли нас удивить.

Вы были сильным противником. Но вы проиграли. И не могли не проиграть, потому что слишком уж сильно любили честь в себе. Вот потому вы и полезли очертя голову в совершенно очевидную, в простейшую ловушку. Многие из моих... соратников, назовём их так, советовали выставить против вас и вашего отряда целую армию — даже самые лучшие бойцы не продержатся в одиночку против тысяч.

— Помнится мне, что не так уж давно мы продержались. Против целой армии твоих сородичей.

— Верно, — неожиданно легко кивнул козлоногий. —

Вы продержались. Но потом в дело вступила совершенно новая сила, которая и смешала все карты, как говорят у вас, людей. Если бы не она — вы бы не победили. Впрочем, это действительно уже прошлое. А настоящее — вот оно, — козлоногий эффектным жестом повёл жутковатого вида лапой. — Вы, госпожа, прикованы к алтарному камню.

— Оценила, — спокойно сказала Клара. — Мне моего тела стыдиться нечего. На красном должно выглядеть неплохо. Ты как считаешь?

— Отдаю должное вашему духу, — насмешливо поклонился козлоногий.

— Благодарю, — невозмутимо отозвалась чародейка. — Но не был бы ты так любезен ознакомить меня с предметом нашей сегодняшней беседы?

— А сегодня у нас не будет никакой беседы, — чуть ли не весело заявила тварь. — Мы всё обговорили ещё в прошлый раз. Теперь, высокородная госпожа, вы просто станете ещё одним кирпичиком в опорах нашей победы. Вы и ваши спутники. Вам как, не стыдно, что привели их на убой? Если только я правильно понимаю человеческие чувства, вы сейчас должны...

— А ты угадай, — Клара постаралась ухмыльнуться как можно наглее.

— Простите, но не стану. Этот интерес являлся, как говорят у вас, сугубо академическим. Сейчас вы всё увидите сами — когда этот камень займёт своё место в кругу других жертвенников.

Жертвенников. Ну, конечно. Что ещё могут придумать эти бестии, подчинённые одному-единственному — целесообразности?!

Клара ничего не сказала. Все силы ушли на то, чтобы стиснуть зубы и не застонать от горького бессилия. Ведь она и впрямь завела свой отряд в западню. И Мечи теперь у *них*, хотя едва ли *они* смогут их использовать. И вряд ли передадут «по назначению» — никакой связи Падшего с козлоногими до сегодняшнего дня не просматривалось.

Как она могла так, нет, *ТАК* проколоться? Может, действительно уверовала в собственную непобедимость, она,

боевая чародейка Долины? А с ней никто не стал состязаться ни во владении мечом, ни даже в убийственности заклинаний. Расставили капкан и спокойно ждали. Знали, что она непременно сунет голову в петлю.

Клара Хюммель стиснула зубы ещё крепче. Ей казалось, они уже хрустели и крошились.

— Мы двигаемся к цели, а не наслаждаемся мучениями жертв, — в голосе козлоногого прозвучало нечто, напоминающее сочувствие. — Ваше ожидание не станет долгим.

* * *

Внутри Храма Океанов стояла тишина. Добрая, ласковая и домашняя. И предрассветный полумрак — тоже добрый, в каком только и отдыхать от трудов праведных.

Сильвия Нагваль, новая Хозяйка Смертного Ливня, сидела на жёстком камне, привалившись к стене. Двигаться не хотелось. Слезы течь перестали, и теперь глаза жгло, словно их засыпало песком.

Наллика, крылатый воин Трогвар, эльфийка с магической флейтой — где-то там, во тьме внешней. Броневые плиты век опущены и — мира больше нет. Есть только она и тот вечный, непреходящий ужас, что отныне с Сильвией навсегда.

Отец. Заигрался. И, конечно же, подумал обо всём, о чем угодно, кроме мамы и меня. Оставил подарочек. Он, естественно, не предполагал, что я окажусь в совершенно ином мире, под иным солнцем; я должна была стать его наследницей в Мельбине. Или нет? Или всё это случайность, нелепое совпадение?..

Это помогало. В первую очередь не думать о том, что же дальше. О том, сколько ей ещё сидеть в этой приятной прохладе, под защитой зачарованных стен.

Я ведь выполнила просьбу Хранительницы. Отстояла Ордос. Сразилась не за себя, за весь ихний Эвиал. Мне что-то обещали. Отвести к тем, кто на самом деле может помочь. А теперь молчат, ни словечка. А мне — мне всё равно. Вроде нужно трясти здешних хозяев, требовать,

грозить... нет, не получится. Сил нет. Навалилось такое равнодушие, что и собственная судьба не волнует.

Звук. Кто-то шевельнулся. Подойдут, заговорят, спросят?..

— Очнись.

Это Трогвар.

— Очнись, Хозяйка. Твой Ливень никуда не уходит, он ждёт тебя.

Ну и что? Да и пускай! Какое это теперь имеет значение?.. *Что* вообще сейчас имеет значение?..

— Очень многое, — ответил твердо, словно обладал способностью читать её мысли.

— Опять про общее благо, защиту других? — Сильвии слышится её прежний голос, а вот остальным?..

— Нет. Про тебя.

— Это я уже слышала. Спаси Ордос, собирался кто-то умолять меня на коленях. Спаси Ордос, и мы попросим за тебя, — кажется нет, не все еще угасло. Едкость Смертного Ливня словно оживает в словах.

— Я попросила, — это уже Наллика. Мягко, увещающе, даже как-то виновато. — Сейчас такие времена, что голосу моему не так легко достичь слуха того, кто может тебе помочь, но я постаралась. Он ответил, что сейчас разворачивается решающая битва, и не только за наш Эвиал. Но при первой же возможности он...

— Я не сомневаюсь.

— Не надо столько яду, Сильвия. Ты не можешь даже представить себе, сколько сейчас у него на плечах, — Наллика по-прежнему уговаривает.

— Что ты от меня хочешь, Хозяйка? Чтобы я вновь повела Смертный Ливень против твоих врагов? Но почему бы тебе не выступить против них самой?

— Закон Равновесия...

— А разве он помешал послать стихийных элементарей против флота Империи Клешной?

— Не помешал, — рука Наллики касается плеча последней из Арка, и Сильвия невольно отодвигается, словно

кошка, уворачивающаяся от докучливой ласки. — Я могу защищаться. Но не нападать.

— А если...

— Даже если нападение — единственно оставшаяся, как сейчас, защита, — непреклонно отрезала Наллика. — Я привыкла к осторожности. Кое-кто, в частности Трогвар, считает это трусостью. Пусть так. Но Закон...

— Чушь и ерунда этот ваш закон, — сплюнула Сильвия. — Какое ж это равновесие, когда одним можно нападать, а другим — нет!

Глаза открылись. Слабость, растерянность, апатия — отступали.

— Нет смысла спорить. Есть так, как есть. Я не могу повести на запад армаду...

— Но можешь послать меня. Сдохну — так туда мне дорога, чудовищу.

— Но могу послать тебя. — Голос Наллики не дрогнул. — Ты уже справилась один раз, в Ордосе, преуспев там, где любой другой потерпел бы поражение. Остался последний бой.

— И что? Что ты собираешься пообещать мне на сей раз? Что снова попросишь своего покровителя о милости для меня?

Эльфийка с флейтой метнула на Сильвию осуждающий взгляд, однако Наллика и бровью не повела, словно не слыша резкостей.

— Милость для тебя уже обещана. И мой покровитель, как ты выразилась, не нарушает слова. Но требуется еще больше. От всех нас.

Наллика сделала паузу, и тишина в Храме Океанов словно набрякла, потяжелела, будто готовая пролиться дождём грозная туча.

— Что ты хочешь сказать? — вступил Трогвар.

— Храм Океанов воздвигался, чтобы мы могли хранить этот мир. Не править, не пасти жезлом железным, но именно хранить. Лишь отбивать сыплющиеся на нас удары, но не разить в ответ, как велит Закон Равновесия, — голос Наллики зазвенел, наполняясь силой. — Пришла

пора вернуть долги. К добру ли, к худу — мы покинем наше надёжное убежище.

— Аэтера!... — флейтистка, похоже, в ужасе. — Но тогда уже не будет права на отступление. Храм...

— Да, может, будет разрушен, — Наллика гордо кивнула. Бросила взгляд на Трогвара — крылатый воин с мрачной торжественностью отсалютовал Деве Лесов.

— А может, нам повезет, и он устоит. Но прежним ничего не останется, я даже и не надеюсь. Запрещаю себе надеяться, от такого только теряешь силы и решимость. Но, Сильвия — главное всё равно на тебе. Ты начнешь, мы подхватим. Тебе выжигать, нам отгонять тучи, чтобы не залило пламя.

— Цветисто-то как... — вырвалось у Сильвии. Но в груди стало теплее — наверное, потому, что именно этих слов она и ждала.

— Ты не изгой, не чудовище, не отвратительный монстр. Мы встанем рядом с тобой, плечом к плечу.

«Нет, я не плачу. Честное слово, не плачу. Мне не с чего плакать, мне, Сильвии Нагваль, по...»

— Последней из Красного Арка, — закончил Трогвар. — Всё знаю. Это, поверь, будет достойное тебя дело. Раз уж сама Хранительница вспомнила о нашем последнем оружии.

Сильвия мгновенно ошетичилась.

— При чём тут я, крылатый?..

— При том, что себе pomoжешь только ты. Нет такого чародея, что пришел бы, дунул, плюнул, и всё стало по-прежнему.

Сильвия знала такого чародея, но Трогвар прав. Игнациус ей помогать не станет.

— Спасибо, а то я без этого прямо как в трех соснах заблудившаяся, — ядовито отозвалась Хозяйка Ливней.

— Зря ершишься, — хладнокровно ответил крылатый воин. — Наллика не договорила. В Эвиале сейчас осталось одно-единственное место, где в один узел стянуты все нити. В том числе, подозреваю, и нить твоей жизни. Остров

¹ Старшая (эльф.).

Утонувший Краб, да ты, наверное, и сама об этом догадывалась.

— Утонувший Краб... — повторила Сильвия. Эти слова ей ни о чём не говорили. — И что, этот узел?

— Именно так, — подтвердил Трогвар.

— Аэтера, но разве мы можем взять верх? Даже вместе с Сильвией?

— Не можем, мейели¹, — спокойно ответила Хранительница. — Но есть надежда, что продержимся, пока не подоспеет помощь. Что они потратят на нас запасённое на весь Эвиал. Что Тьма не вырвется на волю, пока у хозяев Утонувшего Краба руки будут связаны с нами. Что *Он* сможет прийти. Потому что, должна тебе признаться, Сильвия...

Хранительница вдруг сбилась.

— Тебе не поможет никакая наша магия, — закончил за нее Трогвар. — Но, быть может, нам удастся надорвать связь между тобой и Смертным Ливнем.

— Пока что каждый раз, когда Сильвия пускала его в ход, эта связь только крепчала, — осторожно возразила флейтистка.

— Если потянуть очень сильно, то даже накрепко захлестнувшаяся петля может лопнуть, — отрезал крылатый воин. — Тем более что от Смертного Ливня нет защиты.

— К сожалению, есть, — вздохнула Наллика. — Как над нашим храмом, например. Но — надеюсь! — до подобного на Утонувшем Крабе еще не додумались.

— Ударим вместе, — решительно рубанул Трогвар. — Сперва мы — со стихиялиями, если сумеем протащить их через все моря, не растеряв; потом — ты, Сильвия...

— Верно, — кивнула Наллика. — Мы отвлечём на себя часть стражей Утонувшего Краба...

— Но, аэтера, — флейтистка почти шептала. — Сферы смещаются. Держащие Эвиал корни вот-вот затрещат. Заключившая в себя наш мир раковина дала трещину. Да, нельзя ждать и бездействовать, но, быть может, всё-таки лучше дожидаться помощи Хозяина?

¹ Младшая (эльф.).

— Это, конечно же, лучше, мейели. Без него наш поход... — Наллика поколебалась и всё-таки закончила правдиво, — имеет мало шансов на успех. Но на полную победу я и не рассчитываю. Если удастся хотя бы уничтожить Салладорца...

— Он сейчас на Утонувшем Крабе? — удивился Трогвар.

— Скорее всего. И не спрашивай меня, что он задумал.

— Мы нарушим равновесие, аэтера. Скорее всего — необратимо.

— Знаю, — оборвала флейтистку Наллика. — На рушащемся мосту не удержаться. Придётся прыгать, если хочешь спастись. Даже если у тебя за спиной мост совсем развалится.

— Но на мосту — живые, — не сдавалась эльфийка.

— Он все равно рухнет, — досадливо отмахнулась Хранительница. — Нет нужды спорить и дальше, младшая.

— Нет нужды, — согласился Трогвар. — У нас в руках ещё никогда не оказывалось такого страшного оружия, как ты, Сильвия. Ты видишь, я говорю прямо. Мы — союзники и можем помочь друг другу. Это если отбросить всё прочее, «высокие слова», как ты бы, наверное, сказала. Однако всё зависит только от тебя — а ты ни звука. Что ты нам ответишь?

— А что я могу говорить? — внутри по-прежнему жуткая, звенящая пустота, словно в пересохшем колодце. — Я мало что поняла из вашего разговора. Не знаю, кто такой Салладорец, что такое Утонувший Краб. Не знаю, поможет мне его уничтожение или, напротив, прикончит окончательно. Ничего не знаю.

— Что такое Утонувший Краб, ответить и легко, и трудно, — услышала она голос Наллика. — Остров в океане, междулевой и Правой Клешнями — с их обитателями ты уже знакома. Когда-то мы думали, что это — истинная столица Империи Клешной. И жестоко ошиблись. Мы послали туда двух лазутчиков — лучших из тех, кого имели. Они не вернулись. Жертвовать двумя последними я не рискнула, они требовались для другого дела. Стихияли, на-

верное, тобой не забытые — они сдерживали флот Клешной в море, — там бессильны, им не подобраться близко. Остров защищает магия ничуть не слабее моей. Не сильнее, но и не слабее, к сожалению. Они, кто бы это ни оказался, не могут навредить Храму Океанов. Я, в свою очередь, не могу навредить им.

— Никто никогда не испытывал истинные пределы сил, — вмешался Трогвар. — Мы не ходили войной на Утонувший Краб. Они — ты сама видела, Сильвия — пытались. Но теперь у нас есть ты! Рождённая вне пределов Эвиала. Принявшая жуткую мощь Смертного Ливня, ставшая его Хозяйкой. Этого не могли предусмотреть никакие маги проклятого острова.

— Пойдите, подождите! — Последняя из Красного Арка почувствовала, что голос срывается. — Ну хорошо. Я срю этот ваш Краб с лица земли... или утоплю по-настоящему, если только хватит сил... но как это поможет мне?

— Утонувший Краб — истинный полюс зла в Эвиале, — отчеканил Трогвар. — Даже не Западная Тьма. Она в конце концов сама по себе пассивна. Если уничтожить её миньонов, то Старый Свет продержится ещё очень, очень долго. Ты стала хозяйкой Смертного Ливня здесь, в Эвиале. Скрепки нашего мира пронзили твою плоть, видимую и невидимую. Чёрные скрепы. Скрепки настоящего зла. Они завязаны на магию Утонувшего Краба; они стали возможны только потому, что существует он сам. Уничтожь его — скрепы исчезнут; не скажу, что ты немедленно и в тот же миг сделаешься прежней, но, во всяком случае, пославшему нас сюда будет куда проще исцелить тебя.

— П-правда? — Это получилось совершенно по-детски, беззащитно и с наивной надеждой.

— Я в это верю, — с мрачной торжественностью отозвался крылатый воин. — Хранительница права — наша магия бессильна против проклятого острова. Но ты... как я уже сказал, твоя мощь, её сердце, её корни — не из Эвиала, над ними не властны порождённые им пределы и ограничения. Уничтожь ненавистный нам остров, залей его Смертным Ливнем, выплесни всю ярость, вспомни, что

только из-за него с тобой случилось то, что случилось, — и ты освободишься от гнёта.

И вновь молчание.

И пустота... звенящая пустота, которая рождает боль, и ты радуешься ей, как единственному живому чувству.

Так хочется верить крылатому воину!

Сильвия открыла глаза. Взглянула на собственные руки, ладони, пальцы — всё как обычно, с раннего детства памятные шрамы и родинки; тотчас вспомнила, что это лишь иллюзия, помощь Храма Океанов, а на самом деле она...

Нет. Я такая, как и всегда. Я не чудовище. Я Сильвия Нагваль, наследница великого ордена и великих магов. Пусть у меня не осталось заветных крупинок — мне они не нужны, во мне — настоящие кровь и жизнь. Утонувший Краб, говорите вы? Что ж, его час близится.

— Я не знаю, говоришь ли ты мне правду, крылатый, или просто хочешь, чтобы я победила твоего врага, над кем тебе самому не взять верха. Не знаю и не хочу знать. Я выполню твою просьбу. А там — как получится, — она помедлила. — Но учти, если ты обманул меня, я вернусь. И посмотрю тебе в глаза. Собирайте своих стихиалий, Хранительница Наллика.

— Если ты доберешься до острова раньше нас, скройся и подожди.

— Хорошо! — Огромная полярная сова, таща в когтях исполинский фламберг, рванулась ввысь прямо с порога Храма Океанов.

* * *

Скрежетало, скрипело, лязгало. И вновь — лязгало, скрипело, скрежетало. Жертвенник с распятой на нём Кларой медленно опускался в тёмную глубину каменного жерла. Всё правильно и понятно — именно он, этот алтарный камень, лишил Клару магии; внутри у чародейки всё словно заледелено.

Холодно, холодно, холодно. Кровь стынет, кажется, что жилы закупориваются застывшими сгустками. Вокруг

тьма, нет просвета и наверху. Цепи впиваются в плоть, мышцы свело судорогой.

Так нелепо проиграть. Так нелепо погубить всех, кто шёл за тобой, Клара. Что ж, если тебя зарежут первой, так тебе и надо. Такие «боевые маги» Долине не нужны.

Клара крепко зажмурилась. Как, как они этого добились? Ни следа силы, ни намёка на волшебство, она сейчас — самая обыкновенная женщина, раздетая догола и прикованная к камню. Как неведомое множество её товаров, объявленных в разных мирах «вредоносными ведьмами» и закончивших жизнь на кострах.

Камень опускался всё ниже, становилось всё холоднее, а перед закрытыми глазами Клары упорно не проносилась «вся её жизнь». Перед нею стоял Аветус, молодой, дерзкий и красивый. Их последние два года. Счастье. Одно простое незамысловатое слово.

Ты исчез, а теперь исчезаю и я. Но ты погиб в гордом одиночестве, а я тяну за собой добрый десяток имевших несчастье поверить мне и в меня.

Какая ж всё-таки злобная чушь вот это: «Из каждого безвыходного положения есть по крайней мере два выхода». Не умирали бы тогда на эшафотах благородные, но недалёкие короли, не гибли бы лучшие из лучших магов, не... а, да что говорить! Скорее бы уж кончалась эта шахта. Проклятье, мне не суждено даже умереть в честном бою, при свете солнца или по крайней мере звёзд.

Умереть. Убить боевого мага Долины не так просто, но, если уж убивают...

Ну-ка, вспоминай, подруга. Что говорил мессир Архимас ещё на первом курсе вашей собственной Академии?..

Только тут Клара поняла, что скрип и скрежет прекратились. Камень прочно лег на невидимый фундамент.

Теперь, согласно канонам жанра, со всех сторон должен вспыхнуть яркий свет. Очень яркий и, как положено, слепящий, — Клара искала в себе последние запасы сарказма.

Нет, свет не вспыхнул. Где-то за головой (волшебница лежала на спине) медленно разгоралось нечто мрачно-

алое, вполне соответствующее окружению. Клара взглядела — нет, без магии ничего не разобрать. Клубящаяся темнота, ничего больше.

— Кирия Клара.

— Райна!

— Я здесь, кирия. Слева от вас.

Шею волшебницы охватывал грубый железный ошейник, острые выступы не давали повернуть голову.

— Не вижу тебя, Райна...

— Ничего, кирия. Заковали вас знатно. Очень боялись. Мы такого не удостоились.

— Мы? — Сердце оборвалось. Хотя, собственно говоря, чего же ты ждала, Клархен? Что козлоногие удовольствуются только тобой, отпустив твоих спутников на все четыре стороны?

— Мы, кирия, мы. Все здесь. Начиная с орок.

— Шердрада!

— Это... был... славный... поход! — донеслось из некоторого отдаления.

— Бельт, Ниакрис, Тави?!

Они откликнулись все, один за другим.

— Простите меня. Если сможете. Или... нет, не прощайте! Не надо. Я виновата. Такое не прощается!..

— Ну в самом-то деле, кирия Клара... — усмехнулся невидимый некромант. — Прощается, не прощается... Зачем всё это? Просто здешние набольшие оказались попорнее, чем я рассчитывал.

— Не казните себя, кирия, — это уже Ниакрис. — Мы ещё не мертвы.

— Какая разница? — подала голос Тави. — Осталось немного.

— Но мы не мертвы! — уже яростно выкрикнула дочь некроманта. — Не мертвы-ы!

Зазвенели оковы. Острый край ошейника рассёк Кларе щеку, но нет, всё равно ничего не видно, проклятье!

— Лейт! — это уже её отец. — Остановись, что ты делаешь, нам уже не спастись, будет только хуже...

Топот и клцанье когтей. Резкий шелест плащей, слов-
но сюда ворвался ворох осенней листвы.

Дуотты. Быстры, однако... И дикий вопль Ниакрис.
Многоголосое шипение — «лешши, лешши...»

Цоканье копыт. Важный, самодовольный голос. Ну ко-
нечно, старый знакомый. Без тебя не обошлось. Слов не
разобрать — козлоногий обращался к дуоттам.

Саднила порезанная щека. И ничего нельзя сделать,
совсем-совсем ничего. Только лежать, ждать неизбывной
последней боли да стараться, чтобы из глаз не покатались
предательские слёзы, не порадовали бы палачей.

Шаги, шаги, шаги, вперемешку со змеиным шипени-
ем. Звяканье чего-то твёрдого: воображение тотчас нари-
совало Кларе набор жертвенных кинжалов в чаше тёмного
обсидиана.

— Последнего желания не предлагаю, госпожа Кла-
ра, — над лицом нависла морда козлоногого. — Вы просто
станете одним из звеньев в нашей цепи, не скрою, весьма
важным. Вы храбро дрались. Ваша смерть не будет ни бы-
строй, ни лёгкой, но не потому, что мне нравится вид ва-
шей агонии или отзвук ваших криков. Это необходимое
условие процесса. Ничего личного, госпожа Клара. Мне...
жаль, что вы оказались у нас на пути. А ведь я предупреж-
дал, и предупреждал искренне!

— Делай своё дело. — Клара не могла отвернуться. При-
шлось просто смежить веки. — Достаточно уже разгово-
ров. И помни, урод — за меня отомстят.

— Госпожа Клара... — усмехнулся козлоногий. — Беда
ваша в том, что вы так и не поняли — меня и мне подоб-
ных невозможно ни оскорбить, ни запугать. Я и другие
высшие можем притвориться и оскорблёнными, и испу-
ганными — когда это нужно для дела. Притвориться, не
более того. Поэтому перспективы возможной мести со
стороны досточтимой Гильдии боевых магов меня ничуть
не заботят.

— Разве прекращение твоего существования тебя не
заботит?

— У меня нет существования, госпожа Клара. Таких,

как я, — мириады, и на моё место тотчас встанет другой. Я думаю, как другие, вижу, как другие, и не имею целей, отличных от целей других. У меня нет столь для вас драгоценного «я», над коим вы так трясётесь. Моё тело можно уничтожить. Пусть — появится другое. Всё, увиденное и запомненное мною, не пропадает с моей гибелью. Начало, для которого мы торим Путь, заботится о нас. Вам, смертным, этого не понять. Даже и не пытайтесь.

— Мне это в любом случае уже не понадобится. — Кажется, ей удалось сохранить в голосе холод и высокомерие?

— Не понадобится, госпожа Клара. Вы, к сожалению, не сможете увидеть всей церемонии, но я расскажу вам, что сейчас происходит в круге жертвенников. Дуотты — большие мастера подобных жертвоприношений, высокородная госпожа.

Клара не ответила. Ни на что другое сил не осталось — только сжимать до хруста зубы да крепко зажмуриваться, чтобы не видеть эту отвратительную морду в последние минуты.

— Шестеро дуоттов подходят к одной из ваших воительниц. Орок, кажется? Они довольны. Жертва молода, полна сил и ненависти. Это куда лучше безвольных рабов, говорят они. Жертва держится мужественно. Ни стоны, ни крика. Она смотрит в глаза палачам... так, уже не смотрит.

Крик отразился от невидимого в темноте купола, рухнул на Клару, словно кузнечный молот.

— Дуотты вынимают жертве правый глаз, — хладнокровно добивал её мерный голос козлоногого. — Они очень аккуратны и неторопливы. Надо же, как она бьётся! Сломала себе ногу, пытаюсь вырваться...

Орка кричала. И Клара не выдержала.

— Убей меня, слышишь?!

— Нет, госпожа, в этой милости вам отказано. Вы ведь сами просили себе кары за то, что завели свой отряд в эту действительно несложную ловушку? Вот она, ваша кара. Терпите. А главное — знайте, что всё это пойдёт к вящей пользе породившего меня дела.

Слёзы так вырвались на свободу. Просто молчаливые капельки, ничего больше. Обжигая, покатались по щекам, сорвались, упали на пламенеющий камень.

— Дуотты покончили с одним глазом и берутся за другой...

Твоя кара. Твоё возмездие.

Вы, всемогущие, и ты, Спаситель, в которого я никогда не верила, — возьмите меня, мою душу, посмертие, всё, что захотите. Не прошу о спасении — чудес не бывает; но пусть за нас отомстят. Пусть эти дуотты окончат свои смрадные жизни, вопя и умолая о пощаде, на этих же самых камнях. Пусть будет так, всемогущие!..

А пытка всё длилась и длилась. И козлоногий монотонным, размеренным и равнодушным голосом живописал каждый поворот жертвенного ножа, каждую судорогу несчастной орки, пошедшей за славою, а сейчас превращаемой умелыми руками в кусок окровавленного, пока ещё орущего мяса.

...Потом орка перестала кричать. Наверное, умерла — во всяком случае, Клара искренне молилась сейчас всем вышним силам, чтобы это было именно так.

— Дуотты переходят ко второй жертве... — бубнил козлоногий. — Им подают чистую смену инструмента... Острие опускается, находит угол глазницы...

Кошмар продолжался. И, Клара знала, так будет, пока она не останется одна.

— Вскрывается правый локтевой сустав... отделяется кость...

«Смерть, где ты, — жалобно позвала про себя Клара. — Где ты, подруга, которая, «никого не любя, никому ещё и не отказала в помощи», где?»

— Сейчас, Ниа! — хлестнул вдруг голос старого Бельта. — Сейчас, дочка!

Жалобный и жалкий звон лопающейся цепи. Горланый выкрик, в котором — ничего человеческого. И — морда козлоногого тотчас исчезла.

Топот. Крики. Крики. Крики...

...Она ждала не напрасно. Ах, дуотты, дуотты, коричневорожие друзья мои, как были вы тупыми змееглавцами, так и остались. Забыли, с кем имеете дело, или вам просто не сообщили? Старый некромант и его дочь, один раз уже обманувшие и вас, и ваших хозяев, — как же вы могли так ошибиться, не убив отца первым?!

Чужие мўки и боль — лакомая пища настоящего чародея, умеющего работать с мёртвыми. И если эти мўки и боль превосходят некий предел, то не помогут никакие давящие магию причиндалы. Отец терпеливо ждал — и дождался.

Кто ж знал, что подруги Шердрады, умирая, отдадут столько сил?.. Дуотты вот точно не знали, орки явно не попадали доселе на их алтари, верно, предпочитая смерть плену. А может, попадали, но тогда вблизи не оказалось настоящего некроманта.

Ниакрис рванула на себе цепи — и их звенья лопнули, словно гнилые верёвки. В единый миг она оказалась на ногах, размахнулась сорванными с самой себя кандалами.

Выученице Храма Мечей потребовалось куда меньше мгновения, чтобы в деталях разглядеть и огромный купольный зал, и полыхающую алым многолучевую звезду в его середине, и сами жертвенники с распятыми на них нагими человеческими фигурами, и оторопевших дуоттов с ножами, и ещё живую, бьющуюся орку, и здоровенную фигуру козлоногого монстра, первым сообразившего, что происходит.

Значит, с тобой-то мы сейчас и разберёмся. Обрывок цепи — превосходное оружие; о, а ты, оказывается, ещё умнее, чем я думала...

Козлоногий, за миг до этого рванувшийся прямо к Ниакрис, вдруг резко остановился, так, что копыта высекли искры, развернулся и бросился прочь, куда-то в темноту.

Зато, словно тараканы из щелей, и с таким же тараканьим шуршанием, потекли воины в зелёно-алых шипастых доспехах. Мёртвые воины.

Это уже ведь было, Лейт, когда ты прорывалась в замок «страшного некромансера», оказавшегося твоим собственным отцом. Тогда, правда, у тебя в руках был клинок, а не обрывок цепи, но за сталью дело не станет.

Шестёрка дуоттов тоже проявила отменную прыть, бросившись следом за скрывшимся господином. Окровавленные ножи полетели на пол.

Казалось, воздух сейчас затрещит, разрываемый отчаянным прыжком. Цепь обвивается вокруг коричневой шеи, хрипящего дуотта швыряет наземь, двое других пробуют оборониться, однако Ниакрис быстрее любых их заклинаний. Отец постарался на славу — и вот жёсткая пятка дочери некроманта в кровь разбивает одну змеевидную морду, кулак врезается в горло другому врагу, и Лейт лишь огромным усилием удерживает себя от немедленного убийства. Эти твари ей нужны живыми, потому что даже она не способна защитить всех друзей и спутников, прикованных сейчас к алтарям.

Чтобы свалить шестерых дуоттов, вышибить из них дух, чтобы лежали и не рыпались, не в силах сотворить ни одного заклинания, Ниакрис потребовалось чуть больше пары мгновений. Со всех сторон уже набегали ало-зелёные, красные отблески играли на клинках, и дочери некроманта пришлось драться уже по-настоящему, как она не дралась даже в том приснопомытном замке.

Самых шустрых она отбросила, разбивая цепью костяные шлемы и проламывая панцири. Подхватила чужую косу, сломала об колено древко, укоротив по себе. Сизое железо с жалобным звоном разлетелось веером осколков, однако своё дело сделало: валькирия Райна соскочила с жертвенного камня, голыми руками сгребла в охапку мертвеца в шипастом доспехе, одним движением сломала шею, вырвала оружие, размахнулась сама, отгоняя трёх других...

Но горстка бойцов, сколь бы умелы и отважны они ни были, никогда не устоит против катящегося на них живого моря. Тем более что камни по-прежнему давят всю магию, и даже волшебница Клара Хюммель сейчас ничем не

сможет помочь, кроме лишь простого и честного меча в сильной руке.

— Назад! — рявкнула Ниакрис, указывая на жалко копошащихся у ног дуоттов. — Ещё шаг — буду резать ваших хозяев!

В конце концов, змееголовые тоже могут испытывать боль. И она, наверное, ничем не хуже боли орок.

Однако воины Империи Клешной и не думали останавливаться. Что, впрочем, совершенно никого не удивило.

Ниакрис разбила ещё два клинка, пока разрубала окovy на отце и Тави. Зомби попытались было уволочь бесчувственных дуоттов, однако их отбросила Райна. Обнажённая валькирия казалась сейчас истинной богиней войны, светлые волосы разлетелись отпущенным парусом, и каждый её удар опрокидывал хотя бы одного солдата Клешной.

Тави, освободившись, тотчас бросила через бедро очередного зомби, ловко избегнув торчащих шипов. Райна пробилась к Шердраде, вскоре валькирия и орка уже дрались спина к спине. Вопила и дёргалась третья её подружка, но к ней прорваться никак не удавалось.

Клару Ниакрис сумела освободить последней. Освободить, сунуть в руки выхваченную из мёртвых рук косу и бросить прямо в лицо:

— Дерись, пока жива!

У чародейки дёрнулась щека, она ничего не ответила, однако просвистевший клинок оказался красноречивее — сталь рубила костяные панцири, словно их и не было. Даже безмозглые как будто бы зомби попятились, точно в ужасе.

Однако их пёрло много, слишком много. Они не боялись смерти, не замечали ран и не чувствовали боли. Замелькали сети — внезапно освободившихся пленников собирались брать живьём.

...Они сбивались спина к спине, и каменный пол сделался склизким от той чёрной жижи, что извергалась из разрубленных тел. Мёртвых солдат Империи Клешной, как оказалось, можно убить и вторично.

Клара попыталась командовать, попыталась организо-

вать прорыв — бесполезно. Ушла бы одна Ниакрис, способная, кажется, танцевать на острие вражьего копья и прыгать, отталкиваясь от одного шлемного наверху, на другое. Зомби было слишком много. А магии — никакой.

И выхода вновь нет, кроме одного — самим покончить с собой.

А потом...

* * *

Клара не видела, как всё это началось, просто в задних рядах зомби возникла непонятная сумятица, они вдруг стали разворачиваться спинами к боевой чародейке, точно враз забыв о её существовании.

— Я иду! — прогремел голос, явно принадлежащий какому-то исполину. — Я иду, держитесь!

У чародейки едва не подкосились ноги.

Ну конечно же. Кицум. Как она могла о нём забыть?! А он вот — не забыл, почувствовал, пришёл на помощь... То есть, конечно же, *не* Кицум. Быть может, одна из тех великих сущностей, которой она в отчаянии молилась совсем недавно?..

Старый клоун прокладывал себе путь через толпу ходячих мертвецов, размахивая своей знаменитой петелькой. Вернее, так показалось в тот миг Кларе, потому что увидеть саму нить она не могла, — однако зомби так и валялись, аккуратно разрубленные пополам. Кицум шёл, легко, почти небрежно, уклоняясь от пущенных в него дротиков. Казалось, острие вот-вот заденет его, однако ему всякий раз хватало какого-то волоска, чтобы оставаться невредимым.

Райна неожиданно густо покраснела и сделала попытку прикрыться руками.

— Всё, всё, всё, уже всё... — приговаривал Кицум, пробиваясь к окружённому отряду. — Ещё чуть-чуть... экие ж вы тут непонятливые (это уже относилось к очередному зомби, пытавшемуся рубануть бывшего клоуна длинной косой).

И — мёртвые воины Империи Клешной отхлынули,

подались назад. Они не испугались, нет, просто невидимые кукловоды поняли, что так им ничего не добиться.

— За мной, быстро! — прогремел Кицум, останавливая смертельный размах своей петли. — Клара! Мечи — где?

— У них, великий. — Чародейка ощутила сильнейшее желание опуститься перед этой силой на одно колено. — Я...

— Достаточно! Можешь их почувствовать?

— Нет. Камни, они...

— Понял!

Новый взмах. Незримая нить зашипела, рассекая воздух — и, не встретив преграды, прошла сквозь kloкочущий холодным пламенем жертвенник. Кицум с омерзением пнул верхнюю половину, алый кристалл разделился надвое, его часть с обрубками цепей заскользила по срезу, зависла над полом, рухнула — и разлетелась облаком тотчас же вспыхнувших осколков. Миг — и от них не осталось даже золы.

Клара не удержалась от крика — по жилам вновь струилась живая кровь, пронизанная магией до самой мельчайшей частицы.

— Ищи, пока я разберусь с остальными! — приказал Кицум.

Клара торопливо кивнула. Иногда ощутить отсутствие магии, наверное, полезно — если после её возвращения испытываешь такое вот счастье, что хочется застонать сквозь стиснутые зубы, словно на пике любовного наслаждения.

Мечи даже не пришлось особенно искать — они сами звали её, не желая оставаться в недостойных их руках.

— Туда... вправо... влево... вниз... ещё вниз...

— Глубоко запрятали, — прогремел Кицум, обращая в пыль последний незанятый жертвенник. — Бежим, бежим, скорее! Я и так... — Он оборвал себя и только махнул рукой.

— Кто ты, великий? — не удержалась Клара.

— Потом все вопросы, потом! — раздражённо отмахнулся старый клоун. — Я вмешался, потому что почувствовал — вы в беде, на самом краю. И всё равно опоздал.

Два камня так и остались стоять — с окровавленными неподвижными останками двух орок, подруг Шердрады.

— Опоздал... — с непонятым выражением пробормотал Кицум, на миг склоняя голову. — Клара, у тебя хватит огня?..

Чародейке не требовались пояснения.

— О да, великий.

— Перестать меня величить, — рыкнул клоун. — Для тебя — и вас всех — я как был Кицумом, так им и останусь. До самого конца. Всё, уходим! И этих, — кивок на дуоттов, — не забудьте. Клара, как только ступим за порог...

Волшебница с готовностью кивнула.

— Простите меня, друзья, что я не попал сюда вовремя. Но *их* жертва не была напрасна. Если бы не заклятье Бельта и не освобождение Ниакрис, я бы ещё долго метался по здешним подземельям.

— Ты, всезнающий? — осторожно проговорил Бельт, кое-как прикрывавший свою наготу.

— Я не всезнающий. Я лишь посланец того, кто знает многое, но не всё.

— Посланец? — слабо улыбнулся Бельт. — В самом деле, только *посланец*?

— Я называю это так, — сухо отозвался Кицум. — Всё, все ушли. Давай, Клара!

Магия свободно бежит по жилам, и кажется, что в них вообще не осталось крови. Откат? — пусть себе; творить заклинание — это настоящее счастье.

Клара не видела себя со стороны, не замечала запрокинувшейся головы, чувственно приоткрывшихся губ, веки её смежились — и вот без слов, без всяких «мыслеформ» перед нею, меж разведённых ладоней, возникло бьющееся сердце, сотканное из чистого пламени.

«Прощай», — беззвучно произнесла Клара, разжимая руки.

Хлопнула дверь — Кицум пнул каменную створку. Засов задвинулся сам собой.

— Бежим!

Огненное сердце лопнуло, и Клара опрокинулась навзничь, задохнувшись и ослепнув от боли — откат настиг, как всегда, безжалостно и неотвратимо. Кто-то подхватил её на руки, кто-то тащил по узким переходам — ей хватало сил лишь время от времени сипеть сквозь окровавленные губы: «Нале... напра... вниз...»

В подземном зале тем временем бушевало неистовое пламя, обращая в ничто останки двух орок.

Прощайте, подруги. Вот опять — другие умерли, чтобы ты, Клара, жила.

...Боль отступила не сразу. Качались перед глазами какие-то своды, низкие потолки, уродливые статуи злобно пялились из ниш, и казалось, что эта безумная гонка никогда не кончится.

Потом она услышала басовитый рык Кицума — он горил на непонятном языке, а дуотты, сбившись в кучку и отчаянно трясясь, пытались что-то отвечать. Райна и Та-ви, не церемонясь, уже содрали с них плащи и на скорую руку изготавливали своему нагому воинству нечто вроде коротких хламид.

— Мечи... там...

— Верно, — кивнул Кицум. — И мне туда нельзя. Я и так залез глубже, чем можно было.

— Закон Равновесия, великий?

— Закон Равновесия, некромант Бельт, и брось меня величить, сколько можно повторять!.. Я знал, что с Мечами завяжется тугой узел, и счёл себя вправе... присмотреться поближе. Ну, Клара, как ты? Мне приходится отступить в сторону. Последняя драка — она твоя. Не слишком куртуазно, но лучше уж так, чем ещё одна Западная Тьма в совершенно новом мире.

Западная Тьма? В ещё одном мире? Превеликие силы, да кто ж это такой?!

— Не тот, кого боится Архимаг Игнациус, — усмехнулся Кицум. — И не тот, кто заключил с тобой сделку в Межреальности, Клара. Ну, хватит разговоров. Ломай дверь!

Чьи-то руки — вроде как Райны — натянули на волшебницу грубую, колючую накидку. Голова ещё кружи-

лась, но словам и взгляду Кицума нельзя было не повиноваться.

Она разнесла каменные двери в мелкую крошку — со злобным, яростным наслаждением. Это заклятье по силе не шло ни в какое сравнение с огненным сердцем, и волшебница лишь пошатнулась да выругалась, когда её настиг проклятый откат.

Открылась очередная каменная нора, длинная и узкая, словно кишка. В дальнем конце уже привычно пламенел жертвенный камень.

— Они их что, и в нужники тоже понатыкали? — не шибко прилично выразилась Тави.

Дуотты слабо застонали.

— Осторожнее, Клара. Тут защитные чары, — вполголоса предупредил Бельт.

«Проклятье, он прав. Кажется, я совсем потеряла голову, — с досадой подумала боевая волшебница. — Не проверила вход, ошибка, непростительная даже для зелёных новичков-первокурсников Академии!»

— Я помогу, — вызвалась Тави. — У нас в Мельине тоже любили пороги опутывать.

Клара блаженно зажмурилась. Как же ты везуча, подружка Хюммель... Твои молитвы услышаны — кто из простых смертных или даже магов может этим похвастаться? А Кицум — запросто так стоит, негромко переговариваясь о чём-то с Ниакрис; он, великая сила — Падший бог? Кто-то ещё?

— Готово. — Тави вытерла пот со лба, поморщилась — откат не миновал и её. — Ничего сложного. Силы — выше крыши, а тонкости нету. Все равно что каменную глыбу величиной с быка над входом повесить, но так, что всё равно видно.

— Ну, Клара, не медли. Мечи дадутся только тебе в руки.

Мечи и впрямь ждали новую хозяйку — лежали на полыхающем алтаре, словно сами предназначенные в жертву. Клара осторожно коснулась эфесов — и её словно пе-

редёрнуло, чародейка принялась лихорадочно пристраивать их у пояса.

— Погодите, кирия Клара, оденьтесь сперва, всё наше, оказывается, тоже здесь, — вмешалась рассудительная Райна.

— А что делать с этими, великий? — осторожно спросила Тави, кивая на трясущихся дуоттов.

— Они могут нам помешать. Поэтому жить дальше они не должны, — бесстрастно и уже каким-то совершенно чужим гулким голосом отозвался Кицум.

Ниакрис молча и не задавая вопросов шагнула к дуоттам, коротко махнула топориком — коричневокожая голова покатилась по полу. Остальные пятеро завопили, корчась у ног Кицума и моляще протягивая узловатые руки.

Тот что-то коротко ответил — равнодушно и спокойно.

Ниакрис так же равнодушно и спокойно пять раз взмахнула топором.

У Клары к горлу подступила тошнота. Пленные. Безоружные. Они многое могли рассказать...

— Рассказать я и сам могу, Клара, — спокойно произнёс Кицум, оказываясь рядом. — Зря ли я сидел здесь столько времени? Ограниченность возможностей, как известно, имеет свои преимущества. Во всяком случае, ты свободен от Закона Равновесия. Все готовы? Нам здесь оставаться больше незачем. Да и в столице Клешной тоже.

* * *

Интересно. Неимоверно интересно!

Игнациус забыл о времени, он почти забыл даже о собственном гениальном плане — так его увлекла расшифровка. Ему казалось, что за свою жизнь он видел если не всё, то по крайней мере почти всё. Чем можно удивить старого Архимага, где найти такое волшебство?..

И вот, поди ж ты, нашлось.

Конечно, повозиться пришлось. Неведомый маг умело заметал следы и выстраивал сложные каскады переходя-

ших друг в друга заклинаний; многое Игнациус расшифровать с ходу не смог, что только подогревало любопытство.

Ему, опытнейшему чародею, потребовался не один час, чтобы понять, с кем он имеет дело.

— Интересно. Нет, не так — чрезвычайно интересно! Это кто ж такой тут учинил эдакое безобразие?.. Затягивать сюда, в закрытый мир, разнообразных Древних — это, дорогие мои, надо постараться, надо очень постараться...

Игнациус по привычке рассуждал наполовину вслух, хотя, разумеется, на языке Долины, так что понять его в этом мире мог разве что Динтра.

— Древние силы нисходят в Эвиал. Надо полагать, из других миров, — продолжал Игнациус, не в силах оторвать взгляд от того места на горизонте, где в сизой дымке растворилось загадочное существо. — И, похоже, не своей волей. Надо же, — он невольно покачал головой. — Ты недооценил местных, Игнациус. Ой, как недооценил!..

Архимаг заставил себя расправить плечи и выпрямиться. Да, на *такое* он не рассчитывал. Сотворить заклятье, которое станет затягивать Древних в Эвиал! Приоткрыть мир, или, вернее, воспользоваться уже появившейся трещиной! Высший класс. Этот маг оказался бы достойным соперником, нет сомнений. Не союзником, нет — в задуманном Игнациусом союзников у него быть не может, только слепые орудия; а вот соперником...

Игнациус размышлял, привычно опершись на посох.

Древние силы обитали во множестве миров. Невообразимо давно Падшие боги, как слышал Архимаг, охотились на них и уничтожили всех, кто был *слишком* силен или *слишком* замечен, пока не остались лишь самые слабые и неопасные. Смертельно напуганные, эти древние хранители своих миров целые зоны не дерзали даже высунуть носов из своих логовищ.

И вот они кому-то понадобились. Кому-то, кто сумел сплести небывалое заклятье, за шиворот вытягивая Древних наружу — и сюда, в Эвиал.

Но зачем? Какой от них прок? Даже если собрать вместе целую армию, что с того? Магия у них совершенно

разная, подчинённая порой противоположным законам. Так для чего это неведомому визави Игнациуса?

Чародей невольно сощурился. Как уже говорилось, он терпеть не мог неразрешённых загадок. И что уж там говорить, своих просчетов.

Он не предусмотрел возможности появления в Эвиале равного ему, Игнациусу, чародея.

И теперь мессир Архимаг, глава Долины, стоял, вперив невидящий взгляд в багровеющий горизонт. Спускался закат, Динтра куда-то запропастился, но Игнациус ничего не замечал.

Он не тратил время на бесплодные сетования. Что ж, в расчётах допущена неточность. Но план составлялся так, чтобы учесть *неведомое и совершенно непредвиденное*. Вот оно, неведомое. Вот — непредвиденное. Смертный чародей, достойный оспаривать у него, Игнациуса, несуществующую корону Долины.

Угрожает ли это плану? И если да, то в какой степени?

Игнациус недобро усмехнулся. Да, ты силен, приятель. Но у меня за плечами — сотни выигранных войн, тысячи битв. Я не продержался бы так долго, не умей падать на все четыре лапы и тотчас подниматься, когда мои враги, себе на горе, полагали меня поверженным.

Ты сумел притянуть Древних. Очень хорошо. Ты собираешь их где-то на западе. Это уже не очень хорошо — ты нащупал тот самый центр силы, что собирался использовать и я. Вопрос — поделим ли мы его, или придётся, гм, слегка потолкаться боками?

Игнациус вновь принялся чертить, словно не замечая постепенно сгущающихся сумерек. Сейчас он даже радовался отсутствию Динтры — не приходится отвлекаться на глупые объяснения.

Руны. Лунные, звёздные, небесные — ночные. Ещё вчера Игнациус прозаклаживал бы голову, что эти письмены в Долине известны только ему; сейчас, после появления нежданного соперника, он уже не стал бы так рисковать.

Он морщился от боли, откат бил раз за разом, но плечи старого волшебника не сгибались. Ещё немного. Ещё

самую малость. Неведомый чародей сплёл очень хорошее, очень мощное заклинание. Но, как водится, раскрылся при этом, позволив точно определить и собственное местонахождение, и резервы силы. Резервы эти, признавался себе Игнациус, весьма впечатляли. До такой степени, что открытая схватка стала представляться мессире Архимагу наименее привлекательным из всех вариантов.

Начертанные на песке руны вспыхивали голубым и алым. Зловеще-зелёным пламенела начерченная магом звезда. Клара Хюммель, Сильвия, Мечи его сейчас не занимали. План, похоже, придётся менять, менять на ходу, а это Игнациус ненавидел всеми фибрами души.

Мощь пленённого создания обжигала. Собственно, Игнациус уже почти не сомневался, с чем он имеет дело, но упрямо добивался полного и абсолютного подтверждения. Пока он не будет знать всё точно и безо всяких сомнений, он не сделает и шагу. Ему не требуется напоминать себе о сакраментальной «цене ошибки».

Игнациуса пошатывало от усталости, голова кружилась от бесчисленных и болезненных толчков отката, однако он узнал почти всё, что хотел узнать. Он знал, где всё это затевается. Знал, сколько собрано для этого силы и какого типа заклинания скорее всего пойдут в ход. Знал, кого собирает к себе этот чародей. Однако понять — для чего же? — так и не смог. Потому что дело это — собирать к себе Древних — выглядело совершенно бессмысленным. Что с ними делать? Обратить в своих слуг, создать армию и двинуться с ней завоевывать Эвиал? Глупо. Во-первых, из Древних никудышные воины. Ушиблены страхом, ещё когда Падшие не стали Падшими и вовсе расправлялись с их более храбрыми или сильными собратьями. Во-вторых, каждый из них — сила только сам по себе. Сколотить из них армию так же невозможно, как из разноязыкой толпы, где никто друга друга не понимает, воевать никто не хочет, и вдобавок все на три головы сильнее полководца, так что последнему приходится думать больше о том, как держать своё воинство в повиновении, а не о баталиях и кампаниях.

Но, быть может, неведомый чародей — просто глупец

и не догадывается об очевидном? Можно ли рассчитывать на такую удачу?

Игнациус заколебался.

Ну, а если? А вдруг? Ты ошибся один раз, мессир Архимаг, что, если ты неправ и вторично? И твой визави нашёл-таки способ заставить Древних сражаться на своей стороне? Что тогда, а? Опростоволосишься, мой дорогой, если выйдешь в одиночку против всей этой оравы. Вон, ещё один падает... даже нет, не один!

Далеко на западе небо разрезала сразу тройка огненных болидов.

Пожалуй, пришла пора заставить Динтру попрыгать. На кого б ты ни работал, толстяк, такая вест твоих хозяев заинтересовать обязана.

Кстати, куда ты задевался, лекарь? Ты не забыл обо всём, задирая чьи-нибудь юбки, ты не из таких. Ты не пьянствуешь в кабаке, в этом я тоже не сомневаюсь. И уж, конечно, местные недоумки не могли причинить никакого вреда настоящему магу Долины, а ты, Динтра, именно что из настоящих. Тебе ведь было велено найти «подходящую гостиницу», после чего «подать весть обычным путём».

Конечно, Игнациусу не составило бы труда самому отыскать Динтру несложным заклинанием. Но сейчас, после эдакой оплеухи, мессиром Архимагом овладела истинная нечеловеческая осторожность. Никаких резких движений, кроме лишь жизненно необходимых. В рамках существующего порядка вещей никакой нужды отыскивать лекаря Динтру такими методами нет — только если он, Игнациус, не ранен. Весть должен был подать лекарь — вот пусть и подаёт.

Нет, забудь старика. Отыщется сам. Никуда не денется, Игнациус нужен лекарю куда больше, чем сам лекарь — мессиру Архимагу. Пускать в ход заклятье поиска — а что, если неведомый чародей, сумевший накинуть узду на Древние силы, его перехватит, прочтёт и разгадает? Нет, он, Игнациус, не идиот, чтобы позволить всему рухнуть из-за какой-то мелочи.

Мелочи? На самом деле нет. Ты просто боишься признаться себе, мессир, что безвестный эвиальский чародей

сплёл заклинание, к которому ты не сразу и не вдруг подобрал ключи. Ты слишком привык думать о себе как о лучшем. Что ж, всякая приятная иллюзия имеет свойство рассеиваться. Но ты способен трезво взглянуть на себя, мессир, ты самокритичен и несамодоволен. И именно поэтому ты победишь.

Игнациус медленно и устало брёл в сторону Ордоса, вернее, медленной и усталой его походка только казалась со стороны. Тёмное небо вновь вспыхнуло — воронка затянула ещё одного Древнего. Проклятье — сколько ж сил он вбил в это заклинание? И оно не похоже на самоподдерживающееся... — ломал себе голову Игнациус.

Некогда буйный и весёлый город сейчас совершенно вымер. Никто не праздновал победу, не плясал на перекрёстках, очумев от того, что выжил; никто не лапал весёлых девах, да и самих девах что-то не было видно.

«Словно мор нагрязнул», — подумал архимаг.

Позади осталось разрушенное Смертным Ливнем, пошли нетронутые кварталы, и здесь уже повсюду виднелись следы боя. Наспех сооружённые и с яростью размётанные баррикады, валяющиеся под ногами — вперемешку — пустые ало-зелёные панцири, изломанное оружие, стрелы, порой — трупы защитников Ордоса, ещё не подобранные командами мортусов.

Гостиницу искать придётся долго, мрачно заключил Игнациус.

Ближе к самому центру город чуть ожил. То тут, то там Игнациус наткнулся на фонарные столбы, но служители, по понятным причинам, не спешили сегодня зажечь фитили.

В животе у Игнациуса бурчало самым непристойным для его лет и положения образом.

Ордос, словно испуганный малыш, с головой забился под одеяло и решительно не желал вылезать.

Архимаг прошагал почти через весь город, пока наконец не наткнулся на вывеску «У Белого мага». Она покачивалась на длинном шесте, прикрученном к стене добротного каменного дома в три этажа, с заботливо ухоженным фасадом, чистым крыльцом и отполированным бронзовым молотком у двери.

Игнациус решительно постучал.

Его впустили, хоть и не сразу. Три золотых («войны да бедствия у нас теперь, милостивый господин, всё дорожает несказанно, сами без хлеба сидим, лишь бы гостей дорогих унежить!») произвели поистине магическое воздействие. Прибежала служанка (молодая и хорошенькая, с волнистыми чёрными волосами до плеч, но, к немалому её разочарованию, богатый чародей (ибо кем же ещё он мог быть!) не обратил на девушку никакого внимания), на столе появилась горячая мясная похлёбка, овощи, хлеб, доброе вино — чему Игнациус и воздал должное.

Он подождёт до утра. А потом или объявится Динтра, или...

Или он, мессир Архимаг, сам отправится на запад. Да, лекарь важен. Но то дело, для которого его, собственно говоря, брали в первую очередь, провалилось. И если бы не интерес к неведомым хозяевам целителя да желание иметь под рукой опытного во врачевании мага — Игнациус давно бы уже махнул на Динтру рукой и отправился своей дорогой.

А сейчас — сейчас пришло время захлопнуть западню.

* * *

Над Эвиалом сгушалась ночь. Хаген, тан Хединсея, последний настоящий Ученик мага Хедина, правая рука Хедина — Нового Бога, он же — скромный, толстый и одышливый, хоть и весьма учёный целитель Динтра, сидел у постели Дазнура.

Когда в узкие окна факультета малефицистики заглянули звезды, Хаген принял последний вздох старого дуотта.

Не по-воински это — сидеть у постели умирающего да ещё держать его за руку. Но рассказанное Дазнуром того стоило. И теперь ему, Хагену, предстоит как можно скорее дозваться Учителя.

Читающий, твой черёд.

Похоже, дело становится достойным Ракотова меча.

Интерлюдия II

итва за Кирддин разгоралась, и Читающий буквально замучил Хедина: на несчастный мир обрушились целые потоки самых разнообразных заклинаний, которые он, Читающий, едва успевал расшифровывать.

Четырехрукие воины оказались упорны и неустоимы. Рассыпавшись по миру, они не давали подмастерьям Хедина ни минуты покоя. Эльфы рыскали по самым глухим чащобам, поднявшимся на месте погибших, но на смену десятку изловленных быкоглавцев приходила сотня, потому что порталы теперь открывались повсюду, в самых неожиданных местах.

Вместе с ними в Кирддине появлялись и новые создания, и Хедин лишь мрачнел, выслушивая донесения разведчиков. Его враги, похоже, обшарили всё Упорядоченное, заглянули в самые пыльные и дальние уголки, собрали всех, кто только способен носить оружие, но при этом не слишком часто появлялся на большой арене в ратях Истинных Магов или Молодых Богов.

Познавший Тьму вновь выжидал. В Мельине должен справиться Ульвейн, в Зидде — Ракот, ну, а ему, как всегда, выпало самое скучное — ухватить наконец за хвост их неведомых и постоянно ускользающих врагов.

В первые часы после вторжения это казалось почти верным делом. Разве нет рядом Читающего, способного уловить и распознать любое заклинание в Упорядоченном? Разве не могут они вычислить и выследить, откуда

направляется тот поток магии, что открывает порталы и переносит приказы полкам?

Однако время шло, сражения вспыхивали то тут, то там, подмастерья Познавшего Тьму одерживали очередную победу, и... всё повторялось вновь. Дальние — если это Дальние! — с поистине звериной ловкостью избегали расставленных силков.

Богу не полагается терять терпение и впадать в ярость. Этим прославились Ямерт и присные; а кончили они, как известно, не слишком хорошо.

Первым подал о себе весть дисциплинированный Ульвейн — впрочем, и задание ему выпало попроще, чем Гелерре или Эйвилль.

«Наставляющему нас повелителю», — начиналось послание. Хедин поморщился — сколько он ни боролся с цветастыми именованиями, подмастерья всё равно норовили ввернуть какой-нибудь титул, вместо простого и понятного всем имени:

«Пребываем в Мельине, на краю Разлома. Послали весть Аррису и передали оному вашу волю присоединиться к нам. Аррис всеподданнейше предаёт себя вашей милости и готов понести любую кару. В остальном же положение следующее...»

Хедин закрыл глаза. Ох уж эти мне эльфы. Даже лучшие из них. Сколько ни требуй от них краткости и точности, всё равно — словно сорняки, прорастают обрывки замысловатых фраз их церемониальной эльфьей дипломатии. Впрочем, неважно. Сейчас он всё увидит сам.

* * *

Двое Тёмных эльфов застыли на самом краю беснующегося и плюющего смрадно-белой дрянью Разлома, там, где над поверхностью белёсого тумана поднималась узкая каменистая гряда, единственный остров посреди ядовитого океана. На тонколицевого щёголя Арриса было страшно смотреть — щёки вымазаны засохшей глиной вперемешку с кровью, своей и чужой, волосы спутаны и тоже грязны, рукава и полы свободного кафтана местами

пробиты, местами прожжены, кое-где впопыхах наложенные заплаты. Половина ножен пропала неведомо куда, оставшаяся еле держится на каких-то узлах; колчан почти опустел, в нём осталось лишь четыре стрелы. И только лук казался прежним — тщательно вычищенным и навощённым.

— Я пришёл, — бесстрастно проговорил Аррис. — Предаю себя в твои руки, Ульвейн. Да свершится воля повелителя.

— Да свершится воля повелителя, — мрачно кивнул посланник Хедина. — Где ты оставил свою команду, кстати?.. Я привёл помощь, Аррис.

— Она опоздала, — с холодным презрением бросил тот. — Нашествие не остановить, только если сюда явится сам повелитель.

Ульвейн выразительно поднял бровь. За его спиной в боевом порядке стояло почти пятнадцать десятков подмастерьев Познавшего Тьму — опытных, бывалых, прошедших не одно сражение, бившихся под множеством солнц и небес. Такие-то — и не остановят?

— Нё остановят, — Аррис правильно понял взгляд товарища. — Только Познавший и Владыка. И притом вместе.

— Может, нам будет дозволено хотя бы попытаться? — иронически осведомился Ульвейн. Среди подмастерьев Хедина не было принято ссылаться на Новых Богов или просить у них помощи.

— Попытайся, — Аррис не принял тона. — Мы не смогли. Вы тоже не сможете. Ты спрашивал, где моя команда? Её больше нет. Я потерял всех, Ульвейн. Я остался один.

— Вот как, — Ульвейну даже изменило знаменитое хладнокровие Тёмных эльфов. Гибель каждого подмастерья — это сильный удар. А тут не один, не двое — сразу шестеро!

Аррис пожал плечами.

— Они сражались и умерли достойной смертью.

— Спали тебя Ямерт, Аррис. — Ульвейн придвинулся

к соратнику, явно борясь со жгучим желанием сгрести его за грудки. — Оставь эти бредни вербовщикам. Как они погибли? Почему? Что не сработало, где открылась брешь?

— Успокойся, посланник. Нигде не открылось никаких брешей, и наша магия не дала сбоев. Просто вырвавшихся из Разлома тварей оказалось слишком много.

— *Каких именно тварей*, Аррис?! — потерял терпение Ульвейн.

Эльф усмехнулся — нехорошей, мертвенной усмешкой.

— Козлоногие, Ульвейн. Не кто иной, как козлоногие. Они осмелели. Раньше, я помню, открытого боя с нами они избегали — это дало бы повелителю право вмешаться.

— Ты уверен? Это *те самые* козлоногие?

— Не уверен. Тут поработала магия, достойная уважения. Субстанция, в Разломе... она эманурует, а местные маги нашли способ превратить это в армию вторжения. Твари обрели форму, наиболее им присущую.

— погоди. Ты сказал, *местные* чародеи?..

— Именно. Один из здешних магических Орден. Под напыщенным названием «Всебесцветный Нерг».

— Они что, в союзе с этими бестиями?

— Похоже на то, Ульвейн. К несчастью, в мои руки не попал ни один из этих чародеев. Единственный пленник угодил к здешнему правителю, а тот, увы, попытался вытянуть из него сведения доступными здешним обитателям методами. Разумеется, не преуспел.

— Что с трупом? — деловито осведомился Ульвейн. — Его тоже можно допросить.

— Расчленён и сожжён.

Ульвейн совсем по-человечески присвистнул.

— Да. Здесь ничего не добьётся даже повелитель.

— На самом деле это уже неважно. Мир начал гнить заживо. Посмотри вокруг, Ульвейн. Нет, не на Разлом. Туда, на восток.

Тёмный Эльф повернул голову. Всюду, куда достигал его взгляд, тянулись бесконечные поля всё того же белёсого тумана. Под его покровом что-то шевелилось, воро-

халось, колыхалось, порой доносились жутковатые звуки, смесь хлюпанья, кряхтенья, кряканья, тресков, уханья — там шла какая-то работа, но даже эльфьи глаза сейчас не могли помочь.

— И *это* уходит всё глубже и глубже. Разлом расширяется. В него превращается весь мир. — Слова Арриса казались сейчас отчаянно цепляющимися за край бездны человечками, однако силы их таяли, и они одно за другим срывались, исчезая в мрачной пропасти.

— А что на той стороне? Что за пирамиды? Я чувствую...

— Я тоже, — последовал ответ. — Через них подпитывают Разлом.

— Тогда что ж мы стоим? — возмутился Ульвейн. — Что мы вообще делаем на этой стороне? Надо переправляться и взрывать эту мерзость! Пробиваться внутрь, сносить под корни!

Аррис криво ухмыльнулся.

— Ты не спросил, где я потерял шестерых, брат-храбрец.

— О, — Ульвейн задрал подбородок. — Можно догадаться, что возле тех самых пирамид. И ты меня предостерегаешь, брат Аррис? Заклятья левитации здесь...

— Именно так, — глаза командира погибшей шестёрки зло сузились.

— Тогда тем более нет смысла терять время, — пожал плечами Ульвейн. — Могу ли я спросить, заклатья левитации здесь...

— Работают, — заверил соратника Аррис. — Плохо, со скрипом, но работают. Через Разлом мы переберёмся, а вот дальше...

— Дальше понятно. — Ульвейн оставался непреклонен. — Если пирамиды — корень зла, будем их выкорчёвывать. Одну за другой.

— Ага, как же! — яростно прошипел вдруг Аррис, тыльной стороной ладони безуспешно пытаюсь стереть со лба засохшую кровь пополам с грязью. — Думаешь, я совсем ничего не смыслю, а, Ульвейн?! Думаешь, я на той сторо-

не цветочки собирал и на птиц любовался?! Думаешь, я не пробовал? Стены пирамид не пытался пробить, внутрь не лез?! Зря я тебе про моих погибших талдычу?! Где они полегли, по-твоему? И когда, знаешь? Стоило нам всерьез повести осаду, а из Разлома как повалило...

— Успокойся, Аррис. Слова эти недостойны тебя, — Ульвейн окинул соратника холодным и высокомерным взглядом.

— Слова, говоришь, недостойны... а мои шестеро, там оставшиеся, — они как? Чего достойны они? Пирамиды эти, там всё так запрятано, что только повелитель и разберётся! И старые вроде б, и заклатья подослали — ан поди же ты! Я тебя, Ульвейн, не глупее, знал и видел, что делаю!

— Старые заклатья, хм... — Ульвейн избегал смотреть на сородича. — Не отчаивайся Аррис. Где не пробились шестеро, может, справятся полторы сотни.

— Может быть, — скривился Аррис. — А, может, и нет. Только аэтерос смог бы наверняка...

— Аэтерос?! Он за нас нашу работу делать должен?!

— Да, аэтерос! — с вызовом подтвердил Аррис. — Потому что здесь, в Мельине — это не просто козлоногие. Это главный удар Неназываемого. Боюсь даже представить, сколько лет он его готовил — с таким тщанием и аккуратностью.

— Тебе кажется, — раздражённо отмахнулся Ульвейн. — Нас полторы сотни. Достаточно, чтобы прикрыть спины тем, кто станет пробиваться в пирамиду. Выкопаем ров, поставим частокол — и голыми руками нас не возьмёшь. А когда проникнем внутрь, когда узнаем больше — тогда и решим, стоит ли беспокоить аэтероса такими пустяками. Ну, Аррис, ты с нами? Помни, повелитель особо приказал тебе...

— Я не оспарю воли аэтероса, — Тёмный эльф мрачно смотрел на колышущийся туман. — Но, Ульвейн, если мы потерпим неудачу...

— То я сам на коленях буду просить повелителя о помощи, — закончил тот.

Их разговор прервался — где-то далеко на севере загремело, сквозь хмарь и мерзкий туман пробилась белая звезда, вспыхнула у самой земли — и медленно угасла. По Разлому прошла стремительная судорога, живая мгла с новой яростью бросилась на берег, и даже пирамиды, казалось, зашушукались, кипя от злобы.

— Ка-ак интересно... — протянул Ульвейн.

— Это Император. Местный правитель, я спас его от козлоногих, чем и нарушил приказ повелителя, — развёл руками Аррис. — Отправился на север, искать «главную пирамиду»... Я не препятствовал — спасти человека почти случайной стрелой из тьмы — это одно, а раскрывать себя и говорить — совсем другое.

— А тут есть «главная пирамида»?

— Нет, конечно, — Аррис даже поморщился. — Да и откуда ей взяться? Такие вещи прячут куда лучше. Устроители Разлома ведь не могли не знать, что рано или поздно здесь появимся мы, гвардия повелителя.

— Гвардия... что-то не замечал за тобой склонности к дурной патетике, Аррис.

— Хочу верить, что мои остались там, — Тёмный эльф мотнул головой в сторону пирамид, — не зря. Что погибли как избранные. Во имя великой цели.

— Тут уж ты можешь не сомневаться, — скривился Ульвейн. — Других целей у аэтероса не бывает.

Аррис ничего не ответил.

— Переправляемся и начинаем укрепляться, — озвучил свою мысль его сородич. — Ставим частокол и готовим тараны.

— Я позабочусь о заклятиях.

— Вот это совсем другое дело, брат Аррис! Донесение аэтеросу отправим, когда будет, что сказать.

* * *

Видение прервалось. Хедин прижал пальцы к вискам, полуприкрыл глаза. Человеческие привычки, слишком человеческие. Со временем так убеждаешь себя, что это и впрямь действует... Не хочется становиться каким-нибудь

«воплощённым вихрем» или эманацией чистой силы, действующей исключительно через аватары, подобно Великому Орлангуру.

Нет, он не размажет себя по Упорядоченному, хотя порой это кажется единственным выходом. Растворить себя в сущем, слиться с самой мелкой его частицей, обрести знание, лишь немногим уступающее знаниям четырёхзрачного Духа... но какой ценой, какой ценой!

Аррис и Ульвейн, конечно, не справятся в Мельине, но, во всяком случае, козлоногим придётся с ними повоювать. Это — выигрыш времени. Времени, так необходимого, чтобы увенчались успехом миссии Гелерры и Эйвилль. Вернее, только Эйвилль. В удачу гарпии Хедин не верил. Его неведомые враги не допускали детских ошибок.

— Они переправились? Что было дальше?

Вестник поспешно поклонился, шелковистые эльфы волосы мотнулись вниз.

— Да, аэтерос. Пришлось строить воздушный мост и поднимать его очень высоко. Из Разлома вырывается... нечто, разъедающее наши заклинания.

Но мы справились. Переправа прошла без потерь. Потом окружили ближайшую пирамиду, возвели двойной частокол, выкопали ров. Как только взялись за тараны, из Разлома повалили козлоногие, но в пирамиду мы пробились все равно. Это огромное магическое устройство, ничего более, подпитывающее живой туман. В основном рунная магия — все стены испещрены. Два жертвенника — в основании и на вершине. Если их разрушить, натиск тварей ослабевает. Камни с руническими заклетьями можно выжечь, у гномов это хорошо получалось, надписи просто исчезали. Стереть пирамиду с лица земли мы просто не смогли, но умертвить её магию — вполне по нашим силам. Вдобавок приковали к себе немало козлоногих. Ульвейн отправил меня с известиями, не дожидаясь, пока мы там всё закончим. Чтобы выбраться, пришлось прорубаться сквозь кольцо — возле Разлома магия совершенно непредсказуема и ненадёжна, аэтерос. Дальнейшего я уже не

видел, спешил отправиться, но, полагаю, Аррис с Ульвейном уже взялись за следующий зиккурат...

Хедин кивнул.

— Отдохни и отправляйся обратно. Моё слово Ульвейну и Аррису — разрушать заклатья в пирамидах, всемерно ослабляя Разлом. Отвлечь козлоногих на себя, оттянуть их прочь, заставить хоть на время забыть о людях. Продержаться надо как можно дольше, но не доводя до полного уничтожения отряда. Оставляю это на усмотрение Арриса и Ульвейна, я знаю, они не побегут с поля боя, не отступят слишком рано. Этот приказ слишком важен, я не доверю его эфиру. Не мешкай, прошу тебя.

— Не промедлю ни мига, — вновь поклонился эльф.

«Да, не промедлит», — с неудовольствием подумал Хедин. Он злился на себя — не на посланца. Он-то не промедлит, а вот ты никак не можешь ухватить врага за хвост. Который уже день Кирддин исходит кровавой пеной, твои подмастерья насмерть бьются за какие-то безымянные высоты, опушки лесов и горные перевалы. Они бьются, а ты всё ждёшь, ждёшь и никак не можешь дожидаться искомого. Даже Читающий бессилен, хотя раньше он никогда не знал подобных неудач. И это особенно тревожит — насколько ему можно теперь доверять? И что ещё он не сможет прочесть?

Из-за пазухи появился розовый отшлифованный кристалл, точный двойник вручённого гарпии. Познавший Тьму задумчиво крутил его в пальцах; он не солгал Гелерре и не следил за ней, да и не мог следить. Подобные заклатья — в принципе — можно обнаружить и многое узнать о наложившем. Хедин понимал, что гарпию скорее всего заметят много раньше, чем она сама увидит хоть что-то, но рисковать не хотел. Всё должно выглядеть по-настоящему, неподдельно.

...Он не знал, сколько прошло времени. Приходили и уходили подмастерья, командиры отдельных полков, получали какие-то указания, что-то делали, где-то стояли насмерть, где-то шли на прорыв — Хедин отвечал, сам буду-

чи далеко-далеко. Не на кирддинских полях, увы, решится исход этой битвы.

Гелерра. Эйвилль. Где вы, во имя всех небес и бездн Сушего?

* * *

Крылатая дева с антрацитово-чёрными глазами в последний раз перекувырнулась в «воздухе» — вернее, той магической субстанции, что заполняла Межреальность, позволяя подмастерьям Познавшего Тьму чувствовать себя там, словно в обычном мире. Она наслаждалась, она смаковала каждый миг — великий Хедин впервые доверил ей *настоящее дело*. Вручил командование. Почти десять сотен учеников истинного Бога — немалая сила. После такой щедрости повелителя скулить и жаловаться, что, мол, «их слишком много было» — да никогда. Скорее она сама отрубит себе крылья и бросится вниз с первого попавшегося утёса.

Эйвилль, конечно, молодец, хоть и вампирша. Живых мертвецов-кровососов прямодушная Гелерра ненавидела всем своим существом, хотя скрепя сердце и признавала их «полезность великому Хедину».

Она сделала всё, как сказал повелитель. Её избранный полк прошел через Межреальность, и впрямь рассыпавшись на тройки, собравшись лишь в самый последний момент. Никаких заклятий, никаких разговоров — гарпия верила, что соратники не подведут, доберутся, куда нужно.

И они не подвели. Гелерра не без гордости оглядывала блистающий строй.

— Мои товарищи! — Восторг сдавливал горло новоиспечённому командиру, слова вырывались на свободу с огромным трудом. — Друзья мои! Великий Хедин избрал нас своим карающим мечом. Цель — перед нами. Вот мир, где укрылись подлые враги, посмевающие бросить вызов великому. Долго тянулся след, от самого Кирддина, долга была наша дорога, но вот и она закончилась. Будем штурмовать, друзья! Вот миг, которого мы ждали так долго, — логово подлого врага перед нами. Правда, мы не представляем, что ждёт нас там. Но ученики Познавшего Тьму са-

ми знают, что надо делать. Кто хочет отправиться на разведку?

Как и следовало ожидать, вызвалась вся тысяча. Бледные щёки Гелерры аж покраснели от удовольствия.

— Мне нужен всего десяток. Две сотни — окружить весь этот мирок, и чтобы даже перо от моего крыла не пролетело незамеченным!

Кто-то не выдержал, рассмеялся. Гарпия тоже улыбнулась.

— Достаточно слов. Считайте, это была горячая и долгая речь, от которой кровь ваша вскипела, и теперь вы готовы разорвать этот мир в клочья одними зубами, у кого они есть, разумеется.

...Десяток прознатчиков-морматов бесшумными серыми тенями скользнул вниз. Мир покачивался под ногами — круглый шарик, выкрашенный голубым, белым и зелёным. Таких миров большинство в Упорядоченном, хотя хватает и плоских, и даже пребывающих на внутренней поверхности полого шара. Круглые миры просты. В них легко проникать, и из них легко уходить... как правило. Эвиал, так озаботивший повелителя, к оным не относился.

Да, двух сотен учеников Хедина хватило, чтобы перекрыть все входы и выходы из этого ничем не примечательного мирка. Гелерра заранее знала, что встретит её внизу. Собственно говоря, а чего ещё было ждать? Какой ещё мир могли выбрать враги повелителя — только такой, неприметный и незаметный. Где свободнотекущая сила не заставляет скалы плавать в небесах, водопады — взмывать вверх, а не низвергаться вниз. Деревья в нём не бродят ночами, переговариваясь вполголоса, острова не имеют привычки выпускать сотни лап с плавниками и перебираться на другое место, когда наскучит старое.

Восемьсот учеников — и ты, Гелерра. Тебе уже доводилось командовать полком в битвах — но повелитель всегда был рядом. А теперь никого нет, ты сама по себе — гарпия зябко запахнулась в собственные крылья. Как же тяжело ждать... и как страшно подвести повелителя.

Гелерра прожила совсем немного в сравнении с други-

ми подмастерьями. Яростный талант сам вырвал её из полудикого племени, где она была рождена — как велит обычай, во время полёта. Кто сорвётся — тот отторгнут небом, а такому и жить незачем. Всё справедливо.

А потом её *нашли*. И рассказали о ней повелителю. Кто это был, Гелерра так и не узнала — великий Хедин делился с учениками тем, что могло пойти им на пользу, а лишнее знание порой вредит и сбивает с толку. Так он говорил, и гарпия была совершенно согласна.

День, когда повелитель сам удостоил её племя визитом, она до сих пор помнит так, словно проживает вот прямо сейчас, снова и снова.

Она сделалась ученицей Познавшего Тьму, его верной сподвижницей. И счастлива, безумно счастлива все эти пока ещё не такие уж длинные годы.

И сегодня — она не подведёт.

Осталось только дожидаться разведчиков.

Бывалые, тёртые бойцы Хедина тем временем привольно устроились кто где, разумеется, не разводя костров и не используя никакой магии. Гелерра успела снискать добрую славу — решительная, отчаянная, но в то же время и холодно-расчётливая. Ну, а что влюблена до безумия в повелителя, так тут не только она одна... вот только жаль, ничего нашей летунье-адате не светит. Владыка избегает привязанностей, он любит всех своих учеников разом, равно, никого не выделяя. Он как отец. Мудрый, спокойный и справедливый. Он вырвал их всех из серого бытия, медленного гниения в забытых вышними силами мирах, превратил в непобедимых воинов, лучшую армию Упорядоченного; и потому длящиеся «неприятности» раздражали не только Познавшего Тьму.

Шло время. В Межреальности есть всё — и «дни», и «ночи», и места, где не случается ни того, ни другого. Здесь «ночь» была — причудливый ток великой силы не то отклонял, не то затмевал свет, и подмастерья пользовались моментом. Судя по всему, драка будет жаркая, отдохнуть не помешает. Как обычно, собрались кружком Тёмные эльфы, что-то негромко читали вслух вполголоса, к ним

примкнуло несколько расчувствовавшихся орков в наводящей ужас боевой раскраске, с ожерельями из уменьшенных магией черепов на могучих шеях.

Гномы потягивали пиво. Радужные змеи свернулись кольцами, морда к морде — декламируют друг другу зубодробительно-эпические поэмы, понятные только им самим. Всё хорошо. Всё тихо. Всё, как обычно.

А прознатчики меж тем не возвращаются.

В груди у гарпии разрастался ледяной ком дурного предчувствия. Морматы, лучшие разведчики среди учеников повелителя. Ни малейшей магической вибрации, никакого колебания Силы. Конечно, она, Гелерра — не Читающий, ей не расшифровать наложенные заклятья, но, если бы морматы втянулись в драку, она бы почувствовала.

Десяток — как ветром унесло. «Как наземь пали», — говаривали гарпии.

Командир обязан посылать своих воинов на смерть, а сам рисковать собой до определённого предела — напротив, права не имеет. Потому что надо «сделать дело», а не красиво умереть. Всё это повелитель объяснял не раз и не два. Но...

Сперва Гелерра сделала всё, как положено. Разведчики не вернулись, значит, дело нечисто, и очертя голову лезть тем более нельзя. Она послала ещё десяток.

Безмолвные морматы один за другим исчезли в сером мареве. И вновь — ничего.

Антрацитовые глаза гарпии немилосердно резало — от усилий удержать позорные слёзы.

— Я пойду сама.

Несколько эльфов, начальников сотен, удивлённо взглянули на неё.

— Я всё знаю! — возвысила голос Гелерра. И вновь, уже тише: — Всё я знаю...

Репак, радужный змей, одним гибким движением очутился рядом с ней.

— Атпрафлюсссс сsss тафай¹, Келерра.

¹ Радужный змей при речи заменяет все «о» на «а»

— Почту за честь, — покраснел Омейн, один из десятиков-эльфов.

— Ну, куды ж вы без меня, — поднялся коренастый Креггер, гном, закидывая на плечо здоровенную трубу огнеброса.

Добровольцев в один миг набралось больше, чем потребно. Гелерра вздохнула. Ей верят. Верят по-прежнему. А она...

Опасные мысли пришлось поспешно отбросить.

Отданы последние распоряжения. Отряд готов атаковать по её приказу. А уж она постарается, чтобы её слово пробилося сквозь любую защиту.

Гарпии это умеют. В беспредельных воздушных океанах своего родного мира, среди бушующих бурь и мчащихся безумными лавинами облачных стад, всегда готовых осыпать молниями неосторожного, — суметь *позвать* зачастую означает «суметь выжить». Она позовёт. И её полк придёт.

Со стороны казалось, что они «падают». С далёкой земли, сумей взгляд простого смертного проникнуть сквозь миражи, окутывающие границу Межреальности, отряд Гелерры предстал бы парящими эфирными созданиями — особенно хорош был гном со зловещим раструбом огнеброса, направленным вниз. Бороду Креггер заплёл в пять боевых косиц, на лбу и щеках намалевал какие-то руны — Гелерра, помнится, как-то посмеялась над столь варварской и неутончённой магией, а гном, не говоря ни слова, поднял увесистый булыжник и вдребезги расколотил о собственную голову — руны вспыхнули на миг, и всё.

Конечно, они не просто парили в своё удовольствие. Все мыслимые и немыслимые заклятья, позволяющие отвести глаза врагу. Увы, этот мир оказался круглым. К нему не подберёшься «снизу», не поднимешься по корням, связывающим с Межреальностью, скажем, мир плоский — потому что корни сами по себе отражают и рассеивают все дозорные чары.

Враг умён, этого не отнимешь. Мирок ничем не примечателен — да кругл, и со всех сторон мы — как на ладони.

Небо всё ближе. Странно это — видеть с изнанки дремлющие призраки звёзд. Обитателям же самого мирка небо (особенно ночное) кажется бездной, скрывающей мириады таких же, как их собственное, обиталищ, где живут владеющие речью. Они правы — потому что есть Упорядоченное, и не правы, потому что их собственные звёзды, сложившиеся в причудливые узоры, не имеют к этим «иным мирам» никакого отношения.

Прошли. Хрустальные сферы послушно разъялись перед верной ученицей Познавшего Тьму. Мир всё ближе, а она, Гелерра, по-прежнему ничего не чувствует. Кроме лишь того, что именно здесь обрывается нащупанный вампиршей Эйвилль след загадочного неприятеля.

Легче пуха, словно неощутимый предутренний ветерок, отряд Гелерры достиг наконец тверди незнакомого мира. Где-то тут, на его громадных просторах, притаился подлый враг. Где-то здесь исчезли её морматы...

Конечно, она не знала и не могла знать, где именно засел враг. Найти его логово — потруднее, чем булавочную головку среди раскалённой пустыни. Но именно для этого великому Хедину и требовались его ученики.

Вот она, плоть нового мира — грубый камень иссиня-чёрных скал под ногами, край обрыва, обычным смертным он показался бы «головокружительным». Внизу — голубизна реки, полыхание древесных крон — здесь, похоже, царила осень.

«Ну, и что же случилось с моей разведкой?» — терзалась Гелерра, отстранённо наблюдая, как её спутники споро разбирают временный лагерь. Не хочется верить, что нам *сознательно* открыли сюда дорогу. Они что, совсем безумны? Кончился один след, но начнётся другой, и мир не останется неизменным, если в нём похозяйничала такая сила, что дерзнула бросить вызов могуществу самого Познавшего Тьму. Гелерра отыщет их убежище, она продельвала такое уже не раз, как и другие ученики великого Хедина.

— Дасссаррр? — прошипел-просвистел Репак, радужный змей.

Гарпия покачала головой.

— Нет. Свернёмся клубочком и приготовим заклятье поиска. Раз уж *они* дали нам забраться так далеко.

Репак смешно кивнул — его раса старательно подражала двуногим соратникам даже в мелочах.

Эльфы взялись вычерчивать декаграмму, Омейн достал набор кристаллов-балансиров, считать направления и тяги магических потоков, гном расчехлил огнеброс, деловито установил его на треногу и принялся возиться с заправкой — каждый мир требовал своего собственного заряда, магия-то всюду разная...

Всё хорошо. Всё, как ему и следует быть.

Гелерра застыла на краю обрыва, уверенная в надёжности скрывающего от чужих глаз заклятья. Конечно, им бы не дали проделать всё это, заметь их хозяева своевременно. Десяток учеников Хедина — это сила.

...Но два десятка таких же точно учеников уже сгинули бесследно...

«Но с ними не было меня!»

Ещё немного — и Геллера будет знать всё. И тогда на вражье логово обрушится удар её полка, стремительный и беспощадный. Она не подведёт верящего ей повелителя.

* * *

Эйвилль было хорошо. Наверное, впервые за последние несколько сотен лет. И *так* хорошо, как не случалось за всю её вампирью «жизнь», хотя вернее будет сказать «за всю не-смерть».

Кровь богов. Кровь *бога*. Эльфку снова и снова начинало трясти, стоило ей вспомнить свои клыки, прокалывающие тёмную от загара, исполосованную шрамами кожу запястья, под которой трепетали синеватые жилы. На взгляд Эйвилль, повелитель слишком уж сильно старался походить на человека. Почему именно на них, на людей, а не, скажем, на Перворождённых эльфов? С какой стороны ни глянь, мы ведь куда красивее. Даже обидно.

Но вот кровь в этих жилах текла такая, что Эйвилль казалось — она сейчас способна разрывать миры в клочья

голыми руками. Огонь и лёд, сладость и горечь, всё вместе. Пьянит и отрезвляет, бросает в дрожь и заставляет изнемогать от жары. Старые, давно забытые было чувства — кровь Хедина заставила вспомнить те времена, когда Эйвилль ещё жила, её кожа была тёплой, а сама мысль о вампирах не вызывала ничего, кроме отвращения.

Познавший Тьму был прав. Эйвилль обрела новые силы — раньше о таком не могла даже мечтать, не подозревая, что вампир в принципе способен на подобное.

Чёрной кошкой в тёмной комнате она кралась следом за беспечной гарпией. Гелеррины «меры предосторожности» не вызывали у Эйвилль ничего, кроме брезгливой усмешки. Повелитель знал, кого отправить на это дело. Враг ничего не заподозрит, даже сумеет он каким-то образом простечь мысли Крылатой Девы.

Вампирка отыскивала себе укромное убежище почти у самой границы того, что она, за неимением лучшего, называла «вражьей волей». Пройдя по их следу от самого Кирддина, она накрепко запомнила этот «вкус» — как ни странно, для неё это оказался именно вкус, вкус золы и пепла. Вполне подходит, кстати.

Вокруг безымянного мира разлит был именно этот вкус.

Нора в Межреальности, куда заползла Эйвилль, позволяла ей оставаться невидимой для любого соглядатая. Только вампир мог туда проникнуть, и только вампир — но превосходящий силой её, Эйвилль, — заподозрить хоть что-то.

Мирок — как на ладони. Но не только — вампирша видела все потоки магии, все те реки Силы, что делают живое — живым. Иные пронзали мир насквозь, иные — обтекали, словно вода преграду. Где-то там, среди этих незримых струй, скрыта тайная тропка, по которой побегут враги Хедина, когда Гелерра надавит на них посильнее. Они никогда не принимали открытого боя, эти враги. Не так уж неумно, с точки зрения Эйвилль. Стрела в спину намного лучше «честной схватки» лицом к лицу.

Она ждала, без нетерпения, но и без обычного для вам-

пиров равнодушия. Она вкусила крови бога. И в бессмысленно-бессмертном существовании появилась цель. Пусть даже такая дремучая и первобытная.

Попробовать влагу из жил Хедина ещё раз. Эйвилль стала сильнее, она не совершит прежней ошибки.

...Эльфка встревожилась, когда вторая десятка морматов сгинула бесследно. Враг успел подготовиться к встрече. Но как, как, как?! — никакого возмущения в магических потоках, ни отзвука наложенных заклинаний, ничего.

«И куда эта курица безмозглая лезет, хотела бы я знать?!» — беззвучно завопила вампирша, когда Гелерра вместе с десятком вызвавшихся охотников сама отправилась на разведку. Крылья есть — ума не надо! Надо было проверить, выслать полусотню, заставить врага ответить, показать себя, а она... Да, эта полусотня скорее всего бы назад не вернулась, но в этом и состоит мудрость полководца. Полководца, а не крылатой дурочки.

...Приказ Хедина держал Эйвилль на месте крепче самых толстых цепей. Она не шелохнётся. От неё сегодня не требуется ни боевой ловкости, ни перерезанных глоток или оторванных голов.

Эльфка неотрывно наблюдала за спуском Гелерры, вынужденно признав — гарпия, она, конечно, курица, но в отводящих взгляд чарах толк и впрямь знает. Во всяком случае, догадаться, где сейчас её десяток, можно было только по мельчайшим, тотчас гаснущим возмущениям Силы — на такое ни одно заклятье не нацелить. С точки зрения находящихся в этом мире — Гелерра исчезала в одном месте и тотчас возникала в другом, совершенно непредсказуемо.

Сейчас. Если бить по дерзким — то именно сейчас.

Не мигая, вампирша смотрела на висящую в пустоте бусину мира, раскрашенную в такие весёлые и мирные цвета. Белый, голубой, зелёный... какое зло может там таиться?

Нет, всё спокойно. Гарпия уже на поверхности, её впустили беспрепятственно, не помешав.

«Дура, ой, какая дура!» — шипела про себя эльфка.

И за какие только заслуги Хедин так возвеличил эту крылатую?

На земле Гелерру было уже не разглядеть. Мир гасил заклинания, и только по слабому эфирному отзвуку Эйвилль догадывалась, чем сейчас занята гарпия. И в самом деле, что ещё взбрѣдет в голову беспечной летунье? Отыскивает «вражье логово». И ей даже не приходит в голову, что никакого «логова» тут может и не быть, что противник может скрываться глубоко в центре земли, а может засесть в соседней хижине, приняв вид мирного пахаря. Или обернуться деревом. Или рекой. Или повиснуть в небесах невинным облачком. А Гелерра по-прежнему думает лишь о крепостях, бастионах да рвах, где скрывается бесчисленное воинство.

Невольно мысли Эйвилль приняли и вовсе еретическое направление. А что, если Хедин ошибается? Что, если весь план — одно сплошное недоразумение? Что никто не побежит из этого мирка, что полку Гелерры не удастся опрокинуть неведомого супостата? Почему Хедин вообще решил, что тупенькая гарпия на такое способна? Командовать должна была она, Эйвилль! И уж она-то бы точно не упустила тот самый отнорок, о котором толковал Новый Бог. Хотя... а откуда известно, что крысиный лаз вообще существует? Что, если этот мирок и есть настоящая вражеская твердыня, а Хедин всё ищет и ищет какие-то «запасные ходы». Ведь враги не бесплотны. Их заклятья приводят в действие могущественные силы.

...И потом, Хедин ведь не спас Артрейю. И запретил мстить за неё.

Эйвилль вздрогнула. О чём она, что это с ней? Забыла, какова на вкус кровь Бога? Того, кто спас её саму и тех, кого она создала?!

...Но сколько же можно падать ниц и возносить хвалы? Она верно служила Хедину. Оказала ему важные услуги. Выследила его врага. Почему она теперь должна впадать в ту же ошибку, что и он сам?

Время шло. Внизу, на зелёно-бело-голубой бусине, где обитают глупые смертные, не способные понять и пре-

клониться перед великими тайнами Небытия, ничего не происходило. И у давным-давно мёртвой эльфки с игольчато-острыми клыками, каких не найдёшь у её живых соплеменниц, всё сильнее и сильнее закипало раздражение — ещё одно чувство, вроде бы совершенно не свойственное вампирам.

Хедин ошибается. Причём в мелочах. Почему же я должна и дальше его слушаться, если он — небезупречен? Да, его кровь — небывалое блаженство, но, но, но...

Но я ещё смогу отведать её, если всё будет сделано правильно.

О вампирах нельзя сказать «похолодел от ужаса», они и без того лишены тепла жизни; но чувство, охватившее Эйвилль от этой мысли, очень хорошо подходило под это описание.

Ты задумала измену?

Вздор. Вампиры никому не изменяют, потому что не присягают никому, кроме самих себя. Слова не имеют значения. Только голод и его утоление. Слабый — добыча сильного. Будь сильным, и ты не попадёшь на чужой зуб. Если претендующий на то, чтобы отдавать тебе приказы, ошибается — он слаб, и его кровь — твоя добыча. Даже без слова «законная». Вампир берёт то, что может взять, и больше над ним нет никаких законов.

Значит, ты таки задумала измену.

По пустой груди мячиком катался ужас.

Месть Хедина будет кошмарной. Это не Ракот — тот убил бы просто и без затей. Ты боишься умереть вторично, Эйвилль?.. А ведь боишься, потому что после этой смерти уже не последует воскрешения. Останется только горстка невесомого праха.

Хедин верит тебе, Эйвилль.

Но он слаб. Он допускает ошибки. Значит, он — твоя добыча.

Ты сама сказала, что у вампиров только один закон. Если сомневаешься, «законна» эта добыча или нет, ты уже тем самым ставишь себя вне закона. Вампир не сомневается, он нападает или отступает.

И как же ты собираешься нападать на *Бога*?

Ответ пришёл сам собой, словно чья-то подсказка.

Укажи ему дорогу туда, где будешь сильна ты, а не он. Легко сказать, возразила она. Где такое место?

Ночные миры, разве ты забыла? Там, где вампиры всевластны.

Ага, Ночные миры, как же! Да, потоки магии там более благосклонны к нам, но и только. «Всевластность» там только над бессловесными рабами, рабочим скотом и пищей. Да и то — против тамошних вампиров испокон веку вели войну чародеи из Долины магов и, надо признать, безуспешно. Ты сама же отреклась от тамошних «сородичей», Эйвилль! Чтобы выпить кровь Хедина, нужно нечто иное.

Могущественный союзник, быть может?

Слишком просто. И нынешние враги Хедина, хоть и ускользают из-под его прямого удара, не нанесли ему никакого ущерба. Разве что два десятка морматов...

Хедин неуязвим. С ним не смогли справиться его же собственные сородичи, когда он ещё не назывался Новым Богом. Да что там Истинные Маги, повержены оказались сами Боги, тогдашние владыки Упорядоченного!

Вампиры достаточно сведущи в истории, а если это соединить с эльфийской памятью...

Поглощённая своими мыслями, Эйвилль пропустила мгновение, когда мир перед ней полыхнул ядовито-зелёным светом, а весь полк Гелерры молча устремился в атаку.

* * *

Время в разных мирах Упорядоченного течёт совершенно по-разному; что же говорить о разных областях Межреальности. Для Гелерры местное солнце успело опуститься за горизонт и вновь взойти. С заклатьем поиска пришлось повозиться, это дело долгое, кропотливое, и порывистая гарпия терпеть не могла это занятие; хорошо, что выручили эльфы и Репак.

Вычерчено, сбалансировано, уравновешено, сориентировано по местным звёздам и известным магическим по-

люсам Упорядоченного. Расставлены амулеты, считающие, отражающие и направляющие. Всё готово. Осталось только встать в середину готовой фигуры и отдать короткий беззвучный приказ.

Гелерра колебалась. Уничтоженная разведка, а затем они безо всяких помех оказываются у самой цели — поневоле заподозришь подвох. Но, с другой стороны, если это и засада — как ещё отыскивать спрятавшегося неприятеля.

Радужный змей воспарил над краем обрыва, замер, изогнувшись причудливой руной, — это племя способно одновременно видеть и обычным зрением, и магическим, ускользнуть от их взора очень трудно, почти невозможно. Креггер настроил наконец свой огнеброс, улёгся возле него, озабоченно сведя кустистые брови; эльфы держали наготове луки и заговорённые стрелы, что пронзят любую броню.

Гарпия зажмурилась, сжала кулачки и произнесла заветное слово.

Свист ветра, рёв бури, удар могучего океанского вала, жар бушующего пламени, леденящий холод налетевшей пурги — покорные воле Гелерры стихии мира послушно впряглись в работу. Все части сложного заклинания пришли в движение, руны вспыхивали и гасли, распались леплом кристаллики в острых вершинах магической фигуры — и небо над головами маленького отряда стало быстро менять цвет, становясь глубинно-смарагдовым. Изумрудное пламя поднялось и вдоль горизонта, мирный пейзаж вдруг стал таять, ошлывать на глазах, словно свечка — открывалось хаотическое нагромождение тёмно-зелёных кристаллов, каждый величиной с крепостную башню. Казалось, из них состоит весь мир — и лишь чёрные скалы, на которых и расположилась Гелерра, остались прежними. Всё остальное: леса, речки, далёкие холмы, — испарилось, словно кто-то враз сдёрнул покров сложной, искусно наведённой иллюзии.

Разведчики остолбенели. Врага не требовалось искать.

Он был тут, рядом, на расстоянии протянутой руки. Каждый из этих кристаллов был Им. Врагом.

...И тянулось всё это, насколько мог окинуть глаз.

Нет неприступной крепости, нет бесчисленных ратей, мечей или копий. Только неподвижные зелёные кристаллы, хотя вернее будет сказать — поваленные обелиски. В глубине каждого — мятущееся зелёное пламя, холодное, бесплотное.

Ты искала врага, Гелерра? Вот он, перед тобой.

...И по-прежнему неведомо, что стряслось с морматами.

Сотворённое гарпией заклятье мало-помалу истаивало, иллюзия возвращалась — словно из тумана, соткалась речка, берега заполнила янтарно-осенняя желтизна; вот и деревья, вот и холмы, вот и едва заметная дорога меж ними, но теперь Гелерра знала, что скрывается под всем этим.

Однако что делать — оставалось неясным. Уничтожать кристаллы поодиночке? Или, может, послать весть повелителю, потому что не во власти его учеников, даже и самых лучших — вот так отправлять в небытие целые миры?

Скованные дисциплиной, спутники гарпии оставались на своих местах. Некого разить меткими стрелами или магией, некого обдавать кипяще-пламенной струёй огнеброса. Здесь требуются совсем иные заклинания.

Чары показали, что враг — под самым носом, кроется в этих самых кристаллах. Ниоткуда ведь не следует, что он, этот враг, непременно обязан иметь две руки, две ноги и ещё одну голову. Может, пляшущий за зелёными гранями огонь и есть сознание недруга, его душа?

— Креггер, проверь, как им понравится твоё пламя, — распорядилась Гелерра.

Разумеется, простой огонь ничего не сделает против твёрдого камня, но в смесях Креггера главным было далеко не это.

— Слушаюсь, Гелерра, — осклабился гном, скорчив зверскую физиономию и для чего-то прицеливаясь в ближайшее дерево. — Сейчас поглядим, из чего они тут сработаны...

Разукрашенная драконьими головами труба содрогну-

дась, из жерла вырвался огненный шар, со свистом пронёсся над чёрной скалой и точно, как по заказу, угодил в середину одинокого дерева над речным берегом.

Иллюзия дрогнула, вспыхнула, словно тонкая бумага, натянутая на лёгкий каркас ширмы, в «дыре» блеснули знакомые изумруды.

— С твоего позволения, Гелерра? — Омейн вскинул растянутый лук.

Гарпия молча кивнула.

Стрела сорвалась, свистнула, пронеслась прямо сквозь прожжённую огнебросом Креггера брешь. Наконечник звякнул о твёрдую поверхность зелёного кристалла, взорвался тучкой многоцветных искр; раздался хрустальный звон, словно стон боли, он прокатился от горизонта и до горизонта, по тёмной грани побежала паутина снежно-белых трещин, из них рвалось всё то же пламя.

«Чужая магия, бесконечно чужая. Эх, Читающего бы сюда...» — успела подумать Гелерра, прежде чем на чёрные скалы, кажушиеся единственным островком «настоящего» в мире обманчивых иллюзий, обрушился ответный удар.

* * *

Слабый не имеет права приказывать сильному. Допускающий ошибки — слаб, даже если способен дробить горы и обращать в пар бездонные океаны. Вампир — горд и свободен. Он уже прошёл через смерть и вернулся. Его обязательства — только до той поры, пока он сам не решит их отбросить.

...Ты всё-таки оправдываешься. И трясешься от страха. Потому что Хедин может простить всё, что угодно, любую неудачу. Но не измену. А ты сейчас изменила, Эйвилль, изменила тому, кто вытащил тебя из-под осиновых кольев. Вдобавок прошляпила, бездарно проморгала тот миг, когда враги Познавшего Тьму сделали свой ход. И теперь осталось лишь бессильно смотреть, как кипит облако изумрудного пламени на месте, где только что покачивалась сине-бело-зелёная бусина безымянного мира. В этом пла-

мени бесследно сгинул весь полк Гелерры, и Эйвилль понятия не имела, что с ним могло случиться.

И никакого намёка на пресловутый отнорок.

Из-под верхней губы вампириши сами собой вылезли белые иглы клыков. Кровь Бога. Высшее блаженство. И его теперь не будет, потому что эта глупая курица с крыльями, Гелерра, душой полезла на рожон и получила своё.

Сильный не соседствует со слабыми и не делает с ними одно дело. Он просто берёт своё. Кто-то недоволен? — пусть сам сделается сильным. И возьмёт всё, что пожелает, если только сумеет.

Кровь Хедина, кровь Бога, ы-ы-ы-а-а-у-у-а! Хочу, хочу, хочу!..

Руки Эйвилль затряслись, клыки удлинились так, что почти кололи её собственный подбородок.

Что, что надо, чтобы её заполучить?!

Всего лишь сделать то, что мы говорим.

Эйвилль содрогнулась. Голос шёл отовсюду и ниоткуда и казался никак не связанным с полыхающей зелёной глобулой, болезненно резонировал «внутри головы», выбивая из неё остатки того, что вампириша Эйвилль унаследовала от Эйвилль-эльфийки.

Всё просто. Для тебя. Тебе он верит. Ты приведёшь его в указанное место. И получишь всю его кровь. Его и второго повелителя, Ракота.

— Кто вы? — Ей казалось, она крикнула. На самом деле — едва прошептала.

Твой хозяин называет нас Дальними.

— Чего вы хотите?

У нас нет желаний. Это ваша категория. Но мы понимаем, что ты хотела сказать.

— Откуда вы знаете мой язык?

Нам ведомы все языки Упорядоченного, сколько б их ни было. Чего ещё ты бы хотела узнать?

— Где вы? Откуда вы? И... зачем всё это? Эта война?

То, что ты называешь «войной», для нас так же естественно, как дыхание для твоих ещё живых соплеменников.

Это переустройство. Мы — не просто великий инструмент Творца. Мы — сам Творец. Тебе известно, кто это такой?

— Эльфийские летописи именуют так первоначало, давшее жизнь Упорядоченному...

Правильно именуют. Лишнее доказательство того, что мы не ошиблись, обратившись к тебе. Кровь Богов будет твоей, вся, без остатка. И мы можем сделать тебя живой, если ты пожелаешь. Влага из жил Познавшего Тьму и Её же Владыки, хоть и бывшего, — огромная сила. Ты понимаешь нас?

— Я понимаю, — прошептала Эйвилль. Внутри всё трепетало, словно в пустой груди и впрямь билось настоящее, живое сердце.

Познавший Тьму велел тебе выследить нас, верно?

— Верно, — выдохнула эльфка.

И ты выследила. Вернее сказать, мы привели тебя в то место, где можем поговорить без помехи. Мы знали, что рано или поздно Хедин прибежит к этому способу.

— Так вы всё знали? С самого начала?

Разумеется. Мы ждали, когда Хедин отрядит на поиски нужное нам сознание. Твоё. Что он велел тебе ждать, когда мы побегим из этого мира и искать наши отнорки?

— Да, — одними губами.

Мы побегим, не сомневайся. Всё будет почти по-настоящему. Ты встанешь на наш след... и он приведёт в ещё один мир. Закрытый мир. Хедин должен спуститься туда. Он уже бывал в нём, летал соколом, дорога ему ведома. Ракот должен быть с ним.

— Трудно будет убедить, что...

Мы понимаем. Новые Боги коварны и недоверчивы. Но слишком уж верят собственной хитрости, не допуская даже мысли, что кто-то мог составить план более глубокий, чем у них. Это нам и поможет.

— Чего вы хотите? — И откуда только взялись силы настаивать?

Мы ничего не «хотим», — терпеливо-безжизненно пояснил голос. — Мы просто существуем. Хедин и Ракот должны уйти.

— Они уйдут, — вдруг заупрямилась Эйвилль, — но кто придёт на смену?

Это уже не будет иметь никакого значения. Возможно, те, кого они свергли. Возможно, кто-то иной. Наше предназначение от этого не изменится.

— Но в чём оно? Я могу знать?

Можешь, хотя среди твоих сородичей это назвали бы «страшной тайной». Мы узнали понятие «секрет» от вас — среди нас нет ничего подобного. Так вот, Эйвилль, Упорядоченное готово исполнить своё великое предназначение...

Вампирша замерла, не в силах унять трясущую её дрожь.

...Своё великое предназначение. Всё, что рождалось и умирало в нём, радовалось и страдало, теперь даст жизнь совершенно новой сущности. Поистине великой, и твой разум, Эйвилль, не в силах объять ее величия. Ты думаешь, что Упорядоченное, его миры, Межреальность и прочее — всего лишь фон для кровавой драмы, которую разыгрывают бесчисленные балаганные актёры, именующие себя «разумными»? Нет, Эйвилль. Упорядоченное призвано породить нового Творца, истинную Монаду, вечную, несотворимую и неразрушимую...

Эльфийка чувствовала, как начинает кружиться голова; перед глазами всё плыло.

Мы, как уже было сказано, — повивальная бабка нового Творца, Эйвилль. Пусть тебя не смутит, что мы говорим о «порождении» новой Монады, которую сами же называем «вечной и несотворимой». Она действительно несотворима, она пребывает среди нас, а может, в океанах бесконечного Хаоса. Тамошние Лорды всегда, с первого мига Упорядоченного, боролись против неё, тщаь вернуть отпавшие владения. Не удалось. В их власти лишь одно — удерживать великие творящие Монады вне их собственного осознания, размытыми пятнами колыхающиеся на высших, не доступных смертным, бессмертным или воплощённым иным способом существам, уровнях бытия. Бесконечные ряды порождённых Упорядоченным сознаний рано или поздно должны были объединиться в новое качество, в новую сущность. Эта новая сущность и нуждается в нас, последнем акте творения То-

го, кто создал всё, окружающее тебя. Он знал, что другие монады дремлют, опутанные Хаосом. И всё Упорядоченное — лишь утроба, долженствующая породить ещё одного Творца. Великая война между Хаосом и Порядком не останавливается ни на миг и никогда не остановится. В ней не может быть победы, ибо Хаос так же необходим, как и ненавистный ему Порядок. Но помочь родиться новому Творцу Упорядоченное может, только освободившись от Новых Богов. Они — как запруда, что мешает спокойному течению реки. Поэтому мы, против них. Ваши чувства, такие как «злоба», или «зависть», или «жажда власти» — для нас ничто. Нам они знакомы как совершенно чуждые, как ваши понятия. Отсюда вытекает один-единственный вопрос: ты поможешь нам, Эйвилль? Потребуется очень немного. Всего лишь, как мы уже сказали, привести братьев-Богов в указанный нами мир.

— Но... если вы настолько могущественны, то почему не...

Почему мы не сделаем это сами, ты хочешь сказать? Ответ прост. Почему твоему бывшему повелителю нужны вы, многочисленные подмастерья? Не ученики, нет, как вы привыкли считать, — а именно подмастерья?.. Ты задумывалась когда-нибудь над этим, Эйвилль? Богу нужны руки. Его могущество ограничено неумолимыми и бездушными законами Упорядоченного. Мы, конечно, говорим о Законе Равновесия. А нужны эти законы, их смысл в том, чтобы никакие силы, боги, маги и так далее не помешали бы Упорядоченному исполнить своё сакральное предназначение. Поэтому мы сами не в силах сокрушить Хедина. Несмотря на то, что мы — сами по себе инструмент рождения Творца.

— А что же случится с Упорядоченным после того, как Он родится? — Эйвилль с трудом решилась на этот вопрос.

Решительно ничего плохого. Что плохого случается с матерью, когда она даст жизнь ребёнку?

— Иногда в родах можно и умереть...

Верно. У вас, смертных и бессмертных, наделённых телами, множащихся после соитий, это так. И для того, что-

бы Упорядоченное не умерло, исполняя своё предназначение, и нужны мы, Дальние. Повивальные бабки, если говорить вашими словами. Наша война с Хедином имеет одну-единственную цель — убрать его с дороги, чтобы не мешал.

— А Неназываемый? Сейчас его сдерживают Хедин с Ракотом, что, если они исчезнут?

Эйвилль, Неназываемый не хочет никому никакого зла. Ему это понятие вообще недоступно. Он просто стремится вернуться к себе домой, в свой собственный континуум, где его существование совершенно естественно и не таит никакой угрозы сущему. Его не надо сдерживать, с ним не надо бороться. Он лишь пронзит Упорядоченное, а на границе его с Хаосом откроет портал в свои владения, исчезнув навсегда. Увы, Хедин и Ракот этого не понимают, а ведут бесконечную войну, причиняя обитателям Упорядоченного неисчислимые страдания.

— Хедин говорил, что в тот миг, когда Неназываемый достигнет пределов Хаоса, Упорядоченное исчезнет, съёжится, как проткнутый мяч...

Познавший Тьму не говорил бы такое, познай он Её на самом деле. Ему просто требуется оправдание его собственных деяний, ничего больше.

— Но что, если он прав? Кто может познать Неназываемого? Кому открыто Его имя?

Нам, Эйвилль, нам. Мы не ограничены телесной оболочкой, что связывает всех вас, не исключая даже Хедина и Ракота. Мы способны проникать сквозь завесу новосотворённой пустоты, что и впрямь некоторое время сдерживала Неназываемого — до тех пор, пока Он не нашёл, как обойти эту преграду, пока не появились козлоногие и их слуги, пока по Его воле не начала меняться сама плоть миров, принимая удобную Ему форму. Мы, Дальние, познали Неназываемого. Да, барьер пустых миров — благое деяние, и оттого мы никогда не препятствовали Новым богам в его сотворении, никогда не пытались уничтожить. Потому что преграда заставила Неназываемого измениться и искать другой путь спасения, кроме всеобщего поглощения материи Упорядоченного. Как ты понимаешь, нас бы это тоже не устроило. Так

что до определённой степени нас даже можно назвать союзниками Познавшего Тьму.

— А разве не нападали вы на Хединсей, во время мятежа двух Истинных Магов? В хрониках Хедина...

Разумеется, нападали. Они угрожали всему Упорядоченному. Они вызвали в мир Неназываемого, и в дни их восстания никто не мог сказать, как далеко они зайдут.

— А Неназываемый?

А что Неназываемый, Эйвилль? Ты всерьёз думаешь, что простейшая идея закрыть ему путь новосотворённой пустотой могла прийти в голову только Хедину? Мы остановили бы чудовище, точно так же, как это сделали Новые Боги. Сперва остановили бы, а потом дали б уйти, вернуться обратно к себе. Что же тут непонятного? Устранение Познавшего Тьму и его названного брата не покачнуло бы Равновесие, напротив — восстановило б его. Вот поэтому мы и пошли на открытый штурм Хединсея, Эйвилль. Надо сказать, знание древней истории делает тебе честь.

Да, правда. Хроники эльфийских летописцев, лояльных к Новым Богам, составляли излюбленное чтение Эйвилль в ту пору, когда она была живой. Хранили свои предания и вампиры; их повествования зачастую оказывались даже ещё более точными, чем свидетельства Первождённых.

Что ещё мы можем сказать тебе?.. Помни, вся кровь богов — твоя, если только ты согласишься нам помочь. А хочешь — мы отдадим тебе и Падших, бывших противников Хедина, тех, кого называли Молодыми Богами. Ямерта, Ярдоза, Яэта, Ялмога, Ялвэна, Ямбрена... Хочешь? Ты высосешь их досуха, ты опустошишь их и используешь их силу на собственное благо. Как тебе такая сделка, Эйвилль? Ты видишь — мы отдаём тебе многое, прося взамен сущую малость.

Вампиру уже не просто трясло — колотило, словно в падучей.

— Как я получу всё это? — простила она.

Приведи Хедина и Ракота в мир под названием Эвиал. Там уже всё готово к встрече. Идёт война, значение этого

мира Познавший Тьму вполне понимает, иначе не отправил бы туда своего Хагена. Ему нужен наш отнорок? Мы дадим тебе заметить его, ты встанешь на след. Всё покажется совершенно естественным, на тебя не падёт никаких подозрений. Приведи Новых Богов к нам — и награда твоя. Достаточно будет даже одного Хедина. Ракот, на наше счастье, слишком заигрался в «простого воителя». Не вынес веков того, что ваши стихотворцы именовали «божественной скукой». Ракот — это просто руки, в то время как Хедин — голова. Ну, а что касается Молодых Богов — это мы берём на себя. За одного Познавшего Тьму мы отдадим тебе Ярдоза, Явлату и Ятану; а если в Эйвилье окажется ещё и Ракот — то и всех остальных. Согласна?

Кровь Богов, стучало в ушах. Кровь Богов. Кровь Богов, а-а-а-а!..

— Согласна.

Мы не сомневались. Тогда сейчас последует маленькое завершающее представление — а ты примечай, увидеть наш «отнорок» будет непросто даже тебе, Хедин не должен заподозрить, что мы отдали его слишком просто. Именно потому сейчас придётся драться на поверхности, с полком этой безумной птицы-Гелерры. У нас будут потери, но это незначительная цена за общую победу. Смотри в оба, Эйвилль. Те, кто погибнет в этой битве, не должны угаснуть понапрасну.

— Они не погибнут напрасно, можешь не сомневаться, — посулила вампириша. — Но... чем ты подкрепишь своё обещание, безымянный? Если Хедин раскроет мой обман, он... он...

Твоя судьба будет страшна, Эйвилль, мы знаем. Но нашей верной не надо беспокоиться. Нам не нужны ни Хедин, ни тем более Ракот.

— Я хочу залога, — хрипло проговорила Эйвилль. — Залога, которому я могла бы доверять.

Залог от нас сделает тебя уязвимой. Хедин его легко обнаружит.

— Я укрою его так, что не доберётся даже Познавший Тьму!

Как хочешь, верная Эйвилль. После боя, когда ты спус-

тишься в покинутый нами мир, тебя будет ждать залог. Настоящий залог, ты останешься довольна. А вообще же... посуди сама, если ты просто приведёшь Хедина в Эвиал, ты ничем не рискуешь. Совсем ничем. А с нашим залогом...

— Мне нужен залог, — громче повторила вампирша.

Хорошо. Сделай, как мы говорим. Сейчас на земле начнётся сражение; осторожно выбирайся из своего убежища и, прикрываясь всеми мыслимыми заклинаниями, следуй за воинами Гелерры. С ними ничего не случилось, не бойся.

— Я ничего не боюсь!

...кровь Богов, кровь Богов, кровь Богов...

* * *

...Гелерра ждала чудовищ, и они явились. Твари выскакивали прямо из призрачной «земли», а рождали их, наверное, те самые зелёные кристаллы. За смутными полчищами угадывались высокие безликие фигуры, с головы до ног окутанные зелёными плащами, — словно пастухи, гонящие стадо на бойню. Однако это было уже привычно и знакомо — сподвижники Хедина, кем считали себя Гелерра и её товарищи, много и успешно сражались именно с такими ордами. Тем более что небо уже послушно раскрывалось, пропуская сотни и сотни воинов из полка гарпии.

Гелерра улыбнулась. Не так-то вы и страшны, неведомые. Только и можете, что прикрываться несчастным мясом, смазкой для наших мечей.

Справа и слева от неё в строгом порядке развёртывались новые сотни, натягивались тетивы, наводились бомбарды, кому следовало — плели заклинания, а ей, Гелерре, предстояло дирижировать этим слаженным оркестром смерти.

Не впервой. Отобьёмся, подумала она, глядя на катящиеся к чёрным скалам орды врагов.

Хакнул огнеброс Креггера, свистнули эльфийские стрелы.

Начиналась привычная работа.

— Взглянем поближе на эти пирамидки, — повторил Ракот.

Рыцари Прекрасной Дамы молча развернулись, вновь выстроившись привычным клином, нацелившись прямо на ближайший зиккурат. Отдаляться от бывшего Повелителя Тьмы они не могли — тяга Зидды прижала б их к земле, сделав доспехи совершенно неподъёмными.

От полумёртвой реки нестерпимо разило тухлятиной. Ракот поморщился. «Моя б воля — здесь сперва погулял бы огонь, потом вода, а потом я собрал бы лучших эльфов и повелел им выращивать тут деревья. Эх, Хедин, брат Хедин, твоя осторожность меня когда-нибудь точно погубит. Потому что я не выдержу и кинусь делать всё по-своему».

Четырёхрукие быкоглавцы больше не появлялись. Никто не препятствовал рыцарям на пути к ближайшей пирамиде. Названный брат Хедина положил ладонь на древний камень, поморщился — внутри серыми змеями ползала новорождённая сила, выпиваемая из мук реки и бесчисленных существ, обитавших некогда в её водах и вокруг них. Бог Горы, помнится, тоже упражнялся в чём-то подобном. Эх, злодеи, ничего-то нового вы придумать не можете. Всё то же самое — муки, пытки, боль. Только Шаэршен терзал людей, а Дальние (кто ещё это может быть?) нашли способ терзать саму природу.

«Ялини на них нет», — подумал Ракот.

Орден Прекрасной Дамы сомкнул ряды, выстроившись правильным полукругом.

— Ну, время терять тут нечего... — Ракот размахнулся мечом.

Как он любил эти мгновения, когда мог, не сдерживая себя, показать силу! Пусть даже это немая безответная скала.

Чёрный меч играючи разрубил древний камень, коричневые обломки, покрытые замысловатыми иероглифами, так и полетели в разные стороны. Ракота эти письмены не слишком заботили. Они — для того, чтобы высасывать

силу из Зидды, больше ни для чего. На след истинных врагов они не наведут.

Рыцари в молчаливом благоговении смотрели, как бывший Владыка Тьмы пластуется неподатливую кладку. Вскоре открылся ход — в поперечную галерею, что оббегала, похоже, вокруг всей пирамиды.

— За мной, — не удержался Ракот, хотя Орден Прекрасной Дамы не нуждался ни в каких командах.

Внутри, как и положено, их встретили древние пыль, темнота и тишина. Названный брат Хедина приостановился, нахмурился — впереди их ждали ловушки, множество ловушек. Разумеется, строители настораживали их против простых смертных, никак не богов; Хедин, конечно, заставил бы их все сработать, лишь прищёлкнув по старинке пальцами, Ракот же только хмыкнул и вновь взялся за меч. В его планы отнюдь не входило блуждать по здешним лабиринтам.

У пирамиды два сердца. Два, и Новому Богу не требовалось зренья, чтобы увидеть их оба.

Одно — глубоко под землёй, жадно впитывает мучения реки и окрестных земель; и второе — на самой вершине, перебрасывает тонкий мост из Зидды в неведомое. Ракот смел надеяться, что на дальнем конце этого моста окажутся их с Хедином неуловимые враги.

Он прорубал проход, и древний клинок крушил стены, разрубал какие-то тяги и цепи — явно приводы сторожевых капканов, — вскрывал наглухо замурованные полости с непонятными амулетами и давным-давно погасшими лампадками. Ракот только зло кривился, когда острие пронзало очередную фреску явно магического характера. Хорошо, что брата здесь нет — Хедин устроился бы тут на много седмиц разгадывать заплесневелые ребусы. Какая разница, *как* именно высасывались жизненные соки из Зидды? Гораздо важнее, *куда* их после этого направили!

Рыцари Ордена выстроились цепочкой, на всякий случай прикрывая спину своего предводителя. Ракот не видел, как передавались из рук в руки какие-то талисманы, как вокруг образков, носимых рыцарями в ладанках, на-

чинали плавать крохотные, словно пыль, искорки мягкого, тёплого света. Чудом уцелевшие чудовища шипели и извивались на фресках, но силы сойти со стен у них уже не осталось.

Попадались и склепы с прикованными костяками — строители не гнушались человеческими жертвами.

Пирамиды охраняли, конечно, не только нарисованные монстры. Ракот пару раз поморщился — чары пытались заставить его свернуть, направляли его в тупики, где уже ждали приготовленные западни. Не на того напали, усмехался он, играючи стряхивая мороки.

Сам не зная того, он легко избег ловушки, куда угодили Император и Сежес. Шаг за шагом он прорубался к самому основанию пирамиды, глубже самых древних фундаментов, и яростный блеск высекаемых его клинком искр разгонял гнилую, стылую темноту.

Чем дальше они уходили, тем могущественнее становились охранные чары. Меч Владыки Мрака миновал глубокую нишу, где притаился дракон — и чудовище, вмиг ожив, кинулось Ракоту на спину.

Командор Ордена, не моргнув глазом, встретил тварь грудью, коричневые зубы затрещали, ломаясь о край окованного сталью щита, широкий и короткий меч, как раз для боя в подземельях, ударил наверняка — украшенная священными символами сталь пронзила каменную шкуру, и дракон рассыпался бесполезной трухой.

Оживали и ещё какие-то стражи пирамиды, пятнами мрака бросаясь на облачённых в белоснежные доспехи рыцарей — те отвечали мечами, короткими смертельными ударами, без лишнего пафоса и показухи. Ракот не обращал на это внимания. Его последователи должны быть достаточно сильны, чтобы оборонить себя, иначе это никакие не последователи, а никчёмная обуза.

...Последняя стена с грохотом обрушилась внутрь, сквозь пролом хлынул яростно-алый свет. На тёмном постаменте сиял ослепительный кристалл, так что шедший следом за Ракотом командор Ордена невольно прикрылся латной рукавицей.

— Стойте, где стояли! — Названный брат Хедина легко прыгнул вниз.

Под ногами — сухая утоптанная глина, даже не каменный пол. Вокруг постамента — небольшое свободное пространство, чуть дальше — всё завалено в беспорядке набросанными друг на друга и перемешавшимися костяками. Стены — далеко, похоже, пустое пространство лежало подо всей пирамидой, неведомо как не проваливающейся в собственные подвалы.

— Славная работа, — пробормотал Ракот себе под нос. — Элегантно. Красиво. Снаружи не заметишь, из Красного замка не углядишь. А каждый мир обшаривать...

Кристалл ничего не ответил. Но кипящий внутри камня бессильный гнев Ракот уловил.

— Конечно, — язвительно сообщил он полыхающему сиянию, — брат мой Хедин, Познавший Тьму, справился бы здесь куда лучше. Ничего, Ракот Заступник, как меня кой-где прозывают, тоже может не только мечом махать.

Привилегия Бога — его магия редко когда нуждается во внешнем воплощении. Не требуются ни эликсиры, ни амулеты, ни зачарованные руны... конечно, порой всё это может оказаться бесполезным, даже и просто незаменимым; но проследить перекинутый от пирамиды мост Ракот мог, не прибегая к подобным сложностям.

На вершине пирамиды — жертвенник. Живой, с зачёрченным внутри него вечноголодным призраком. Тьфу, мерзость какая; а вот Хедин бы наверняка пришёл в восторг и просидел возле этого алтаря невесть сколько времени.

Да, Богу Горы такое и не снилось. Умирающая река; сохнувшие деревья; трескающаяся от неутоляемой жажды земля — всё вокруг отдавало силы зловещей пирамиде. И, трансформированная, преображённая, эта мощь незримо воспаряла над обречённым миром, сочилась сквозь Межреальность, совершенно неразличимая в потоках другой, естественнорождённой силы, до тех пор, пока не достигала...

Ракот поморщился. Глаза заслезились, словно у обыч-

ного человека, глядящего на солнце. Тонкая струйка, незаметный ручёек проложил себе дорогу сквозь Упорядоченное, и впадал он...

Чёрная глобула закрытого мира. Правда, броня каким-то образом потрескалась, защита утратила абсолютность, ну, а имя, имя...

Эвиал.

Вот так так, — Ракот утёр пот со лба. — А мы-то мучились... и чего было не отправиться сюда пораньше? Кирддин, замок-ловушка, хитроумнейший план Хедина — а всего-то и требовалось, что прогуляться в Зидду! Не в рядовой мирок, каких миллиарды миллиардов — один из ключевых, чьё падение откроет Неназываемому дорогу ещё дальше в глубь Упорядоченного!

Как всё просто, — он усмехнулся. — А не верящий в простоту Хедин, конечно же, кинется искать свидетельства совершенно иного, хитроумные ловушки и капканы, потеряет бесценное время, и враги опять ускользнут. Нет, он, Ракот, этой ошибки не повторит.

Значит, Эвиал. И там — либо *они сами*, либо нечто, очень для них важное. Что там говорил об этом мире Хедин? «Западная Тьма»? Неведомая сущность, то ли порождение Неназываемого, то ли какое-то творение непредсказуемого Спасителя? Говорил — и опять же оставил без внимания. Разве так можно? Не-ет, он, Ракот, теперь от этого не отступится.

В Эвиал, дорогие мои белолатные рыцари, в Эвиал!

За спиной Ракота чуть слышно звякнули тщательно смазанные и подогнанные сочленения рыцарского доспеха. Командор Ордена спрыгнул вниз и решительно шагнул к брату Хедина, поднимая забрало.

И остальные рыцари — невиданное дело! — один за другим посыпались вниз, опускаясь на оба колена и одинаковым жестом закрывая лица руками.

— Что случилось? — рыкнул Новый Бог. На его памяти Орден Прекрасной Дамы ещё никогда себя так не вёл.

— Её след. Он там, — лаконично проговорил старый рыцарь, указывая на стену пирамиды.

— Ч-что? — опешил Ракот.

— Стопа Прекрасной Дамы коснулась этих камней, — терпеливо пояснил командор. — Мы почувствовали. Все до единого.

Да. Теперь уже и впрямь *все* рыцари смотрели на него. Совсем позабыв о том, что они в чужом и враждебном мире, и те же быкоглавцы могут в конце концов и передумать.

— Она — была — здесь? — не мог опомниться Ракот. Всё, что угодно, только не давно сгинувшая Сигрлинн здесь, в пирамидах Дальних!

— Нет, — с прежним терпением пояснил командор. — Я выражался поэтически, как только и должно упоминать о Ней. Конечно, Её самой никогда здесь не было. Но след из этих пирамид... может вести к Прекрасной Даме.

— Послушайте. А с чего вы вообще решили, что вам почувствовалось...

— Каждый послушник Ордена, — перебил командор, не выказывая никакого пиетета перед Новым Богом, — посвящает себя трём вещам: овладению рыцарскими искусствами, истории деяний Прекрасной Дамы и постижению Её эманаций. Неофитам это покажется наивным, смешным и подозрительным, но Орден бережно хранит все чудом уцелевшие свидетельства Её дел, и послушник, если помыслы его действительно чисты, способен взором духовным проникнуть в...

— Я понял, — перебил Ракот. Сам он не чувствовал ровным счётом ничего. — В таком случае готов ли Орден заглянуть внутрь того мирка, куда ведёт отсюда тропка?

— Любой из рыцарей не задумываясь отдаст за это жизнь.

— Жизнь тут отдавать совершенно незачем, — Ракот пожал плечами. — Я вижу нить, протянувшуюся сквозь Межреальность, вижу мир под названием Эвиал — но ничего, даже отдалённо напоминающего след Прекрасной Дамы!

— Оттого, что великий Ракот не имел достаточно времени поразмышлять о гении красоты и Прекрасной Даме,

что есть квинтэссенция прекрасного, воплощение изначально заложенной в сущее идеи совершенства, — терпеливо стал разъяснять командор. — Орден веками совершенствовал практики сосредоточения, истинного взгляда, и потому мы...

— Потому вы чувствуете, что Прекрасная Дама — где-то там? В Эвиале?

— Нет, о, нет, — погрузнел командор. — След Прекрасной Дамы — не отпечатки Её на тварной плоти мира. Это... это... нечто высшее, неосязаемое, что может постичь лишь усердный в созерцании адепт нашего Ордена...

— Понятно, — оборвал его Ракот. — Раз постичь может лишь усердный — мне тогда уж тем более не дано. Выводи своих отсюда, командор. Все пирамиды нам с лица Зидды не стереть, но эту я просто так не оставлю.

...Чёрный клинок рухнул, наискось разрубая кроваво-огненный кристалл. Сжимавшую эфес руку бывшего Владыки Тьмы пронзила боль, так что меч едва не вывалился из пальцев. Кристалл лопнул, словно гнилая тыква, пламя хлынуло во все стороны, послушно обтекая неподвижно застывшего Ракота. Огненные пасти жадно вцепились в стены подземелья, подгрызая основания стен, и не прошло и минуты, как огромная пирамида стала проваливаться, трещины рассекли её грани, и старый жертвенник на её вершине низринулся вниз, прямо в пламя.

Ракот слышал исполненный ненависти бесплотный вопль. Это пламя могло сжигать даже призраков.

Не мешкая, бывший Владыка Тьмы выбрался из чёрной ямины. Его ждал Эвиал.

Глава пятая

Над кручами Пика Судеб, над грозно нацеленной в небо белоснежной вершиной, острой, словно копейный наконечник, грохотал неистовый гром. Режущие проблески молний хлестали по ленивым ледникам, словно гигантские хлысты, сошедшиеся в единый тёмный щит тучи, ка-

залось, опускаются всё ниже, словно тщась задушить горы в мягких, но гибельных — благодаря магии — объятиях.

Слабые, приглушённые отзвуки достигли и самых глубоких подгорных пещер, где пылал яростным светом Кристалл Магии, охраняемый драконом Сфайратом.

Фесс, Этлау, Рись-Аэсоннэ, Эйтери, сам Сфайрат, Север — все застыли, задрав головы, словно надеясь пронзить взглядом тысячи саженей древнего камня.

И у всех на языке вертелось одно-единственное слово, вернее, имя — Салладорец.

Великий Маг явился за второй половиной Аркинского Ключа. Присутствие Эвенгара ощущали все, даже не обладавший и граном магического таланта Север.

— Я был прав, о многомудрый Сфайрат. Если бы Салладорец хотел всего лишь высвободить Западную Тьму и завершить «трансформу», его бы здесь не было.

— А если он всё-таки, как ты и говорил, не может определить, на что способна та половина, что у него в руках?

— Почему это он «не может»? — возразила Эйтери. — Я, конечно, не всё поняла, но... Добрался, значит, Эвенгар Салладорский со своей половинкой Ключа до Западной Тьмы, попытался выпустить её на волю, а не получилось, потому что не смог подобраться к ней достаточно близко — эта-то половинка у нас!

— Думаешь, он способен, аки Спаситель Вознесённый, разом пребывать во множестве мест? — скептически заметил инквизитор.

— При чём тут Спаситель? Маги знают тайные тропы, — не уступала гнома. — Вот пусть многомудрый Сфайрат скажет!

— Знают, — кивнул дракон. — И Салладорец, конечно же, тоже. Возможно, друзья мои, возможно, но... — он кивнул на Кристалл, — заклятье такой силы я бы почувствовал.

— Да не было б там никакого заклятья, откуда? — упорствовала Эйтери. — Что, если оттолкнул его барьер, и всё? Никакого грома-молнии, просто отпихнул? Почувствовал бы ты это?

Сфайрат заколебался.

— Я помню рассказы — ещё на первом курсе, в Ордо-се, — заговорил Фесс, старательно не замечая яростные раскаты грома снаружи. — О капитанах, что в одиночку уходили на запад, не желая умирать в собственной постели от старости и болезней...

— Было такое, — подтвердил и Этлау. — Инквизиция одно время пыталась бороться, но капитаны, особенно бывалые, это такой народ...

— Ты чувствовал это, многомудрый?

— Да, — совершенно спокойно и с достоинством кивнул дракон. — Многие достигали барьера. И, как я понимаю, гибли, сталкиваясь с ним. Поэтому я так уверен, что попытка Эвенгара пробиться к Сущности не осталась бы мной не замеченной.

— Э-эхм, господа хорошие, нельзя так. Что я тут слышал — Салладорцу раз плюнуть оказаться где он пожелает, хоть бы даже и здесь?

— Сюда — вряд ли. Кристалл сбивает и путает всю магию подобного рода, иначе любопытные маги уже успели бы здесь побывать, — покачал головой Сфайрат. — Особенно те из них, что умели сами творить *тонкие пути*.

— Эвенгар — он не из всяких, — насупился Север. — Он-то из луцских будет!

— Тогда отвечу так: надеюсь, что нет, потому что иначе ему не потребовались бы всякие там громы-раскаты, — раздражённо отрезал Сфайрат.

Скала под ногами у них ощутимо вздрогнула, с потолка сорвалось несколько мелких камешков.

— Салладорец не теряет времени даром, — сжал кулаки Сфайрат. — И не экономит силы. Решил, похоже, раздробить весь Пик Судеб. Что ж, мощи ему, наверное, сейчас не занимать...

— И как же уважаемый дракон намерен отбиваться? — саркастически поинтересовался Этлау.

— А что может предложить человек, решивший, что он — тот самый Отступник?

— Недостойно многомудрого отвечать вопросом на вопрос!

— Недостойно, говоришь? Когда он забурился достаточно глубоко, мы выйдем ему навстречу. Мне надо оставаться вблизи от Кристалла, чтобы устроить Эвенгару поистине достойную его встречу. Фесс, ты сталкивался с Салладорцем лицом к лицу. Ты выжил, следовательно...

— Я выжил просто потому, что Эвенгар ни разу не пытался уничтожить меня по-настоящему, — признался некромаг. — Всякий раз он ограничивался напыщенной мелодекламацией, объявлял меня «не стоящим его внимания, но играющим ему на руку», после чего исчезал.

— Досадно... В общем, мы его встретим всем, что только имеем.

— Не слишком детальный план, — скептически заметил Этлау.

— Я тебе не первый маршал империи, — отрезал Сфайрат. — Да и многочисленных полков у нас под рукою нет.

— Как это «нет»? — возмутился Север. — Гномы Пика Судеб пойдут в бой по твоему слову, Хранитель!

— Спасибо им за это, — дракон церемонно поклонился. — Но, если я правильно запомнил рассказ Фесса и Этлау, число — против Эвенгара оружие негодное. Он очистил катакомбы Аркина одним ударом, и даже не поморщился, словно и нет никакого отката или над ним он не властен. Нет, ваша рать нам сейчас без надобности. А вот все остальные...

— А все остальные ударят каждый своей лучшей магией, — гордо заявила Эйтери. — Салладорец отразит, наверное, любую — но не все вместе, потому что каждая ведь требует своего собственного щита; поставить же их все разом едва ли сможет даже он.

Сфайрат одобрительно кивнул.

— Несомненно, Сотворяющая.

— А я таки возьму мой лепесток, — упёрся неуступчивый Север. — Где волшебничество не осилит, глядишь, простая сталь справится! Или, — он выразительно плюнул

на собственный кулак, размером с добрую пивную кружку, — вот даже и это!

Дракон усмехнулся, ничего не сказав.

— Именно этого Салладорец и ждёт, будьте уверены, — заговорил Фесс. — Силу против силы, мощь против мощи. Когда мы схватились в аркинском подземелье — я, он, — кивок на Этлау, — и Аэсоннэ, мы испробовали многое. Магия Спасителя только помогла Эвенгару вскрыть хранилище, где прятали Ключ; драконий огонь не причинил ему ни малейшего вреда. Защита у Салладорца видимая — эдакий серый щит. Обычное оружие его не пробьёт тоже — Ры... Аэсоннэ попыталась. Что остаётся, друзья мои?

— Магия крови, — не сговариваясь, хором ответили Этлау и Рыся.

— Отлично, и кого резать станем? — раздражённо бросил Фесс. — Тут кошачьим гримуаром не обойдёшься!

Вперёд молча шагнул Север.

— Ежели потребно, чтобы этого гада избыть, — меня режьте. Я готов.

На языке у Фесса уже вертелись ядовитые слова о дураках и героях, когда Сфайрат неожиданно кивнул.

— Твоя жертва, доблестный гном, не пропадёт даром. Можешь не сомневаться.

Север только сжал кулаки да гордо задрал подбородок.

— Тогда уж и меня тоже, — Эйтери оказалась рядом с ним, обняла за плечи.

— Тебя — нет, Сотворяющая, — непреклонно отрезал дракон. — Ты слишком нужна народу гномов.

— Если Эвенгара не осилим, так никакого и народа не останется, — Эйтери оставалась непреклонна.

— Погодите, погодите, — вдруг поднял руку Сфайрат. — Неужели?.. Аэсоннэ, ты не...

— Конечно, о многомудрый, — церемонно поклонилась драконица. — Наш род пришёл. Надеюсь, у них хватит ума не ввязываться в драку с Салладорцем или не показать ему вход в пещеру, что ведёт сюда.

— Да, как-то странно — такое сокровище, а ворот как не бывало, — поддакнул Этлау.

— Не в воротах дело, — отмахнулся Сфайрат.

— А и точно — чего ж бедняга Эвенгар всю скалу ломает, когда можно просто саму пещеру отыскать? — захохла Эйтери.

Сфайрат и Аэсоннэ понимающе переглянулись.

— Не всякий через ту пещеру пройдёт.

— Не всякий? — удивился Фесс. — Я же прошёл. И Клара прошла, если я правильно помню, о многомудрый.

— Капкан не на вас ставили, — нагнулся к нему дракон. — Так что пусть бы Салладорец сунулся... ручаюсь, так просто ему не выбраться, пусть его кто угодно подпирает, хоть Западная Тьма, хоть Восточный Свет.

Фесс и Этлау недоуменно переглянулись, а про себя некромант подумал — не о том ли намекала Вейде, когда сама отказалась войти вместе с ним в драконью пещеру?

— Салладорец об этом прекрасно осведомлён, к сожалению, — продолжал Сфайрат. — Не стоит ожидать, что он сам сунется в мышеловку. Потому и ломает гору, что другого пути у него нет.

— Чудны дела твои, Спаситель, — вздохнул Этлау.

— Тот, кто ставил Кристаллы, знал своё дело, — отозвался дракон.

— А кто? Кто ставил?

Сфайрат только махнул рукой.

— Драконы не выдадут его имени, Фесс. Ни за что и никогда.

— Почему? Какой в этом смысл?!

— Да потому, некромант, что слово — это слово. Тебе ли не знать... А сотворивший это чудо, быть может, имел основания скрывать своё деяние. Во всяком случае, он пытался защитить своё детище от могучих чародеев и, как оказалось, преуспел. Салладорец попал в собственную ловушку — сделавшись *слишком* силён.

Не очень обнадеживает, подумал Фесс. Если Эвенгар сумел почуять западню... и понял, что она настрожена на таких, как он, то как же тогда справиться с ним в открытом бою?

Грохот нарастал, пол ощутимо трясло, сверху постоянно сыпались камни.

— Что тут у тебя творится, Сфайрат? — произнёс новый голос, резкий и показавшийся злым. — В покое Кристалла — простые смертные? Гору твою ломает какой-то безумный чародей...

— Чаргос, — обернулся хозяин Пика Судеб, — спасибо, что пришли, собраты.

В кругу отбрасываемого каменным сердцем света появились семеро. Все — в человеческом облике. Четверо женщин и трое мужчин. Все — высокие, статные, в роскошных доспехах и с богато изукрашенным оружием. Словно преторианцы на императорском смотре, шлемы они держали на сгибе левой руки.

Но говорили они все на общепринятом эбинском и явились «под личинами», явно понимая, кого им предстоит встретить.

— Сфайрат, — кивнула рыжеволосая молодая женщина с точёным профилем и высокими скулами. Аэсоннэ они словно бы не замечали.

— Менгли.

— Сфайрат, — самый высокий из мужчин со снежно-белыми прямыми волосами до плеч.

— Эртан.

Драконы один за другим приветствовали собрата, он в ответ кланялся, называя их по именам.

— Ты позвал нас, брат, — вновь заговорил Чаргос, когда церемонии наконец закончились.

— Позвал. Зачем — будет говорить он, — Сфайрат кивнул на некроманта.

Фесс шагнул вперед. Семь пристальных взглядов, настороженных и не слишком добрых. Впрочем, чего ещё ожидать от драконьего рода?

— Многомудрые, позвольте мне начать без предисловий. Позвольте также опустить кое-какие доказательства, иначе речь моя затянется на часы... — В горле пересохло, но сердце билось ровно. — У нас есть шанс покончить с

проклятием Западной Тьмы. Не когда-то в будущем, а здесь и сейчас.

— Достойно, — хладнокровно заметил Эртан.

— Более чем, — кивнула медноволосая драконица.

Дальше стало легче. Фесс говорил короткими, рублеными фразами, говорил о давно уже обсуждённом — о сборе Тёмной Шестёрки, о прорыве к самой Сущности, об Аркинском Ключе и о том единственном шансе, что им выпал. Он не умолчал об утраченных Мечах, о Кларе Хюммель и собственном поражении.

— Ну и? — нетерпеливо перебил его Сфайрат, стоило некроманту на миг перевести дух. — Ты ведь нам так и не объяснил, Фесс, как именно ты собираешься одолеть Западную Тьму. Помешало явление Салладорца. Вот и теперь — всё, что ты предлагаешь, это собрать Тёмную Шестёрку, всех девятиерых драконов, найти Клару Хюммель и отобрать у неё Мечи, наверное? После чего пустить в ход Аркинский Ключ. А что дальше, сударь мой Неясыть? Допустим, ты преодолел барьер. Всё, перед тобой Она. Сущность. Западная Тьма. Твоя цель. Что тогда?

Фесс глубоко вздохнул. Да, дракон прав. Он сбился, не досказал свой план до конца, а теперь ещё и Салладорец.

— Минуту, — подняла руку ещё одна из дракониц, изумрудноволосая Вайесс. — Пробивающийся сюда чародей — он уже довольно глубоко. Брат Сфайрат, если ты предполагаешь что-нибудь предпринять, это уже пора сделать.

— Пожалуй, — помолчав мгновение, согласился хозяин Пика Судеб.

— Но прежде чем мы отправимся, — Сфайрат шагнул к Рысе, положил руку ей на плечо. — Нас восемь, братья и сёстры. Восемь, а *полное кольцо* требует девятиерых. Нам предстоит решить — принимать ли в свой круг Аэсоннэ, дочь павшей Кейден. Да, у неё нет своего Кристалла, но я ручаюсь своим собственным — она его достойна.

Юная драконица стояла ни жива ни мертва, совсем по-человечески залившись краской до корней волос.

— Дочь Кейден? — резко проговорила Менгли. Шаг-

нула вперёд, взяла Рысю за подбородок, пристально всмотрелась в глаза. Аэсоннэ не дрогнула, спокойно выдержав этот взгляд.

— Ты можешь гордиться, Редрон, — бросила рыжая драконица, почти оттолкнув юную товарку. — Красивая дочка.

— А ты всё ревнуешь, Менгли, — спокойно отозвался молчавший до этого мужчина — с серебристого оттенка волосами, напоминавшими волосы Рыси.

— Я...

— Прекратить! — Рык Чаргоса, к изумлению Фесса, возымел действие. — Потом будешь сводить счёты, Менгли. Редрон, дразнить её станешь тоже потом. Сперва дело. Аэсоннэ, у нас нет времени на долгие церемонии и обряды. Сфайрат за тебя ручается. В бой мы пойдём вместе. Если ты трусишь, я сам убью тебя, разорву в клочья, сожгу и разметаю твой прах над Морем Ветров, поняла? И тебя не спасёт даже временное посвящение.

— Я не боюсь, могучий Чаргос, — Рысь гордо вскинула голову. — Мама сказала мне из моей крови, что и как я должна буду сделать. Не сомневайся, я не отверну и не струшу. — Она взглянула прямо в глаза старшему дракону. — Тебе не придётся портить зубы о мою чешую.

— Дерзка, — усмехнулся Чаргос. — Что ж, я встану с тобой в одном кольце. Ты, Эртан?

— Да. Кто знал Кейден и знает Редрона, не усомнится в их крови.

— Да. Да. Да, — один за другим повторяли драконы и драконицы. Менгли колебалась дольше всех, но наконец и она нехотя выдавила «согласна».

— Тогда идёте, сёстры и братья, — Сфайрат шагнул к выходу. — Некромант, инквизитор, оставайтесь здесь. Север, ты тоже. И если дела наши обернутся скверно, мы вспомним о твоей жертве.

Гном молча и с достоинством кивнул.

— Он вызвался добровольно? — уважительно взглянула на Севера рыжая Менгли. — Тогда действительно у нас есть шанс. Такая жертва дает очень много силы, куда

больше, чем просто воющий от ужаса раб, притащенный на верёвке и зарезанный.

— Мы пойдём одни, — повернулся к некроманту Чаргос. — Вы — только помеха. Нет, даже и не возражайте. Драконам не впервой останавливать зарвавшихся чародеёв. Не думайте, что на наши кристаллы никто и никогда не посягал.

Некромант пожал плечами, отец Этлау выразительно воздел руки к небу, то есть к потолку огромной пещеры, откуда всё чаще и чаще сыпались камешки. Впрочем, с каждой минутой они становились всё крупнее.

Драконы молчаливой цепочкой потянулись к выходу. Аэсоннэ — первая, она почти бежала, пока её не догнал Сфайрат. Положил юной драконице руку на плечо, склонился, что-то заговорил полушёпотом. Фесс ожидал, что возле Рыси окажется Редрон, однако «настоящий отец» дочери Кейден, похоже, отнёсся к внезапно обрётённому потомству сугубо по-драконьи, то есть совершенно равнодушно.

Лишь у самого зева пещеры Аэсоннэ обернулась.

«Я вернусь, папа. Не беспокойся. А если чуть-чуть повезёт, то не просто так, а с Аркинским Ключом».

Сказала — и, не дожидаясь ответа, скользнула в тёмный проход.

Фесс проводил процессию драконов взглядом.

— А мы, значит, ждать будем, — констатировал отец Этлау. К полыхающему яростным светом Кристаллу преподобный благоразумно не приближался.

— Не только. Эйтери, у тебя, я знаю, всё найдётся, когда нужно. Чем-нибудь на полу чертить, а?..

Вскоре и Фесс, и инквизитор, и Сотворяющая, и даже Север вырисовывали на полу широченную магическую фигуру.

— Почему драконы полезли врукопашную? Их огонь ведь на Эвенгара не подействует! Или они мне просто не поверили? — проговорил Фесс, ни к кому в отдельности не обращаясь.

— Почему ж не поверить? Поверили, они тебе уже давно верят, — отозвалась Эйтери. Гнома, высунув от усердия

язык, вписывала в вершину многолучевой звезды руны «феал».

— Если бы не верили, то и разговаривать бы не стали, с них станется.

— И что они намерены предпринять? Я видел, как они дрались с Червём в Скавелле, но тот был просто чудовищем, тупой скотинкой. Ума — что у быка, не больше. Они только и смогли, что...

Наверху загремело и заревело так, что все разом оглохли. Руны даже в недорисованной звезде вспыхнули голубым и растаяли, по дугам и хордам пробежали стремительные синеватые росчерки.

Драконы Эвиала нанесли свой удар.

Отец Этлау уважительно присвистнул.

— Если они не испарили половину снегов с вершины Пика Судеб, я готов съесть собственные сапоги!..

— погоди, нам твои сапоги для другого ещё понадобятся, — буркнул некромант, с некоторой опаской глядя на свод подземного зала: оттуда уже валились обломки с человеческую голову. — Давайте, друзья, чертим, чертим! И так боюсь, что опоздали...

За первым ударом последовал второй, третий, четвёртый... Фесс словно наяву видел кружащееся в небесах кольцо, девятку драконов, вставших крыло к крылу; и Рысю, девчонку, и её же — драконицу Аэсоннэ, среди них. Внизу пылал нагой камень, с которого яростная драконья магия сорвала броню вечных снегов; удушливый чёрный дым клубами рвался к растревоженным небесам, где пробудились все сорок сороков измеренных ветров; а посреди этого хаоса, отгораживаясь серым щитом, плавающим в воздухе, бил и бил в твёрдый камень одинокий маг, с упрямством безумца прокладывая путь в сплошной скале.

— Он с ними не борется, — вырвалось у Фесса. — Ему на них плевать. Ключ — вот что ему нужно! Давайте, давайте же, чертим!

— Ты нас не погоняй, — пропыхтел отец Этлау, стоя на четвереньках и вычерчивая остриё очередного луча. — Лучше скажи, некромант, отсюда — куда поворачивать?..

Пол уже не просто содрогался, он ходил ходуном. И Эйтери, и Северу приходилось отскакивать от увесистых камней, рушившихся сверху; хорошо ещё, пока не появилось трещин внизу, иначе вся работа по вычерчиванию звезды пошла бы насмарку — линии её не могут прерываться.

Наверху гремело уже непрерывно. Драконы не жалели сил; Салладорец же, видимо, только посмеивался. Щит почти наверняка требовал немалых сил, но пробить его не могли даже девять сомкнувших в «кольцо» драконов.

Сфайрат и Чаргос что, совсем лишились рассудка? Эвенгар скоро и впрямь пробьётся прямо сюда, к Кристаллу Магии!

...Конечно, звезда у Фесса получалась так себе. Без идеального глазомера Рыси многое приходилось стирать и перечерчивать, да и вообще — не браться за что-то особо сложное, всё равно бы напутали.

...А ведь он дойдёт. Шаг за шагом, ни на что не отвлекаясь — дойдёт. Кто пролежал несколько веков в каменном гробу, тому терпения не занимать. Драконы могут хоть расплавить весь Пик Судеб, Салладорец этого даже не заметит.

...Звезду кое-как вычертили. Пещера ходит ходуном, а Кристалл Сфайрата дрожит так, что вот-вот лопнет изнутри.

— Отойдите, отойдите! — Кэр поспешно встал в фокус вырисованной звезды. — Тебя, преподобный, тоже касается. Эйтери, готовь эликсиры. Север, твой меч.

— Не бойсь, некромансер, не подведу. Цто надо, всё сделаю.

— А он всё идёт, — проворчал Этлау. — Идёт ведь, прямо сквозь скалу, и хоть бы что ему сделалось. Некромант, надеюсь, у тебя найдётся козырь в рукаве? Что-нибудь наподобие эгестских черепов? А то как-то, признаюсь, не по себе становится.

Фесс не ответил. Стоял, сжимая кулаки, прямо в центре пламенеющей звезды, не в силах отвести взгляда от потолка пещерного зала — Кристалл Магии пылал так яр-

ко, что свет пробился сквозь обычно скрывавшую своды подгорную тьму.

Иди сюда, Салладорец. Один ли ты добился всего, или тебя вели — уже неважно. Встретимся лицом к лицу и посмотрим, способен ли я всё-таки тебя удивить.

Пик Судеб стонал, грубая и злая сила Тёмного мага раскалывала вековую скалу. Драконы не отступали, их мощь зажгла даже разреженный горный воздух над обнажившейся вершиной, однако Эвенгара это не остановило.

Эйтери поёжилась, теребя в открытой сумке горлышки пузырьков с эликсирами. Север невольно подался назад, держа наготове свой верный лепесток. Забывшийся Этлау шарил рукой по груди, не находя всегда висевшей там перечёркнутой стрелы, и тоже не сводил глаз с потолка.

Фесс сжал зубы так, что свело челюсти. С Эвенгаром ничего не значат все боевые таланты Кэра Лаэды, придется уповать на один-единственный удар. Совершенно не по канонам классической некромантии, учитель Даэнур был бы недоволен.

Громоподобный удар сотряс древнюю пещеру; своды раскололись, вниз обрушилась лавина горящих, оплавленных камней. Засверкало, внутрь ворвался поток раскалённого, точно из кузнечного горна, воздуха. Затем хлынуло пламя, а в его объятиях спокойно, не торопясь, на виду у всех вниз опускалась человеческая фигура, окутанная просторным тёмным плащом.

— Ну же, некромант! — не выдержал Этлау.

Фесс не пошевелился. Надо подпустить поближе. Ещё ближе. Ещё...

Через пролом в своде вновь хлынул огненный поток и бессильно разбился о серый кокон, враз окутавший неспешно спускающуюся фигуру.

Драконы оказались бессильны. Они почти победили Червя в Скавелле, но против Салладорца изначально чистый огонь ничего не стоил.

Север заскрежетал зубами, растерянно попятилась Эйтери. Этлау пригнулся, словно намереваясь уподобиться

бреннерским бойцам и броситься на Эвенгара одним прыжком через весь огромный зал.

Некромант крепче сжал в изрезанной левой ладони заветный шестигранник.

Выручай, Сущность. Выручай, если тебе и впрямь нужен Разрушитель.

Ответа, конечно же, не последовало. Впрочем, Фесс его и не ждал.

Закутанный с ног до головы в плащ, Тёмный маг мягко и беззвучно спустился на пол пещерного зала. Свет в проломе померк — драконы больше не тратили сил понапрасну. Фесс всматривался в шагнувшую к нему фигуру, и...

Догадка обожгла его за миг до того, как тонкие руки сбросили капюшон, а Кристалл Сфайрата полыхнул, словно в безумной ярости.

...Нет, другое лицо, совсем другое. Не той девушки, что он помнил по Ордосу и Арвесту, не той, что выпустила на беззащитный город всеуничтожающие смерчи. Но что-то неуловимое оставалось, может, в ауре, может, во взгляде? Взгляд некромант узнал сразу, несмотря на разделявшее их расстояние.

— Атлика. А мы тебя со святым отцом как раз недавно вспоминали.

— Я тоже рада тебя видеть, некромант Неясыть, — голос изменился, однако в нём нет-нет да и проскакивали знакомые нотки.

— Надо же. А я ведь столько времени верил, что ты погибла. Как говаривал Салладорец, «слилась с великой Тьмой».

Она рассмеялась, шагнула к нему.

— Но в конце-то концов ты понял. Нет, не говори, когда, я сама угадаю. Аркин? Птенцы?

Фесс кивнул.

— Они уходили, а город оставался. И потом... я вспомнил воскрешение Эвенгара, те чёрные молнии, что разбили его саркофаг. Не состыковывалось, Атлика, если ты позволишь, конечно, так тебя называть.

— Позволю. С этим именем связаны мои не самые плохие времена, некромант Неясыть.

— Атлика?! — проскрипел бывший экзекутор, крепче сжимая кулаки. — Да, поминали тебя с некромантом, поминали... Эх ты вовремя!

— Я всегда и всё делаю исключительно вовремя, святой отец, — насмешливо поклонилась девушка. — А теперь, если не возражаете, я хотела бы получить то, за чем пришла. Вторую половину Аркинского Ключа, будьте так любезны.

— Могучая волшебница на посылках у Эвенгара Салладорского? Выполняет его мелкие поручения? — Фесс насмешливо поднял бровь.

— Меня это не проймёт, некромант. Ключ, — она протянула руку. — Отдай мне Ключ, и никто из твоих друзей не пострадает.

— Как у вас всё сложно, — покачал головою Фесс. — Вместо того чтобы просто убить меня, великая чародейка ведёт какие-то бессмысленные разговоры. Зачем всё это, Атлика? Если ты смогла вызвать силы Сущности, стереть с лица земли Арвест и остаться цела — ушла через какой-нибудь портал, наверное, — если с тобой ничего не смогли сделать девять драконов-хранителей, то что тебе я? Убей меня и возьми сама всё, что пожелаешь. Аркинский Ключ мне достался с боем, так что едва ли он из тех артефактов, что «нельзя отнять, а можно лишь получить в дар».

— А как насчёт того, чтобы поверить — я к тебе неравнодушна, Неясыть? Ещё со времён Ордоса, когда ты платил мне «два цехина за любовь, и один — на булавки», просто чтобы поговорить?

— Не поверю, Атлика, — покачал головою Фесс. — Ты — могущественная волшебница, Эвенгар тебе в подмётки не годится. Если ты ещё меня не убила, значит, имеешь какие-то иные планы.

— Верно, — кивнула она. — Имею. Салладорец тоже имеет. Поэтому и я, и он — мы *вежливо просим* тебя отдать нам Ключ добровольно. После этого можешь делать, что хочешь, собирать войска, идти на нас войною...

— Нет, ты положительно решила вывести меня из себя, Атлика. Если это переговоры, то ты ведёшь их крайне дурно. Оскорбляешь, стараешься унижить, задеть, показать мне, насколько я ничтожен. Эвенгар тоже этим не брезговал, а ещё считается великим магом! Нет там никакого величия, когда приходится пробавляться детскими дразнилками.

— Мы теряем время, — Атлика сделала ещё шаг. — Ключ, Неясыть. Отдай Ключ — и можешь убираться на все четыре стороны. Я даже могу вывести тебя из Эвиала. Показать дорогу в твою разлюбезную Долину. Как тебе такое?

— Чем же я всех вас так пронял, что меня настолько высоко оценили? — насмешливо протянул Фесс. — Ты ведь со мной ничего и не сделала. Да и когда я считал тебя просто Атликой... такие представления, куда там имперским трагикам! В тебе погибла великая актриса, помани мои слова, о достойная чародейка.

Атлика покачала головой.

— Ты не выведешь меня из себя. Потому что даже не представляешь, с кем сейчас разговариваешь?

— С любовницей мессира Архимага? — быстро нашёлся Фесс.

Волшебница усмехнулась.

— Твой мессир Архимаг — жалкий фигляр, только и мечтающий, что о власти над всем Упорядоченным. Плохо ж ты обо мне думаешь, если норовишь засунуть к нему в постель.

— Атлика, — как можно спокойнее и безразличнее проговорил некромант. — Мне, конечно, очень приятно предаваться с тобой светской болтовне. Но я уважаю и ценю время, даже если это время моих врагов. От меня живого ты ничего не получишь. Это моё последнее слово. А теперь — давай, покажи себя истинную! Нечего стесняться. Здесь, если можно так выразиться, все свои.

— Убивать тебя не входит в мои намерения, Неясыть. Я даже не тронула твоих друзей-драконов, хотя могла бы стереть их всех в порошок.

— Ты надеешься меня убедить? Эвенгар вот не слишком старался, если честно. Совсем даже напротив. Убеждал меня, насколько я ему «неинтересен».

— Мне ты очень интересен, Неясыть. Или, вернее, — она прищурилась, — Фесс из Серой Лиги Мельина? Или, ещё вернее — Кэр Лаэда из Долины Магов?

— Надо же, — Фесс и бровью не повёл. — И отчего все такие надежды возлагают на моё настоящее имя? Что, предполагается, будто я, единожды услышав его, паду на колени, возрыдаю и немедленно отдам всё, что от меня потребуют?

— Фиглярствуешь, — раздражённо бросила Атлика. — Напрасно, Кэр. Я всего лишь хотела показать, что знаю о тебе многое, едва ли не всё. Если потребуется, я доберусь и до твоей знаменитой тётушки. И применю к ней её же собственные кулинарные рецепты.

— Ты ещё не поняла, что мне бесполезно грозить, высокоцитимая? Возьми Ключ силой или уходи, Атлика.

— Ну, хорошо, — она сделала вид, что сдаётся. — Да, ты мне нужен, Кэр. Салладорец тоже необходим, но ты — ещё нужнее.

— За что ж такая честь, достославная?

— Вспомни своего отца, Фесс, вспомни Витара Лаэду. Вспомни, как и почему он исчез.

— Сегодня у нас вечер шарад, правильно? Извини, Атлика, но отца я вспомню как-нибудь и без тебя.

— Не прикидывайся идиотом! — прошипела чародейка, впервые потеряв терпение. — Твой отец... его кровь... скажем так, она нам очень важна. Поэтому убивать тебя я не хочу. Во всяком случае, не сейчас.

— Ка-ак интересно. Может, всё-таки расскажешь поподробнее, сиятельная?

— Может, и расскажу. Как только Ключ окажется у меня.

— Очень жаль, — Фесс соорудил печальную мину. — Никто не верит на слово, всем залого подавай.

— И не говори. Измельчал народишко, душою заплесневел, — подхватила Атлика. — Ну, так что, Кэр? Последний раз спрашиваю...

Сейчас. Когда она приоткрылась.

Привычная боль в левой ладони и растекающийся по жилам ледяной огонь.

Но ещё раньше стали смыкаться незримые тиски небрежно брошенного Атликой заклятья. Она успела первой, наверное, и разговоры все эти вела с единственной целью — отвлечь его; впрочем, как и сам Фесс. Он ведь тоже говорил только для того, чтобы вывести её из себя, потянуть время — и уловить момент, когда можно будет ударить. Ему удалось поймать самое начало её заклятья, когда налагающий более уязвим, однако Атлика мигом доказала, что шутить с ней не стоит.

Правая рука некроманта сама нырнула за пазуху, пальцы нашарили твёрдые и удивительно холодные грани Аркинского Ключа. Медленно потащили его наружу.

Первой поняв, что происходит, Эйтери широко размахнулась, сжимая склянку с каким-то эликсиром. Мгновением позже Север с рёвом бросился вперёд, пригнувшись и выставив плечо. Этлау патетическим жестом вскинул обе руки, точно призывая на голову нечестивицы все небесные проклятия.

Но левая рука некроманта по-прежнему сжимала шестигранный зародыш Чёрной башни, и карлик по имени Глефа услужливо распахивал двери в неоглядный библиотечный зал; звезда под ногами некроманта послушно вспыхнула блекло-голубым пламенем, руны засияли в последний раз и погасли, но своё дело сделали — Аркинский Ключ воспарил над головой Фесса, ударил в басовито загудевший кристалл Сфайрата и, оставляя в воздухе огненную дорожку, угодил прямо в грудь чародейке.

Угодил, опрокинул и вернулся обратно в руки Фессу.

Пик Судеб загудел и застонал, Атлику отшвырнуло к дальней стене пещеры — Аркинский Ключ играючи прошиб серый щит.

Откат сбил Фесса с ног, инквизитор и гномы сорвались с мест, и проворнее всех оказался Север. Лепесток гнома взлетел и рухнул; дружное «стой!» некроманта, Этлау и Сотворяющей опоздало.

— Что же ты наделал, — простонала Эйтери, хватаясь за голову при виде разрубленного почти пополам тела Ат-лики.

— А что? Пришли б в себя, и тогда нас всех...

— Ей подобных так просто не убьёшь, — мрачно заявил Этлау, по привычке крестя мёртвую на все шесть сторон. — Магичка, из лучших. Ордос? Нет, едва ли. Волшебный Двор?..

— Ни то и ни другое, — отозвался Фесс. — Она вообще не из Эвиала. Может менять тела. Боюсь, Север лишь изгнал ее сущность из этого тела, а не убил, ты прав, инквизитор.

— Кто она вообще такая? — спросила Эйтери, накрывая мертвую ее собственным плащом. — «Не из Эвиала» — тогда откуда?

— Не знаю. Но что не из тех мест, откуда я сам родом, — это точно.

— Да, Сфайрат рассказывал, — кивнула Сотворяющая. — А Долина — она одна такая?

— Кто ж знает, Эйтери. Но я о другой Долине не слышал ни разу. Что, конечно, не означает, что таковой не может существовать по определению.

— Чародейка из дальних мест, — проворчал Этлау. — Гадать бессмысленно. Как тебе удалось достать её, Фесс?

— Очень просто. Я готовил эту ловушку для Салладорца, но она сгодилась и для нее. Волшебница явилась сюда за Аркинским Ключом. Следовательно, шит обязан был пропустить его. Вот и все. Мне оставалось только направить силу из Кристалла Магии.

— Но она могла бы и просто снять защиту, — возразил Этлау. — Отменить заклинание и только потом забрать свою добычу.

Фесс покачал головой.

— Они слишком верят в себя, в свои заклатья, поминутно ожидают удара в спину. Смотри сам, преподобный — Эвенгар очистил все аркинские катакомбы единственным ударом. Если бы нечто подобное они могли устроить и здесь, уверяю тебя, никто не стал бы долбить

камень и вообще прорываться внутрь. Как только Салладорец... то есть Атлика, которую мы все считали Салладорцем, стала ломать скалу, я понял, что мы встретимся лицом к лицу. Вдобавок нельзя забывать о драконах. Убить его — означает взорвать и соответствующий Кристалл, смешать все магические потоки в невообразимый хаос. Едва ли это сейчас требуется Эвенгару. Нет, Этлау, щит бы не сняли. Ни на один миг. Ведь его не способно пробить ни одно из наших заклинаний. Так зачем снимать? А ну какая-то неожиданность, пресловутые «последние силы» кого-то из защитников? Нет, я был уверен — щит останется. И единственное, что сможет его преодолеть, — это тот самый Аркинский Ключ, за которым Атлика сюда пожаловала.

— Ловко, — покачала головой Эйтери, по-прежнему косясь на неподвижное тело. — Но всё равно, натворил ты делов, Север, ой, натворил! Очистительных обрядов на три седмицы, самое меньшее.

— Драконы возвращаются, — заметил некромант.

На сей раз хранители кристаллов пренебрегли этикетом, оставшись в своём изначальном облике. Все, за исключением Рыси — тонкая фигурка, окутанная облаком жемчужных волос, в окружении покрытых чешуйчатой бронёю тел, волочащихся по полу хвостов и лязгающих о камень когтей.

— Папа!

Драконы замерли, уставившись на следы нарисованной звезды и покрытое плащом тело. Выглядели Хранители неважно, Фессу они показались вымотанными и обессиленными сверх всякой меры; может, оттого и не перекидывались, оставаясь драконами.

— Всё хорошо, Рыся, всё хорошо, — обнять, прижать к себе и забыть, забыть напрочь, что эти тонкие плечи, эти шелковистые волосы — лишь мираж, облик, принятый только из любви к тебе.

— Кто это? — Сфайрат вспомнил о долге хозяина, вновь перевоплотившись в человека. Лицо у него стало как у

проголодавшего самое меньшее месяц. — Это... не Эвенгар? Но как... но почему?..

— Некромант Неясыть, — перебил его Чаргос, тоже преобразившись. — Мы в долгу перед тобой. Прости, что думал о тебе недоброугодно. Ты преуспел там, где мы, Хранители Эвиала, потерпели неудачу. Но как?

Фесс принялся рассказывать. Совершенно счастливая Рыся висела у него на шее, гордо поглядывая на сородичей.

— Вышибить у неё дух тем же, за чем она и пришла, ловко придумано, — одобрительно рыкнул Чаргос, когда некромант закончил.

— Насовсем-то не вышиб, — рыжая драконица, Менгли, склонилась над телом Атлики и без церемоний откинула плащ. — Она ещё не отлетела, я её чую. Сфайрат, Чаргос, Эртан, Редрон, скорее!..

Рыся змейкой соскользнула с некроманта, бегом бросившись за остальными, на ходу преображаясь обратно в жемчужночешуйчатого дракона.

Кристалл приугас, его словно покрыло пеплом. Сфайрат и остальные окружили недвижимое тело, склонили к нему головы. Фесс невольно поморщился — волшба драконов неожиданно отзывалась весьма чувствительным откатом в нём самом.

А над сомкнувшимися головами Хранителей появился бледный призрак — черт не различить, просто колышущиеся очертания человеческой фигуры.

— Сильны... — уважительно прошептал Этлау. — Хотя заклятье-то, Кэр, по твоей части.

— Нет, — Фесс покачал головой, — не по моей, инквизитор. Атлика — или как там её по-настоящему — не мертва. Она просто не успела скрыться после того, как её срубил Север. Некромантия тут ни при чём.

...Как говорят привидения? Где у них рот, лёгкие и голосовые связки, чтобы завывать? Почему призраки не способны ни читать, ни передавать мысли? — ни с того, ни с сего завертелись в голове у Фесса вопросы, которыми преподаватели досаждали им ещё в школе, задолго до так

и не оконченной им Академии. Вот и сейчас — призрак заговорил, вернее — горестно застонал, и язык при этом остался понятен — тот же эбинский, на котором «настоящая» Атлика некогда вела беседы со студиозусом Неясным.

— Мы спрашиваем. Ты отвечаешь. Мы — спрашиваем, — на одной ноте вслух бубнил Чаргос, и в такт его словам привидение стонало, выло и колыхалось.

— Отвечаю... — стенало оно.

— Кто ты? Откуда? Зачем здесь? Говори!

Свирепый, но бессильный и бесплотный вой. Сквозь пепел на Кристалле стал пробиваться огонь.

— Говори!

Наверное, призраку тоже можно сделать больно. И очень сильно.

— Я... извне. Большого... вы не поймёте.

— Отчего же нет? Мы знаем, что такое Эвиал и что такое Беспредельность за его границами, — парировал Сфайрат.

— Не поймёте, — настойчиво повторило привидение. — И меня вы не убьёте тоже. Мучить можете, но и только. И за меня отомстят!

— Ого! — усмехнулся Редрон. — Ну, нас, драконов, кто только не пугал, чтобы до Кристаллов добраться. И чем только не стращали! Однако ж мы — вот они, тут, а те, запугивавшие... давно и косточек их не осталось.

Вой.

— Мы... иные... мы — маги... великие маги... для нас нет пределов, мы не принадлежим мирам... у нас нет Долин, как у этих ничтожеств... вас ничто не спасёт, мои братья отомстят, отомстят, отомстят!..

Драконы давили, Кристалл пылал всё ярче. Фесс стиснул зубы, чтобы в свою очередь не застонать от боли. И — сам потянулся к пленённой сущности, уже понимая, что долго её так не продержат даже драконы. Сил хватало — Кристалл Сфайрата рядом, и Хранители так щедро черпали из его запасов, что малую малость, позаимствованную Фессом, заметить было бы и совсем мудрено.

Драконы пытались вырвать ответы силой. Фесс же двинулся по следу неведомой чародейки, «Атлики», прочь от Пика Судеб, вверх, сквозь небесные сферы Эвиала, и...

На его пути оказались двое. Нельзя сказать, что он ожидал их увидеть, но всё-таки...

— Господин Эвенстайн. Господин Бахмут. Какая встреча! Как там ваш великий враг, Неназываемый, если не ошибаюсь?..

— Скажи драконам, — сумрачно бросил полуэльф, — чтобы перестали мучить нашу верную слугу.

— Скажите сами, всесильные.

— Мы не всесильны! И разве не говорили мы тебе, что драконы очень плохо влияют на наши аппарации?

— Что-то такое смутно помню. Но дело было в Аркине, Империя Клешной, штурм, суeta — не диво было бы и забыть совсем. Вы тогда сделали мне некое предложение...

— Именно. По твоей вине погибла наша волшебница. Из числа самых сильных. Вернее, она не погибла как сущность, но очень не скоро вновь сделается воином. На тебе долг крови. Тебе придётся её заменить.

— Вы тратите на меня очень много слов, а чем дальше, тем меньше я вам верю, — спокойно сказал Фесс. — Простый раз вы говорили, что боретесь с Неназываемым, что Западная Тьма — ваш враг, но трогать её нельзя. Но ваша прислужница помогает Салладорцу, который как раз и решил выпустить Сущность из заточения. Не очень-то стыкуется, не находите?

Эвенстайн тотчас пустился в долгие рассуждения, поминутно вспоминая всё тот же Закон Равновесия и тому подобные высокие материи, но Фесс уже не слушал.

Что им нужно от меня? «Атлике» требовался Аркинский Ключ. Просто и понятно. Маски вьются вокруг меня не один год по эвиальскому счёту, и похоже, им действительно нужны были только Мечи. Артефакты, к которым они почему-то не могли прикасаться. Мечи теперь у Клары, а Маски отчего-то пытаются выманить меня из Эвиала. «Атлика» вспомнила моего отца. К чему это? Сгинувший Витар Лаэда, восстание Безумных Богов...

Отец что-то раскопал? Какой-то артефакт, наподобие этих Мечей? И к нему не подобраться без меня? Или... без моей крови?

Заманчиво. Всегда приятно чувствовать себя незамеченным, пусть даже и в таком роде.

Я ведь тоже прятал Мечи «на кровь», подумал некромант. Отец мог рассуждать так же.

Доля правды в рассуждениях «полуэльфа», конечно, имелась. В частности, как раз тот самый Закон Равновесия. Без него никто с ним, Фессом, не стал бы церемониться.

Значит, отец таки исчез не просто так... а что, если он ещё жив? То видение... неужели...

Сердце бешено заколотилось, Фесс почти перестал слышать, о чём там вещает Эвенстайн.

Но почему они не используют эту самую простую уловку? Почему не скажут — «мы вернём тебе отца»?

Значит, всё-таки мёртв...

...Тишина иногда оказывается громче бури, именно наступившее молчание привело некроманта в чувство. Он по-прежнему стоял посреди подземного зала, рядом полыхал Кристалл Сфайрата, драконы пытались допрашивать воюющий призрак — а прямо перед ним, Кэром Лаздой, стояли двое невесть кто, и похоже было, что видимы они только ему одному.

— Ты нас не слушал, — с упрёком бросил полуэльф.

— Много о себе возомнил, — рыкнул Бахмут.

— Точно, брат.

— Решил, что без него не обойтись?

— Точно, решил, — кивнул Фесс. — Ваша, гм, чародейка тут что-то наболтала про моего отца...

— Наболтала, поистине наболтала, — кивнул Эвенстайн. — Видишь ли, некромант, твой отец был действительно выдающимся чародеем. И он, представь себе, служил нам.

Фесс выразительно поднял бровь.

— Государи мои, вы, по-моему, заврались, извините за выражение.

— Нет, не заврались, — по-медвежьи подался вперёд Бахмут. — Витар Лаэда не состоял в наших полках, подобно той, которую ты знал под именем Атлики. Но он выполнял наши поручения. Разумеется, небезвозмездно и с выгодой для себя, как и положено члену Гильдии боевых магов.

Фесс как можно выразительнее пожал плечами. Эта игра ему не нужна, она зачем-то потребовалась его собеседникам. И он обязан узнать, зачем.

— Я давно перестал верить на слово, государи мои. Потребуются веские доказательства, чтобы меня убедить.

— Мы представим тебе доказательства, хотя для нас это и оскорбительно, — Эвенстайн гордо задрал подбородок. — Но не здесь. Не в этом обличье.

— Да-да, драконы и аппарации, я помню, — Фесс ухмыльнулся как можно наглее.

— Мы сейчас призраки, такие же, как и она, — Бахмут кивнул в сторону надрывно завывающего в несказанных муках привидения. — Мы можем говорить, не более.

— Как я понимаю, только потому я ещё жив, — ввернул Фесс.

— Да нет же! — проревел Бахмут. — Всё просто, только ты нам никак не желаешь поверить. Твой отец служил нам. Просто служил. Все чародеи Гильдии боевых магов рано или поздно оказываются у кого-то на службе, если, конечно, хотят хоть чего-то добиться.

— Всё, чего добился мой отец, — смерти, — некромант с трудом сдерживался.

— Службы нам без риска не бывает, — пожал плечами Эвенстайн. — Зато вы и жили, как короли. Вспомни, испытывали ли вы нужду, пока твой отец не исчез.

— Не испытывали, верно, — Фесс заставил себя сделать кивок, который, при желании, можно было бы даже назвать «вежливым».

— Просто твой отец предпочитал артефакты золоту, — добавил Бахмут.

Это было правдой. Денег после отца почти не осталось, зато различных магических причуд и диковинок —

хоть отбавляй. Однако тётушка Аглая наотрез отказывалась их продавать — мол, «дурная примета». В приметы тётушка верила почти так же истово, как и в Спасителя.

— Пойдём с нами, — продолжал уговаривать Эвенстайн. — Дело твоего отца не должно пропасть.

— Его нет уже много лет, — отрезал Фесс. — Я понятия не имею ни о каком «деле». И если оно не протухло за это время — то стоит ли им заниматься вообще? Мир, во всяком случае, не погиб оттого, что «дело моего отца» осталось безо всякого внимания.

— Ну, хорошо, — Эвенстайн явно сделал вид, что сдаётся под натиском непреодолимых обстоятельств. — Твой отец первым в Долине осознал, как именно рождаются боги. Он понял, что потоки Силы, пронзающие Упорядоченное, дающие жизнь всем и вся, от мельчайшего насекомого до гигантов, способных задувать звёзды, как свечки, не могут оставаться без тех, кто станет ими управлять. Маги и чародеи только используют Силу, с разным успехом, но не более. Есть среди них такие, что способны очень на многое — взять хотя бы вашего Игнациуса. Но это не имеет ничего общего с управлением. Тут потребны боги. Мы с братом слишком заняты, чтобы самолично следить за всем — и в разных мирах возникают сущности, которые ты бы назвал «богами». Они очень разные, эти боги, добрые, злые, жестокие, равнодушные, слепые, зрячие, разумные и не очень, и двух одинаковых среди них ты не найдёшь. За ними нужен глаз да глаз. Витар Лаэда как раз этим и занимался. Вместе с другими, такими же, как он, лучшими из лучших. Восстание Безумных Богов стало его последним делом. Увы. Сейчас мы видим, что сын Витара вполне может его заменить. Ты успешно выдержал испытания.

— Мечи — это исключительно испытания? — Фесс поднял бровь.

— Нет. Мечи нам очень нужны. Никто толком не знает, как в заштатном мирке появилось оружие столь всеограшающей мощи. Витар Лаэда наверняка бы заподозрил новые, ещё неизвестные нам божественные сущности...

— Так за чем дело стало? Вы отлично знаете, где Мечи. Протяните руку — и всё. Прошлый раз, сударь, вы, кстати, появились с оружием Клары Хюммель — случайно ли?

— Разумеется, нет! — раздражённо бросил полуэльф. — Мы ничего не делаем «случайно», запомни это, некромант. Прошлый раз мы предлагали тебе службу. Предлагаем и сегодня, предлагаем то, чем занимался, и то, ради чего погиб твой отец...

— Мечей, как я понимаю, у вас до сих пор нет? — перебил Фесс.

— Нет, — признался Бахмут. — Мечи мы выследили. Они у Клары Хюммель, только что тобой упомянутой.

— И вы не стали с ней связываться?

— Пока не стали, некромант, пока. До той поры, пока она делает то, что сделали бы и мы, не запрещай нам впрямую это пресловутый Закон Равновесия. Мы ведь упоминали это в нашу прошлую встречу.

Фесс кивнул.

— Помню.

— Так вот, Клара Хюммель сейчас сражается с Западной Тьмой. То есть делает то, к чему ты призывал нас. Так зачем же нам отбирать у неё Алмазный и Деревянный Мечи именно сейчас?

«Лгут, — подумал Фесс. — Они *не могут* забрать Мечи сейчас. Не знаю, почему, но не могут. Вот и крутят, вертят, громоздят ложь на ложь и нелепость на нелепость. Мечи им *не даются*. Они тоже ошиблись, эта парочка. Им удалось вытрясти из меня сведения о схроне. Я вспомнил об Иммельсторне и Драгнуре. Но своим успехом полуэльф с приятелем не воспользовались. Вмешались какие-то иные силы или соображения. Могли ошибаться и они сами. Протянули руки к Мечам — а там нечто такое, что заставило отдёрнуться. Нечто, помешавшее даже богам — или тем, кто себя за них выдаёт. Бесспорно, очень сильным магам. Быть может, самым сильным из всех, мною встреченных.

Но Мечи защитили себя сами, не знаю, как, но защи-

тили. И это единственная крупница правды во всей нашей беседе».

— Одним словом, скажи драконам, чтобы перестали... мучить э-э-э... неосязаемую сущность нашей слуги, и покинем этот мир, — решительно бросил Эвенстайн.

— Скажите сами.

— Они нас не услышат, — парировал полуэльф.

— Мы не хотим грозить, некромант, — подхватил Бахмут. — Ты нам нужен. Ты и твои Мечи. Такие артефакты, как говорят сказители, «сами выбирают себе хозяев». Чушь, конечно, но порой самая удивительная чушь, оказывается, имеет под собой что-то настоящее. Так и здесь. А что касается Западной Тьмы... Там вполне управится Клара Хюммель.

— Может, она и управится с Западной Тьмой. Но что потом?

— А потом Мечи должны оказаться у нас, — сверкнул глазами Эвенстайн. — Любой ценой, некромант. Совершенно и однозначно любой.

— Но для этого ты должен принять нашу службу. Выбраться из Эвиала. Подучиться... кое-чему. Мы бы отдали тебе оставшееся наследство Витара Лаэды, то, что он не рискнул брать с собой в Долину — наверное, понимал, насколько шустр у него сынок.

— А Салладорец? Почему ваша слуга защищала его, а сюда явилась требовать у меня Аркинский Ключ?

— Потому что Салладорец — необходимая часть нашего плана, — терпеливо-назидательно заявил Эвенстайн. — Очень обширного и сложного. Он — истребитель Безумных Богов, такой же, каким был твой отец. Эвиал готов породить своего собственного бога...

Фессу пришлось сделать изрядное усилие, чтобы не расхохотаться этой парочке прямо в лицо. Плетут невесть что. Нет, действительно заврались.

— Уходите, господа. Уходите и не возвращайтесь. Если сумеете, отберите Мечи у Клары Хюммель, но, предупреждаю, если хоть волос упадёт с её головы — я разыщу вас в самом дальнем углу Упорядоченного.

— Он не понял, брат.

— Куда ему, брат, — обменялась парочка своими излюбленными репликами.

— Попробуем ещё?

— Не знаю. Как хочешь, Бахмут.

— Мечи у Клары отбирать тебе, Кэр. Раз Мечи позволили тебе спрятать себя, значит, «признали тебя», да простятся мне подобные слова, достойные лишь последнего из последних сказочников. Между вами есть связь, а вот между ними и Кларой Хюммель — нет. Она сможет их использовать, но спрятать так, как ты, — никогда. После того как падёт Западная Тьма, тебе предстоит вернуть Мечи себе. С нашей помощью ты сумеешь проделать это так, что с головы госпожи Клары действительно не упадёт ни один волос. Но времени терять нельзя. Бог Эвиала готов родиться. И мы имеем все основания опасаться, что он окажется не менее безумным, чем те, в бою с которыми сложил голову твой доблестный отец. Западная Тьма — безделица, пустяк по сравнению с ним. И тут нам понадобится даже Салладорец. Мы не вправе отказываться от какого-то орудия, только потому, что нам не нравится его цвет. Лишь бы разило наверняка.

Ты, похоже, решил-таки, что мы тебя обманываем. Пытаемся выманить из Эвиала. Ты... м-м-м... вообразил, что мы, скажем, принесём тебя в жертву на могиле твоего отца, чтобы только добраться до, к примеру, какого-то спрятанного им артефакта. Досадно, если это так, некромант. Мы всегда ценили твою способность рассуждать непредвзято. Пойми, за нами — сила. Мы можем уничтожить ту же Долину, пусть это и покачнёт Равновесие. Но — можем. Потом придётся спасать невинных, случайным образом оказавшихся на дороге у Судьбы, но *сделать* — мы способны. Маги острова Брандей тоже долго не верили, что мы можем взяться за них всерьёз.

— Брат, едва ли он слышал о Брандее.

— Верно. Хотя, поройся он как следует в отцовских архивах, наверняка нашёл бы упоминание.

— Витар зашифровал очень многое в своём дневнике, будь снисходителен к молодому Лаэде, брат.

А вот тут они не врали. Записи отца действительно перемежались страницами каллиграфически выведенных значков-иероглифов. Когда-то Фесс (или, точнее, подросток Кэр) пытался разгадать эту головоломку, но отец знал толк в шифрах.

— Мы тебя не обманываем. Нам нет в этом нужды. Ты нам слишком нужен, чтобы опускаться до лжи. Тем более такой, что видна сразу.

Ну что, убедили мы тебя?

— Нет, — спокойно сказал Фесс. — Много вы тут наговорили, да плохо получилось. Могу только повторить — уходите и не возвращайтесь. С Эвенгаром, Западной Тьмою, Кларой Хюммель и Мечами я стану разбираться сам. Остановите меня, если сможете.

Призраки переглянулись.

И — впервые — ничего не ответили. Просто растаяли в воздухе.

А ещё миг спустя на Пик Судеб обрушился незримый, но от этого не менее чудовищный молот.

Вершина многострадальной горы взорвалась, окутавшись взметнувшимися на целую лигу клубами каменной пыли. Пещера Сфайрата заходила ходуном, пол иссекло трещинами. Всё должно было рухнуть, похоронив под обломками и драконов, и самого Фесса, но...

Кристалл Магии сделался совершенно чёрным. Всё бывшее в нём пламя словно умерло, сгинуло, подобно огоньку задутной свечи, громадный подземный зал погрузился в абсолютную, непроницаемую тьму.

Гром тонул во властно шагнувшей ему навстречу тишине. Трясущиеся своды замирали, и даже расколовшиеся плиты пола норовили прижаться острыми боками обратно друг к другу.

Твердыня Сфайрата выдержала.

А второго удара не последовало. «Братья» скрылись, их призраки-«аппарации» растворились без следа. Исчезло и мучимое драконами привидение Атлики.

— Значит, хоть в этом преуспели, — мрачно проворчал Фесс себе под нос.

Ошеломлённые, драконы только и могли, что крутить рогатыми головами, да плевать от ярости огненными струями. Кристалл медленно разгорался вновь, с трудом, словно едва набирая силы.

— Что это было, папа? — Рысь опомнилась первая и первой приняла человеческий облик. — До того... до удара... я почувствовала...

— Сюда пожаловали приятели Атлики, — некромант кивнул в сторону неподвижного тела.

— И чего ж хотели? — рыкнул оказавшийся рядом Чаргос.

— Долго рассказывать... но главным образом — чтобы вы не мучили «сущность» их «верной слуги». Насчёт «слуги» — это они, конечно, приврали. Никакая она не их слуга, а или сородич, или что-то похожее. Потом предлагали мне «поступить к ним на службу». Я отказался. Тогда они ударили. Нас спас Кристалл. Вот, собственно, и всё, — развёл руками некромант.

— Ударили, надо признать, на славу, — проговорила Менгли. — Я решила — нам конец, братья и сёстры.

— Заклинание приняли на себя все Кристаллы Эвиала, а не только один-единственный, — покачал головой Сфайрат.

— Верно, — согласился Редрон. — Только потому они и не атаковали вторично. Пока Сила течёт сквозь Эвиал, от подобного мы защищены — если, разумеется, не высушем носа из наших пещер.

— А мы именно что собираемся высунуть, — заявил Эртан. — И что их тогда удержит? И что — прикроет нас?

— Только одно — быстрота, — бросил Чаргос.

— Мы остановились на Тёмной Шестёрке, — заговорила Вайесс. — Допустим, мы соберём их, некромант. Что дальше? Скажи нам это, просто, прямо и без утайки.

Они по-прежнему ничего не понимали.

— Нас услышат, — без обиняков сказал Фесс. — Ни одно моё слово не останется незамеченным. Поэтому я

прошу вас просто поверить мне. Если же у вас есть идеи получше...

Судя по мрачному молчанию восьмерых драконов и дракониц, идей получше ни у кого не нашлось.

— Слушайте моего папу, — вдруг заломила руки Рыся. — Он скажет только то, чему верит сам. До конца. И во имя чего он тоже пойдёт до конца.

— Аэсоннэ, кто спрашивал тебя?! — взвился Сфайрат. — Прошу простить её несдержанность, братья и сёстры, она...

— Брось, — молчавшая до этого драконица с волосами цвета тяжёлого речного золота встала рядом с Рысей, положила руку ей на плечо, — младшая всё сказала правильно. Если у Салладорца такие соратники, то нам только и остаётся, что молчать. И не пользоваться даже мыслеречью. А то мы слишком привыкли, что её якобы не прочтёт ни один маг. Полагаю, что нашлись как раз те, что прочтут.

— Беллем, я с тобой, — к ним присоединилась ещё одна из дракониц, Флейвелл.

— Женский заговор, не иначе, — усмехнулся Эртан. — Но младшая говорит правду, Чаргос. Они умрут за это и не поколеблются.

— Тогда нечего тянуть, — Сфайрат повёл плечами. — Мы отдали много сил, но, сородичи, — как, сможем? Явим господину некроманту истинный *полёт драконов*?

— Явим. Покажем. А то! — раздалось в ответ.

— По дороге расскажешь, что думаешь про Атлику и эту её родню, — уже на ходу бросил Чаргос. — Говори про себя, мы услышим, не сомневайся. Кто понесёт некроманта, братья и сёстры?

— Я. Или я. Да и я могу! — разом отозвались все.

— А почему не я? — возмутилась Рыся.

— А ты, Аэсоннэ, младшая, должна будешь от нас не отстать, — усмехнулся Сфайрат. — Тебе ещё предстоит узнать — что это такое, настоящий полёт...

— Мама сказала мне из моей крови!

— Слова Кейден — это одно. А почувствовать это все-

ми собственными чешуйками и прожилками — совсем другое, младшая, поверь старому дракону. Идём, идём. Раз все согласны... А ты показывай дорогу, некромант. Надеюсь, ты не заставишь нас метаться по всему Эвиалу.

— А я? Что со мной? — возмутился Этлау. — Хорошо тебе рассуждать, некромант! Собрался лететь, ишь ты! А мне сидеть тут, в этой пещере?

— Конечно же, нет, — покачал головой Фесс. — Мы вернёмся за тобой. Не сомневайся.

* * *

Девятка драконов, медленно и вроде бы никуда не торопясь, взмыла над искалеченным Пиком Судеб. Эйтери на прощание обняла и Фесса, и Рысь, даже всплакнула; да и гном Север как-то подозрительно сопел и поминутно отворачивался.

Фесс сидел на жёсткой спине Чаргоса — негласный вожак Хранителей так и не решился доверить его кому-то ещё. Дракона окутывала аура мудрости и прожитых лет — он, похоже, был тут самым старым. Рысь источала порыв молодости, Сфайрат — силу зрелости, а Чаргос казался воплощением знания.

Тёмно-багровый, словно смешанное с мраком пламя, он мерно взмахивал громадными крыльями, не сводя взгляд с Пика Судеб — гора лишилась острой вершины, исчезли последние следы вечных снегов и льда, где брало начало немало стремительных потоков; и прямо в склоне виднелся глубокий, иссиня-чёрный котлован: оттуда начался путь Атлики.

«Рассказывай, маг, рассказывай, — напомнил Чаргос. — Только скажи сперва, куда летим».

— Чёрная яма, — Фесс не задумывался. — Начинаем с Уккарона.

Его, помнится, Даэнур называл «полуразумной сущностью, установить контакт с которой очень трудно даже опытному магу»¹. Что ж, постараемся доказать, что он

¹ См. роман «Рождение мага», с. 107.

ошибается. Во всяком случае, именно оттуда, от Чёрной ямы, я смогу точно определить, где искать остальную пятёрку. Да, да, конечно, он помнил — «Сиррин, повелитель полярных ночей, Зенда, владычица Долины смерти на границе Салладора и восточной пустыни, Шаадан, обитающий в глубине Моря Ветров, Дарра, обвивающая Тьмой, властвующая на перекрестках дорог, Аххи, хозяин горных пещер...»

Но нигде никаких указаний, где *именно* их искать. Та же Зенда — вроде бы понятно, надо отправляться на Восточную стену — однако она протянулась на множество лиг, и как там сыскать эту заветную долину? А Дарра с её перекрёстками? Конечно, можно совершить обряд вызывания — Даэнур научил в своё время, однако для успеха там требуется человеческое жертвоприношение.

Что, некромант, ты вдруг заколебался? Сколько убитых, скольких сразила твоя рука — а тут сомнения?

Нет, я не сомневаюсь, твёрдо ответил себе Фесс. Я не дрогну. Даже если мне придётся медленно резать невинного. Принцип меньшего зла, и вступившему на эту дорогу нечего рассуждать о вине и совести.

Поэтому мы начнём с Уккарона. Если я правильно запомнил всё, что говорил старый дуотт, хозяин Чёрной ямы укажет нам путь. Может, и против собственной воли, но укажет.

«Хорошо, — прервал его размышления Чаргос. — А сейчас держись. Мы полетим».

Девять драконов выстраивались в воздухе крыло к крылу, едва не сталкиваясь; но вот — закружились, помчавшись друг за другом, так, что ветер завыл, засвистел и застонал в изломах костяных гребней и на остриях рогов. Фесс невольно зашарил руками по гладкой чешуе, но зацепиться на драконе было не за что — седока удерживала магия. Горы внизу завели безумный хоровод, голова у некроманта сделалась точно после доброй попойки, а Чаргос и его сородичи всё ускоряли свой бег, так, что земля внизу слилась в сплошную и неразличимую с высоты круговерть.

А потом Чаргос отдал приказ — исчезающе краткий, даже не слово, не жест, нечто, короче даже мысли, — и кольцо драконов обернулось режущей небо стрелой. Фесса отбросило назад, он повалился дракону на спину, давя постыдный крик — чары всё равно не дали бы ему свалиться... не пожелай так сам Чаргос.

Принято говорить: «мир рванулся назад». Но сейчас это больше походило на удар о внезапно сгустившуюся невидимую стену. Ничтожную долю мгновения стена эта посопротивлялась натиску Хранителей — и лопнула.

Фесс зажмурился, глаза нестерпимо резало. Крылья Чаргоса вздымались и опускались в обычном ритме, так летала и Рысь, но земля внизу не билась в безумной пляске, лес не вырастал вдруг до самого неба, словно в детской сказке, горные хребты не закрывали внезапно путь, чтобы так же внезапно и расступиться.

...А потом всё это неожиданно кончилось, земля вновь сделалась землёй, а небо — небом. Внизу распростёрся лес, густые, ядовито-зелёные плотные кроны; прямо впереди в сплошном ковре листвы угадывался разрыв, и драконы направились именно туда.

«Ты видел полёт драконов, — без особенного пафоса проговорил Чаргос. — Теперь рассказывай дальше, что начал».

— Это Чёрная яма? — не удержался некромант.

«Именно. Не смотри, что она кажется небольшой — нам до неё лететь и лететь...»

Но теперь драконы словно никуда и не торопились, неспешно, даже с ленцою взмахивая крыльями. Внизу мелькнуло чёрное извивистое тело реки, исполинской змеей тащившей себя через гибельные болота к устью и неизбежному падению в Яму.

— Чаргос, эта Яма — она что, действительно так глубока, как я слышал ещё в Академии?

«Очень глубока, некромант. Когда-то давным-давно, один глупый молодой дракон, ещё не обретший собственного Кристалла, решил, что будет интересно долететь до её дна. Надо ли говорить, что он еле выбрался?»

Фесс постарался отогнать мысль, что старый Хранитель говорит о себе самом. В конце концов, когда ты рядом с драконами, бойся обидеть их не только словом или делом, но даже и мыслью.

— Что же там такое? Что-то особенное?

«На первый взгляд ничего. Уккарон не строит себе «тёмных твердынь», ему не нужны крепости и бастионы. Чёрная яма... это просто яма. По стене спиралью вьётся речной путь. Там ничего нет, некромант, ни живого, ни мёртвого, потому что сам Уккарон, по-моему, ни тот и ни другой. Тот молодой дракон спускался всё ниже, следуя за спиральями потока, видел пещеры, бродячие камни...»

— Значит, уже хоть что-то, но есть — вода, камни, которые бродят...

«Ну да. Это ж не пустота. А те бродячие камни, они как сам Уккарон, ни мёртвые и ни живые... Молодой дракон искал конец реки, её устье, и не нашёл. Чёрная яма становилась всё уже, стены сходились, но... но и не сходились. Дракон не мог этого понять, он чувствовал опасность, но любопытство брало верх. Отступить значило покрыть себя позором перед другими Хранителями и теми, кто ещё не обрёл Кристалла...»

— А что, когда-то таких молодых драконов было много? — не удержался Фесс.

Он ожидал вспышки ярости, но Чаргос ответил неожиданно спокойно, с затаённой болью, странно звучащей в мыслеречи старого Хранителя:

«Было много. Каждый Кристалл имел самое меньшее двоих сберегающих — того, кто породил, и того, кого породили. Породивший учил порождённого; чтобы не только, как у молодой Аэсоннэ, всё знание — из памяти крови. Кейден... эх, сколько же она так и не поведала твоей дочке, некромант. А потом нас мало-помалу становилось всё меньше. Молодые драконы гибли, стараясь показать свою удачу. Кто-то пытался в одиночку справиться с самой Западной Тьмой. Разумеется, они просто сгинули понапрасну. Другие драконы... всё с большим трудом находили себе пару. У нас словно бы угасало желание иметь потомка. Дочь Кейден

появилась на свет после большого, очень большого перерыва. Кейден сама была последней из молодых дракониц. Нам... просто ничего не хотелось, некромант. Посмотри на Сфайрата — он хранитель в самом расцвете сил. Однако он никого не породил, ни с кем не поделился собой. Вместо этого влюбился в эту, как её... — неслышимый голос Чаргоса наполнило неодобрение, — вашу Клару Хюммель. Принял облик её погибшего возлюбленного, два ваших года предавался с ней утехам, но не дал ребёнка даже и ей!»

— Неужели от такого союза родились бы дети? — поразился Фесс.

«Да, родились бы, — с убийственной откровенностью заявил Чаргос. — И даже смогли бы стать настоящими драконами. Разумеется, не без нашей помощи. Их путь оказался бы труден и извилист, многое из данного нам при рождении им пришлось бы обретать через муки, боль и годы тяжёлого учения, но у них получилось бы встать с нами рядом. Я умолял об этом Сфайрата, я, старейший из эвиальских Хранителей Кристаллов, унижался перед молодым драконом, ещё не приступившим даже к своей службе! Жаль, что Хорнард, отец Сфайрата, не согласился со мной, не присоединил свой голос... Впрочем, Хорнард и сам обзавёлся потомком в более чем зрелом возрасте. Нам ничего не стало нужно, некромант. Частично добродетели прежних времён воскресли в Кейден, но... Когда я призываю остальных вспомнить свой долг, мне отвечают — мол, времени ещё достаточно. Мы любим покой и одиночество, потомки отвлекают нас, не дают предаться абстрактным размышлениям. Так что в известной степени я благодарен тебе, некромант. К добру ли, к худу, но ты призван изменить судьбу Эвиала. Не совершить столь любимый сказителями подвиг «спасения мира», но именно изменить его судьбу. За наш мир схватились могущественные силы, вновь зашевелился Хаос, уже слышны шаги направляющегося сюда Спасителя, слуги Великого Пожирателя суеются возле самых наших границ. Эвенгар Салладорский обзавёлся могущественными союзниками, и мне кажется, некромант, что я догадываюсь, кто они такие... Наша служба подходит к концу, Кэр Лаэда, и я

не хочу, чтобы с нею вместе прервался бы и мой род. Обещай мне, что спасёшь Аэсоннэ, Кэр. Обещай, дай Слово Некроманта, что не пошлёшь её в безнадёжный бой. Когда потребуется та самая «последняя атака», я займу её место. Выбирайтесь отсюда. Возьми её в жёны, Кэр. Она любит тебя, я знаю...»

— Но... но... — поперхнулся Фесс, — она мне действительно как дочь! Я принял её, когда она вылупилась из яйца! Но я не могу...

«Сможешь, Кэр, ты — сможешь. А вот она — уже никогда не сумеет открыть объятия другому. Будет только с тобой. Точно так же, как и Сфайрат не сможет быть ни с кем, кроме твоей Клары Хюммель. Драконы потому и меняют пары, что, полюбив один раз, уже никогда не посмотрят на сторону. Мы сходимся без чувства, человек. Просто, чтобы продлить род. Драконница может снести за один раз только одно яйцо. Второго от того же отца уже не воспроизводит. Только от другого. А если они любят... второй дракон не перенесёт того, что у его возлюбленной есть дитя, плоть и кровь иного Хранителя. А нам нужно, чтобы каждая драконница дала бы жизнь самое меньшее двоим новым Хранителям, понимаешь, Фесс?..

Поэтому я за то, чтобы судьба Эвиала изменилась. И за то, чтобы хоть кто-то из моего семени остался жить — пусть под другим солнцем и в другом мире. Ты понимаешь меня?»

— П-понимаю, — запинаясь, ответил Фесс. — Вот только на моё Слово Некроманта надежды нету. Я давал его — и не мог сдержать. Поверившие мне мертвы, Чаргос, и я боюсь, что этот долг мне ещё придётся оплатить.

«Я знаю, некромант, я знаю. Твой груз поистине тяжёл. Но я готов разделить его с тобою. Я приму его на себя, Кэр. Я знаю — грядёт моя последняя война. Впрочем... чего я ещё утаиваю... У меня было трое потомков, Фесс. Один из них — Эртан. Другой — Редрон. А третьей — была Кейден. В Аэсоннэ течёт моя кровь, Фесс. Пусть это звучит кощунственно для Хранителя Кристаллов, но я поставлю жизнь моей внучки выше блага и счастья целого мира. Можешь осудить ме-

ня, некромант. Я готов. Я приму твоё проклятие. Но спаси Аэссоннэ. Не отдавай её ни Хаосу, ни Спасителю. А я взамен расскажу тебе всё, что знаю».

— Всё, что знаешь о чём? Или — о ком?

«О друзьях Салладорца. И о той, кого ты называешь Ат-ликой».

— Неужели ты знал её, о дракон? — поразился некромант.

«Знал её? Конечно же, нет. Она появилась на Пике Судеб в облике Салладорца, отвела глаза нам всем. Я видел серый щит, однако он не показался неодолимым. Обычная магическая защита, нам не раз и не два приходилось ломать такую — пока чародеи Эвиала не поняли, что нас следует оставить в покое, раз и навсегда. Я, конечно, имею в виду чародеев-дуоттов».

— Дуоттов, премудрый Чаргос?

«Их, их, молодой некромант. Наша служба началась давным-давно, когда ещё не отгремели войны Быка и Волка; после разгрома иные змееглавцы вообразили, будто смогут поставить доверенное нам себе на службу. Глупцы; ничего удивительного, что люди, эльфы и гномы опрокинули их».

— Люди, эльфы и гномы?! Был такой союз? Никто и никогда не говорил мне, что нарнийцы или подданные Вейде сражались вместе с людьми!

«Конечно. Дуотты угрожали всем новоприбывшим в Эвиал, и эти новоприбывшие объединились. Но плодами победы воспользовались люди; гномам, в общем, было всё равно, на их горы человеческие королевства претензий не предъявляли, да ты гномов и сам знаешь — погулять, пива выпить, песни пороть, подраться и помириться — легкий на душу народ. Не то, что эльфы. Эти обиды копят веками. Молодая королева Вейде эту обиду не простила. Не простила, разумеется, магам Ордоса и Волшебного Двора. И вступила в союз с их злейшими врагами, Святой Инквизицией. Но это случилось, конечно, уже после Первого Пришествия. Однако я отвлёкся. Так вот, Атлика прикрылась таким же щитом, что некогда использовали волшебники-дуотты. По крайней мере внешне. Я обрадовался. Мой отдалённый прадед помнил времена и

Быка, и Волка, будучи тогда совсем ещё молодым Хранителем, даже без собственного Кристалла. Он «сказал мне из моей крови», как выражается Аэсоннэ, что нужно сделать. Мы составили кольцо и ударили. Очень хорошо ударили, наверное, даже лучше, чем под Скавеллом, когда убивали Червя. Щит выдержал. Мы только изранили окрестный камень. Сфайрат и Эртан закричали, что надо атаковать пламенем; Менгли с Редроном — что следует вызвать лавину. Все слишком высокого о себе мнения, старших слушать совсем перестали... — дракон сбился на недовольное ворчание. — Я едва навёл порядок и вновь спросил свою кровь. Предок ответил, что должно изменить наше кольцо, связать его с четырьмя стихиями; мы, драконы, стихия сама в себе, пятое начало, скажу без лишней скромности, и не любим одалживаться у земли, огня, воды или ветра. Но иного выхода я не видел. Мы воззвали к стихийным силам. Никогда, даже под Скавеллом, мы не собирали такой мощи. Я думал, наш удар обрушит весь Пик Судеб, промахнись мы хоть на волос. Мы не промахнулись. Глаз у старого дракона пока ещё верен, прости мне это хвастовство, молодой некромант.

Я едва держался в воздухе, Кэр, глаза ничего не видели, кольцо отдало всё — а то, что казалось нам Салладорцем, продолжало себе забукиваться в гору, щит только полыхнул — и ничего больше. И тут... кое-кто из Хранителей потерял голову. Бросались на врага с когтями и клыками, поливали огнём. Всё напрасно. Он... вернее, она — даже не потрудилась отогнать нас. Настолько презирала.

Мне пришлось сесть. Крылья подвели. Остальных урезонивала Аэсоннэ. И — молодец, внучка — успокоила. Но пока мы приводили себя в порядок, ты уже со всем покончил. Браво, молодой некромант. Аплодирую, как сказали бы в старом эбинском сенате. Напитать Аркинский Ключ силою Кристалла Магии — я бы не додумался, Кэр, несмотря на все прожитые годы.

А теперь — о главном, молодой некромант. Известная тебе под именем «Атлика» родилась не в Эвиале. И у неё не было настоящей матери. Она не вышла из женской утробы, Кэр».

Фесс невольно поёжился.

— Ты смог понять, как она появилась на свет, много-мудрый?

«Избавь меня от пышных титулований, Кэр, оставь это для Сфайрата, он болезненно тщеславен и, словно эбинский нобиль, обожает интриги, никогда не скажет ничего напрямик, только если я уж очень попрошу... Как Атлика появилась на свет — нет, я не понял. Почувствовал лишь одно — она дочь свободной магии, мощи, разлитой по всему сущему, дающей звёздам силы светить, а всем нам — жить. Эта мощь оживляет неживое, некромант, понимаешь?.. впрочем, чего я, конечно, ты понимаешь. Ты из Долины Магов, должен был учить всё это. Не удивляйся, что мне ведомо о вашем укроном уголке — пока я не имел Кристалла, тоже довелось постранствовать, как и Сфайрату. Только я не заводил шашней с вашими чародейками, да ещё и приняв облик их погибших возлюбленных. Тьфу, позор! — Дракон и в самом деле плюнул вниз длинной огненнокипящей струёй. — Так вот. У Атлики — оставим ей пока это имя — нет ни отца, ни матери. Она имеет начало, но не порождена никем из обладающих плотью, неважно, смертных или бессмертных. Она возникла, не имея тела, возникла, как некое начало, воплощённое желание, напитанное страстями стихий. И не было ничего, что заставило бы её утишить эти страсти. Они как кипели, так и кипят. Вот что я почувствовал, некромант, пока мы удерживали её призрачную сущность. Атлика возникла там, где потоки вольнотекущей силы сталкиваются с иными магическими сущностями, великими сущностями, недоступными нашему пониманию. Драконы-Хранители шёпотом говорят о наших сородичах, именуемых Драконами Времени, чей дом — великая незримая река, катящая свои воды от будущего через настоящее к прошлому. И в том исчезающем промежутке, где всё свершающееся становится «прошлым», они и обитают, не знающие иной пищи, кроме животворной силы. Вольная мощь насыщает воды этой реки, что не имеет ни начала, ни конца, ибо замкнута в петлю с одной лишь поверхностью. И где-то там, ощутил я, в сущее явилось названное Атликой. Там у неё, конечно, было совершенно иное имя. У неё были братья и сёстры,

такие же, как и она, порождённые свободной силой, не имеющие ни отца, ни матери. Они знали молодость, но не ведали детства».

— Ты провидел на удивление многое, Чаргос! — со всей возможной почтительностью выговорил некромант.

«Благодарю тебя. Мои сородичи любят поиграть словами, правдой и полуправдой, полагая себя властелинами судеб, — особенно всё тот же Сфайрат! Но во мне это умерло. Умерло давным-давно. Что же до «провидел на удивление многое»... нет, не многое. Я искал её истинное имя, её истинное место во Вселенной. Искал тех, кто с ней, их имена и чувства. Ничего не нашёл, только почувствовал. Их немного, десятки... Как и для Драконов Времени, магия — их единственная истинная пища, хотя, облекшись в тела, они не чужды ничему плотскому. Не знаю, кто нашёл кого первым — она Салладорца или наоборот, но так или иначе союз состоялся, и в этом ничего удивительного: пара получилась просто на загляденье. И знаешь, что у них общего, некромант?»

Когда дракон задает вопрос, лучше ответить. Даже неправильно.

— Свобода страстей? — рискнул Фесс. — Салладорец тоже не ведает и не видит преград.

«В точку, — одобрительно отозвался дракон. — Свобода страстей. И объявление врагом любого, кто встанет на пути у этой страсти, неважно, на что направленной».

— Но зачем этим «безотчим» помогать Эвенгару? Ведь он задумал выпустить Западную Тьму из клетки, оседлать тёмный прилив и совершить Великую Трансформу. Так по крайней мере он излагал мне свои планы — тогда, ещё в Салладоре.

«Зачем им помогать Эвенгару? Ты слишком многого хочешь от старого, немощного Хранителя, которому давно уже пора на покой. Но что, если Эвиал оказался у них на пути? Что, если его надо разрушить, а для каких целей — нам, в нём живущим, уже не так и важно. И тут как нельзя кстати подвернулся Салладорец...»

— А ещё раньше — ордосский мор, причину которого мы так и не нашли, — вдруг вспомнил некромант. — Те

твари из бездны... бездны, где пылает зелёное пламя... которых мы вышвыривали из города поодиночке, после того, как Дазнур забил их крысиный лаз...¹

«Быстро соображаешь, некромант. «А ещё раньше ордосский мор», объяснения которому долго не могли найти даже мы, драконы. Эвиал — закрытый мир, Фесс. Это значит, что сюда так просто не попадёшь и так просто из него не выберешься, только в силу особенных обстоятельств. Ты тоже угодил сюда не просто так, как и Клара Хюммель. Верно это и для тех многоножек. Кто-то открыл им проход, правда, не закрепил как следует — сил Белого Совета и ордосской Академии хватило, чтобы Дазнур на самом деле пресек их тропку. Кристаллы в тот раз едва выдержали. Но — запомнили, как именно рушилась та дорога. Я тоже не забыл. Когда вслед за Атликой явились эти двое, я тотчас ощутил сходство. В основе — те же чары. Тот же запах волшебства. У меня не хватит слов, чтобы описать это, но действительно очень похоже на ваш запах. Это они, я убеждён».

— Атлика. Которую я тогда «спасал», — Фесс скрипнул зубами.

«Быть может. Точно никогда уже не узнаем. Да и нужно ли? Ясно только, что это их работа. И цель понятна — выбить ордосскую Академию, её магов. Ведь вы с Дазнуrom — это счастливая случайность, на неё никто не мог рассчитывать».

— Все равно — мне нужно знать, зачем им Эвиал.

«Какая разница, некромант?! Они задумали злое. Им наш мир — ничто, пыль под ногами. Может, принести всех его обитателей в жертву, собрать побольше силы. Может, они просто затеяли алхимическую Великую Работу, а Эвиал — редкий ингредиент. Так какая разница, Фесс? Они — враги. И этим все сказано!»

Мыслеречь дракона клокотала гневом.

— За Эвиал схватилось несколько надмировых сил, — в очередной раз повторил Фесс. — Я хочу знать, нельзя ли их натравить друг на друга.

«Хорошо бы, но для этого они слишком хитры. Им враждовать невыгодно».

¹ См роман «Рождение мага», с 196—205

Значит, где-то в Межреальности обитают и действуют могущественные чародеи, которые не рождены от мужчины и женщины, подобно всем без исключения волшебникам Долины. Почему же они никогда, ни разу не сталкивались хотя бы и с его родной Гильдией? Или боевые маги вроде Клары, Эгмонта, Мелвилла, отца для этих особ — слишком мелкая дичь? Конечно, Упорядоченное огромно, в нём можно просуществовать целые зоны, причём отнюдь не толкаясь боками, но Долина никогда не оставалась в стороне от того, что даже сам Игнациус почитал «эпохальными битвами»!

Видать, разные у нас понятия об эпохальности, с неожиданной горечью и стыдом подумал некромант. В самые глаза вдруг взглянула сила, по сравнению с которой всё, чем гордилась Долина, вдруг показалось детскими играми, нет, скорее вознёй щенков или котят в корзинке, за которой с усмешкой наблюдает хозяин.

Однако я сумел опрокинуть Атлику. А маски так и не смогли ничего со мной сделать. Только говорили, говорили и говорили. Если б могли убить — не колебались бы ни мгновения, стёрли б в порошок. Значит — или это не в их силах (ох, не обманывай себя, не обманывай!), или же надеются как-то использовать. Для чего — тебе не угадать. Разве что ты каким-то образом и впрямь сроднился с Мечами (хотя разве станет такое оружие сродняться с каким-то смертным!), и теперь, скажем, только твоя кровь или же твоя смерть в каком-то ритуале окончательно отдадут Иммельсторн с Драгниром в руки Эвенстайна с Бахмутом.

Банально, сказала бы Клара. Но вот в чём фокус, даже самые банальные вещи иногда срабатывают. И порой даже чаще, чем нам бы хотелось.

Маски долго подбирались к заветным Мечам, кривыми окольными тропами, хотя при их силе (Атлика мало что не сровняла с землёй весь Пик Судеб, и все девять драконов Эвиала оказались бессильны) могли бы просто захватить их, и всё. Особенно сейчас, когда Алмазный и Деревянный Мечи не в надёжном схроне на самой грани реальности, а болтаются на поясе Клары Хюммель, словно самые обыкновенные клинки. «Может, Мечам нравится

прикидываться? — вдруг мелькнула шальная мысль. — Притворяться ничем не выдающимися?...»

У артефактов иногда прорезается что-то, донельзя похожее на характер.

Что ж, примем пока, за неимением лучшего, что маски всерьёз собрались зарезать меня на тайном жертвеннике, причём явиться к нему я обязан исключительно добровольно, иначе заклинание не подействует.

...А впереди, и уже совсем рядом, — Чёрная яма.

Река внизу замедлила течение, распалась десятками рукавов, покрылась широкими кувшинками. Под недвижной поверхностью — чувствовал Фесс — бесшумно скользили чешуйчатые тела, жёлтые немигающие глаза подозрительно уставились вверх, на девятку плывущих в сапфировом небе драконов.

Тёмная река несла в себе силу, много силы. Такое бывает, если должным образом у истоков сойдутся магические линии мира. Вода пронизана мощью, мощь — её основа, вода почти что состоит из неё, подобно тому как из неё же, воды, состоит и наше тело.

Но в обычной воде магия дремлет. Мы чувствуем, тянемся к ней, застывая на краю океанского беспределья, замираем, скользя взором по таинственной лунной дорожке, не зная, что именно в эти минуты волшебство обращается к нам, тянется, словно бродячий пёс, мечтающий, как в сказке, найти настоящего хозяина.

Здесь, в Тёмной реке, магия пробудилась. Оперлась истоком и устьем, выгнулась, точно кошка. И, конечно, в водах *такой* реки жили не простые лягушки, рыбы или тритоны.

Чего уставились, желтоглазые? Взгляд у вас, признаюсь, неприятный, пробирает, несмотря на то что я — высоко в аэре, на спине могучего дракона.

«Смотри вниз, молодой некромант. Смотри как следует».

Последние деревья нависали над пропастью, корни высунулись было из тёплой привычной земли и испуганно завернули обратно, одевшись корой там, где неосторожно вылезли на воздух. Сама Чёрная яма была в поперечнике три или три с половиной лиги, отвесные стены, как и по-

ложено, имели цвет воронова крыла. Многочисленные речные рукава оборачивались стекавшими вниз потоками, не стремительными рокочущими водопадами, что взбивают облака сверкающих брызг, а именно потоками, медленными, словно вода враз обернулась тягучим варом. Здесь начинался первый виток спирали, широкий и глубокий жёлоб, достаточный, чтобы вместить все воды, изливающиеся в него сверху.

«Если ты хочешь говорить с Уккароном, то лучше всего сделать это отсюда. Не стоит спускаться вниз, молодой некромант».

— Я помню, что случилось с тем храбрым молодым драконом, Чаргос. Но звать хозяина, ещё даже не постучав в калитку, кричать с улицы — очень невежливо. Знаю, Уккарон не человек. Но человеческая вежливость ещё никому не повредила.

Дракон изогнулся, зашипел, словно давя в себе ярость.

«Хорошо. Я понесу тебя вниз. Ошибки молодого дракона мы не повторим».

— Чаргос. Если бы ты позволил, я отправился бы вниз вместе с Аэ... с моей дочерью.

Фесс опасался новой вспышки драконьего гнева, уже куда более сильной; но старый Хранитель лишь изогнул бронированную шею и взглянул некроманту прямо в глаза.

«Ты прав. Ты почувствовал мой страх, мастер Лаэда. Я скорее дал бы забить себя толпе невежественных пастухов, чем признался в подобном позоре своим сородичам. Но тебя я не стыжусь. Я чувствую твою силу, молодой некромант. Она есть и у юной Аэсоннэ. И, хотя мне очень не хочется отпускать внучку, я соглашусь с тобой. Сам же я останусь здесь, наверху, вместе с остальными».

— Ты никогда не говорил, что может ждать нас внизу, о многомудрый.

«Там нет чудовищ, только бродячие камни, Кэр. Но, чем глубже ты опускаешься, тем сильнее жажда навсегда остаться там, самому обратиться в один из таких камней, вечных, неразрушимых, презрительно сторонящихся ничтожной суеты живых. Там никто не станет кидаться в тебя огнешарами или пытаться поджарить тебе пятки молния-

ми — по крайней мере, до той глубины, на которую опустил-ся я. А потом навалилось такое отчаяние... мне, обитателю пещер, где покоится мой Кристалл, вдруг стало невыносимо страшно, мне показалось, что Яма — на самом деле всасывающая всё и вся воронка, а Уккарон — существует разом в двух мирах, в нашем — и в том, куда ведёт эта воронка. И что именно он решает, кому остаться здесь, а кого пропустить дальше».

— Тебе поистине многое открыто, — с уважением покачал головой Фесс.

«Если бы, молодой некромант, если бы... Старость дарует мудрость, но она же отбирает — нет, не силы — но решимость пожертвовать собой. Отчего-то начинаешь цепляться за жизнь и страшиться небытия. И это... позорно для дракона. Я... не хочу спускаться туда, Кэр. Я ни за что не пустил бы туда собственную внучку. Но... ты должен вернуться. Свет и радость Аэсоннэ помогут вам обоим. Да пребудет с тобой истина того, что мы поставлены хранить».

Очевидно, последние слова он произнёс так, что их услышали и остальные драконы. В сознании Фесса загудел настоящий хор:

«Да пребудет... истина Кристаллов... да пребудет...»

— Рыся, — негромко позвал Фесс, и жемчужная драконица вмиг оказалась рядом. — Согласна ли ты понести меня? Долг призывает Чаргоса остаться здесь.

«Ты смеешься, папа, — возмущённо отозвалась дочь Кейден, выгибая шею, так, чтобы некроманту было б удобно перебраться ей на спину. — Как это я могу «не согласиться»? А вождь Чаргос поможет нам, в случае чего».

«Неудачи не должно быть, Неясыть», — прорезался голос Сфайрата.

Её не будет, о скрытный дракон. Как умело создавалась видимость, что именно ты — главный среди племени Хранителей! Ты ведь не сказал мне ни слова о Чаргосе...

Рыся легла на крыло и плавно заскользила вниз.

— Держись над водой, дочка, — попросил некромант.

И — взглянул в самую глубь Чёрной ямы.

Сперва было удивление, потом — разочарование.

Вьётся винтом вдоль аспидно-поблескивающих стен вода, но не журчит, катится молча, в недоброй тишине. Самое дно Ямы отлично видно, его скрыл сизоватый туман, сквозь него торчат острые каменные пики, а кое-где сквозь истончившуюся пелену проглядывает тёмная порода. Ничего особенного, и, кстати, никаких блуждающих камней. Струящийся по жёлобу поток достигает мгlistого покрывала и исчезает под ним. Царит полное беззвучие, только шипят крылья Рыси, мерно рассекая воздух.

Над текучей водой дрожит едва ощутимая магическая аура. Чёрная яма жадно впитывает несомые зачарованной рекой воды, вбирает в себя порождённое ею волшебство.

«Пещеры, папа», — указала Рысь.

Да, верно. Над спиралью водоносного жёлоба, в аспидно-чёрных стенах обрыва замелькали раскрытые устья подземных ходов. Кто и зачем прорыл их — неведомо, но исходящую оттуда голодную злобу Фесс почувствовал очень чётко. Неведомые обитатели не спешили появляться на белый свет, они прекрасно понимали, что такое девятка драконов в безоблачном небе, и отнюдь не рвались предложить некроманту честный бой.

Уши Фесса словно заложило ватой. Он слышал тяжёлое дыхание Аэсоннэ — не настоящим слухом, мысленным. Драконица словно пробивалась сквозь нечто незримое, упругое, нехотя рвущееся под напором бронированной груди и мощных крыльев.

Сперва Фесс считал обороты спирали, но очень скоро бросил это безнадёжное занятие. Рысь закладывала одно кольцо за другим, однако дно Ямы совершенно не приближалось, проклятый туман висел и висел себе, дразня одновременно и близостью, и недоступностью.

Некромант поднял взгляд — и разом понял, о чём предостерегал его старый дракон.

Ему показалось — он заперт в бесконечном туннеле, он спустился чуть ли не к самому сердцу земли, и далеко-далеко вверху слабой, почти неразличимой точкой виднеется небо, а в нём — едва заметное мельтешение каких-то крылатых фигурок, таких крошечных и ничтожных по сравнению с торжественной мощью подземного царства. Нек-

романт и драконица очутились словно в середине исполинского кокона, и то, куда они стремились, по-прежнему окутывал туман, ехидно дразня мнимой близостью. Живая, струящаяся вода не помогала, как надеялся Фесс. Чёрная яма и её незримые обитатели быстро высасывали из потока всю магию, какую только могли, и вниз по жёлобу струилась мёртвая, опустошённая влага.

«Так вот что значит «сухая вода», — смятенно подумал некромант.

«*Папа?* — Рысь мгновенно почувствовала его беспокойство. И вдруг, безо всякого перехода: — *Я устала, пап».*

Никогда прежде неукротимая драконица не признавалась ни в чём подобном, да ещё и так спокойно, едва ли не равнодушно.

— Рыся, что с тобой?

«*Уккарон высасывает из меня жизнь. Он просто вампир, папа. Повернём назад!»*

— Вампир?! Что ж, оно и к лучшему. — Фесс для верности закрыл глаза, заставил погаснуть весь окружающий мир.

Не обращать внимания на трусость, внезапно поразившую обычно бесстрашную драконицу. Она ведь продолжает лететь, вперив взгляд в чёрные каменные копыя на самом дне, что никак не желает приближаться. Это просто Чёрная яма подала наконец голос. Скромно напомнила, что шутить с ней всё-таки не стоит, не нужно лезть так уж нагло и напролом. В конце концов, она, Чёрная яма, никого не преследует и не затаскивает к себе силком.

Кольцо драконов в далёком небе. Восемь, только восемь, и полной силы ему не достичь.

Мы обязательно долетим, не можем не долететь.

А кокон закрывается, и последний проблеск неба остался лишь в драконьем хороводе, спасибо Чаргосу, Сфайрату и остальным, они не дали западне захлопнуться.

...Бродячие камни появились беззвучно, со всех сторон, просто выступили из тьмы непроглядных нор, сунулись в молчаливый поток, пересекли его и замерли на самом краю жёлоба. Похожие друг на друга каменюки,

вытянутые, заострённые к вершине, словно колья в частоколе, грубо и неровно вытесанные. Незримые глаза уставились на некроманта, ему показалось — он даже слышит скрип, словно ворочаются тяжёлые мельничные жернова.

«Папа, давай прямо вниз, а? — жалобно попросила Рысь. — Ну что мы тут кружимся, чего накрутить хотим?»

— Вода — какая-никакая, а защита. Ей ведь едва ли по нраву то, что с ней творят в этой ямине, — отозвался Фесс. — Держись над жёлобом, дочка, пожалуйста...

Драконица осталась явно недовольна, но не стала и спорить.

Дно же тем временем приближаться явно не собиралось.

Ну что ж, значит, обряд придётся творить прямо здесь, на спине летящего дракона. Тут не вычертишь магическую фигуру, значит, не станем стонать и заламывать руки, а обойдёмся иными средствами.

Они скользят над мёртвою водою. В Уккароне, конечно, что-то есть от вампиров — однако лучше уж сосать незримую кровь текучего начала, чем громоздить гекатомбы жертв. Стекающая по жёлобу субстанция, которую так и хочется назвать «трупом воды», тем не менее помнит себя и совсем другой. В ней кипела жизнь, её пронизывали свет и магия, и самые причудливые существа резвились в её толще. Всё пропало, и нет дороги назад, даже лёгким паром, только вперёд, под плотную пелену сизого тумана; я понимаю твою боль, вода, и хочу тебе помочь.

Некроманты редко прибегают к стихийной магии, тем более — к магии воды, изначально противостоящей неуспокоенным. Заклятья позволяют зачерпнуть сил у одного из первоэлементов, но потом не жалуйся, чародей, что мертвяки получились не те, что надо, с отваливающимися руками-ногами и головой, то и дело норовящей скатиться долой с плеч.

Вода ответила, слабо, едва различимо. Но отозвалась она сразу, не словами, не мыслями, но горьким холодом впустую потраченного могущества. Она не могла повернуть назад, в отличие от Фесса. Ей предстояло лишь по-

корно опускаться всё глубже, отдавая самое себя засевающей где-то под туманной пеленой сущности, тому самому Уккаруону, и тот, кто встанет против невидимого вампира, будет вправе распорядиться всей мощью водной стихии.

Ещё одна ловушка, подумал Фесс.

Бродячие камни десятками и сотнями сползали за его спиной в поток, тесной гурьбой валили следом, тихая до того вода плескалась и переливалась через края жёлоба, рассыпая жемчуга устремляясь вниз, словно решившийся на самоубийство, поскольку уже нет больше сил терпеть вечный ужас.

Капли навывлет пробивали сотканный из тумана панцирь, исчезали в беззвучии; вода и камень катились следом за описывающим пологую спираль драконом.

Наступает миг риска, тот миг, ради которого некромант явился сюда.

Уккарон поистине многомудр. Он возвёл почти идеальную защиту. Недоучёл он только одного.

Магия удержит седока на спине бешено мчащегося дракона, это так. Но лишь до того, как сам наездник не решит, что эта защита ему не требуется.

Стараясь, чтобы в мыслях царила полная пустота, глухая и серая, некромант бросился вниз головой, стараясь не угодить в жёлоб водовода.

Аэссоннэ взвыла так, что шарахнулись к стенам даже бродячие каменные глыбы; взвихрилась белая пена. Драконница сложила крылья, камнем рухнула вниз — и осталась там же, где была, словно её не пропустил мигом сгустившийся воздух.

...Фесс не успел испугаться, и «вся жизнь его» не «промелькнула перед его взором». Он понял секрет Уккарона. Ошибся ли он, или нет — уже неважно, здесь, на дне Чёрной ямы, он всё равно успеет сказать всё, что должен, пусть и проваливаясь в Серые Пределы.

Резануло лицо, обожгло — а туман вдруг оказался совсем рядом, и ещё мгновение спустя, когда страх не успел даже вырвать предсмертный вопль из лёгких некроманта, Фесс рухнул в воду.

Ледяная вода обжигала почти как пламя. Некромант

оттолкнулся от дна, рванулся вверх сквозь зеленоватую толщу, окружённый облаком пузырьков. Вырвался на поверхность, встряхнулся — и увидел клубящуюся на краю водоёма тёмную тучу, разрезанную прямо посередине алой щелью зубастой пасти.

Сахарно-белые клыки казались очень неприятно-вещественными, по сравнению с призрачными очертаниями «тела» Уккарона. Туча колыхалась, словно под ветром — перед некромантом несомненно был призрак, правда, пасть таковой отнюдь не казалась.

Клубистая туча с громадным зевом — именно так изображали Уккарона на обрядовом кинжале некромантов¹.

В несколько гребков Фесс достиг края, подтянулся, повалившись на чёрный камень, и тот мгновенно потеплел, словно в самых лучших термах ещё старого Мельина.

— Ты прошёл. Ты можешь говорить, — сообщил басовитый, низкий голос, тот самый, что обращался к Фессу с непонятным «призови нас».

— Да, это был я, — сообщил призрак Уккарона. — Мы знали, что понадобится тебе. Хотели помочь и подсказать.

— С-спасибо... — выдохнул Фесс. От камня шло блаженное тепло, некромант поспешил избавиться от мокрой одежды.

Фигура сотворённого Уккароном призрака — или самого Уккарона? — колыхалась в нескольких шагах, появившиеся откуда-то бестелесные рукава хаотично мотались, словно у бумазейного клоуна под сильным ветром. Голос у привидения исходил, как и положено, из огромной пасти.

— Как ты догадался, что нужно сделать, Неясыть?

— Чёрная яма отторгнет любого, кто ступит в неё с оружием или с мыслями о том, что может прорваться силой. Молодого дракона Чаргоса спасло лишь то, что он не имел в мыслях ничего дурного, кроме лишь любопытства да собственной удачи. Вода умирает в Чёрной яме, но и её смерть неокончательна, поскольку Яма не переполняется. Значит, есть надежда даже и после такого конца. Следовательно, чтобы пройти Яму и достичь дна, надо пройти

¹ См. роман «Рождение мага», с. 157.

сквозь собственную смерть. Как только я понял это, то шагнул с дракона вниз.

— И не воспользовался магией водяной стихии. — Уккарон не спрашивал, он утверждал.

— Не воспользовался. Это простейшая ловушка, приманка для начинающих стихийных магов, очень гордящихся своей силой. Яма наверняка обратит направленный в неё удар против самого ударившего.

— Всё верно, — удовлетворённо заметил Уккарон. — Мы ждали тебя, Неясыть. С того самого мига, как ты впервые занял у нас силы, мы знали, что ты придёшь сюда.

— К Яме?

— Конечно. Отправляясь на поиски Тёмной Шестёрки, ты мог отталкиваться только от одного — Уккарон обитает в Чёрной яме, и он единственный, о ком известно, где его логово.

— Ты очень гладко изъясняешься, владыка, для того, о ком...

— Говорили, будто он полуразумная сущность? Такие слухи — лучший щит. Мои собратья вынуждены скрываться. Я — нет. Кому и зачем связываться с таким, кто не в силах ничего понять? Нам всем пришлось надеть личины. Эта — не хуже остальных.

— Но те, кто действительно хотел знать... они могли и дознаться.

— Верно. И потому мне приходилось на самом деле впадать в беспамятство. Становиться тем, кем я прослыл. Это нелегко. Но ещё труднее держать себя так, как я сейчас, и говорить с тобой тоном имперского ратора.

— Ты знаешь и о них, великий Уккарон...

— Моё величие в далёком прошлом, некромант Неясыть. Но, поскольку ты добрался до нас, надежда появляется.

— Остальные пятеро так же красноречивы?

Послышалось что-то вроде усмешки.

— Нет. Мы не говорим привычными тебе словами. Мне пришлось потрудиться, чтобы стать понятным тебе. Остальным не сделать и такого.

Возникла пауза, и Фесс невольно поднял глаза — Рысь

всё ещё падала, сложив крылья, и не могла опуститься даже на волос.

— Покорнейше прошу дать свободу моей дочери. Она не причинит урона.

— Нет. Замки Чёрной ямы отомкнуть не так-то просто. Твоя дочь останется там, где сейчас. Свободу она получит, когда закончится наш разговор.

— Хорошо, — не стал спорить некромант, вновь растягиваясь на блаженно-тёплых камнях. — Тогда я скажу, зачем пришёл...

— Призвать наконец-то Тёмных богов. Принять свою судьбу и предназначение, — нетерпеливо перебил Уккарон.

«Опять пустые словеса, — досадливо подумал некромант. — Судьбы, предназначения...»

— Нет ни судеб, ни предназначений, Уккарон, — твёрдо сказал Фесс, глядя в колышущееся чёрное «лицо» призрака, туда, где следовало бы находиться глазам. Смотреть на белоснежные клыки оказалось не слишком приятно. — Есть лишь сотворённое нашими руками. Я хочу очистить Эвиал от скверны, которой почитаю Западную Тьму. Сущность, укравшую обличье и речи Тьмы истинной, породившей и вас всех...

— Нас породила не Тьма, — перебил Уккарон. — Она — наша мать и кормилица, но вышли мы из утробы мира, оплодотворённого дыханием Того, чьё имя неведомо никому, даже этому Спасителю, что явился как-то раз сюда — судить и рядить.

— Речь не о Спасителе, великий. Речь о Сущности, именуемой «Западная Тьма». Я хочу покончить с ней, и я с ней покончу. Тёмная Шестёрка — мой единственный настоящий союзник.

— Ты хочешь, чтобы мы пошли с тобой на запад, — призрак кивнул.

— Хочу. Будет жестокая драка, но у меня — Аркинский Ключ, что откроет нам дорогу к Сущности, поможет одолеть защищающий её сейчас барьер...

— И что потом? — вновь вставил Уккарон. — Мне ведомо, что Спаситель со своей свитой некогда ставил эти

барьеры, запирали на крепкие замки. Ты обрёл ключ, некромант, это великая победа, не спору. Но что нас ждёт за барьером?

— Драконы задавали мне тот же вопрос, Уккарон. Я на него не ответил. Прозреет ли великий Тёмный причину, по которой я поступил именно так?

Некоторое время призрак молчал.

— Изречённое будет подхвачено, — наконец проговорил он. — Даже отсюда, из Чёрной ямы, отзвуки разнесутся очень широко. Ты хочешь, чтобы мы просто поверили тебе. Что ж, мы не люди, нам проще. Но это смогут решить только Шестеро, никак не Один.

— Я хотел узнать в Чёрной яме, где искать остальных...

— Тебе это не потребуется. Остальные вскоре будут здесь. Нет, поистине тебе удалось неслыханное, некромант. На твоей стороне — девять драконов-Хранителей, Тёмная Шестёрка. Такой армией не мог похвастаться даже Эвенгар Салладорский.

— Ты можешь что-то рассказать мне о нём, великий?

— Нет, — отрезал Уккарон. — Кроме одного. Он не Тёмный маг.

— Вот так, — только и смог сказать Фесс. — Автор знаменитого трактата «О сущности инобытия», основатель Школы Тьмы — и не Тёмный маг?

— Конечно. Школа Тьмы — где она?

— Птенцы...

— Птенцы Салладорца — несчастные, пошедшие ради него на смерть, — возразил Уккарон. — Это никакая не «школа». И заклинания, им использованные, не из Тьмы. Уж в этом ты можешь нам поверить.

— Если не из Тьмы, то откуда?!

— Есть много слов и много названий. И они все смешаны. Мы, Древние боги, прикованы к нашему миру, нам дано прозреть его окрестности, но взгляд наш затуманен. Я нахожу отголоски понятий в твоей памяти, прости, но иного источника у меня нет; среди тебе подобных одна из этих сил именуется «хаосом», о других же вы просто не подозреваете и потому не имеете для них должных слов.

Мы тоже знаем о них мало, почти ничего. Кроме лишь того, что они есть.

— То есть сила Эвенгара — заёмная? Сам он — ничто? — с надеждой спросил некромант.

Призрак сделал движение, точно намереваясь показать отсутствующей у него головой, тонким шёлком на ветру заколыхался туманный абрис.

— Если б он был «ничто», никакие силы не обратили бы на него внимание. Или, вернее сказать, он сам не смог бы докричаться до них. Однако ж докричался. Значит, есть чем.

— А три твари в его гробнице? — вспомнил Фесс. — Великан, дуотт и...

— Три силы, его поддерживавшие.

— Салладорец много вещал мне о «трансформе Эвиа-ла», об «очищении его от людей», о «новой форме бытия»... Великий, где он лгал?

— Ты считаешь Изначальную Тьму слишком могущественной. Не забывай, что случилось с нами после Первого пришествия. Мы, Древние, едва пережили кошмар Молодых Богов, тех, кого ты назвал бы Падшими; но Спаситель оказался ещё хуже.

— Разве ваши рати не были разбиты ещё до Пришествия? — удивился некромант. — В сто двенадцатом году до Него, в Аррасе...

— Нет нужды напоминать! — взревел Уккарон, и полсотни кинжалов в его пасти выразительно клацнули. — Да, нас тогда опрокинули. Мы — и другие Тёмные — проиграли битву, но не войну. Окончательно нас сломил только Спаситель. Ни титаны, ни пятиноги не совладали с нами и принуждены были оставить честолюбивые замыслы. Но Спаситель... он повёл против нас вооружённых не магией, но верой. И победил.

— В Истории Пришествия нет ничего подобного!

— И быть не может. Нас одолел не Он, а его апостолы. Впрочем, это ты уже знаешь.

Фесс знал. Память услужливо хранила всё необходимое ещё со времён Ордоса. Вот уж не думал и не гадал, когда оно потребуется!

— Наш разговор легко может сбиться и уйти в сторону, а время дорого, — напомнил Уккарон. — Мне нелегко удерживать эту форму.

Фесс вздохнул. Перед ним оказался живой свидетель всех эпох Эвиала, тот, кто смог бы рассказать и о Спасителе, и о Сущности, и о Храме Мечей, и о Салладорце... а вместо этого приходится говорить совершенно о другом. Вопрос остаётся.

— Ведомо ли тебе, о великий, имя инквизитора Этлау?

— Ведомо, — громыхнул Уккарон. — В нём слились три силы. Западная Тьма, именуемая тобой Сущностью, Спаситель и третья сила, слов для которой ты не имеешь. Но это те же, что помогали Эвенгару.

— Ничего не понимаю, — простонал Фесс, хватаясь за голову. — Как могут одни и те же начала помогать смертельным врагам?

— Отчего же нет? — рассудительно заметил собеседник некроманта, и жуткий зев хищно задвигал челюстями, отнюдь не призрачными, в отличие от остального «тела». — Парус может не стоять строго по ветру, но корабль будет двигаться туда, куда нужно капитану. Право же, аллегория не сложна.

— Но если ветер дует прямо в нос, ни один парусник не сможет идти против него!

— Против — конечно, не сможет. Ему придётся лавировать. Но в конце концов он доберётся до цели. Так и здесь. Борющиеся за Эвиал заключают союзы, потому что ведут войну во множестве иных мест, а наш мир — лишь одно из бесчисленных полей для битвы. Помогать смертельным врагам — тоже понятно, потому что и ты, и Эвенгар, и Этлау — разрушаете сложившийся миропорядок. Каждый рубит дерево со своей стороны. Но рубит.

— Не проще ли рубить всем с одной?

— Мир — это всё-таки не дерево, некромант. Не надо так уж сильно увлекаться аналогиями, — в голосе Уккарона послышалась досада. — Вспомни, что Сущность помогала и тебе, и Этлау, когда вы сошлись у стен Чёрной башни. О чём, по-твоему, это говорит?

— Она выбирала лучшего. Того, кто более достоин, с Её точки зрения, стать Разрушителем.

— Верно. Но не до конца. Выбирался не только Разрушитель, выбирался и путь, коим пойдёт это разрушение. Однако... — вдруг заколебался Уккарон, — когда мы, Шестеро, говорили между собой о вашем поединке, Зенда сказала, что чувствует ещё и третий слой. Ваш бой был выбором Разрушителя, выбором пути для него... но не только. Зенде показалось, что вас поддерживали по-разному. Одна и та же Сущность, но — по-разному. Мы не смогли дознаться большего.

Фесс некоторое время молчал, лёжа на тёплых камнях и глядя в чёрное небо, стянутое, словно верх замекампской степной юрты. Кольца драконов почти не видно. Уккарон сказал сейчас нечто очень, чрезвычайно важное. Древний сделал тот шаг, что никак не получался у самого Фесса, несмотря на то что через пропасть незнания перебросили достаточно мостков. Хрупких и слабых, однако он не воспользовался ими, предпочитая оставаться на привычном и знакомом краю.

А почему ты, собственно говоря, решил, что Сущность — едина и неделима?! Да, конечно, мы всегда начинаем с целого и лишь потом пытаемся понять, из чего же оно состоит. Но разве тебе не подбрасывали подсказку за подсказкой, кои ты высокомерно игнорировал?!

Некромант едва не замычал от стыда.

Да, Сущность вела хитрую игру. На первый взгляд всё правильно: выковывается Разрушитель, тот, кто позволит Ей овладеть всем миром. Но потом...

Эгест, деревенька Кривой Ручей. Несчастливая ведьма, ещё одно слепое орудие, так и не понявшая, кто играет ею. Заклятие Фесса, едва не отправившее его в Серые Пределы. Сущность, тогда ещё прикрывающаяся именем «настоящей Тьмы», обращается к нему с выпренной речью¹. Призывает «прийти к ней», чтобы «управить этот мир ко всеобщему благу». Всё как и следовало ожидать, лучшие

¹ См роман «Странствия мага», т 1, с 178—179

Разрушители — те, что берутся за это дело, полагая себя всемерно правыми. Но потом...

«Эвиал — мир, где я не могу оставаться сама собой. Мне приходится действовать». Намёк, который, быть может, не так легко прочесть, однако он же, встроенный в цепь, обретает своё истинное значение.

Что значит «мне приходится действовать»? Если Тьма заявляет, что стремится ко всеобщему благу, то почему «приходится»? Если Она действует по собственному убеждению, если добивается «выстраданных», как бы нелепо ни звучало тут это слово, целей, то ни о каком «принуждении к действию» говорить нечего. «Я не могу оставаться сама собой» — вот главное, что было скрыто в Её словах. То, что в ней — «океаны сознаний», — всё оттуда же, от необходимости сказать будущему Разрушителю то, что его почти точно отвратит от подобной участи. Ну кому же охота — если он, конечно, не птенец Салладорца — «сливаться с Тьмой» и умертвлять собственное «я»? Кому-то, быть может, и охота, Эвенгар набрал несколько десятков последователей.

«Этот мир — мое вместилище. И я не могу допустить его разрушения».

Это тоже сказала Сущность. А Фесс вновь ничего не заметил, не услышал и не почувствовал. Ну, пусть в тот миг его сковал ужас, начисто отбивший способность сообщать, но потом-то! Сколько раз он вспоминал по слову весь тот разговор — и слышал в нём лишь то, что хотел слышать.

«Ты сам можешь судить об этом — по тому, что вырывается сейчас в мир и с чем тебе приходится сражаться».

С чем тебе приходится сражаться. Тогда он решил, что это ложь — ведь кто, как не Сущность, управляет всей неупокоенностью Эвиала?

Но разве была какая-то *система* в том, на каком из погостов начинали зреть костяные гончие и драконы? Разве кто-то *управлял* этим? Самый бестолковый, но привычный к делу войны эгестский барон лучше бы управился с солдатами-зомби и добился бы с ними куда большего.

Сущность *могла стать* и *была* источником, первопричиной неупокоенности, тут ошибки быть не могло. Но в мир вырывалось действительно многое из того, что не имело к ней отношения. Например, тот же Червь, о котором Она пыталась предупредить некроманта задолго до Скавеллской битвы.

И Она ведь пыталась сказать что-то ещё, однако Фесс до сих пор помнил тот рывок, то заклятье Джайлза, что так вовремя вырвало его из той беседы, вернув в обыденный мир. Совпадение? Ну да, совпадение. Ему чуть было не сказали слишком многое. И впоследствии Она стала осторожнее. Куда осторожнее, но по-прежнему рассчитывала на сообразительность некроманта.

И потом, когда он дрался с призраками... Сущность словно нарочно давала ему советы, которым, Она прекрасно знала, он не последует. Ну, например, бросить деревенских жителей на съедение голодным тварям, подъятым заклятьем саттарской ведьмы.

Нет, с ним точно говорили *два* голоса. *Две* Сущности. *Два* начала.

Одно действительно пыталось сделать из него Разрушителя.

А вот другое упрямо о чём-то предупреждало. Упрямо, но, увы, тщетно.

Сущность спасала его — как на том памятном эшафоте в Кривом Ручье, когда Этлау всерьёз вознамерился спалить некроманта на костре¹. Сущность помогала ему — и *ничего* не требовала взамен. Весь яростный спор Фесса с самим собой — принимать или нет помощь от Неё — не стоил и ломаного гроша.

Почему так, отчего? Тогда некромант не стал угрожать себя поисками ответа. И, как оказалось, напрасно.

И, конечно, Скавелл. Когда он, Фесс, впервые понял, что борьба за Эвиал — это не «Кэр Лаэда, великий герой, против злобной и страшной Западной Тьмы», он не осознал другого, куда более важного, что пыталась втолковать ему та, что явилась на берег Кинта Ближнего.

¹ См роман «Странствия мага», т 1, с 296—297

А потом была Чёрная башня, карлик Глефа с лицом Фесса...

Некромант просил помощи. Получал просимое и одерживал победы. Кривой Ручей, Скавелл... он дрожал от ужаса, что вот-вот сделается Разрушителем, что ни в коем случае нельзя принимать Западную Тьму, однако же — и просил, и принимал, а с ним ничего не происходило. Сущность, или, вернее, её «второе Я» искусно вела его по узкой тропке, не давая сорваться в действительно гибельную бездну, не поддаваться тому, второму (или первому?) голосу, которому требовался настоящий, а не бутафорский Разрушитель.

Ну, а если вспомнить видение с воспаряющим в небеса фениксом, то и вовсе всё становилось ясно.

— Ты очень помог мне, о великий. — Фесс низко поклонился чудовищу.

— Разве? Пока ещё мы ничего не сделали, но остальные пятеро уже совсем близко, некромант. Чувствуешь их?

Разрезанное клыкастой пастью облако медленно повернулось. Фессу показалось, что границы Чёрной ямы раздвигаются, вбирая в себя всю беспредельность мира, и с разных сторон в неё, сопровождаемые, будто торжественной свитой, бродячими камнями, вступают пять теней, пять смутных обликов: Аххи, смахивающий на огромную распластанную кляксу, и в самом деле напоминавшую обликом огромного спрута, Сиррин, раскинувший скользкие по туману крылья, Шаадан надвигался тучей, под которой угадывались две пары по-слоновьему плоских ножищ, а спереди колыхалось нечто, и в самом деле могущее показаться расстроенным хоботом; Зенда и Дарра же, однако, ничем не походили на соблазнительных красавиц, изображённых на ритуальном клинке, — просто движущиеся пятна мрака, ничего больше.

Это шла древняя сила, свирепая и жестокая, где детские жертвоприношения — совершенно обыденная вещь. Сила, проигравшая последний бой, но и прихватившая с собой множество врагов, впитавшая их предсмертные вздо-

хи и сумевшая продержаться ещё много веков — пока не сочла, что настал удобный момент для мести.

Фесс низко поклонился Великой Шестёрке. Тёмные боги не ответили.

— Мои братья и сёстры не могут говорить с тобой словами, так, как я, — промолвил Уккарон. — Твоя речь им понятна не будет. Обращайся ко мне, как и прежде.

— Мне осталось сказать немногое, — развёл руками Фесс. — Сущность должна быть... — он запнулся. — Должна быть уничтожена. Или она нас, или мы её, третьего не дано. И даже вы, Древние Силы, не сможете отсидеться в своих убежищах.

Крылья Сиррина чуть шевельнулись, и некромант пошатнулся — в сознании вспыхнула череда образов, ярких, словно пронизанных гневом:

Чёрный вал, катящийся через Эвиал, оставляющий позади пустыню ослепительно белого цвета. И над всем этим склоняется, раздвигая руками небо, безликая фигура с перечёркнутой стрелой на груди.

— Великий Сиррин хочет сказать, что Спаситель как никогда близок к Эвиалу, — перевёл Уккарон.

Виски сдавило ледяными тисками — это надвинулся спрут Аххи.

...Море отдавало своих мертвецов. Нескончаемые шеренги тянулись по дну на запад, на запад, на запад, прямо к скальным основаниям Утонувшего Краба.

Зенда и Дарра словно бы обнялись — две тени слились вместе — а Фесс увидел множество заключённых в тесные огненные сферы фигур — и человеческих, и звериных, и ни на что не похожих монстров. Сотни и сотни их плыли над Морем Ветров, над Морем Надежд, сливаясь в сумрачных небесах Моря Клешней в длинные сверкающие цепочки.

— Наши братья, — просто сказал Уккарон. — Наши братья, втянутые в этот мир заклатьем Эвенгара Салладорского, или же тех, кто ему помогает, магов из-за предела эвиальских равнин. Древние силы, вырванные из собственных обиталищ, стягиваемые к Утонувшему Крабу.

— Вам известно, что там, великие? Почему этот остров так важен?

Фигуры задвигались и заколыхались все вместе, точно перебивая друг друга.

— Утонувший Краб — древнее и самое первое святилище Истинной Тьмы, — ответил Уккарон. — Мы сами построили его, мы и другие Древние, вставшие на ночную сторону. Мы приходили туда, и Она обнимала нас. Мы дремали, а Она напитывала нас собою. Мы расходились в разные стороны и шли к поклонявшимся нам народам, а Она оставалась. И была там всегда, до самого нашего разгрома. А потом на Утонувшем Крабе появились новые хозяева...

— Дуотты, — перебил Древнего Фесс.

— Нет, некромант. Те, кто жил тут до них, вчерашние враги. Титаны. Пятиноги. А потом к ним присоединились и дуотты. Все, кто потерпел поражение и оказался выбит из привычных земель и привычной же жизни. А если ещё точнее, те, кто поклялся отомстить, уже неважно чему. Просто отомстить всему и всем. Даже не вернуться к власти.

Но сейчас это святилище уже давно не свято. Вера тех, кто поклонялся нам и, в нашем лице — Великой Ночи, была пряма и проста, как лезвие меча. Она резала, да. Жизнь человека — ничто по сравнению с жизнью рода. Твой язык должен жить, а остальное — пустая суета. Святилище на Утонувшем Крабе было не для людей, для нас. Там творились истинные мистерии, ведь когда-то Древних в Эвиале было много, и Тёмных, подобных нам, тоже. Мистерии Утонувшего Краба давали нам силы. Они творили новых, подобных нам, хоть и меньшей силы. Тогда казалось, что Эвиал дарован нам навсегда. Мы ошибались. И заплатили.

— Что же сейчас на Утонувшем Крабе?

— Мы не знаем. И никто не знает. Святилище осквернено, извращено, усилиями захватчиков превратилось во что-то непонятное даже нам.

— А почему святилище было возведено именно там?

— В те давно забытые времена, когда Эвиал ещё не сделали закрытым миром, именно на том острове находился полюс, схождение всех магических линий. Великая животворящая сила нисходила к нам именно там, оплодотворяя пустые доселе равнины. Но потом настал день, когда небо стало дверью склепа, когда Эвиал закрылся.

— Кто же, кто это мог сделать?!

— Разве ты не понимаешь, некромант? Те, кто понял, насколько этот мир опасен. Те, кто ниспроверг наших гонителей, Молодых Богов. Те, кто *сейчас* правит нынешним бытием. Их двое. Два брата. Новые Боги. Во всяком случае, мы, Шестеро, считаем именно так.

— Чем же Эвиал стал опасен?

Уккарон вновь клацнул зубами.

— Здесь шла большая работа. Великая работа, некромант. Те, кто пал, подготавливали своё возвращение. Медленно, по волоску в зон. Они никуда не торопились, многому научившись после своего падения. Здесь должно было вызреть их оружие...

Сиррин вновь шевельнул крылами.

— Он напоминает, что в битвах богов никогда нет ничего одного-единственного. Подобных Эвиалу миров наверняка много, и в каждом происходит что-то своё. Быть может, потом что-то следовало перенести из одного мира в другой... мы не знаем. Истинная Тьма больше не разговаривает с нами, Эвиал закрыли от неё очень плотно, сквозь защиту просачиваются лишь самые слабые эманации.

— Какое же оружие должно было «вызреть» в Эвиале?

Собеседник некроманта широко разинул пасть, словно собираясь захохотать.

— Западная Тьма? Нет, нет, этого не может быть, потому что не может быть никогда!

— Нет. Она совсем иного свойства. Задолго до Первого пришествия...

— Но что же сдержало её тогда? Сфайрат говорил — «народ, первым пришедший в Эвиал». Но, — его вдруг обожгло догадкой, — первыми же были вы, Древние! Не титаны, не пятиноги — именно *вы*!

Молчание.

— Верно, — наконец произнёс Уккарон. — Мы были первыми. Потом наши труды изменил Спаситель. Как — не спрашивай. Мы в то время уже не имели прежней власти. Однако он добавил что-то своё... и отпорная стена продержалась ещё много веков. А оружие это, медленно вызревающее в Эвиале, — не что иное, как Кристаллы Драконов. И эту тайну знали только мы.

Фесс замер. Да... что-то подобное говорилось... намёки Сфайрата... Вейде... Салладорца... «Но такую же трансформу готовят и те, кто в незапамятные времена создавал Кристаллы Магии и приставлял к ним свирепых стражей¹». Эвенгар, похоже, знал истину.

А в библиотеке Чёрной башни, пока Фесс сидел там с Рысей, не нашлось ничего, что окончательно разрешило бы вопрос — кто, когда и зачем поставил Кристаллы в Эвиале? Только ли для того, чтобы управлять течением магии?..

...Но каков Сфайрат! Сперва утверждать, что не знает, кем и когда поставлены Кристаллы, потом заявить, что это, мол, страшная тайна. Какая может быть тайна, если у драконов — память крови?! И почему он, Фесс, до сих пор не выпросил всё у Рыси?!

Похоже, Уккарон читал его смятенные мысли.

— Драконы не ответили бы тебе. Те, кто поставил их на стражу, хорошо понимали, что без памяти крови не обойтись, но, разумеется, не могли выдать себя. Сфайрат не лгал тебе ни тогда, ни теперь. Он действительно не знает. Но понимает, что, если его память молчит, следовательно, это — действительно страшная тайна. Он и так выдал тебе слишком многое, только ты опять не сделал должных выводов.

— Но вы-то знаете точно? Наверняка? — с трудом выдавил из себя некромант.

— Мы видели, как ставились зародыши Кристаллов. Мы видели, как на них опустились драконы, заключившие сделку с Падшими Богами. Они опустились — и горы

¹ См роман «Война мага», т 2, «Миттельшпиль», с 229

стали расти, словно тесто в опаре. Эвиал был тогда ещё юн. Он вынес бы любого бога. Это теперь ступить в него для высших сил невозможно.

— Салладорец говорил правду... — пробормотал Фесс. — По желанию, с намерением или же по недосмотру, но правду. Поставившие Кристаллы готовят свою собственную трансформу мира. Чтобы обратить его в оружие... но тогда зачем такое правило, что Кристалл погибшего Хранителя взрывается? Разве это не риск для всего плана?

— Мы не знаем, что должно вызреть под Пиком Судеб и в других местах, — ответил Уккарон. — Быть может, достаточно лишь одного кристалла. Быть может, в оружие превратится что-то другое...

Аххи пошевелил щупальцами.

— Да, верно. Аххи говорит, что новые хозяева бытия не потерпели бы такого, тем более что, по его словам, бывали здесь и многое смогли бы заметить. Быть может, в Эвиал что-то должны были *доставить извне*, с тем чтобы...

Уккарон вдруг замер и только широко раскрыл пасть.

— Мечи, — спокойно сказал некромант. — Алмазный и Деревянный.

...Что, если весь Эвиал — ловушка именно для его Мечей? Задуманная и спланированная сотни, тысячи лет назад? Боги иными промежутками и не мыслят.

Ведь не зря же он очутился именно в Эвиале, не зря его жгли те шесть взглядов! И не зря ему подсунули именно этот мир, нет, конечно же, не зря!

...Всё было продумано с самого начала. И задолго до рождения самого Фесса. Им, составлявшим этот план, разумеется, было всё равно, кто вынесет Мечи из Мельина. Не так важно, и когда именно это случится: столетием раньше или позже — не такая уж разница для бессмертных. Но Мечи следовало доставить в Эвиал и только в Эвиал. Нет, стоп, одёрнул Фесс сам себя. Таких миров-ловушек может оказаться много. Падшие слишком хитры и опытны, чтобы полагаться на одну-единственную возможность. Мо-

¹ См. роман «Рождение мага», с. 9.

жет, и артефактов, подобных Мечам, много? Может, игра на самом деле ещё сложнее, чем кажется ему, Фессу?

Голова кругом идёт, да и только.

— Мы оба думали об одном и том же, — услышал некромант слова Древнего.

— Да, великий. Мы думали о Мечах, которые я, вольно или невольно, но принёс в Эвиал. Быть может, именно это и обрушило лавину.

...Фесс вспомнил лик Клары в гибельном облаке над Арвестом, словно играющие его судьбой силы решили лишний раз посмеяться над убогим смертным, пусть даже и наделённым кое-какими магическими способностями. А может, это Сущность подавала ему сигнал? *Та*, другая Сущность, другая её часть, что очевидно, хотя и прикрито, старалась ему помогать? Подводя к нужному Ей, но, тем не менее — помогая?..

— Не казни себя, Неясыть. Нам неведомо ваше понятие «судьбы», мы верим только в собственную силу, но сейчас я скажу — тобой управляли и твоей вины в случившемся нет. Цепь нелепых совпадений на первый взгляд — но и Зенда, и Дарра чувствовали за ней чужую волю. Закалённую небывалым поражением, отринувшую былые заблуждения и ставшую втройне опасной. Не для нас, для вас — людей, новых хозяев Эвиала и многих других миров.

Некромант машинально пощупал одежду — совершенно сухая — и принялся одеваться. Призраки равнодушно смотрели сквозь, позади них толпились бродячие каменюки. Стесняться некого.

— Что же нам делать дальше, Неясыть? — в упор спросил Уккарон. — Ты собрал нас, всех, кто способен бросить вызов Сущности и её подручным — как в Империи Клешной, так и на самом Утонувшем Крабе. Я понял, ты не произнесёшь задуманное вслух. Разумно. Я сам поступил бы так же. Но скажи, что нам делать!

Фесс запрокинул голову, вновь взглянув на кажущееся неподвижным кольцо драконов в крошечном просвете не-

ба. Несмотря на «бутылочность», на дне Чёрной ямы хватало света — ещё одно из бесчисленных чудес этого места.

— Как быстро вы сможете оказаться на Утонувшем Крабе?

Уккарон усмехнулся, почти как человек.

— Мгновенно, некромант Неясыть, как только того пожелаем. Думаю, ты сам догадаешься, каким именно путём, — Древний выразительно повёл нижней челюстью, словно указывая на струящуюся по жёлобу воду.

Ну да. Конечно же! — Фесс едва не хватил себя по лбу.

Великий Закон Равновесия, о котором так много толковали маски.

Если Утонувший Краб — осквернённое святилище Истинной Тьмы, то Она не могла не найти себе иного пристанища. И если в Чёрной яме бесконечно и бесконечно хоронят себя воды Тёмной реки, то где же они находят выход? Обратиться в пар и вознестись в небеса, туда, к вольностранствующим облакам, они не могут. Значит...

— Значит, у Ямы есть выход, — подытожил Уккарон, вновь «прочитавший» мысли некроманта. — И этот выход — именно там, на Утонувшем Крабе. Я, Уккарон, — храню его, не даю тварям, захватившим наш изначальный дом, прорваться сюда и проделать тут то же злодейство. Тёмная река отдаёт всю себя, чтобы мы держались. Когда настанет последний день, мы, Шестеро Древних, пройдем этим путём, чтобы сразиться. Славно сразиться и пресечь свою нынешнюю участь, жалкую и недостойную нас.

— Хорошо сказано, великий. Могу ли я пройти этим путём? Или же драконы?

— Нет, — не колебался Уккарон. — Дверь открыта для таких, как я, не для таких, как ты. Даже драконам, созданиям из плоти и крови, дороги здесь нет.

— Что ж, значит, отправимся, как думали и раньше. Но услышите ли вы, когда я вас позову — оттуда, с Утонувшего Краба?

На сей раз Уккарон ответил не сразу. Пятеро его сородичей взволновались, задвигались, призраки наплывали друг на друга, сливались и вновь разделялись, а бродячие

камни, словно в волнении, порывисто соударялись боками, так что в Чёрной яме будто бы забили боевые барабаны.

— Мы услышим, — наконец проговорил Древний. — Но смотри, некромант, призови нас непременно, но только, как сказали бы аэды, «лишь в миг отчаянной нужды», когда враг уже почти сломит и тебя, и твоих. Если ты не призовёшь нас — нам останется только угаснуть, без цели, пользы и смысла. Мы сейчас — словно ярко полыхающий огонь. Не подбросишь вовремя дров — пропадём. Так что помни о нас, некромант.

— Об этом не стоит говорить вслух, — резко бросил Фесс, однако Уккарон лишь ухмыльнулся и скорчил жуткую физиономию: мол, я всё понял, и ты тоже. Мои слова — для тех, кто слушает.

— Прощай, некромант. Надеюсь, мы с тобой никогда больше не встретимся, — напыщенно бросил Уккарон.

Фесс молча поклонился. Древний вновь говорил не для него, а для неведомых врагов с проклятого острова.

— Как мне выбраться отсюда? — коротко спросил некромант. — И мне, и... моей дочери.

— Камни понесут тебя, — последовал ответ. — Окажешься на спине дракона — лети вверх, пусть она покажет, на что способна, и даже больше того. Мы не в силах удержать всё, таящееся в Чёрной яме...

Девять каменных глыб, девять столпов в рост человека выступили из тумана, оказавшись рядом с Фессом, сами собой сложились в подобие помоста. Некромант осторожно ступил на него — даже сквозь подошвы сапог он чувствовал исходящее от каменных странников тепло. Они жили собственной жизнью, им словно и не было никакого дела до Великой Шестёрки и их странного гостя.

Помост стал подниматься, и Уккарона с его сородичами мигом скрыл плотный, непроглядный туман.

...Каменный помост плыл навстречу Рыси, растянувшейся в нескончаемом падении-полёте; глаза драконицы округлились, едва она заметила некроманта и его диковинный подъёмник.

Одно движение — и Фесс оказался на гладкой жем-

чужной чешуе; другое — расцепившись, каменные странники рухнули вниз, вдребезги расшибаясь о чёрные острия; некроманта и драконицу швырнуло вверх, крылья Рыси развернулись, упираясь в воздух — Аэсоннэ, ни о чём не спрашивая, рванулась навстречу кольцу сородичей так, словно за ней гнались разом и Сущность, и Спаситель, и те неведомые «третьи», о которых толковал Уккарон.

Река вскипела, каменные глыбы вылетали из пещерных зевов, так что Рыси пришлось вертеться юлой; несколько камней её всё же зацепили, однако драконица лишь шипела от боли да сильнее ударила крыльями.

Небо послушно разворачивалось обратно, восемь драконов кружились в дикой пляске: чёрные тени на фоне заката, — и первым навстречу Аэсоннэ успел её дед, Чаргос.

— Вернулись! — взревел старый дракон, даже не прибега к мыслеречи.

— Да, Чаргос. Теперь надо возвращаться на Пик Судеб. Наша последняя остановка.

Глава шестая

Сеамни Оэтаканн не бросилась ему навстречу, не обняла и не прижалась. В таких случаях говорят, что «на лице её жили только глаза», и это было чистейшей правдой. Девушка-Дану стояла у откинутого шатёрного полога, прижав раскрытые ладони к груди, и прожигала Императора взглядом ничуть не хуже взорвавшегося кристалла.

Правитель Мельина чувствовал кипящий в любимой ужас. Ужас, отчаяние, безнадёжность и безвозвратность. Ну да, конечно. Он ведь убил себя. То, что ноги ещё шагают, спина и плечи не согнулись, — ничего не значит. Нет больше Нерга, что мог бы помочь. Кровь сочится из всех пор на левой руке, сочится неостановимо. Яростное подземное пламя впиталось в тело, оно горит в сердцевине костей, странным образом замещая кровь в жилах Императора, но сколько ещё он протянет человеком, пока влага в венах не станет чистым огнём?

— Сеамни...

Вольные унесли неподвижную Сежес в соседний шатёр, к ней бросилась половина имперских медикусов — причём среди них затесался Баламут, попросту отпихнувший пару-тройку из них могучими плечами.

— Повелитель, — кашлянул Кер-Тинор. — Вам надо войти. Надо лечь. Пусть лекари...

— Целители тут ничего не сделают, Кер. Оставь нас. — И, неожиданно для себя, добавил: — Пожалуйста, капитан.

Вольный позволил себе совершенно немыслимое — медленно и словно с осуждением покачал головой, однако же отступил в сторону. Махнул рукой, и остальные императорские телохранители шагнули следом.

— Войдём, — внутри у Императора была только рвущаяся на части пустота. Рвущаяся от боли. С левой руки медленно срывались и падали на выстилавшие шатёр ковры крупные тяжёлые капли, тёмно-багровые, и в каждой из них правитель Мельина чувствовал живой огонёк — подземное пламя растеклось уже по всему телу.

— Ты... горишь, — медленно проговорила Сеамни, так же медленно поднимая руки и прижимая ладони теперь к щекам. — Гвин, Гвин, что же ты... Я же... Я не смогу пойти туда за тобой. Я не смогу! — выкрикнула она, падая на колени. — Ты... от меня... один!..

— Я никуда без тебя не пойду, — растерянno пробормотал Император, уже прекрасно понимая, что она имеет в виду. Жить ему оставалось совсем немного, но и обычной смерти он теперь оказывался лишён.

— Сейчас — нет, — не поднимаясь с ковров, прошептала Сеамни. — Но скоро — да. А меня туда не пустят ни сталь, ни яд, ни высота с водой. Я не могу умереть и пойти следом в Серые Пределы, Гвин!..

«Ну вот, и слёзы подоспели, — мрачно подумал Император. — Честное слово, в подземельях казалось куда легче».

— Это просто сказка, что в Серых Пределах все, кто любил в этом мире, встречаются вновь, — проговорил Император. Он никак не мог отрешиться, не считать мерно падающие на ковёр капли. — Там просто пустота, там нет ничего. Ни возмездия, ни награды. И никто ни с кем

не встречается. «Последовав за мной», ты просто переста-
нешь жить, ничего больше.

— Ты убил себя, — еле слышно проговорила Сеамни. —
Взорвал пирамиду, да. Задержал тварей Разлома, да. Но...

— Не просто задержал, любовь моя, — с каким же труд-
дом даются ему теперь эти слова! — Мы их остановили.

— Рухнуло только две пирамиды, Гвин. — Сеамни под-
нялась с колен, сжала кулачки, зло смахнула выступившие
слёзы. — Дай хоть руку перевяжем...

— Не поможет, — усмехнулся Император. — Забыла,
как сочилось тогда сквозь все бинты?

— Просто не могу сидеть и смотреть. — Сеамни отвер-
нулась, плечи вздрагивали. — Гвин... я говорю с тобой,
смотрю на тебя, а ты уже мёртв. И только теперь ты стал
без запинки говорить мне «любовь моя»...

— Сеамни, я сделал то...

— Знаю, «что должен был». Почему мужчины так жаж-
дут красиво умереть? И плюнуть на тех, кто их ждёт, кто,
быть может, наложит на себя от горя руки?!

Император опустил голову. Да, некогда он не стал ду-
мать об Империи. Сиганул в Разлом, потому что не мог
без неё, своей Сеамни.

— Пирамиды не рухнули, — он попытался сменить тему.

— Да, только две, — не поворачиваясь к нему, прого-
ворила Сеамни. — Муруно или что-то напутала, или про-
сто изначально ошиблась.

— Но эта пирамида... была единственной. Сколько мы
маршировали мимо Разлома — ни одна с ней не сравнит-
ся! Мы ощутили...

— И попали в западню, — ответила Сеамни. По голосу
чувствовалось — изо всех сил пытается не разрыдаться. —
Пирамиды не только питают Разлом и его тварей. Стирать
их с лица земли можно, но только дорогой ценой. И нет
на самом деле никакой «великой пирамиды». Это просто
приманка для таких, как мы. И... мы попались!..

Силы у девушки-Дану иссякли. Сеамни рухнула лицом
вниз и зарыдала в голос, уже не сдерживаясь.

...Император долго сидел рядом, гладил волосы цвета воронова крыла, и все слова просто увязали в горле.

Разлом справился с подземным огнём. Пирамиды не стало, но остальные стоят. И никаких сил не хватит, чтобы разрушать их одну за другой. Во всяком случае, не с одним легионом, считая вместе с гномами.

И надо точно знать, что творится сейчас в Мельине. Что с козлоногими? С баронами? С Клавдием и остальными легионными командирами, оставшимися в столице? Удалось ли им исполнить всё задуманное?..

Кровит рука. Капли падают и падают, словно в чудовищной клепсидре, отмеряя оставшиеся мгновения. И всё ближе тёмный ужас. Может, потому, что ты впервые понял, с какой силой столкнулся, Император? Это не мятежная Радуга, это не восставшие бароны, не вторгнувшаяся Семандра и даже не козлоногие — тех тоже можно убивать, и легионеры с этим неплохо управлялись. Эта мощь дышит тебе в спину, это куда страшнее смерти, потому что после тебя остаётся мир, люди, солнце — а эта сила грозит смести всё, не оставив даже пустоты. Когда Спаситель уже совсем было склонился над Мельином, даже он казался не столь страшным, потому что обещал — по крайней мере, так утверждала церковь — что-то *после*. Разлом не обещал ничего. С ним нельзя было договориться: откупиться, как от Семандры, уступить престол, как с баронами. Но даже Спасителя что-то сдержало, пророчества, которые так и не исполнились; Разлом же не сдерживало ничего, над ним не властвовали никакие законы. Он сожрёт весь Мельин, как только сможет. Пирамида же... да, она оказалась ловушкой. Если бы не белая перчатка, они с Сежес никогда бы не выбрались.

Стоп. Белую перчатку ему вручили козлоногие. Сейчас Император хорошо понимал, для чего. Простой человек, даже командуя всей армией Империи, не справился бы с Семью Башнями. Ему требовалась подмога, и ею стала эта самая перчатка. Но почему же ему *позволили* воспользоваться ею ещё и здесь, если эти пирамиды так важны для

истинных хозяев и архитекторов Разлома? Почему не отобрали, почему не лишили силы?

«Значит, то, что я сделал, — соответствовало их планам», — обречённо подумал Император.

...Сеамни словно услышала — приподнялась, вмиг оказалась рядом, обняла и прижалась.

— Я думал о перчатке, — тяжёлый шёпот. — О том, почему она до сих пор повинуетя мне. Ведь мы взорвали пирамиду. Ещё две рухнули. Почему нам позволили это сделать?

— А что, если убить тебя для *них* важнее, чем сохранить эти две-три пирамиды? — Дану не отрывалась от него, кровь пятнала подол длинного платья. — Что, если *они* не могут это сделать иначе?

Император покачал головой.

— Что им во мне? Я не чародей, я всего лишь правитель Мельина, оставшийся без столицы...

— Но не без армии, — напомнила Сеамни. — Легионы верны своему главнокомандующему.

— И?.. Козлоногих это не волнует. Они способны менять сотню за одного и всё равно вырвать в конце концов победу, — он вздрогнул. Становилось всё холоднее, Императора начинал бить озноб. Времени всё меньше, кровь капает и капает с белой кости, облегающей его левую руку.

— Нужен последний удар, — Дану чуть отодвинулась, взглянула Императору прямо в глаза. — Магия крови, мой повелитель. Никакого другого средства не осталось. Я отдам себя...

— Что?!

— То, что ты слышал, любимый. Магия крови, нашей с тобой. Сежес проведёт обряд.

Император ошеломлённо глядел на Дану. Тонкая, строгая, прямая. Пальчики правой руки держатся прямо за белую кость проклятой латной перчатки, нежная кожа испачкана алым.

— Я не поколеблюсь ни на миг, — медленно проговорил Император. — Если только моя жизнь действительно остановит вторжение. И не просто остановит — избудет

его навеки. Ведь Радуга пошла на это. Резали детей, ты ведь помнишь донесение Клавдия. И что? Разлом закрылся? Его магия исчезла? Нет. Просто остановилась. А уж на время или навсегда — никто сейчас не скажет. — Он повернулся к пологу, за которым остались Вольные: — Голубя к Клавдию. Немедленно.

* * *

— Молодой Аастер, Марий, верно? — Брагга грузно опустился в кресло, покрытое траченной молью мантией. Особняк достойного барона в самом сердце Белого города уцелел, счастливо избегнув огня; судебные приставы после мятежа Конгрегации и ответных проскрипционных указов Императора разогнали челядь и вывезли всё ценное — легионам требовалось платить жалованье, так что убранство пришлось собирать буквально с миру по нитке. Кресло под баронским сидалищем жалобно скрипело, и Марий готов был поклясться, что выглядит оно ещё хуже древней мантии.

Посыльные Брагги явились к Марию прямо в легионные казармы, не испугались. Конники, подчинённые Аастера, угрожающе сдвинули было ряды, кто-то хмуро осведомился, мол, куда командира нашего уводите? А в задних рядах выразительно скрежетнул клинок, специально потянутый из ножен именно так, со звуком.

Четверо дружинников в цветах новоиспечённого хозяина Мельинской Империи попятились. Не робкого десятка, они вдруг оказались в плотном кольце до зубов вооружённых людей, и эти люди явно не собирались уступать без боя.

Марию пришлось вмешаться, успокаивать своих, мол, всё хорошо, и он скоро вернётся, ведь благороднейший барон Брагга, конечно же, не имеет никаких дурных намерений, за него, Аастера, поручился сам проконсул Клавдий, и легионы получили твёрдое обещание, что никакой кары никому не будет...

Всадники нехотя расступились, и дружинники постарались ретироваться. Марий шёл посреди, словно аресто-

ванный, однако оружия у него никто не отобрал. Оставили ему клинок, и когда процессия ввалилась в обширную, явно наспех убранную прихожую. По стенам до высокого потолка осталось висеть несколько гобеленов — приставы, наверное, решили, что за древностью продать их достаточно дорого не удастся.

Зал оказался набит народом. Благородные нобили в кольчугах и при мечях; епископы в необмятых облачениях, явно достанных из-под спуда; полдюжины дам полусвета, расточавших ослепительные улыбки; и, конечно, стража. Возле каждого окна — по паре арбалетчиков, у каждой двери — четвёрка алебардистов. Брагга словно всерьёз опасался за свою жизнь.

На Мария косились, и притом неприязненно. Он ответил лишь тем, что повыше задрал подбородок, прошествовав таким манером через весь зал; за спиной злобно шептались, вернее будет сказать — злобно шипели. Молодого барона без задержек провели в малую залу — перед дверьми железной баррикадой застыли восемь рыцарей в глухих шлемах и кованых латах, словно Брагга не доверял собственным дружинникам.

— Молодой Марий Аастер, — повторил Брагга, в упор глядя на юношу. — Сын достойнейшего отца, подло казнённого кровавым тираном. Грациан был моим другом, тебе это известно, сквайр?

Сквайр. Вот оно в чём дело. Не «барон», даже не «баронет» — а «сквайр», то есть просто юнец благородного сословия, не заслуживший золотых шпор.

— Мне это известно, повелитель, — Марий счёл за лучшее низко поклониться.

— Тогда объясни мне, мальчишка, какого-такого ты делаешь на службе узурпатора?! — рывкнул Брагга, приподнимаясь с кресла и обдавая Мария брызгами слюны. — Почему ты не пришёл к нам, как только тебя отпустили?! Почему выполнял его приказы? Это предательство, так что я даже не знаю, смогу ли и впредь именовать тебя сквайром.

— Всё в воле всемогущего повелителя, — Марий поклонился ещё ниже. Возражать сейчас не имело смысла.

— Да, всё в моей воле! — рыкнул Брагга, окончательно заплевав юношу. — Могу отправить тебя на плаху за предательство Конгрегации и нашего дела! Могу отдать в мучения, чтобы ты заплатил за смерть благородных нобилей, без сомнения, убитых тобой и твоими головорезами!.. Могу...

— Смиренно предаю себя в руки милостивого и всемогущего владыки, — так, сейчас, пожалуй, лучше встать на колени...

...Кровь давно кипит, но не давай ей воли, Марий. Иначе и впрямь окажешься на колу, ну, или «красиво умрёшь» прямо здесь. Между ним и Браггой — пять шагов, по обе стороны нового хозяина Мельина — рыцарская стража, за спиной у Мария — полдюжины арбалетчиков. А есть ведь ещё и маги...

Вот к ним в руки попадать никак нельзя. Ни живым, ни даже мёртвым. Болтали, что у Радуги на допросах и трупы становятся разговорчивыми.

— Эта твоя поза нравится мне больше, — громыхнул Брагга. Неожиданно тон его изменился, став почти что отеческим. — Почему, нет, почему ты сдался, мальчик?

— Я-а... — Марий надеялся, что прозвучит это достаточно убедительно, — я очень испугался, всемогущий. Моего отца зарезали, угрожали казнить маму и сестрёнок... я не мог этого вынести. Я дал слово... но я никого не убивал, клянусь! Мы были разведчиками, это правда. Но и в бою-то настоящем мне ни разу побывать не пришлось, за исключением той битвы с козлоногими!

— Х-ха! Это ты теперь говоришь, мальчик. Хотя, конечно, если изувер грозит расправиться с твоей матерью, тут, наверное, кому угодно слово дашь. А потом? Почему ты оставался с ним потом?

— Я боялся... — еле слышно выдавил из себя Марий. — В замке — имперский гарнизон... если бы я бежал, они убили бы маму и сестричек...

— Честь нобилия превыше всего! — напыщенно провозгласил Брагга. — Но я понимаю тебя, сынок. Не всем дано

стать героями. Однако у тебя большой долг перед нашей Конгрегацией, ты это осознаёшь?

— Да, всемогущий повелитель. И готов служить ей всеми силами, невеликими, правда, ну да уж какие есть...

— Хорошо, — ухмыльнулся старый барон. — Раз готов служить, то и послужишь. Оставайся в легионах, выполняй все команды своего легата и проконсула Клавдия. Я дал слово, и все, кто сейчас марширует под знаменем василиска, — в полной безопасности. Но Конгрегация должна знать, не замышляется ли измена? Не задумал ли Клавдий недоброе? Ты понимаешь меня, мальчик?

— Я всё понимаю, великий! — Марий постарался воскликнуть как можно горячее и радостнее. — Я всё сделаю, всё, всё! Но... всемогущий... я могу рассчитывать, что...

— Служи Конгрегации верно, и я не оставлю тебя своими милостями, — торжественно провозгласил Брагга. — Я даже сделаю тебя бароном, если, конечно, ты окажешься достоин своего мужественного отца.

— Простираюсь ниц перед всемогущим. Но в замке Аастер по-прежнему стоит имперский гарнизон, а они верны свергнутому узурпатору...

— Гм-м-м.... да, верно. Но ничего. Благородные нобили, слышавшие всё это, разумеется, никому ничего не скажут. А у тех стрелков уши заткнуты воском, — Брагга расхохотался, довольный собственной выдумкой. — Ступай, молодой баронет. Надеюсь, ты оправдаешь моё доверие. Нет, не «надеюсь». Уверен. Потому что Марий Аастер не посрамит памяти своего благородного отца.

* * *

— Проконсул Клавдий, — молодой барон Марий Аастер с достоинством поклонился, хотя в жилах командира имперской армии не текло и единой капли «благородной» крови. — Всё готово.

— Тогда идём, твоя светлость. — Проконсул поднялся, поправил перевязь с мечом, надел шлем. — Знаю, не трусишь, не испугаешься. Потому у меня для тебя, барон,

есть приказание. Последнее. Верю, ты исполнишь его, как и положено настоящему легионеру.

— Я готов, проконсул, — Марий не счёл зазорным поклониться ещё раз.

— От Императора пришли вести. Он сделал всё, что в человеческих силах, и возвращается. Прежним путём. Тебе поручается встретить нашего повелителя. Возьми две сотни всадников и отправляйся на юг. Не думай сейчас о Брагге.

— Слушаю и повинуюсь, господин проконсул.

— Вижу, хочешь что-то спросить. Давай, барон, только быстро.

— Благодарю. Господин Клавдий... что я должен передать Его величеству?

— Соображаешь, парень. Ты должен передать ему вот это, — в руки Марию лёг небольшой ларец красного дерева, с оттиснутой в воске печатью самого Клавдия. — Доставишь в собственные руки, понимаешь, барон? А если нет — утопишь. Умереть можешь только после этого.

— Я всё понял, господин проконсул, — кажется, всё-таки слегка побледнел. — Большая императорская печать не должна попасть в чужие руки.

— Много рассуждаешь, барон. Ступай, тебе ещё всадников отбирать. Смотри, не ошибись.

— Я не ошибусь, господин проконсул. Но... можно всё-таки спросить...

— Ну, чего тебе ещё, господин барон?

— Ларец нашему Императору лучше отвезти не так. Не две сотни всадников, которым незаметно не выскользнуть из города, а двое или трое. В одежде простолюдинов. Ворота сегодня нараспашку, это верно, но три кавалерийские турмы — не иголка в стоге сена. Брагга насторожится. Может послать погоню. Две конные сотни — немалая сила, но, если нас окружают... да ещё и вмешаются маги Радуги...

— Ты думаешь, я этого не понимаю, господин барон? — Клавдий в упор взглянул на мальчишку, однако тот и не думал отводить глаз. — Брагга *должен* знать, что вы отпра-

вились на юг. Это очень важно. Большого не скажу, не жди и не проси. Ступай, ступай, барон. И смотри, не ошибись в людях.

— Не ошибусь, проконсул, — убежал. Совсем мальчишка ещё, но лихой. Он действительно или сохранит доверенное, или на самом деле утопит так, что никакая Радуга не выудит.

За дверьми крошечной оружейной — собственной оружейной господина проконсула Империи — Клавдия встретили командиры легионов.

— Всё готово. — Скаррон скрестил руки на груди. — Ждём команды, Клавдий.

Проконсул молча кивнул.

— Сегодня у нас коронация. Маги и бароны ликуют. Козлоногие стоят на месте и словно заснули.

— Потому что опять детишек резали, — мрачно бросил Гай. — Пахари разбегаются, кто куда.

— Ничего, — дёрнул щекой Публий. — Поглядим ещё, кто кого резать-то станет.

— А что, если тварей тех иначе и не остановить? — пробормотал Скаррон. — Тогда что?

Клавдий не ответил.

— Повелитель найдёт способ, — с неколебимой уверенностью заявил Публий.

Скаррон только покачал головой.

— Разболтались, господа легаты, — бросил Клавдий. — У нас есть дело. Остальное потом.

Пятеро воинов, облачившихся сегодня в парадную броню, шли через широкий двор легионных казарм, сейчас пустой и вымерший. У ворот — небывалое дело! — нет обычных часовых, а снаружи торчит два десятка баронских копейщиков в цветах Брагги.

«Надо же. Не доверил никому, поставил своих, — подумал Клавдий. — Заподозрил что-то, старый лис?»

Остальные командиры легионов, похоже, пришли к той же мысли, но шагать продолжали как ни в чём не бывало. На скалящихся дружинников никто даже не покопсил.

Ворота остались приоткрытыми. Краем глаза Клавдий заметил, как туда тотчас нырнула пара подозрительных личностей.

— Пусть идут, — сквозь зубы бросил проконсул.

— Мои хорошо постарались, — вторил ему Сципион.

Путь легионных командиров лежал через Белый город, пострадавший от тогдашнего пожара куда меньше Чёрного, кварталов бедноты. Опоясывавшая богатую часть Мельина стена уцелела, за исключением Кожевенных ворот, стертых до основания магическим ударом Радуги ещё в самом начале мятежа. Здесь уже всюду стояла баронская стража, наёмники в многоцветных накидках с гербами знатных мятежников. Клавдий окинул взглядом нарядные фасады, свисавшие с балконов гирлянды и флажки — победу Конгрегации приветствовали немало горожан из «благородного сословия».

На легатов косились. И расставленные на всех углах баронские дружинники, и многие жители. Но командирам четырех имперских легионов вместе с проконсулом предстояло сыграть важную роль в сегодняшней церемонии, и заступить им дорогу никто не решился.

Ближе к скале, на которой высился императорский замок, толпа сделалась совсем плотной. Каждый второй — наёмники Конгрегации.

Императорские регалии переданы Брагге. Как он и просил, тайно. Похоже, после этого вскарабкавшийся на мельинский трон барон решил, что Клавдий и его легаты заслуживают некоего доверия.

— Господин проконсул, — вынырнул угодливый служка, мажордом Брагги, сейчас забывший всю свойственную своему посту спесь. — Прошу сюда, господин проконсул. Господа легаты, вы тоже. Прошу.

Перед подъёмом на замковую скалу, возле орденских миссий, стоял старый собор, где испокон веку короновались мельинские Императоры. Собор возвели в незапамятные времена, по сравнению с новыми постройками он казался совсем невеличественным, его шпили давно не были самыми высокими в имперской столице, однако тут

лежали все до единого правители Мельина, даже если они умирали где-то в далёких краях. Места в небольшом соборе почти не осталось, гробницы стояли плотно друг к другу, так, что людям приходилось протискиваться между их чёрными боками. Клиз в торжественных облачениях собрался на широких ступенях, где перед дверьми собора, опустившись на колени, Императоры Мельина принимали корону — сперва из рук лучшего воина королевства (тогда ещё не именовавшегося проконсулом) как знак единения с армией; потом, по мере того как набирала силу Церковь Спасителя, первый меч уступил место первосвященнику.

Брагги не видно. Он со свитой выйдет из Чёрного города, пройдет насквозь Город Белый и только потом приблизится к ступеням и встанет на колени; начнётся долгая церемония, с перечислением великих деяний всех мельинских Императоров, походов и побед, возведённых городов и так далее и тому подобное. Торжественный молебен; возложение короны; и после этого слово нового Императора к народу. Объявления о милостях и вольностях, продиктованные Коронным Советом. Потом, после этой речи, Император замолкнет на год — власть следовало передать всё тому же Коронному Совету; но что на этот раз?

Ближе к собору горожан почти не осталось, даже из числа сочувствующих Конгрегации. Господа бароны выпотрошили сундуки, облачившись в гербовые парадные мантии, отороченные редкими мехами — поверх начищенных до блеска парадных же доспехов. Разошлись тучи, посветлело, залучилось и заиграло — добрая примета, немедленно зашептались вокруг легатов.

Пятеро легионеров, выслужившихся из самых низов, чьи отцы пахали, ковали, валили лес или рыбачили, стояли посреди разнаряженной толпы. Многие бароны, из ближних, успели вызвать семьи, молодые сыновья-сквайры ошалело крутили головами, наверное, сами не верили, что стоят у самого начала новой династии, в которой им, им и

только им достанутся отныне тёплые местечки и высокие должности.

С легатами и проконсулом никто не заговаривал, их словно не замечали. А они стояли, привычно, спина к спине, тесным кругом, и мало кто мог выдержать их взгляды. Клавдий и его товарищи не держались за эфесы парадных гладиусов, стояли, спокойно скрестив руки на груди, — и ждали.

...Засуетились махальщики на крышах, забегали, шныряя в толпе, факелоноши, под высокими шпилями зашлись в истерике малые колокола, большие ударят в тот миг, когда корона коснётся чела нового Императора.

Баронские копейщики осторожно — всё-таки тут весь цвет мельинского нобилитета! — раздвинули толпу. На очистившиеся мостовые полетели цветочные венки и букеты, хор мальчиков-послушников затянул нескончаемое хвалебное песнопение, восславляя Спасителя и прося Его благословить новое царствие.

По краям широкого ступенчатого подъёма ко входу в собор зажглись благовонные курильницы. Брагга не поскупился, наверное, отдал все запасы ароматических снадобий. К Клавдию вновь подлетел мажордом барона, прямиком шагающего в имперские правители:

— Господин проконсул, повелитель сказал спросить...

— Я всё помню, любезнейший, — старый рубака был сейчас сама вежливость. — Принять ларец. Открыть. Поднять корону, явить собравшимся сословиям. Сказать о верности легионов. Подняться по ступеням, держа корону обеими руками так, чтобы все видели, встать на колени перед его преосвященством архиепископом, вручить преподобному знаки императорского достоинства. Всё.

Мажордом не нашёлся, что сказать, только поклонился и тотчас исчез, словно втянулся в щель между камней, как это умеют только лучшие из слуг, уже забывшие, какво это — служить не кому-то, а самому себе и своей стране.

Забили барабаны, хор попытался состязаться с ними, взяв так высоко, что непривычным к подобному легатам резало слух. Нобили, их жёны, молодые сквайры, редкие

горожане, чудом пробившиеся к собору, — загомонили, словно ими же презираемое простонародье — в дальнем конце улицы появилась процессия.

Как велит обычай, барон Брагга ехал на ослепительно белом жеребце, со спины благородного животного до самой земли спускались бархатные попоны с вышитыми гербами самого достойного барона. Всадника окружала многочисленная стража, никак не меньше трёх десятков дружинников верхами, в полном вооружении и тяжёлой броне, так что бедные кони едва волочили ноги — видать, Брагга опасался арбалетчиков. Рядом с бароном, отставая на полкорпуса, ехал его сын, ещё чуть дальше — жена. Это было новостью — Императоры не слишком обременяли себя условностями браков, предпочитая наложниц, из которых и выбиралась та, что станет матерью наследника. Со знатными родами Империи те, кто ею правил, рождались, но не слишком охотно, прекрасно понимая, чем чревато появление у трона толпы жениных родственничков.

Следом, соблюдая важную чинность, вышагивали пешие — знатнейшие пары державы, столпы баронского мятежа, до которых у настоящего Императора, единственного, чьи приказы признавали Клавдий и его легаты, так и не дошли руки. В глазах рябило от многоцветных плащей и накидок, расшитых самыми причудливыми гербами — драконы сменялись вепрями и волками, морские змеи — медведями и тиграми.

Ни один из светских новоявленного Императора не пренебрёг доспехами, ни один не расстался с оружием. Берегутся, боятся. Что ж, правильно делают.

А вот и маги — позади всей свиты, двое в однотонных плащах. Ну, конечно, без них не обошлось, на такую удачу и надеяться никто не мог...

Где-то тут наверняка и серые, из тех, что остались в Мельине и пошли на сговор с Конгрегацией. Но и это сейчас уже не имеет никакого значения.

Процессия остановилась, двое служек бросились на колени перед Браггой, придерживая стремя; достойный барон неспешно слез с седла. Мальчишки-послушники

(и как только не охрипнут!) завели новое славословие, на сей раз — уже непосредственно ему, шагающему из простого баронства (графов, подобных Тарвусу, в Империи было мало) сразу на императорский трон.

Брагга торжествующе взглянул на проконсула, и тот поспешно опустился на одно колено.

Стисни зубы и помни, зачем всё это и для чего...

На ведущей от императорского замка дороге появилась ещё одна процессия, на сей раз — со внушительного вида ковчегом, что ташили на паре длинных шестов восемь носильщиков. В ковчеге — те самые императорские регалии, спрятанные истинным правителем Мельина и переданные Клавдием барону Брагге.

Да что ж так жарит это проклятое солнце?! Пот стекает по шее, спине, плечам, кожа горит под сталью; словно ты — не проконсул, отшагавший бесчисленные лиги в строю когорт, а изнеженный мальчишка-сквайр, только-только оставивший родовой замок и сделавшийся оруженосцем соседа-барона.

Распорядитель церемонии, по обычаю, старейший из баронов, «могущих сесть в седло и держать копьё», неловко переставляя ноги в явно тяжёлых для него доспехах, шагнул к опущенному ковчегу. Откинул кованую крышку.

На атласе засияла бесчисленными самоцветами императорская корона. Клавдий медленно протянул руки, осторожно коснулся начищенного золотого обода. Поднял венец над головой.

Четверо легатов немедленно встали по обе его стороны; проконсул начал медленно подниматься по ступеням. Брагга и его свита ждали у подножия.

Корону проконсул держал высоко, золото блистало ярко; и на душе у Клавдия было покойно, как никогда.

Вот и последняя ступень.

Клавдий останавливается, поворачивается и нескончаемый миг смотрит прямо в лицо Брагге. Потом поднимает корону ещё выше, так высоко, как только может, — и начинает речь.

Он говорит заученными фразами о верности легионов,

о том, что они — плоть от плоти Империи, что они — её разящая длань. Проконсул не мастер долгих и красивых речей, это известно всем, поэтому он не особо усердствует. От имени всех, кто носил латы и щит с изображением василиска, он клянётся в верности новому повелителю, и легаты, как один, повторяют его слова.

Печёт немилосердное солнце. И спастись от него можно одним-единственным.

Старческие руки архиепископа, все в сиреневых жилах и коричневатых пятнах, протягиваются к короне, слегка трясясь. Клавдий преклоняет колено и, опустив голову, вручает реликвию первосвященнику. Проконсул не слышит гула толпы, одобрительных возгласов — долго живи, Император!

Брагга медленно преклоняет колени, вновь поднимается. И так же медленно направляется вверх по ступеням.

Дрожат руки первосвященника.

Взор Клавдия словно прикован к процессии. Рядом с легатами появляется стража, но это уже ничего не изменит.

Брагга в одной ступени от архиепископа.

Слишком жарко, Клавдий. Слишком жарко. А воды нет и не будет.

И передовому легиону надо продержаться, пока не подтянутся главные силы.

Брагга опускается на одно колено. Склоняет голову.

Клавдий знает, что на него, бывшего проконсула Империи, смотрят сейчас и свитские в кованых доспехах, и оба мага Радуги, и невидимые серые, затерявшиеся в толпе.

Брагга оказался бы последним глупцом, поверь до конца ему, Клавдию Варрону.

Проконсул не шевелится. Неподвижны и остальные легаты. Гладиусы остаются в ножнах. Сжатые кулаки на виду. От командиров грозных легионов остались только имена.

Клавдий поймал торжествующий взгляд барона, становящегося Императором. Да, они унижены и растоптаны, несмотря на выторгованные условия. Кондиции ско-

ро разорвут — когда Брагга почувствует себя достаточно уверенно в Мельине, если, конечно, сюда прежде не явятся козлоногие. Но о тварях Разлома достойный барон сейчас явно не думает.

Светские глядят в склонённые затылки легатов с явным пренебрежением. Купил их Брагга, как есть, купил с потрохами.

И маги Радуги, даже если способны, не прочтут сейчас в мыслях Клавдия и его товарищей ничего изменнического.

...Проконсул не потянулся к эфесу парадного меча. Короткий засапожный нож, голенище совсем рядом с пальцами — Клавдию оставалось только сомкнуть их на твёрдой, нагретой солнцем и его собственным телом рукоятке.

Мир разорвался пополам, и дороги назад не стало.

...Барон Брагга облачился в полный доспех, словно для боя или турнира. Кольчужная рубаха, поверх неё — тяжёлая стальная кираса, высокий шлем, хауберк, юбка из железных полос, поножи и поручни, броня до кончиков пальцев. Однако гордость не позволила ему опустить забрало, да и обычай бы нарушить он не посмел бы тоже: народ должен видеть лицо своего повелителя. Торжествующий взгляд, брошенный на Клавдия, стал роковым: остроотточенный нож, которым, случалось, проконсул брился в походах, вошёл Брагге прямо под глазное яблоко, и барон опрокинулся, гремя бесполезным железом.

Легаты дружно вскочили, спина к спине и плечо к плечу, мечи выставлены; сжавшись ошестинившимся ежом, они бросились прямо на оторопевших свитских.

Ничтожный шанс выжить сохранится, только если они покончат с магами.

О наплечник Скаррона звякнул стальной дрот — серые тоже опомнились.

Второй убийца оказался поудачливее — остриё задело шею Публия, однако командир Одиннадцатого легиона только дёрнулся.

Клавдий видел перекошенные лица магов, их мечущиеся руки, вскинувшиеся посохи, и знал, что чародеи не

успевают. На долю мгновения, но запаздывают, и потому он...

Гай принял гладиусом молодецкий взмах баронского меча, левая рука с кинжалом мелькнула над щитом, тонкое лезвие вонзилось прямо в глазную прорезь глухого шлема; Сципион плечо в плечо сшибся с ещё одним свитским, смертельно рискуя — помогли опыт и быстрота, но биль пошатнулся, и легат страшным прямым ударом пробил кольчатый хауберк.

Товарищи прикрыли его, Клавдий оказался лицом к лицу с обоими магами. Он знал — ещё половина удара сердца, и воздух за его спиной вспыхнет испепеляющим пламенем; метательный нож остался торчать из-под глаза рухнувшего Брагги, и проконсул левой рукой выхватил длинный кинжал — в легионах эта мода держалась не один век, после отгремевших войн с Дану, мастеров изящного обоеручного фехтования.

Со всех сторон уже валом валили бароны, кто-то выл, орал и вопил. Толпа смяла даже серых, а чародеи безнадёжно опаздывали.

...Гладиус в руке проконсула надвое перерубил посох; волшебник отшатнулся, тратя последнее отпущенное ему мгновение, чтобы завершить заклинание. Легионерский меч вошёл тому в живот, и Клавдий провернул клинок в ране.

В этот миг воздух за спиной проконсула вспыхнул. Именно так, как он и ожидал.

Его швырнуло вперёд, прямо на баронские эстоки и бастарды. Рядом оказался Скаррон, плащ легата пылал за плечами, левая рука окрасилась алым; командир Девятого Железного легиона грудью принял размашистый удар, но доспехи выдержали, а его гладиус взял ещё одну жизнь.

...Второго мага зарубил Гай. Зарубил, но оказавшийся совсем близко серый тоже не промахнулся; легат схватился за горло и рухнул, захлёбываясь кровью.

...Обожжённый до полной неузнаваемости Сципион вцепился в убийцу, вгоняя пол-локтя стали тому под рёбра — удача серого кончилась.

...Публий отбивался сразу от троих баронов, отбил раз,

другой и третий, а потом, не щадя себя, рванулся в ближний бой, коротким и толстым мечом пробив нагрудную кирасу с гордо распылившим крылья золотистым орлом. Пробил — и сам свалился от удара сзади.

...Проконсулу Клавдию больше не было жарко. Он видел мелькание вражьей стали, парировал выпады и не думал о том, как выжить. Об этом они все достаточно рассуждали прежде.

Ещё три шага.

Взрыв.

Прямо перед ними мостовая разлетелась, словно в неё ударил чудовищный молот. Площадь окутали клубы дыма, и трое легатов, подхватив израненных Гая с Публием, слепо бросились в полыхающий жаром пролом.

...Нет, они не могли поступить иначе. Тоннель проходил слишком далеко от ступеней, и, взорви легионеры крышку, маги вкупе с серыми успели бы прикрыть Браггу.

...Клавдий упал на мягкое, вскочил — вокруг уже поднимались острия пилумов, Девятый Железный легион был готов отомстить за своего командира.

Нет, не зря, не зря он, Клавдий, столько раз сопровождал молодого Императора в его ночных вылазках по мельинским катакомбам! Вот и пригодилось.

Чьи-то руки тащили проконсула в черноту тоннеля, кто-то выкрикивал команды, защёлкали арбалеты, заставляя убраться самых смелых или же самых безрассудных нобилей; дело сделано, осталось вывести легионы прочь из города, предоставив Конгрегации рвать саму себя на части в поисках нового претендента на престол. Атаковать баронов? — нет, в городе когортам всё-таки тесно, куда лучше выманить тяжёлую рыцарскую конницу в поле и дать бой, как на Ягодной гряде.

Накатила запоздавшая боль, и проконсул бессильно обмяк на руках подоспевших лекарей.

* * *

— Я им этого не приказывал, — медленно проговорил Император, опуская руку со свитком. — Я не приказывал моим лучшим командирам идти на верную смерть!

Серебряные Латы и отряд гномов шли обратно на юг. Вдоль Разлома, как и прежде. Однако теперь белая хмарь в чудовищной трещине бушевала, словно море в яростную бурю, волны кидались на скалистые берега, брызги так и летели в разные стороны — однако под ними ничего не оживало.

Император старался держать голову по-прежнему высоко. Войско должно быть уверено — повелитель точно знает, как следует поступить.

Им оставалось только одно — возвращаться обратно, в Мельин. Без победы и без надежды.

— Однако они пошли, — буркнула Сежес. Волшебница оправилась поразительно быстро, но сейчас на бледном лице заиграла пара чахоточно-алых пятен. — Решили, что в этом их долг перед повелителем!.. И что в результате?..

— Результат не так уж и плох, — вставила Сеамни. — Брагга убит. Среди баронов неизбежна распря. Легионы вырвались из мельинской ловушки. Потери... терпимы. Один только Гай. Сципион, как докладывает проконсул, ранен, но выживет.

— Нет, дочь Дану, — чародейка не отвела взгляда. — Это лишь на первый взгляд. Бароны поняли, что пощады не будет. Что переговоры и данное слово — это лишь видимость, а на самом деле сторонники повелителя и не подумают сдержать обещание. Конгрегация теперь станет драться насмерть.

— Можно подумать, они до этого помышляли о сдаче, — парировала Сеамни.

— Нет, но среди них нашлись бы умеренные, те, кто не думал о смене династии, и вполне удовлетворился бы некими вольностями.

— Их бы ничто не удовлетворило, — неожиданно произнес капитан Вольных. Кер-Тинор говорил редко, но весомо. — Уступку и готовность договориться они воспринимают только и исключительно как слабость. Немногих разумных, неохотно примкнувших к восстанию, заставили бы замолчать, перекричали, облили презрением, заклеили бы трусами.

— Хватит об этом, — поморщился Император. — Сделанного не воротишь. Легионы отступают к югу, как явствует из донесения Клавдия. Нам ничего не остаётся, как со всем мыслимым поспешанием двигаться им навстречу. Им предстоит продержаться до нашего возвращения.

— Баронам, и главное Радуге, сейчас будет не до них, — посулила Сеамни. — Разлом бушует. Что-то дальше?..

— Вот именно, — холодно кивнул Император. — Что дальше? Наша надежда рухнула. Великая Пирамида оказалась блефом.

— Н-не совсем, — запнувшись, вдруг возразила Сежес. — После того как камень взорвался, я-я чувствую... что-то новое...

— У тебя прибавилось силы, чародейка, — невозмутимо заметила Сеамни. — Для глаз Дану это так же очевидно, как для человеческих — цвет твоего платья.

— А у меня? — не сдержался Император.

— У тебя — нет. Ты не маг, никогда им не был. Но... — Дану тоже заколебалась, — что-то... изменилось. Да, точно. Изменилось. Не знаю только, что...

— Кровь-то, она, как прежде, бежит, — проворчал нахмуренный и злой Баламут.

Кровь и впрямь сочилась каплями, собиралась на костяшках, тяжёлыми рябиновыми бусинами срывалась вниз; но прежняя слабость прошла, Император чувствовал себя даже лучше, чем до того, как нанёс роковой удар.

— Кровь новая, — Сежес бросила на него взгляд знатока. — Только что народившаяся, из костей вышедшая. Ой! — Она вдруг зажала ладонью рот. — Да что ж это я такое несу?! Откуда ж я такое взяла?!

— А ты меня внимательнее слушай, — съязвила Сеамни. Но глаза её вспыхнули, и на Императора она взглянула как-то совершенно по-иному — надеется, что теперь выживет? Пусть с кровью, постоянно текущей по левой руке, но — живой?

Однако какое это имеет значение, если не остановить Разлом?!

А как его останавливать? Магия крови, как советуют

Сеамни и Сежес? Но Клавдий доносит, что Радуга уже прибегла к человеческим жертвоприношениям. Зарезанных детей кидают в скирды, словно обмолоченные снопы.

Меньшее зло, да, Император? Меньшее зло? Сколько же детей умрёт на жертвенниках, чтобы только сдержать козлоногих, не пропустить их дальше?

Руки сами норовили подняться, стиснуть раскалывающуюся от тревоги голову. Он заставил их не шевелиться.

Поражение. Разгром. Несмотря на все одержанные победы, взятые или разрушенные пирамиды, их перебитых стражей, лопнувший кристалл... Уповать больше не на что. Разве что...

— Вытрясти всё, что они знают, — вслух закончил Император, сжимая правый кулак.

— Из кого, повелитель? — оживился Баламут. — Вытрясти — это мы, гномы, очень даже могём!

— Молчал бы, — фыркнула Сежес. — Тоже мне, палач-дознаватель нашёлся, а сам пленному и пузо не вскрыет!..

— Кто не вскрыет? Я не вскрыю? — возмутился гном. — Да я, государыня моя, чтобы ты только знала...

— Хватит, — остановила их Сеамни. — Давай я угадаю. Вытрясти всё, что знает Всебесцветный Нерг?

Сежес, Баламут и даже Кер-Тинор разом вытаращили глаза.

— Дочь Дану, — осторожно проговорила чародейка, — мы, Радуга, пробовали, и не раз. Разумеется, мы не ходили походами на их цитадель, но можешь не сомневаться...

— Серая Лига отказалась даже слушать о том, чтобы проникнуть в главную башню Всебесцветных, — напомнил Вольный. — Ни за какие деньги.

— То есть Нерг непобедим, их твердыня — неприступна? — глаза Императора опасно сузились. Все остальные собеседники слишком хорошо знали, что за этим может последовать.

— Можно сказать и так, — осторожно начала Сежес, — что никто и никогда *всерьёз* не пытался к ним приступить. Ордена Радуги между собой не воевали. Ну, а правители Империи... гм... в общем, понятно.

— А если мы — *приступим*? — напирал Император.

— Но, повелитель — зачем? — простонал Баламут. — Что это нам даст? Мы шли сюда, чтобы схватиться с тварями Разлома. Так и случилось, но открывшие его гады оказались хитрее. Из нашего мира эту напасть так просто не избыть! Я имею в виду, если оставаться только в нашем мире...

— Ты совершенно прав, гноме, — медленно ответил правитель Мельина. — Из нашего мира его не избыть. Но я хочу знать, *из какого можно*.

— А разве там, внизу... где уже побывал повелитель?..

— Нет, Сежес. Я думал об этом. Но в мире под названием Эвиал я не увидел ничего, хоть как-то связанного с Разломом. Возможно, мне просто не повезло; но как искать там что-то, когда у нас в Мельине сидят мятежники, а козлоногие грозят не оставить вообще ничего от нашего собственного отечества?

Император перевёл дух. В конце концов, у него оставался и ещё один выход. Он уже думал об этом и даже говорил. Собрать всех, кого возможно, — и покинуть Мельин. Разлом — это не пропасть, прыжок в которую губелен. Это просто дорога в другой мир. В Эвиале хватит места ещё сотням и сотням тысяч поселенцев. Люди и не-люди Мельина могли бы устроиться там. Пусть даже ценой войны с местными обитателями.

Он представил это себе — живой поток, льющийся прямо в белую муть Разлома; мужчины, женщины, дети... и скотина тоже? Повозки? Скарб? И всё это обрушится прямо в жаркие, влажные джунгли, где сам Император встретил вампира по имени Эфраим...

Правитель Мельина поёжился. Но такой хаос всё-таки лучше, чем всеобщая гибель. Правда, к Разлому теперь придётся пробиваться с боем.

— Здесь нам больше делать нечего, — отрывисто бросил Император. — Нужно возвращаться обратно в Мельин. Там я приму окончательное решение.

Никто не посмел ему возражать.

...Обратная дорога была хорошо знакома, и провиант

больше не экономили. Войско шло, не задерживаясь, чтобы устроить охоту или пополнить оскудевшие запасы. Миновали странное место, где добрый десяток пирамид стоял мертвым — их магия словно угасла.

Кто это сделал? Что за неведомые союзники нашлись у людей Мельина?

Сежес только разводила руками, Император же невольно вспомнил загадочный огненный росчерк, пламенную стрелу из мрака, сразившую козлоногого, когда легионы ещё только подступали к Разлому.

— К нам подоспела подмога. Вот только жаль, что они так и не показались...

— Да, повелитель, — почтительно поклонилась Сежес. — Но, быть может, у них имелись на это веские причины?

— Какие? — с тоской отвернулся Император. — И где их теперь искать, этих союзников?...

— Боюсь, владыка, что они окажут себя, если только сами этого пожелают, — осторожно заметила волшебница. — Искать их негде. Следы отсюда никуда не ведут. А у нас нет ни времени, ни достаточного провианта на продолжительные поиски.

— Тогда идём дальше, — решил Император.

Войско шагало. Что-то там сейчас в Мельине?..

* * *

Вновь извивается по ведущим на юг дорогам стальная змея, легионы Империи вновь шагают к морю, оставив в руках мятежных баронов главную драгоценность державы — столицу. С востока спешит Тарвус, и он уже недалёк — от него прилетают почтовые голуби. С запада пришла весть от повелителя — он тоже торопится. Ошеломлённая Конгрегация осталась с Мельином в руках, но без предводителя. Клавдий не сомневался, что нобили попробуют настичь его войско и вновь попытать воинского счастья — когда подойдут легионы Тарвуса, а командовать станет повелитель — часы мятежников будут сочтены.

Всё хорошо. А будет ещё лучше.

И мальчишка Марий Аастер тоже здесь. То, к чему го-

товился проконсул, отсылая паренька прочь с личной императорской печатью, так и не случилось. Он, Клавдий, остался жить.

Правда, у Шестого легиона теперь новый командир. Гай, старый друг, бывалый вояка, навеки упокоился на неприметном погосте, рядом со многими такими же, как он, центурионами и младшими легатами, вышедшими из простонародья; Гаю повезло чуть больше, он дослужился до первого легата. Не отходят лекаря и от Сципиона, но начальник Второго легиона должен выкарабкаться. Сам Клавдий, Публий и Скаррон отделались легкими ранениями, последние двое — уже на конях, Клавдия помяло сильнее, и проконсулу пришлось уступить настояниям целителей — улечься в лёгкую бричку.

И тем не менее они выиграли свой бой. Разменяли одного за одного (свитские, маги, серые — не в счёт!), но теперь, как доносят оставшиеся в городе прознатчики, среди баронов идёт яростная грызня — такого положения, как у Брагги, нет ни у кого, «прав» достаточно у двух десятков знатных фамилий.

Как что никуда они не денутся. Мятеж, можно считать, уже подавлен. И безо всякого геройства уличных боёв, где баронские дружинники сумели бы достаточно дорого продать свои жизни.

О козлоногих проконсул сейчас не думал.

Так, копыта. Ближе, ещё ближе — всадник летел галопом, и Клавдий с кряхтеньем приподнялся. Наверняка что-то стряслось.

— Проконсул. — Бричка катилась в середине Девятого Железного, и Скаррон старался держаться поближе. — Гонец от хвостовой стражи. Радуга вызывает на переговоры.

— Кого, меня?

— Тебя, проконсул, — командир легиона глядел сумрачно. — Скалятся, прохвосты. Постарались, чтобы нас нагнать, коней, видно, не жалели.

— Не жалели, — эхом откликнулся Клавдий. — А кого прислали?

— Троих. Аврелий Ксантий, второй легат, велел им ждать. Они, кстати, безропотно отдали посохи и не возра-

жали против личного досмотра. Аврелий ручается, что на них не осталось никаких амулетов или талисманов. Для верности он их даже связал.

— Надеюсь, у второго легата хватило ума не останавливаться? — проворчал Клавдий.

— Зря обижаешь дельного вояку, проконсул, — хмыкнул Скаррон и поморщился — боль в левой руке, плече и шее не отпускала.

— Хорошо. Пошли вестника, пусть проводят гостей дорогих.

...Присланные Радугой чародеи смирно сидели на конях, пока недобро зыркавшие легионеры вели лошадей под узцы к тележке проконсула. Руки у каждого волшебника и впрямь оказались связаны. Посланцы были все, как на подбор, в летах и седобороды. Один — в желтом плаще, другой — в фиолетовом, третий носил зелёное. Угус, Кутул и Флавиз.

Некогда верховные маги Орденów любили раскатывать на молодых драконах (боевые у чародеев никак не получались, несмотря на все старания), но теперь, видно, скудные времена настали и для Семи... то есть Шести Орденów. Седьмой, Красный Арк, погиб, уничтоженный самим Хозяином Ливня. Легионы чародеям пришлось догонять на самых обыкновенных лошадях.

Клавдий приподнялся на локте, насмешливо взглянул в лицо каждому из явившейся троицы и с известным удовольствием лишний раз убедился, что его взора маги не выдерживают — отворачиваются.

Бояться. Легионы заставили себя уважать, собрав с Семицветья обильную и кровавую дань.

— Храбрейшему из храбрых, господину Клавдию — поклон и пожелания скорейшего выздоровления, — елеинно пропел маг в жёлтом плаще, после того как легионеры помогли ему спешиться.

— Скорейшего выздоровления, — в унисон завели зелёный и фиолетовый.

— И вам не хворать, господа чародеи, — отозвался проконсул. — С чем пожаловали? Вы ехали под флагом переговорщиков. Что имеете предложить?

— Очень многое, господин проконсул. Нас послала Радуга. Она хочет прекратить бессмысленное кровопролитие.

— Похвальное стремление, — кивнул Клавдий. — Но вам потребуется лично засвидетельствовать моему Императору своё раскаяние, и...

Маги дружно расхохотались. Клавдий сдвинул брови, и смех тотчас же оборвался.

— Покорнейше просим прощения, — волшебник в зелёном плаще учтиво поклонился. — Но пусть доблестный проконсул выслушает нас до конца.

— Валяйте, — кивнул Клавдий. — Только покороче.

— Капитулат магических Орденов, — напышенно заговорил маг из Угуса, — ставит проконсула Клавдия, командующего армией Мельина, в известность о следующем. Первое — да станет открыто господину проконсулу, что козлоногих тварей удерживает только наша магия. Основанная, увы, на кровавых, но необходимых жертвоприношениях. Мы вынуждены убивать детей, господин проконсул. Невинных крох, вырывая их из рук безутешных родителей.

— И? — прорычал, не сдержавшись, Сципион.

— Так долго продолжаться не может, — учтиво поклонился ему чародей Флавиза.

— Совершенно согласен, — осторожно проговорил Клавдий, напряжённо размышляя, где же тут кроется ловушка.

— Капитулат исполнен решимости положить конец этому бедствию.

— Похвальное намерение. Мой Император наверняка оценит его, вкупе с вашим искренним покаянием, разумеется.

— О дальнейшем мы бы хотели поговорить исключительно с глазу на глаз, господин проконсул.

— У меня нет секретов от моих командиров!

— Достойный ответ, очень достойный. Но речь пойдёт о вещах слишком деликатных, — жёлтоплащный волшебник даже подался вперёд, постаравшись придать голосу побольше убедительности. — Слишком деликатных. По-

том вы сможете поделитья ими с теми, кого сочтёте достойным, господин проконсул. Мы не станем требовать «соблюдения тайны». Но сейчас — умоляю, окажите нам великую честь и выслушайте нас в одиночестве.

— Ага, чтобы вы трое прикончили проконсула! — фыркнул Сципион.

— Я готов остаться один, — тотчас предложил жёлтый.

— Разлом с ними, Сципион, — устало махнул рукой Клавдий. — Нет у меня желания препираться. Пусть говорят, что им нужно, и убираются из легиона.

Недовольно бурча, командир Девятого Железного ретировался, уведа с собой двух чародеев и развязав руки магу Угуса. Легионер-возница спрыгнул с облучка; Клавдий остался с глазу на глаз с магом Жёлтого Ордена.

— Благодарю доблестного проконсула Клавдия, — учтиво поклонился тот. — Я буду краток. Капитулат оценил вашу храбрость, господин проконсул. И предлагает вам — и только вам! — остановить эту нелепую войну навеки.

— Замечательное предложение, — невозмутимо кивнул Клавдий. — Я тоже так считаю. И даже точно знаю, что для этого требуется сделать.

— Нет, нет, — энергично затряс головой маг. — Это исключено. И вот почему, — его голос вдруг изменился, лилейность пропала, зато явственно послышалось злое гадючье шипение. — Козлоногих сдерживаем только мы, проконсул. Стоит нам прекратить жертвоприношения — и вторжение возобновится, твари полезут дальше. Легионы их не остановят. Они не смогли это сделать с вашим Императором, не смогут и без него. Только вместе с нами.

— Чего ты хочешь, чародей? — Клавдий в упор воззрился прямо в бегающие глазки. — Говори прямо!

— Радуга готова, — злобным шёпотом объявил угусец, — прекратить жертвы. Это погубит вас всех, оставит Мельин пустым и мёртвым, но мы готовы. Погибнет и большинство магов, но мы, высшие, первая ступень, гросс-мейстеры и магистры, сумеем уйти. Нам ведом путь *отсюда*.

— Лжёшь! Если б смогли, давно бы уже унесли ноги!

— Куда бы унесли? — ощерился маг. — Думай, сударь мой проконсул, как показали последние события, у тебя

есть голова на плечах. Нам тоже не слишком улыбается превратиться в бездомных бродяг, искать себе иное обиталище среди бесконечных звёздных просторов. Мы ничего не унесём с собой, уйдём нагими и бóсыми! Ты думаешь, это лучше, чем возродить прежнюю Радугу?!

— Нет, не думаю, — отрезал Клавдий. — Но не слышу пока что ничего дельного.

— Дельное не замедлит воспоследовать, — посулил волшебник. — Кое-кто в Капитулате предлагал грозить тебе именно этим — прекращением жертвоприношений и прорывом козлоногих, в то время как верхушка Радуги навсегда бы покинула Мельин. Однако этот выход от нас никуда не уйдёт, — злобная усмешка, — но начать мы предпочитаем с другого. Радуга объединилась со Всебесцветным Нергом, господин проконсул. Впервые за множество столетий. Вместе мы смогли прорваться к истине. Мы знаем, *что* может не просто остановить Разлом, а избыть его навеки. Ты хочешь знать, что же именно, не так ли, господин проконсул?.. Капитулат уполномочил меня открыть тебе и это.

Маг наклонился к самому уху Клавдия.

— Одно последнее жертвоприношение. Нет, на сей раз без детей. Только трое взрослых. Правда, гм, не совсем простых.

Клавдий гневно прищурился.

— Прежде, чем я назову их имена, проконсул, позволь мне поведать тебе другую часть предложенного Капитулатом. Нобилитет оказался совершенно неспособен спасти Империю, доблестный Клавдий Септий Варрон. Радуга предлагает её корону *тебе*.

Клавдий с трудом удержался, чтобы не разинуть рот, словно последний неграмотный рекрут.

— Престол нуждается в свежей крови, — продолжал вещать тем временем маг, явно ободрённый молчанием проконсула. — Баронство заелось, его мозги заплыли жиром. В этом есть и наша вина — слишком долго мы, Семичветье, забирали из благородных семей всех хоть сколько-нибудь талантливых ребятишек, готовя собственную смену. И — упустили, проглядели, прошляпили!.. Видишь,

проконсул, мы признаём собственные ошибки. Короче, нынешний нобилитет безнадёжен. К власти в обновлённой Империи должны прийти люди из народа, делом показавшие, на что способны. Ты, господин проконсул, — показал, и показал предостаточно. Тебя любят в легионах, тебе верят. Ты отличный полководец и, что особенно важно, командир. Армия пойдёт за тобой. Простым легионерам и центурионам придётся по душе, что на престоле окажется один из них, такой же, как и они, простым парнем пришедший к вербовщику. Ну как, нравится?

Клавдий ответил не сразу. Теперь уже он избегал горящего взгляда чародея.

— Предположим, — негромко произнёс он наконец. — А кто же те трое, кого требуется принести в жертву?

— Догадаться нетрудно, — пожал плечами волшебник. — Отступница Сежес, предавшая Радугу. Богомерзкая Дану, наведшая на наши земли отряд своих соплеменников, учинивших небывалую резню благодаря силе Иммельсторна, Деревянного Меча. И, наконец, тот, кого ты называешь повелителем. Постой, не вскидывайся, проконсул! Мы одни. Тебе не перед кем проявлять верноподданнические чувства. Я постараюсь тебя убедить, — маг перевёл дух, на щеках его играли красные пятна. — Вспомни, с чего всё началось. Император решил, что Радуга забрала себе слишком много власти. И развязал против нас кровавую войну. Сколько в ней полегло и магов, и легионеров!.. А результат? Вторжение Семандры, выступление Конгрегации, а пуще всего — Разлом! Козлоногие, с которыми не справиться никаким легионам, даже если они полягут все, как один человек. Что вам, легионерам, в таком правителе? Армия должна защищать людей от врага, а не развязывать гражданские свары!.. И потому мы говорим — прежний Император должен уйти. А ты, проконсул, займёшь его место. И мы закроем Разлом.

— Почему ты в этом так уверен? — Клавдий очень старался, чтобы голос его звучал спокойно и ровно. — Откуда вы знаете, что закроете?

Маг вздохнул.

— Ты проницателен, господин проконсул. Капитулат

указывал мне, что этот вопрос наверняка всплывёт. Как я сказал, мы вступили в союз с Нергом. Была большая волшебба. Твой Император добился многого на западе, многого... в том числе и уничтожив некий магический кристалл, прочно связанный с Разломом. Нерг показал нам посредством изошрённой магии, что Император впитал добрую часть этой силы, имманентно присущей породившей наши бедствия бездне. Они теперь связаны намертво, неразрывно, и даже после прекращения бытия Император упокоиться сможет только там.

— Слова, чародей. Сотрясения воздуха, — прищурился Клавдий.

— Нет, не просто слова. Скажи мне, Клавдий, разве мои слова об Императоре не справедливы? Он ведь сносился с тобой, нам это известно. Сравни мой рассказ с тем, что открыто тебе. Разве я солгал?

— У Радуги правда всегда смешана с ложью.

Волшебник вздохнул — кажется, даже неделано.

— Так было, господин проконсул. Признаю и это. Но Ордена действуют прежде всего во имя Его Величества Результата. Сейчас требуется говорить тебе правду, одну лишь правду и ничего, кроме правды.

— Ну, тогда я тоже скажу тебе, чародей Угуса, правду, одну лишь правду и ничего, кроме правды. Твой Нерг, коему ты веришь, — там засела отвратная нелюдь, настоящая нелюдь, хотя и принявшая наше обличье. Я видел это своими глазами. Когда Сежес вскрыла того нергианца, что Всебесцветные решили заслать к нам. Мне трудно поверить после этого, что Восьмой Орден бескорыстен в своих советах. И я помню слова того же нергианца, что всеобщая гибель Мельина не станет для них катастрофой. Они уйдут так же, как и вы. Вот и всё. А слова... наговорить можно всякого.

— Какие же доказательства тебя устроят, господин проконсул? — развёл руками маг. — Магические практики ты назовёшь обманными иллюзиями, ярмарочным надувательством. Как мне тебя убедить?..

— Я пошутил, — вдруг хищно рассмеялся Клавдий. — Ты убедил меня, маг. Ты прав. Император счёл нужным

поведать мне именно то, о чем ты говорил... без кое-каких подробностей, разумеется. Нерг сказал тебе правду. Впрочем, как и я.

— Всебесцветные могли заниматься чем угодно. В том числе и «усовершенствованием человека», да простит мне Спаситель сие кощунство, — кивнул чародей Угуса. — Ты, конечно, удивил меня, проконсул. И... Радуга в моём лице благодарит тебя. Сказанное тобой очень важно. Мы тоже не слишком доверяем Всебесцветным.

— А почему именно я? — вдруг, словно спохватившись, забеспокоился Клавдий. — Что скажет нобилитет? Бароны? Граф Тарвус, наконец? У него тоже немалые силы. И он — престололюбоститель. У него ведь четыре легиона, — напомнил проконсул. — Третий, Пятый, Десятый и Двенадцатый. Далеко не самые худшие. Из старых, бывалых, видавших виды. Там не новобранцы, как в Двадцать первом и Двадцать втором — их, кстати, графу хватило ума оставить против семандрийцев. Поэтому, если начнётся междоусобица...

— Граф Тарвус, — скривился чародей, — такой же точно самонадеянный болван, уверенный в собственной непогрешимости, как и покойный Брагга, да ниспошлёт им Спаситель посмертный покой.

— Что?! — не удержался Клавдий.

— Именно то, что ты услышал, досточтимый и доблестный проконсул. Никакой междоусобицы не начнётся. Потому что её некому начинать. Мы приняли соответствующие меры предосторожности, — усмехнулся волшебник. — Радуга поняла и осознала свою ошибку. Мы ставили не на тех. Баронство выродилось. Мы использовали его как меньшее зло против зла — для нас! — большего; но теперь на троне пора появиться совершенно новой династии. И чем скорее, тем лучше. Последнею жертвой мы закроем Разлом, и обновлённая Империя под мудрым правлением Клавдия Септия Варрона Первого двинется светлой дорогой к счастью и процветанию!

— К счастью и процветанию, гм, — промычал проконсул, отворачиваясь. — Так что же с Тарвусом? Легионы —

опора Империи. Без них она — просто скопище городков и деревенок. И, если граф Тарвус...

— Пусть господина проконсула это не заботит, — ядовито улыбнулся чародей. — Графа больше нет. Им занялась Серая Лига и благополучно завершила дело. Не стоит волноваться: всё будет свалено на проклятых баронов, легионеры пойдут за тобой, доблестный Клавдий. Они тебе верят. Ты такой же, как и они сами. Ты сам пробил себе дорогу, честно тянул воинскую лямку, и на скулах у тебя — мозоли от шлемных боковин. Кто ближе простому центуриону — ты или благородный граф Тарвус, носивший шелка и евший с золотой посуды? Ответ однозначен.

Клавдий некоторое время молчал, впервые опустив голову и пряча глаза.

— Покажи мне голову Тарвуса, — хрипло проговорил проконсул. — Я готов согласиться, но — покажи мне её!

— Нет ничего проще, — с показной учтивостью поклонился чародей. — Мы знали, что ты, доблестный, попросишь этого доказательства.

Он вновь распахнул плащ жестом дешёвого балаганного фокусника. Губы растянулись в злой ухмылке, обнажив не по годам красивые, ровные и белые зубы.

— Достославный проконсул благоволит взглянуть сюда.

Жесткие сухие пальцы ловко распустили завязки на плотном мешке из грубой бычьей кожи. Потянуло холодом.

— Пришлось заморозить, чтобы не стухла по дороге, — деловито пояснил чародей, пошире раскрывая горловину.

Клавдий сжал зубы и взглянул.

— Ну что, надеюсь, это развеет сомнения доблестного?

— Развеет, — процедил проконсул, не отрывая взгляда от мёртвого, так хорошо знакомого лица. Тарвус умер в бою — с замершей гримасой торжествующей ярости, словно ему удалось последним ударом достать убийцу.

— Достаточно? Можно убирать? — с ехидцей поинтересовался чародей.

— Убирай, — равнодушно ответил Клавдий. — Падалью не интересуюсь, не стервятник. Убили и убили, что теперь говорить? А легионы графа, что с ними?

— Легионы встали, но ненадолго, — пожал плечами маг. — Командование принял первый легат Тертуллий Крисп. Особым умом не отличается, всецело предан мельинскому мяснику.

— Третий легион... да, легат он решительный и мешкать не станет.

— Станет-станет, — ухмыльнулся волшебник. — Пример его светлости не мог не отрезвить остальных. Мы пощадили легионных начальников, потому что армия понадобится вам, мой будущий повелитель. Сноситься ни с кем он не сможет, потому что почтовые голуби также уничтожены. Бедные птички, пропали ни за что, — он преувеличенно-горестно закатил глаза. — В общем, достославный проконсул, восточная армия Империи теперь официально под твоей командой. Тарвуса больше нет, а Тертуллий, при всём к нему уважении, лишь первый легат, даже не консул. Он обязан подчиняться твоим распоряжениям. Отправь их ему, не мешкая, вот мой совет.

— Благодарю, — сухо кивнул Клавдий. — Сам уж как-нибудь разберусь. Ответь мне лучше, что всё-таки делать с баронским мятежом?

— А ничего, — пожал плечами чародей Угуса. — Немного вольностей, немного снижения податей, какой-нибудь пышный, но ничего не решающий Совет Благородных при императорском троне — и все довольны, все счастливы. Не сомневайся, за Браггу мстить не станут. У него хватало врагов и завистников, уж тут ты можешь мне поверить.

— Верю, — легко согласился проконсул. — В этом — верю сразу.

— А в чём же не веришь?!

— Да во всём верю, теперь — во всём, — отмахнулся Клавдий. — Просто... думаю, как сделать так, чтобы не пролилось ещё больше крови, то есть сверх совершенно необходимого.

— А я посоветую, как, — воодушевился жёлтый маг. — Как я уже сказал, мы немедленно отправим гонцов к бывшим легионам Тарвуса, да будет покоен его вечный сон. — Твои силы, господин проконсул, останавливаются. Бароны не

двинутся из Мельина, это Радуга тебе обещает твёрдо и нерушимо. Ты ждёшь бывшего правителя. Захватываешь его в плен — с нашей помощью, разумеется, и так, чтобы не видели простые легионеры. Для всех Император доблестно сгинет в бою с тварями Разлома. Тварей мы обеспечим, при помощи Нерга Радуга научилась на время приоткрывать им дорогу, — так что на проконсула Клавдия Септия Варрона не падёт даже и тень подозрения. Верховный правитель погиб, престололюбоститель Тарвус — тоже; что делать честному легионеру? Только одно — принять командование. Даже для последнего обозника это покажется совершенно естественным.

— Твоя правда, — Клавдий развёл руками, соглашась. — Согласен, маг.

— Тогда, — с ловкостью заправского фокусника волшебник извлёк из-под плаща плоский отполированный ящичек — в таких мельинские богатеи держали письменные приборы для дороги. — Тогда ты не станешь возражать, чтобы мы скрепили наш договор, по древнему обычаю, кровью?

— В уме ль ты, волшебник? — искренне удивился проконсул. — Кто ж в таком на свитке клянётся? Если ты мне веришь, так верь до конца. А не веришь — то чего пергаменты подсовываешь?

— Но я тоже подпишусь, — возразил чародей. — И перечислю наши обязательства: убить Тарвуса — с отметкой «выполнено» — вручить тебе императорские регалии, всеми силами помочь занятию трона... Всё, до последней детали! И свитков будет два. Один у тебя, другой у нас. Мы все окажемся связаны. Подумай, проконсул, ведь тебе это выгодно — ты один, своему слову хозяин, а Радуга, к сожалению, уже давно не единая воля и разум, как некогда, во времена великого Комнинуса Стразы. Это только к твоей же выгоде — Ордена не смогут уклониться от выполнения своих обязательств.

— Ты мою выгоду за меня не решай, господин волшебник. Чай, я и сам не вчера родился, — злобно рыкнул проконсул. — А ну, как ничего у вас не выйдет? И нынешний Император одержит верх? Кем я тогда окажусь? И что он

прикажет со мной сделать, а, сударь мой из Угуса?! Ваше, может, и затеряются, да и кто вообще знает имена магов? А вот мне не скрыться. Серые мигом переметнутся к победителю, и меня доставят пред светлые очи правителя, подвешенным на крюк под ребром! Для начала, разумеется, что меня ожидает потом — лучше и не думать.

— Он не возьмёт верх! — в свою очередь ощерился чародей. — Его последняя надежда рухнула, войско возвращается обратно в Мельин, а Разлом как был, так и остался. Только мы, маги, ещё сдерживаем козлоногих. И иного пути к победе, кроме мною названного, я не вижу. Ты верно служил двум Императорам, Клавдий, нынешний — уже третий. Сколько ты в легионах, тридцать два года, верно? Вступил четырнадцатилетним, сейчас в расцвете сил. Найдётся множество красавиц, жаждущих и разделить с тобой ложе, и подарить тебе потомка, а Империи — наследника престола. Всё будет хорошо, господин проконсул... или мне стоит именовать тебя просто повелителем? — тонко усмехнулся волшебник.

— Повелитель вполне меня удовлетворит, — сдержанно кивнул Клавдий. — И... ещё одно. В прежние времена, болтали, чародейка Сежес могла читать чужие мысли. Прежний правитель Мельина очень этого боялся. А как сейчас? Что, если она только на меня взглянет — и пожалуйте, господин бывший проконсул, на плаху. Об этом ты подумал, сударь волшебник?

— Разумеется, — с готовностью кивнул тот. — Сежес из Голубого Лива действительно принадлежала к тем немногим, кто умеет читать в людских помыслах. Но не беспокойся, повелитель Клавдий. Чтобы Сежес смогла прозревать императорский разум, ей требовалась поддержка всех семи Орденов. Без специальной подготовки, без участия остального Семицветья она бессильна. Тебе не о чем беспокоиться.

— Иными словами, она могла читать только Императора?

— Не только, — помедлив, не слишком охотно ответил чародей. — Но не просто так, не как в раскрытой книге. Готов ручаться чем угодно.

— Тебе-то что, ты поручишься — не тебя ж на правёж поташат, — проворчал Клавдий. — Ладно, твоя взяла, маг. Давай сюда свиток. Только ты подпишешь первым, договорились?

— Договорились, — поспешно кивнул маг, глаза его горели торжеством. Пальцы слегка тряслись, когда он почти что выхватил у проконсула свиток и, кольнув себя в палец, оставил размашистую подпись.

— Погоди, — остановил он потянувшегося было Клавдия. — Сейчас ещё приложу особую печать Капитулата. Чтобы, как говорят в народе, комар носа не подточил.

Проконсул лишь пожал плечами, внешне равнодушно выводя необычными чернилами своё имя и вдавливая в мягкий неостывший сургуч личный перстень-печатку.

— Дело сделано, мне остаётся лишь смиренно испросить у повелителя дозволения откланяться, — маг и в самом деле согнулся очень низко, едва ли не подобострастно.

— Дозволю, — сдержанно кивнул проконсул. — Надеюсь скоро преподнести Радуге ответный подарок. Проконсул Клавдий Септий Варрон не любит оставаться в долгу. Ну, а твоим братьям, чародей, желаю выполнить всё остальное, под чем они подписались.

— Не извольте сомневаться, повелитель, — вновь пропел маг, запахиваясь в жёлтый плащ и пятясь.

— Не изволю, — Клавдий небрежно отвернулся, давая понять, что аудиенция закончена. — Настоятельно советую тебе как можно скорее вернуться в Мельин. Не стоит раньше времени вызывать подозрения у моих легионеров, и потому также советую, чтобы твои спутники не замедлили отправиться следом за тобой.

— Разумное пожелание повелителя, вполне разумное, — как заведённый, кивал волшебник. — Но, как ты понимаешь, мы уделим самое пристальное внимание... грядущим событиям, назовём это так. Наши братья не покажутся на глаза легионерам, но постоянно будут рядом. Радуга не может рисковать.

— Этого ты мне можешь и не объяснять, чародей. Я и так знаю, что без ваших соглядатаев не обойдётся. Валяй,

посылай сколько хочешь. Мне всё равно. Что обещал, я сделаю, а вы, если хотите смотреть — так смотрите.

— Весьма возрадован осознанием повелителя, — без конца кланялся маг. — Всё, что повелитель скажет вслух или напишет на пергаменте, тотчас станет известно моим сотоварищам. Поэтому обратной дороги у нас нет — ни у кого.

— А смотреть, как я до ветру хожу, тоже станете?

Чародей ослабился.

— Мы будем в первую очередь слушать. А во вторую — улавливать скрип пера. Это мы прочтём за целые лиги, можно не сомневаться. Впрочем, если повелитель всё-таки не убеждён в правоте моих слов, мы согласны провести небольшую демонстрацию...

...Проконсул долго молчал, глядя вслед скрывшимся чародеям. Он отправил с ними надёжный эскорт, а следом — второй, две полные турмы всадников, с приказом держаться в отдалении и следить, чтобы вдохновлённые успехом волшебники и в самом деле не возомнили себя хозяевами положения. Демонстрация их способностей и впрямь оказалась убедительной. Всё, что Клавдий корябал на листке пергаamenta, как угодно меняя почерк и коверкая буквы, — маг тотчас произносил вслух, причём с завязанными глазами и заткнутыми воском ушами. Повязку и воск Клавдий проверил лично — всё без подвоха.

Так что теперь проконсулу оставалось лишь ждать, когда Император Мельина доберётся.

* * *

Угрюмые пирамиды оставались за спиной — одна за одною, мрачным строем завоевателей. Их не удалось ниспровергнуть. Не удалось и закрыть зловещую пропасть — вот она, по левую руку, только скоси глаза, кипят белые волны; Разлом забыл покой и сон, заполнявшая его хмарь так и металась из стороны в сторону, в необузданной ярости кидаясь на тёмные берега.

Что-то всё ж изменилось там, в неведомой бездне. Изменились и те двое, что вобрали в себя пламень взорванного кристалла.

Рука Императора кровила по-прежнему, раны не закрывались, но бессилие ушло, он казался совершенно здоровым, не вылезал из седла; Сежес, напротив, пришлось нести, волшебницу гнуло и ломало, она горела в лихорадке, щёки ввалились, глаза запали. Но в редкие минуты облегчения, когда Сежес удавалось сесть и взор чародейки прояснялся — она творила поистине необычайные вещи.

— Заклятья сами строятся, — говорила она Сеамни, сидевшей у её изголовья. — Сами, понимаешь, дочь Дану? Я только подумала — а чары уже готовы. И какие!..

— Но цена, цена ведь тоже высока, — мягко заметила бывшая Видящая.

— Высока, — со вздохом призналась волшебница. — Моя кровь теперь, как и у нашего повелителя, — одна сплошная магия. И исток всего моего чародейства — во мне, а раньше-то был — вовне. Вот и прикидываю, Сеамни, считаю, на что же меня хватит...

— На многое тебя хватит. — Император откинул полог шатра, прежним стремительно-мягким движением шагнул внутрь (Кер-Тинор — как всегда, тенью, следом); и Дану почувствовала, как сладко сжимается ни о чём не желающее знать сердце. — Хватит охоть и причитать. Завтра достигнем взморья. На корабли — и обратно, домой.

— Есть ли он ещё, дом-то? — вздохнула волшебница, откидываясь на подушки.

— Клавдий доносит, что есть, — Император показал всем свиток. — Бароны, как и следовало ожидать, перессорились. Наследник Брагги так и не выбран, о новой коронации и речи не идёт. Однако не пришло вестей от Тарвуса, и Клавдий о нём тоже ничего не сообщает. Странно, непохоже на проконсула. Отправил ему голубя со строгим наказом узнать, что с графом, и идти к нему на соединение.

— На Клавдия Варрона и впрямь непохоже, — забеспокоилась чародейка. — Вот уж кто предусмотрителен, так это он.

Император молча кивнул.

Проконсул Клавдий никогда не совершал ничего непредвиденного. Не допускал детских ошибок. Свой маневр он знал досконально, с дотошной въедливостью добиваясь

того же от младших, новоиспечённых легатов. И умолчать в донесении о Тарвусе? Не предпринять ничего, чтобы две армии соединились? Ведь тогда у графа и проконсула окажется более чем внушительное войско: девять легионов, из которых лишь один — Пятнадцатый — нового формирования. Остальные — бывалые, закалённые ветераны. С такой силой, собранной наконец в один кулак, можно сломать хребет баронскому мятежу; а если присоединятся Серебряные Латы и гномий хирд...

Поэтому Конгрегация и вертящая её часть Радуги, если только их не поразила внезапная и неизлечимая тупость, просто обязаны попытаться разбить имперские легионы по отдельности, пока Тарвус и Клавдий не соединились. Почему они не покидают Мельин? Грызутся из-за престола? Но кому нужен престол без верных легионов?..

Что-то не так в Мельине. Не из-за козлоногих, Разлома или прочих трансцендентных бед, одолевать кои положено великой магией и могущественными артефактами. Похоже, начинаются банальные интриги и политика.

— Сежес, надёжно ли защищены наши голуби? Их можно перехватить?

Волшебница задумалась.

— Я старалась, повелитель. Очень старалась. Но всякое подобное заклятье без поддержки, без подпитывания силой мало-помалу выветривается, развеивается. Поэтому я бы не исключила... не отвергала ничего. Среди мятежников хватает опытных магов, магистров, занимавших высокое положение, членов Капитулата. Они мало в чём уступают мне... вернее, уступали, — поправились она. — Я допускаю, мой Император, что наша переписка с Клавдием могла оказаться... предметом чужого интереса. Но тогда мы едва ли получили бы вообще хоть одно донесение. Голубя пришлось бы просто убить; свитки все нумерованы, ни один не исчез.

— И тем не менее это возможно, — нахмурился Император. — Может, Клавдий боится как раз магической перлюстрации?

— Мой повелитель полагает, что господин проконсул не доверяет пергаменту всего?

— Думаю, да, — кивнул правитель Мельина. — Не доверяет, но не только. Он не мог «забыть» о Тарвусе. Никогда и ни за что.

— А сам граф? — осторожно спросила Сеамни. — Если его ничто не задержало, то уже пора бы добраться почти до Мельина.

— Вот именно. Голуби вполне могли долететь.

— Ну не верит же повелитель, что бароны собрались, покинули Мельин и дали графу бой, да ещё и одержали победу? — не выдержала Сежес. — Их армия не покидала столицу, это мы знаем точно!

— Есть ещё Серая Лига, вернее, её ошмётки, — Император был мрачен. — Известно, что они в союзе с Конгрегацией, на призыв Клавдия так и не пришло ответа. Едва ли граф мог проиграть сражение в открытом поле, но вот если к нему подослали убийц...

Воцарилось молчание. В самом деле, почему?

— Тогда Лига может и сюда пожаловать, — Сежес выразительно взглянула на Кер-Тинора.

Обычно бесстрастный Вольный на сей раз позволил себе презрительно усмехнуться.

— Пусть приходят. За очередной взбучкой.

...Взлетали голуби. К проконсулу Клавдию и графу Тарвусу. К командирам расположенных на побережье Четвёртого, Восьмого и Тринадцатого легионов. К выборным управителям крупных городов вдоль взморья, где ещё не успела порезвиться пиратская вольница. Император слишком хорошо знал, какой ценой куплена эта «передышка».

Клавдий исправно доносил о себе, а вот вестей от графа Тарвуса так и не поступило. Не вернулись и посланные голуби.

...Правитель Мельина не мог спать. Почти не мог есть. Вокруг вольготно разлёгся океанский простор, корабли шли на восток, огибая край Разлома, — море здесь испуганно отступило, из-под земли поднялись вздыбившиеся пласты, отрезав стихии дорогу в глубь бездны, а перед глазами Императора вновь и вновь вставала та же картина: стайка детей, сбившихся вместе, отчаяние и ужас в широко раскрытых глазёнках, кто-то безудержно плачет, кто-

то, глотая слёзы, сам пытается утешать других, мол, это не так уж больно и быстро кончится, и все они отправятся прямо к Спасителю, где их встретят мама с папой.

Радуга удерживает козлоногих. Отвратительными, ужасными методами, но удерживает. Если он, Император, сметёт Конгрегацию и помогающих ей магов, что станет тогда с Мельином, со всем остальным миром? Самому взяться за жертвенный нож?..

Нет, нет. Уж лучше — головой в омут.

Лучше?! А почему их должен резать кто-то другой?!

Но ведь режут же. И, наверное, почитают себя спасителями Отечества.

И в чём смысл случившегося в пирамиде? Если их с Сежес хотели заманить в ловушку и уничтожить — то как могло произойти, что они таки вырвались, да ещё и обретя новые силы? И добро бы собственной волей, но ведь решающий удар нанесла та самая белая перчатка, подброшенная ему, Императору, злейшим врагом. И враг, конечно же, знает всё об этом артефакте — так как же он допустил подобное? Какие «пророчества разрушения» исполняются на сей раз?

Ни Император, ни Сеамни, ни Сежес не знали ответов. За козлоногими стоял холодный нечеловеческий разум, движущийся к простой цели донельзя сложными путями. Все: и правитель Мельина, и чародейка Радуги, и бывшая Видящая народа Дану, — сходились, что взрыв кристалла для чего-то потребовался вторгшейся в Империю орде. Но для чего? И что случилось бы, не направь Император порождённый перчаткой белопламенный клинок на иную цель? И как так вышло, что простой оберег, сработанный гномами, невеликими искусниками в магических делах, сумел не только спасти чародейку, но и позволить ей вобрать в себя даром растрачиваемую мощь?.. Рассчитывали ли на это невидимые кукловоды козлоногих или тут действительно дело случая? До сих пор их план представлял именно таким: глубоким, но однолинейным. Подбросим ненавидящему магов Императору могущественный артефакт, могущий повернуть в его пользу ход

войны; пробьём себе дорогу в сам Мельин; когда настанет время, двинем армию на его завоевание. Всё просто.

— А пирамида в эту «простоту» никак не укладывается, — тихо говорил Император Сеамни, лёжа рядом с ней ночью и осторожно поглаживая правой рукою блестящие волосы цвета воронова крыла. С пальцев левой по-прежнему капала кровь, и правитель Мельина уже привык держать её на отлёте, под равномерно-медленные удары о дно тазика алых бусин. — Никак. Слишком всё сложно. Волшебница Муруно, данкобары — это что, просто для того, чтобы заставить нас искать несуществующую «главную пирамиду»?

— А почему нет? — Сеамни приподнялась, заглянула в глаза любимому. — Надо было сделать так, чтобы мы поверили. И придумавшие всю эту затею не поскупились на пышные декорации. Они, признаюсь, выглядели очень убедительно. Я, во всяком случае, не сомневалась.

— Но цель-то, какая цель? — Император сжал правый кулак так, что хрустнуло. — Мы вошли в пирамиду. Слепо сунули голову в западню. Настоящей ловушке следовало бы нас тотчас и прихлопнуть, скажем, сорвавшейся плитой, а не...

— Они могли понимать, что в подобные капканы вы не попадёте.

— Допустим! Но что в конце? Наша смерть, верно? Убрать тех, кто до сих пор противостоит Разлому...

— Разлому противостоим не мы, — вдруг тихо проговорила Дану. — Его остановили не легионы, а маги Радуги. Способом, который мы с Сежес не раз тебе советовали, Гвин.

— Стой, — опешил правитель Мельина. — Ты хочешь сказать...

— Что тебе вновь указали дорогу. Тебя подталкивают не просто опрокинуть Семицветье, а уничтожить его вообще, всех и каждого, кто до сих пор носит однотонные плащи, почитая это своей извечной привилегией. Преграда перед козлоногими рухнет. А твои воины, даже не от-

ступив ни на шаг и погибнув до последнего человека, не отразят нашествие.

Император медленно сел на постели, обхватил голову руками, пачкая щёки и волосы кровью.

— Ещё одна ловушка, — прохрипел он. — Хитро придумано, ничего не скажешь. Правитель Мельина ненавидит мятежников, это правда. Он готов на всё, чтобы стереть в порошок баронское восстание. А тут — такой подарок! Конечно, он не удержится, он добьёт магов Конгрегации... проклятые, опять их планы до отвращения совпадают с моими!

— Но, может, просто оставить их в живых? — осторожно предположила Сеамни. — Может, не стоит избегать простых решений?

— Нет, Тайде. Или я — или маги. Конечно, можно надеяться, что их сумеет вразумить Сежес...

— Вот именно! Она изменилась. Исправилась...

— Сказала хозяйка Деревянного Меча, к которой слово «бывшая» неприменимо, — усмехнулся Император, и Сеамни показала ему язык.

Они давно привыкли, что о страшном нельзя молчать, но нельзя и говорить всё время всерьёз. Оставались лишь такие нелепые шутки.

— Да-да! Я же вот теперь — хорошая!.. — данка рассмеялась, крепче прижимаясь к нему.

— С магами придётся договариваться, — в каждом слове Императора сквозило отвращение.

— Может, не со всеми? — предположила Сеамни. — С Нергом точно не удастся.

— Всебесцветная башня должна быть разрушена, — непреклонно заявил Император.

— А может, хватит разрушений? — робко проговорила Тайде. — Положить им, магам, строгие пределы. Не допускать...

— Кто станет сторожить? И кто усторожит сторожей? — ответил ей Император древним высказыванием. — Мы простые люди, не волшебники. Во мне — ни грана того,

что позволяет кидаться огненными шарами или пускать молнии.

— А разве ты забыл, что говорила Сежес? Нет никакой «привязки» магических способностей к «благородной крови». Пусть перешедшие на нашу сторону чародеи учат незнатный люд. Открывают общедоступные школы, и...

— И подвыпившие башмачники в драке пустят всё это богатство в ход?

— Отчего это ты так плохо думаешь о башмачниках? — шутиливо возмутилась Тайде. — И речи нет, чтобы магическое искусство оказалось в руках тех, кто... ты ж не отбираешь у народа ножи только потому, что ими то и дело убивают людей в кабацких драках?

— У нашего народа, пожалуй, что-нибудь отберёшь...

Говорили. Целовались. Любили друг друга, а потом Тайде, смеясь, отказывалась смывать с себя кровь своего Гвина, мол, таков был древний обычай Дану.

Они словно забыли о козлоногих, Разломе, детских жертвоприношениях, Радуге. Обо всём. Корабли шли вверх по широкой реке, гребцы налегали на вёсла, поправлялась Сежес, и вот настал день, когда впереди замаячили широко и гордо развёрнутые знамёна с имперским василиском.

Проконсул Мельинской империи, Клавдий Септий Варрон вышел встречать своего повелителя.

Глава седьмая

— До чего ж неловко оно вышло-то, — вздыхал старый вампир Эфраим, сидя на поваленном дереве. Несколько часов он не мчался, не летел — тащился на север, неосознанно стараясь держаться подальше и от Нарна, и от Вечного леса. Приходилось часто отдыхать, его ноша словно наливалась тяжестью.

Хозяйка Волшебного Двора Мегана лежала на ворохе свеженаломанных веток. С лица чародейки сошёл загар, исчез обычный румянец, кожа сделалась молочно-восковой, под глазами залегли глубокие синеватые тени. И на

шее, тоже белой, никак не закрывались до конца четыре небольшие ранки.

Затянувшееся беспмятство перешло просто в сон, глубокий, но беспокойный. Наверное, чародейку мучили кошмары, она вскрикивала, из-под плотно сжатых век выкатывались слёзы, однако Мегана так и не проснулась.

Эфраим вновь собирался в дорогу. Куда, зачем? — вождь Ночного Народа старался не думать. На север. Подалее от страшной язвы Аркина. А там — что Тьма даст.

В эти ночи небо Эвиала расцветало невиданным хоро-
водом падающих звёзд, пламенных болидов, рушившихся без разбору и в глухие леса, и среди полей, попадавших даже по деревням. Народ же приписывал всё это «гневу Спасителя» и считал лишним свидетельством скорого Его пришествия.

Куда деться старому вампиру, когда весь мир вокруг сходит с ума? Люди — те уж точно лишились рассудка. Большинство молились, живой стеной окружив церкви; многие, погрузив домашних и скarb на тележки, пытались куда-то бежать, куда — они сами не знали. Не лучше оказались и господа бароны.

Где-то что-то горело, пожары никто не тушил. Кто-то кого-то резал, кто-то, решив, что «последние дни» на то и последние, чтобы как следует погулять, потрошил путников; хватало и тех, кто не упускал случая подзаработать, несмотря ни на что.

Эфраим уже видывал такое. И в прошлом случалось: чёрный мор, голод с засухой и лесными пожарами, — и готово, все уже кричат о конце света и «втором пришествии». Потом чума отступала, начинались дожди, стихали пожары и жизнь налаживалась, а о всеобщей панике никто и не вспоминал.

Но тогда небо оставалось просто небом. Его не секли огненные бичи падающих невесть откуда чудовищ, что, корчась внутри пламенных коконов, воспаряли над землёй и, горестно стеная, влачили на закат. Западная Тьма, как с ужасом шептались на дорогах Эгеста, собирала непобедимое воинство.

И всё громче, из-за алтарей и церковных притворов, просто с улиц и трактов звучало многоголосое:

— О, Спаситель, прииди! Прииди и избавь нас от этого!

* * *

— Держите меня. Крепко, как только сможете, — повторила Вейде.

Эльфийка распустила волосы, они дивным водопадом стекали до самой земли. Босая и распоясанная, без единого амулета или украшения, не говоря уж об оружии, она стояла в фокусе магической фигуры, словно душа самого вечнорождающего Леса.

— Если не удержите, друг мой, — всё пропало. Спаситель прорвётся в наш мир, и тогда Его уже ничем не остановить.

— Вы же собирались «заглянуть в глаза Западной Тьме», — не выдержал Анэто. — Узнать, где Отступник и Разрушитель, а потом пройти *тонкими путями* и покончить с ними, разве не так?

— Именно так, милый маг. Но плохой бы я оказалась правительницей и чародейкой, не имея это заклятье множества других ходов и поворотов. Мы можем дать отпор самому Спасителю, и не только через связывающие Его волю законы. Можно ударить и по Нему самому. Но — только если удачно сложатся обстоятельства.

— Какие обстоятельства? — простонал ничего не понимающий ректор. — О чём говорит моя королева?

— Ваша королева говорит о том, что Спасителя можно отбросить, так сказать, вернув Ему принесённую некогда жертву. Разумеется, в особых обстоятельствах, используя особое заклинание... наподобие этого. И... для этого нужен человек. Смертный, что добровольно заклал бы себя, выкупив у Него жизнь и свободу своего мира.

Ането вздрогнул. Вейде смотрела прямо на него чистыми бездонными глазами и не отводила взгляд.

— Я на это не способна, — честно призналась она. — Над эльфами не властно время, и мы не годимся для иску-

пленения. Только люди, кто призвал Его, кто наделил Его властью и мощью. Я имею в виду вас, мой дорогой друг.

— Королева требует, — хрипло выдавил Анэто, — чтобы я покончил с собой?

— Выражаясь простыми словами — да. Я не могла... боялась сказать раньше. Простите меня, если сможете, друг мой.

— То есть все речи об Отступнике и Разрушителе...

— Разумеется, чистая правда, — покачала головой Вейде. — Я никогда не лгу, случается, говорю не всё, как есть, но сейчас... Жертва — это последний резерв, дорогой мой Анэто. Если мы поймём...

— «Мы»? Именно «мы», не «я, королева Вейде»?

— Мы, — с нажимом повторила эльфийка. — Вы увидите и почувствуете всё, что увижу и почувствую я. Иначе вся затея не имеет смысла. Удержать меня вы сможете, лишь оказавшись рядом, не так ли?

— Можно ещё связаться верёвками, — мрачно буркнул Анэто.

— Можно. Но в магических делах простая человеческая рука сплошь и рядом оказывается крепче стальных цепей, — непреклонно бросила королева Вечного леса. — Вы готовы, друг мой?

— Пойдите, погодите! — всполошился милорд ректор. — Какие заклятья мне стоит держать наготове? Чего ожидать?

— Сие мне не открыто, — просто ответила Вейде. — Надеюсь на вашу опытность, дорогой мой маг. Вы сами поймёте, что нужно делать. Имейте в виду, мы отправляемся так далеко на запад, как ни одна живая душа доселе. Мы пойдём даже дальше тех капитанов, что выбирали последнее успокоение в объятиях Западной Тьмы, причём, в отличие от них, нам надо ещё и вернуться. Вернуться в любом случае, даже если мы поймём, что битва проиграна, и осталось... — она запнулась и впервые потупилась, — что осталась последняя мера.

Анэто усмехнулся. Он надеялся, что усмешка получилась под стать обстоятельствам — мрачной и гордой. Те-

рять лицо перед надменной эльфкой — да лучше уж самому перерезать себе горло!

— Я начинаю, — просто сказала Вейде, и Анэто понял, что эти её слова услышал весь Нарн, от края до края, и что все нарнийцы, стоящие у Потаённых Камней своего леса, дружно соединили руки, замыкая великое кольцо.

Вейде ссутулилась, её голова поникла.

— Так мечталось... так хотелось... — вырвалось у эльфийки, — открыть дорогу *отсюда*, снять проклятие с Эвиала... Увидеть другие миры, и *не* умереть. Уходить и возвращаться — с новыми видениями, образами, сказками... Запахами и звуками, закатами и восходами... когда видишь их слишком много, маг, приедается даже эта вечная красота. Не знаю, поговорим ли мы ещё... за кубком вина, когда можно спокойно обсуждать изящество стихотворных строф, а не страшные бедствия и чудовищные заклинания. Когда тихонько наигрывает на лютне менестрель, а среди крон медленно угасает последний луч вечерней зари, когда ветерок качает ветки над лесным ручьём, когда... — Она вдруг махнула рукой, горько и безнадежно. — Даже я устаю от вечной игры, Анэто. От нескончаемых интриг, что я вела. Только чтобы уберечь Лес. Нас осталось мало, Ан, у эльфов редко рождаются дети, не то, что у людей.

— Только чтобы уберечь Лес? — не удержался милорд ректор.

— Только чтобы уберечь Лес, — кивнула эльфийка, не моргнув глазом.

Анэто не стал спорить. Молча кивнул. Сжал пальцы на оголовке посоха.

— Мы начинаем, моя королева?

— Начинаем, Ан. — Теперь Вейде смотрела ему прямо в глаза. — Что бы ни случилось, помни — не отпускай меня. Ни за что не отпускай. Потому что сегодня в Эвиале разорвётся само время, Великая Река распадётся на множество рукавов, и что из этого получится — вряд ли ответит даже Дух Познания.

— Кто-кто?

— Не обращай внимания, наше, эльфье поверье... —

осеклась королева Вечного леса. — Всё, начинаю, пожелай мне... удачи, наверное.

Не отрывая взгляда, она негромко проговорила короткое слово на родном языке, мелодичное сплетение гласных, словно тихое журчание воды.

По уходящим в глубину тёмного леса линиям магической фигуры пронеслось голубое пламя, извивы их вспыхнули, озарив призрачным светом низко склонённые ветви. Все эльфийские огоньки заранее потушены, лишь от Железного хребта до Эгеста, от Пика Судеб до Бурной — пылает, пламенеет шедевр магического искусства нарнийцев и Вейде, наверное, величайшая заклинательная фигура, когда-либо созданная в Эвиале. Голубое пламя играет на гранях Потаённых Камней, и таинственные хранители Нарна оживают, отдавая королеве Вечного леса давно сберегаемую силу.

Анэто видел шеренги призраков, давно погибшие эльфы вновь маршировали по велению Вейде, один вдруг оказался совсем рядом с Анэто (милорд ректор и сам не очень понимал сейчас, где он находится — не то парит высоко над Нарном, не то — стоит рядом с эльфийкой), пристально глянул в лицо бестелесными очами, слегка поклонился.

— Спасибо, что помогаешь ей, — услышал маг. — Спасибо тебе, человек... от Ирдиса Эваллэ, стража Нарна...

Миг — и эльф вновь слился с шагающими куда-то в глубь леса сородичами.

— Держи меня крепче, Ан!

Требовательный взгляд. Тянущиеся к нему через ночную бездну руки... Мегана! Нет, Вейде... Вейде?

Анэто, как велели, крепко вцепился в тонкие запястья, выпустив посох; и его самого чуть не потащило прочь, словно к спине привязали высоченную мачту с огромными парусами, наполненными ураганным ветром.

Ага, так вот почему она меня упрасивала...

Одно заклятье, второе. Налагается легко, откат почти не чувствуется. Ветер, говорите вы? Что ж, кому, как не магу воздушной стихии, усмирять его бешеный порыв?

Конечно, ему противостоял не обычный шквал. Дуло со всех сторон сразу, и несло также во все стороны, хотя любой знаток механики бы сказал, что таковое невозможно — силы обязаны уравновеситься. Однако ж нет — Анэто рвало и швыряло, он едва ощущал опору под ногами. Вейде оказалась близко-близко, закинула руки ему на шею:

— Обними меня. Крепче, ещё крепче!

Запах молодого леса, весенней листвы. Шёлк паутинно-тонких, но отчего-то сделавшихся такими тяжёлыми волос.

— Смотри, Ан, смотри же!

Они парили над Нарном. Прямые и дуги магической фигуры горели нестерпимо ярким светом, и обезумевший ветер рвал одежды мага. На западе звёзды меркли, закрытые взметнувшейся до самых небесных сфер стеной непроглядной тьмы; внезапно она дрогнула и, всё убыстряя, покатила на восток, прямо к Анэто и Вейде.

— Королева!

— Молчи! — прошипели ему в ухо. — Молчи и держи меня!

Лежавшие на талии эльфийки ладони Анэто стало нестерпимо печь, по ниспадающим одеяниям Вейде вверх устремились огненные змейки, запахло дымом — ректору Академии пришлось повозиться, отбивая новую атаку. К счастью, старые, испытанные заклинания работали, стихия пламени успокаивалась, но теперь её придётся сдерживать постоянно, как и ветер.

А тьма — вот она, уже совсем рядом.

— Держись, чародей Анэто!

Кажется, это вновь тот самый эльф — Ирдис Эваллэ?..

Анэто держался, изо всех сил стараясь не смотреть на стремительно приближающуюся чёрную лавину. Уж не спустила ли Вейде Западную Тьму с цепи окончательно? Что, если всё это — взаправду?

— Невзавраду, невзавраду! — зло прошипели ему в ухо. — Держи меня! Не о том думаешь!

Анэто не выдержал — отвернулся, зажмурился и за-

скрежетал зубами; в следующий миг волна мрака накрыла их с головой.

...Яркий солнечный день, щедро льющийся свет. Мир и покой. Он, маг Анэто, ректор Академии Высокого Волшебства, качается на мягких волнах незримого эфира, а далеко внизу — пестрая равнина, завешенная белыми косынками облаков. Эвиал, только — совсем-совсем далеко. Видно всё, и даже побережья Синь-И, даже другой край Западной Тьмы, в тех местах, где она становится Восточной.

И тотчас наваливается тяжесть. Он, Анэто, держит на руках бессильно запрокинувшуюся Вейде, и тело эльфийки, в отличие от его собственного — материально и тянет к земле полной мерой. Заклятья сами приходят на память, мускулы получают помощь, но пудовым молотом бьёт откат.

— Смотри... во все глаза смотри... — стонет Вейде.

Анэто послушно смотрит.

— Не только вниз... — хрипит эльфийка.

Внизу — небольшой островок, и почти рядом с ним — взметнувшаяся прямо из моря гладкая обсидиановая стена, поднимающаяся до самых звёзд. Нет в этой стене ничего особенного, просто она очень велика, но не больше. Чего тут бояться? Где страшная Тьма, пугало для всего сущего в Эвиале?

— Вниз... и вверх...

Анэто поднимает взгляд.

Небо расколото. Поперёк хрустального свода, исказив рисунок привычных созвездий, легла широкая трещина с неровными, иззубренными краями, а в ней кипит странное белое марево.

— Это... на самом деле? — вырвалось у Анэто.

Он не ждал ответа, но Вейде, задыхаясь, словно от боли, вытолкнула сквозь зубы:

— Нет. Иллюзия... есть, но выглядит по-другому...

— Что это?! — не унимался Анэто, однако эльфийка уже отвернулась, закусив губу.

Чёрная стена перед ними становилась словно громад-

ным зеркалом, ректор даже разглядел в нём собственное отражение.

Вейде что-то стонуше пробормотала по-эльфийски, вроде «ну где ж они?!».

Анэто ожидал чего-то сверхъестественного, ужаса без конца — когда ж ещё, они возле самой границы сущего, возле той силы, что держала за глотку Эвиал незнамо сколько веков, однако сейчас он видел только стену-зеркало, на нём повисла судорожно вцепившаяся в него Вейде, маг почти машинально гасил то и дело норовящее разгореться пламя, отбивал налетавшие порывы ветра — и ждал.

Ждал чуда.

Маг чувствовал текущую сквозь него силу, Нарн действительно отдавал всё, что мог, но где же, где же Разрушитель с Отступником?!

И чего ждёт Вейде?

А Спаситель?..

Эльфийка застонала сквозь стиснутые зубы. Глаза плотно зажмурены.

...Тянет силу, почувствовал Анэто. Ей чего-то не хватает, самой малости, но не хватает. Нарн отдал очень много, но требуется ещё.

«...Что ж, — отстранённо подумал маг, — наверное, это справедливо».

...Холодеют руки, кровь, как сказали бы песнопевцы, леденеет. Анэто щедро делится собственной жизнью, надеясь, что малая кроха окажется той соломинкой, что ломает спину верблюду.

— А-а-а-а-а!.. — вырвалось у Вейде, она забилась так, что Анэто едва удержал эльфийку. Зеркало перед ними почернело, слилось с остальной стеной, и на мгновение опешивший ректор *увидел*.

...Высокие своды неведомой пещеры, несколько фигур, вроде бы гномы, и среди них человек в изодранной серой рясе.

Отступник, презревший всё, во что верил раньше. Сделавшийся ключом, открывающим Спасителю дорогу в Эвиал. И он... да, Пик Судеб! Точно, он там! Здесь, совсем под

боком! Наверное, в тех самых кавернах, где они с Меганой и преподобным Этлау так недавно искали Разрушителя...

А вот сам Разрушитель... Разрушитель... где же он? Почему не видно? Вейде не хватает силы?.. Или — о, наивные надежды! — он вообще убрался из нашего мира?

— Не-ет, — простонала эльфийка. — Он... здесь. В Эвиале. Никуда не делся. Но... его не видно... Сейчас... ещё... чуть-чуть...

Сквозь кожу проступала кровь. Вейде извивалась и царапалась, хрипела, закатив глаза. Она отдавала сейчас уже самой себя.

...Лопнула пелена, злобно взвыл ветер, разом швырнув и мага, и королеву Вечного леса вниз, ласковый дневной свет померк, и во всём мире вещественным осталась только чёрная стена, отразившая девятих драконов, мерно взмахивавших великолепными крыльями. Однако они не просто летели — волшебник чувствовал, как трещит и ломается вокруг них сам мир. Девятка вспарывала плоть Эвиала, словно острый нож лекаря.

— Он... драконы... не сюда... — разобрал Ан лепет эльфийки.

Маг скрипнул зубами, с тягостной нутряной болью вытягивая из себя последнее. Что, все их усилия впустую? Что с того, что они увидели Разрушителя верхом на драконе?!

— Они... тоже на Пик Судеб...

Милорд ректор не успел порадоваться этому. Небо над их головами разлетелось вдребезги, остался лишь уродливый белёсый щрам, заполненный, словно гноем, кипящей мглой. Чернота лежала теперь вокруг, она владела всем, и сквозь неё, небрежно отводя её худой, жилистой рукою, шагнула человеческая фигура в сером хитоне и неказистых стоптанных сандалиях, какие носят разве что рыночные рабы.

— Спаситель! — вырвалось у Анэто.

Ректор ордосской Академии уже сталкивался с этой сущностью. В разных видениях Спаситель выглядел по-разному, но впервые — таким, как сейчас, обычным чело-

веком, по облику — аррасским южанином, смуглым и чернобородым.

Он спокойно шагал по золотым ступеням, шагал, поникнув головой и даже не оглядываясь по сторонам. Тому, кто идёт «спасти», безразличны красоты и пейзажи.

Из-за чёрной стены донёсся глухой вопль, крик на неведомом языке, исполненный несказанного ужаса.

«А это ещё откуда?!» — успел поразиться Анэто.

Вейде всхлипнула и обмякла у него на руках.

Спаситель миновал оцепеневшего милорда ректора, медленными печальными шагами спускаясь всё ниже и ниже. Анэто показалось — он может, протянув руку, коснуться серого колышущегося хитона.

Черноволосый странник обернулся, медленно окинув Анэто внимательным взглядом, и милорд ректор почувствовал, как жизнь покидает его тело. Порывы ветра, вспышки пламени исчезли, всё замерло вокруг, мага охватывало мягкое тепло, покойное и умиротворяющее. Ничего не надо больше делать, никуда не надо теперь спешить. Спаситель здесь, и судьба Эвиала вырвана из рук населявших его смертных и бессмертных.

Спаситель печально кивнул Анэто, словно прощаясь, повернулся и неспешно зашагал дальше.

Стоит. Как же так?! Разве уже сбылись все пророчества? Разве власть Его стала полной и абсолютной?!

Анэто в бессильной ярости только и мог, что проводить Спасителя взглядом.

«Конец всего, — лихорадочно подумал Анэто. — Конец той жизни, что я любил и знал, конец Ордосу, Академии, ученикам, наставникам, всему, всему, всему. Конец вольно раскинувшейся земле и небу над ней, конец дню и ночи, воздуху и свету, концу холоду и тьме...

Зачем я ещё держу эту эльфку, если и так всё уже пропало?»

Милордом ректором овладело странное, всеохватывающее равнодушие. Спаситель явился в Эвиал. По сравнению с этим всё прочее теряет смысл.

Однако заклятье Вейде продолжало работать, прочер-

тившие Нарн линии пылали по-прежнему, и по-прежнему шагали, стягиваясь к Нарну, шеренги призраков — погибших эльфов. Один раз они уже отдали королеве Вейде свою силу; зачем им собираться теперь? Что вообще происходит там, на земле?

А из-за чёрной стены, где полагалось находиться Западной Тьме, доносились жуткие, невоспроизводимые вопли. Что-то выло там, не то скручиваемое неопишуемой агонией, не то раздираемое запредельным отчаянием. И сама стена, совсем недавно — несокрушимый, вознёсшийся к звёздам монолит, мелко дрожала, раскачивалась, словно грозя вот-вот рухнуть.

Вейде уже не шевелилась — обмякла, повисла на Анэто всем телом. Нещадно трепавшие их силы наконец оставили пару в покое; земля стала приближаться, они словно падали, свет померк окончательно, тьма затянула страшную рану в небесном куполе, вернулись на прежнее место звёзды; и вот уже под ногами — твёрдая земля, густые травы Нарна.

Анэто ошарашенно огляделся. Что, это всё?! Заклятье окончилось, они узнали всё, что могли узнать?! И где тогда откат?!

— Не... волнуйся. Я... приняла его на себя, — Вейде отстранилась, пошатнувшись, шагнула из пылающего голубым фокуса магической фигуры. — Всё сделано, маг. Всё сделано. Наш долг исполнен, — эльфийка хрипло расмеялась.

— Что ты говоришь?! Какое там «исполнен»?! — не выдержал Анэто, забыв о «величестве» и «моей королеве». — Спаситель ворвался в Эвиал! Теперь всё кончено, если только мы что-то немедленно не предпримем!..

— Никто не может ничего противопоставить Спасителю. — Вейде проделала какие-то пассы, и языки голубого огня начали опадать, втягиваясь обратно в породившие их линии и пересечения. — Вы, люди, сотворили поистине непобедимую силу. Непобедимую и неодолимую. Его можно только сдержать, но — не уничтожить.

— Я не понимаю, — вырвалось у мага.

— На самом деле нет ничего проще, — усмехнулась королева. — Тайна Спасителя давно и остро волновала эльфов, только мало кто из моих соплеменников мог в этом признаться. Я — признаюсь, и признаюсь открыто. Я изучала Его. Долго, упорно, несмотря ни на какие препятствия. И я узнала. Кто Он. Что Ему нужно. Какими методами...

— Вейде! — Анэто чуть не упал на колени. — Всё это, конечно, очень важно и заслуживает внимания, но... у нас, кажется, есть мир, нуждающийся в спасении. Тыфу ты, я уже заговорил, словно дешёвый менестрель!..

— Мир уже никто не спасёт. Его вообще нельзя «спасти», — твёрдо и холодно отозвалась эльфийка. — Мой долг исполнен, человек. Я ухожу.

— Что?.. Куда? — только и смог выдавить маг.

— Куда ухожу? — язвительно усмехнулась королева Вечного леса. — Прочь отсюда. За окоём. В иные эмпиреи. Под другое небо, к теплу иного солнца. И — увожу всех *моих*, — она широко повела рукою. Анэто с дрожью обернулся — за каждым деревом, возле каждого куста, стояли недвижные эльфы. Мёртвые эльфы, но уже не призраки.

— Я дала им плоть! — с яростной гордостью выкрикнула Вейде. — А теперь дам и жизнь. Это и есть *мой долг*! Мой настоящий долг! Вернуть к жизни всех моих братьев и сестёр, *всех до единого*, потому что смерть эльфа — это не естественный ход вещей, это кошмарное извращение сущего!.. И ты, человек, помог мне в этом. Пусть даже не желая, но — помог. Эльфы умеют награждать за верную службу. Ты можешь отправиться с нами. Прочь отсюда; в Эвиале очень скоро не останется ничего живого.

— Так ты... — задохнулся от бешенства Анэто, — ты лгала мне всё это время?! Что хочешь бороться со Спасителем, что...

— Нет, не лгала, — холодно отрезала Вейде. — Если бы у нас был шанс уничтожить Отступника и Разрушителя *до* того, как Спаситель ворвётся в Эвиал... но этого не случилось. И я повернула заклинание. Я спасла тех, кого *могу* спасти.

— Ты спасла эльфов!

— Да. Эльфов. Потому что *могла* их спасти. Их, а не людей. Благодарю за это того Творца, что сделал вас смертными и сам вручил Времени власть над вами. Ты предпочёл бы, чтобы погибли *все*? Какая вам, людям, польза, если мои соплеменники разделят вашу судьбу? Или, — голос Вейде дрогнул от жестокой усмешки, — всё дело в самой обычной зависти? Как это так, мы сдохнем, когда кто-то предпочёл выжить, а не отправиться кормить червей вместе с нами?

— Это предательство! — взвыл Анэто. Уничтожить гадину, раздавить, каким угодно заклятьем, но...

— Спокойнее, маг, — рассудительно произнёс над самым его ухом голос Шоара. — Королева Вейде сделала всё, что могла. В великой своей милости она предлагает тебе жизнь и спасение. Настоящую жизнь, маг! В другом мире, но тем не менее. Не стоит гневить Её величество.

Шею Анэто пощекотало остроотточенное лезвие.

— Ты быстр, маг, но я всё равно быстрее, — спокойно, без тени ненависти проговорил нарниец.

— Когда вы... успели... сговориться?

— С самого начала, — пожала плечами Вейде. — Нас допустили в Нарн только потому, что я твёрдо пообещала — если остановить Спасителя нам не удастся, я вывожу эльфов из этого мира. Всех. И живых, и мёртвых. Я недаром столько занималась некромантией. Не брезгуя уроками даже Западной Тьмы. Потому-то так и мешал ваш Нейясыть... Впрочем, чего это я... Человек, тебе дан выбор. Как уже сказано, я ценю твои услуги.

Анэто дрожал от ярости, бесполезно сжимая и разжимая кулаки. Никогда в жизни он не испытывал такого бешенства. Его провели, как мальчишку, разыграли, да так, что он, хоть и заподозрив подвох, послушно продолжал делать всё, что от него требовалось.

— Не стоит так негодовать, маг, — спокойно проговорил новый голос, и Анэто вздрогнул. Этого гостя он никак здесь не ожидал!

— Ну, отчего же, — усмехнулся новоприбывший. —

Храм Мечей постоянно следил за тем, что творится. Нет-нет, Анэто, не трудись, не поворачивайся. Шоар держит нож у самого твоего горла, и я подтверждаю под страхом гнева Стоящего во Главе — ты не успеешь ничего сделать.

— Я полагал... — прохрипел Анэто, — что мы договорились. Что мы...

— А ты помнишь, о чём именно мы договорились? Послать своих воинов в Чёрную башню, верно? Разве мы этого не сделали?

— Сделали, — сквозь зубы, нехотя признался Анэто. — Но какое это теперь имеет значение?

— Никакого, — легко согласился невидимый собеседник, не то Правый, не то Левый — различить их по головам не смог бы никто. — Но Храму не всё равно, чем окончится ваше противостояние со Спасителем. Если Его не удалось остановить — достойные, то есть сильные, должны уйти. Недостойные, то есть слабые, — остаться и сгинуть. Гордись, маг, что тебе дали возможность выбора. При том что сам ты — слаб.

— Сейчас лопну от гордости, — прошипел Анэто. Спокойнее, только спокойнее, компоненты заклатья можно подобрать в уме, никто ничего не...

— Ошибаешься, маг, я читаю все твои мысли, — развеяла его заблуждение Вейде. — Последний раз тебя спрашиваю — остаёшься? Или воспользуешься моей милостью?

— Никогда! — и Анэто плюнул прямо в лицо эльфийке.

Шоар дёрнулся, острое укололо горло магу; однако Вейде лишь рассмеялась, беззаботно махнув рукой.

— Оставь его, брат мой. Разве может плевок какого-то человечки оскорбить меня? Он просто решил красиво умереть, вот и всё. Бросить гордый отказ в лицо предателям-эльфам, всё «предательство» которых состоит исключительно в том, что они не желают умирать вместе с людьми. Тем более что смерть эльфов людям никак не поможет. Пусть его выведут из Нарна и отпустят на все четыре стороны. Нам он больше не мешает.

— Ну и дела. Ну и дела, — только и мог потрясённо твердить Эфраим.

Небо и звёзды, казалось, сошли с ума. Простые смертные увидеть это не могли, но вождь Ночного Народа к ним не относился. Где-то совсем рядом творилась невероятная по мощи волшба, и Эфраим знал, где именно, — в Нарне.

...Мечущиеся по небосводу звёздные тени, заполненные белёсым ядом шрамы, рассекающие хрустальный купол; и тяжёлые, всё приближающиеся шаги.

Эфраим с бессильной горечью покачал головой. Столько веков прожил старый вампир, думал, что ему давно уж всё равно, жив он или нет; а оказалось, что так и не всё равно. И что он готов драться даже за ущербную свою «несмерть», но распадаться прахом и серой золой пока не торопится.

В этот момент Мегана вздрогнула всем телом и приподнялась на локте.

...Подобного пробуждения хозяйка Волшебного Двора ещё не знала. Всё тело словно оледенело, шею не повернуть, в неё как будто впился сзади ядовитый скорпион. Руки — что с ними случилось? Белые, как в щёлке отмыты.

Она застонала и повернулась. Пара сильных рук подхватила её под мышки, приподняла, помогла сесть на поваленное бревно.

— Государыня Мегана?

— С-спасибо, Эфраим. Т-ты меня вытащил...

— Что верно, госпожа, то верно. Вы такое заклятье сплели, что оно бы из вас всю жизнь высосало и ещё дальше б пошло.

— Охо-хо...

Мысли скачут и мечутся, словно крысы при виде кота. Ужасно холодно. Поесть?.. Ой, а почему меня выворачивает при одной только мысли о еде? И отчего так болит шея?

— Где мы, Эфраим?

— Эгест, государыня. Аккурат промежду Нарном и Вечным лесом. Тащил я вас, что называется, куда глаза гля-

дят. — Глаза у самого Эфраима глядели куда угодно, только не на Мегану.

Только сейчас она вдруг поняла, что отлично видит в темноте. Стояла глухая ночь, а для хозяйки Волшебного Двора словно расстилались ранние сумерки.

— Почему я вижу? — ошарашенно проговорила она вслух.

Эфраим совсем потупился и словно бы даже уменьшился ростом.

— Почему я вижу?! — Нарастающий внутри ужас, липкий комок в животе стремительно расширяется, давя волю и разум. Рука сама собой поднимается к шее... и нащупывает парные ранки.

— Т-ты... — слова испаряются и тают. Мегана вскакивает и чуть не падает; Эфраим на всякий случай отодвигается ещё дальше и горбится, словно готовясь перекинуться, пока не поздно, в летучую мышь и задать стрекача.

— Ты меня укусил, — наконец проговаривает чародейка.

— Укусил, государыня, — сокрушённо признаётся Эфраим. — Но не просто ж так! И обратить не старался, и кровь вашу не пил... самую малость вприснул, чтобы не померли вы, чтобы разорвать то заклятье...

— Укусил... — Взор Меганы остановился, зрачки словно закаменели.

— Да! Куснул! — взвизгнул Эфраим. — Потому что...

— Я поняла, — мертвым голосом отозвалась волшебница. — Чтобы меня спасти. Спасибо, Эфраим. В кого я теперь превращусь, ты можешь сказать, а?

«И что же будет, когда Ан меня увидит?» — обожгла новая мысль.

— Ты, госпожа, погоди печалиться, — робко попытался ободрить её вампир. — Никто никогда из наших ещё не кусал настоящих чародеек. Да и я лишь чуть-чуть потратил, чтобы только вытащить, а не обратить...

— Будет тебе, — вяло отмахнулась волшебница. — Сделанного... — голос её прервался, — сделанного не воро-

тишь. Укусил, значит, укусил. Буду искать способы... чтобы не превратиться...

— В такого, как я? — вырвалось у вампира с явственной обидой.

— Ты настоящий друг, Эфраим. — Всевеликие бездны, ну откуда у неё взялись силы так ответить?! Ведь погубил он её, может, и не по злому умыслу, а погубил безвозвратно... Губы трясутся, но всё-таки выговаривают: — Подумаем теперь, что делать дальше... Где вырвавшаяся из Аркина тьма, Эфраим?

— А где ж ей быть, — вампир обрадовался сменившейся теме. — Прёт, понимаешь, во все стороны. Но мы её опередили, не беспокойся, государыня.

— Я не беспокоюсь. — Наверное, именно так говорят живые мертвецы в старых фьябах времён эбинского величия. — Мне ведь теперь всё равно, правда, Эфраим?

— Нет, моя госпожа. Эта тьма — не наша, не эвиальская. Нас с тобой она сожрёт точно так же, как обычного человека, или там эльфа, или гнома, или орка.

— Ка-акая досада. — Ого, ей, оказывается, хватает сил даже на саркастическую иронию или на иронический сарказм. — А перекидываться в летучую мышь я тоже не смогу?

— Нет, моя госпожа. — Эфраим, похоже, принимает всё за чистую монету. Он даже не замечает, что Мегана вот-вот разрыдается. — Я ж тебя не обратил. Вампирий яд, как говорят люди, у тебя в жилах есть, а вот обращения не совершилось.

— Но ведь твои сородичи должны были проделывать такое множество раз и не обращать укушенных, иначе весь мир сейчас занимали бы одни вампиры, — возразила Мегана, в очередной раз поражаясь собственной способности произносить фразы спокойным и рассудительным голосом. — Ты должен знать, что со мной случится!

— Вот я и говорю — ничего, ничего особенного, — лживо-успокаивающе зачастил Эфраим. — Отлежишься, госпожа, отойдёшь. Яд растворится да и сгинет. По книгам своим волшебным помотришь, узнаешь, чем такое лечить можно. Всё хо...

— Что это?! — Мегана едва удержалась, чтобы не завизжать.

Благодаря пресловутому «вампирьему яду» или же ещё отчего-то, но чужие заклинания она чувствовала теперь особенно остро.

Совсем рядом, в Нарне, лопнули какие-то скрепы, сдерживающие поистине великую Магию жизни и смерти, глубинную, страшную, тёмную.

— Даэнур отдал бы правую руку и все когти с левой за такое!

Некромантия высших порядков. Таких, что дух захватывает.

— Что, Неясыть-Разрушитель настолько близок?! — задохнулась Мегана.

Эфраим втянул воздух, смешно раздувая ноздри.

— Нет, госпожа, это не он. Уж единственного настоящего некроманта на весь Эвиал я бы так близко учуял. Не он это, точно.

— А кто ж тогда?! Это их магия, больше ничья!

— Смотри, госпожа! Смотри вверх, увидишь!.. — Эфраим вскинул тонкую руку, тыча пальцем в зенит. Мегана подняла глаза — и оцепенела.

Небеса раскрылись. Словно на церковной фреске, из расщелины небосклона к земле протянулась призрачная лестница, тысячи тысяч отливающих золотом ступеней. И по ним неспешно, словно сознавая собственное могущество, спускалась сияющая человеческая фигурка. Нарушая все законы естества, она видна была во всех деталях, словно находилась на расстоянии вытянутой руки.

Старый хитон. Стоптаные сандалии — Мегана могла разглядеть даже потёртые переплетения сыромятных ремешков. Жёсткая чёрная борода, скорбно-спокойный взгляд.

— Спаситель... вступил... — цепenea, прошептала Мегана.

— Спаситель. Вступил, — кивнул Эфраим. Серая кожа вампира побелела.

— Конец всему, — выдохнула чародейка.

Как же обидно умирать, так и не повидавшись с Аном, не обнявшись... не проведя вместе ни одной ночи от заката до рассвета...

Кажется, она завывала, словно лишившаяся выводка волчица. Эфраим неловко, боком, придвинулся к ней, осторожно принялся гладить по плечам, пытаясь утешить — хотя какие уж теперь утешения!

— И ничего не сделать? Совсем-совсем ничего? — закусила губу чародейка, забывая сейчас даже о вампирьем яде в собственных жилах. Оживали ненависть и жажда борьбы. Нет, если уж умирать, так с оружием в руках, в бою, а не на бойне!

— Тебе лучше знать, государыня. Ты была верной Его дщерью, разве не так?

— Так-то оно так, — сквозь зубы процедила чародейка. — Только в священных книгах и даже в «Анналах Тьмы» ничего не говорилось, что делать, если Он уже в мире. Разрушитель жив, и, значит...

— Милорд ректор тоже ведь жив, — вскользь заметил Эфраим. — И он где-то в Нарне, если я правильно помню слова госпожи.

— Вот я и думаю, — мрачно процедила Мегана, — не его ли это заклятье... или с его помощью проделанное. Не представляю, кому в Эвиале под силу осуществить подобное в одиночку! Может, Ан пытался остановить Его... может...

— Так следует, наверное, скорее разыскать милорда ректора?

— Да. Ан говорил... обещал... что я смогу пройти к нему. Тонкие пути, понимаешь...

— Понимаю, — перебил вампир. — Но с милордом ректором в эдакой круговерти всякое случиться могло. Так что, если моя госпожа не против, я бы отправился на поиски.

— Отправляйся, — почти равнодушно проговорила волшебница. — Только смотри, как бы не подстрелили тебя в этом Нарне...

— Небось не подстрелят, — самоуверенно бросил Эфраим, перекидываясь.

Летучая мышь взвилась ввысь и легко помчалась на запад; Мегана, по привычке обхватив руками плечи, вновь присела на бревно. Нет, она не чувствовала ни холода, ни голода, ни жажды — вампирий яд так и действовал; волшебница вновь и вновь вспоминала сейчас строчки Писания, те самые, где говорилось о последних днях и Втором пришествии Спасителя.

Уже заплакали кровавыми слезами образа. Доставшаяся дорогой ценою виала с чародейской субстанцией, влагой Его жил, — к чему она теперь? Или — подсказывало неразумное и несдающееся человеческое естество — ещё, может, и пригодится?..

Дальше обещалось нашествие Тьмы и её чудовищ. Исполнилось, если считать за это случившееся в Аркине и его окрестностях.

Следующим по списку шёл «великий мор». Этого вроде б не случилось, по крайней мере никаких вестей об этом пока не разнеслось.

После великого мора следовала не менее великая битва «многих собравшихся племён» против Него с «малой дружиной верных». Там, где «трава встретит горы, а песок — море». Что подходит под это описание?.. Салладор? Что-то ещё восточнее?

Во всяком случае, должно пройти ещё немало времени, приободрилась Мегана.

* * *

Разорванное время, думал Анэто, бредя в окружении многочисленной стражи из нарнийцев и эльфов Вечного леса. Руки мага оставались связаны, горло по-прежнему колол кинжал, только уже не Шоара — Тёмного эльфа заменил бессловесный ассасин Храма Мечей.

Разорванное время — ночь всё не кончается, и это не метафора. Не меньше пяти часов, по подсчётам Анэто, они пробирались извилистыми лесными тропинками, а рассвет даже и не думал наступать.

Ярость сменилась усталостью и равнодушием. Предположим, он сможет перебить изменников-эльфов всех до единого, не даст им «уйти от возмездия», но как это поможет остальным в Эвиале? Разве это задержит Спасителя хоть на миг?

Последние дни поистине. Всё оказалось напрасным, Анэто; хорошо хоть, что ты успел узнать вкус поздней, но настоящей любви. Мег... ты так и не смог позвать её, не успел перекинуть к ней, единственной и неповторимой, невидимый для прочих мост, не успел ни посмотреть в глаза, ни сжать в объятиях.

Маловато ж ты сделал в своей жизни, милорд ректор. Учился, медленно, но верно лез вверх по ступеням чародейской иерархии; вроде б добился своего, сделавшись сперва самым молодым деканом в истории Ордоса, а затем — и самым молодым ректором. Пост главы Белого Совета не заставил себя ждать; а с ним — и долгие распри с Волшебным Двором, в особенности — с одной зазнавшейся и нахальной волшебницей, возомнившей себя невесть кем.

Сколько шпилек подпущено, сколько произнесено ядовито-вежливых колкостей... Анэто аж заскрипел зубами, совсем забыв сейчас и о Спасителе, и о собственной участи. Упущено, потеряно без возврата, разменяно на уважительно-завистливые взгляды коллег, когда ему удавалось в очередной раз оставить Волшебный Двор в дураках. И, стыдно вспомнить, тогда это казалось таким важным, таким нужным! Авторитет Белого Совета! Единство магов Эвиала, столь вопиюще попираемое всё тем же Волшебным Двором, не признававшим никаких авторитетов, кроме своего собственного!

— Как же вы меня боитесь... — прохрипел маг, когда молчание стало совершенно невыносимым. — Ненавидите и боитесь. А ведь туда же, почтительно учились в моей Академии, нарнийцы! Неужто совсем забыли и стыд, и совесть?

— Не стоит даром тратить слова, — спокойно отозвался Шоар. — Например, мои честь и совесть — ничто по

сравнению с благом Нарна. Мой народ должен жить. Если я расстанусь с упомянутыми честью и совестью — что ж, значит, такова плата.

— Какая удобная философия, — скрипнул зубами Анэ-то. — Можно оправдать любые грязь и гнусь!..

— Ты же знаешь — мы, нарнийцы, никогда не занимались ни «грязью», ни «гнусью», — казалось, Шоара невозможно вывести из себя. — Иначе ты бы первым указал нам на дверь твоей Академии. Мы поступаем так, как поступаем, с тяжёлым сердцем. Мы не гордимся этим поступком, поверь.

— А по-моему, очень даже гордитесь, — Анэто вскинул голову. — Мол, вот я какой — ни жизни мне не жаль, ни чести, что ещё дороже.

— Допустим, — невозмутимо отозвался нарниец. — Но и что с того? Люди не могут покинуть пределов Эвиала. Мы, эльфы, благодаря королеве Вейде — можем. Как она совершенно справедливо заметила, наша гибель вам не поможет. Ничем. Разве что не так обидно станет отправляться в утробу Спасителя.

— Его ещё можно заставить отступить! — отчаянно выкрикнул маг.

— Почему ты так решил? — Шоар оставался само хладнокровие. — Ты смотрел в Его глаза. Ответь мне, человек, — какая сила сможет остановить такую Сущность?

— Та же, что не давала ему допрежь войти в Эвиал!

— Но это не «сила» в привычном тебе понимании. Это совокупность множества обстоятельств, восстановить которые мы уже не в состоянии.

— А почему же королева Вейде даже не попыталась убить Отступника и Разрушителя?

— Потому, что они уже выполнили своё чёрное дело. Спаситель вступил в Эвиал, и их смерть, даже самая мучительная, теперь ничего не изменит, — охотно и даже почти дружелюбно пояснил эльф.

— Ты так уверен?! Нет, скажи, доблестный и благородный нарниец, ты в этом уверен? Так же, как дважды два — это четыре, а солнце восходит на востоке?

— Да, уверен, — безмятежно отозвался Шоар. — Так сказала королева Вейде, а она не ошибается. Все её предсказания исполнились. Эльфы освободятся в последний час Эвиала, изрекла она, когда Спаситель только-только покинул наш мир в первый раз. Нарн сохранил эти её слова. Деревья вобрали их в себя листвою и корнями, сберегли в самой сердцевине стволов; сегодня настал час, когда предсказанное исполняется. Прими свою участь, человек. Мы — ни королева Вейде, ни я, ни кто-либо из эльфов моего леса — не желаем тебе зла. Вини в случившемся не нас, а всемогущую Судьбу. Это не бог, не Спаситель, не Тёмные Шестеро — это безликая сила, не слушающая просьб и не внимающая мольбам. Сбереги силы для последней схватки, маг, тогда ты умрёшь в бою, как положено мужчине. Разумеется, в том случае, когда он не может спастись.

— Будьте вы все прокляты! — только и смог прорычать Анэто.

Верные ему полки, застывшие лагерем посреди Эгеста; внушительная сила, так ему и не пригодившаяся. Сколько возможностей упущено, сколько времени потеряно! А всё из-за неё, из-за Вейде, так искусно притворявшейся, так виртуозно сыгравшей!

Не раз и не два Анэто порывался-таки ударить давно сплетённым заклинанием, испепелить и себя, и стражу; и всякий раз отступал. Из-за Меганы.

Смерть нескольких отступников и предателей действительно ничего не изменит, тем более что это всего лишь пешки. А умирать, не посмотрев последний раз в глаза, что стали дорогими, любимыми и единственными до невозможности поздно, маг тоже не мог. Что угодно, только не это. Мегану он обязан разыскать и, если такова их участь, умереть вместе с нею.

Почему-то это казалось невероятно важным, важнее всего остального на свете, даже сладкой, желанной мести.

— Мы скоро избавим тебя от нашего общества, маг, — говорил Шоар, дружески поднося к губам связанного чародея деревянную фляжку. — Королева велела отпустить

тебя на все четыре стороны. Что же до меня, то я даже постараюсь помочь тебе отыскать хозяйку Волшебного Двора, она где-то тут неподалёку...

— Ты знаешь... — задохнулся Анэто, едва не подавившись, — ты знаешь что-то о Мегане?

— Конечно, знаю, — с лёгким пренебрежением пожал плечами эльф. — Плохим бы я был правителем Тёмного леса, не знай, что творится на его границах. Спаситель может вступить в наш мир, но магия Нарна сильна по-прежнему. Я укажу тебе дорогу к... к твоей любимой.

— Откуда... как?.. — Щёки Анэто залила краска, словно у пятнадцатилетнего.

— Откуда мы это знаем? — покровительственно улыбнулся Шоар. — Ну, мой дорогой маг, пришлось бы признать себя никудышными заклинателями, коль мы пропустили бы столь горячее чувство. Королева Вейде прочла его в твоём сердце так же ясно, как если б оно было начертано на пергаменте. Тебе нечего стыдиться. Всё равно я уже не успею никому ничего рассказать.

— Это почему?!

— Да потому, дорогой маг, что Спаситель уже здесь, в Эвиале, и...

— И что?! Согласно священному преданию, должен последовать мор, а потом — великая битва, и...

— Ты не допускаешь мысли, — перебил его эльф, — что ваши священные книги ошибаются? Спаситель, Он ведь большой шутник. Королева Вейде говорит, это совершенно в Его стиле. Не будет никакого мора, дорогой маг. Спасителя призвали — вопли и стоны раздаются в каждом Его храме от Семиградья до Салладора, от Пика Судеб до Кинта Дальнего! Вот и докричались. Вам, люди, винить некого. Но, по давней привычке, вы всё пытаетесь переложить на других. На предателей-эльфов, вроде нас, например.

— Можно подумать, это неправда...

— Ну конечно же, неправда, — весело бросил Шоар. — И Отступник, и Разрушитель — они не эльфы, они люди. А мы, хозяйева Нарна и Вечного леса, только и могли, что

помочь вам чародейством. Владычица Вейде сделала всё, на что способна. Лишь чуть-чуть опоздала. Бывает. Закливание такой силы точно не нацелишь. Как я уже сказал, человек, можешь сетовать на Судьбу, отнюдь не на нас.

— Прекрасное рассуждение, — буркнул Анэто, неожиданно теряя всякий интерес к разговору. Преппирательства с остроязыким эльфом действительно бессмысленны. Если Спаситель уже здесь и конец совсем близок... что остаётся человеку, считающему, что он ещё не потерял честь и совесть? «Проживи так, чтобы не стало стыдно в последний миг», — учили книги. Во множестве сказаний герои сплошь и рядом оказывались на краю гибели, и те из них, что могли спокойно посмотреть в глаза Вечности, уходили в великую ночь со спокойным достоинством — в отличие от тех, кто суеился, мельтешил и подличал, норовя протянуть подольше хоть на один вздох.

Он, Анэто, ректор Академии Высокого Волшебства, глава Белого Совета, не уронит себя и не опозорит. Тьфу, экая патетика... хотя, если разобраться, когда ж ещё и проносить подобные фразы, как не сейчас?

— Мы пришли, — неожиданно бросил Шоар. Маг встряхнулся — он и не заметил, как кончился Нарн. Ночь длилась, бесконечная по-настоящему, а не как в красивой балладе; впереди расстился Эгест, чуть всхолмлённая равнина, густо усеянная деревеньками и баронскими замками вперемешку с небольшими городками. Пограничная река, отделявшая Нарн от людских земель, тоже осталась позади — Анэто, как ни старался, не мог вспомнить, как и когда они перебрались на другой берег. Ещё одна тайна Нарна, которую уже не разгадать.

— Как ты понимаешь, нам придётся себя обезопасить, — негромко проговорил Тёмный эльф. — Тебя держат на прицеле, маг, а я и Созьльди читаем твои мысли. Не пытайся угостить нас на прощание молнией или чем ещё. Ты всё равно промахнёшься и потеряешь последние часы, что ещё можешь провести с Меганой.

— И Созьльди тоже? — бросил Анэто, просто чтобы не оставлять за нарнийцем последнее слово.

— Разумеется, — Тёмный эльф пожал плечами. — Всё это время она оставалась у Потаённых Камней, следила за тобой, смотрела моими глазами... неужто тебя, милорд ректор, можно удивить столь простой комбинацией?

— Меня уже ничем нельзя удивить, — отвернулся маг.

— Тогда прощай, — Шоар отступил на шаг. — Рыцарь Храма Мечей останется с тобой, пока мы не окажемся в безопасности. Как-то не хочется перед самым Исходом подвергать себя различным... случайностям.

— Беги, трус! — сорвался Анэто.

— Побегу, — легко согласился нарниец. — Мне и впрямь надо спешить. Время сейчас течёт согласно воле королевы Вейде, чей магический талант я, надо признать, недооценивал; но это продлится недолго. Кто не успел, тот опоздал, как говорите вы, люди; задержавшихся ждать никто не станет. Ковчег отчалит без нас.

— Ковчег?

— Ах, ну это же просто фигура речи, мой дорогой маг. Кораблями, что доставят нас к иным мирам, станут наши леса. Вы, люди, никогда не понимали их истинной силы. Деревья станут палубой, ветви и листья — парусами; и ветер, что не шелохнёт и пылинки на ваших дорогах, понесёт нас прочь отсюда... — почти мечтательно закончил эльф. — Ты тоже мог бы отправиться с нами, Анэто, но почему-то предпочёл умереть здесь. А ведь если разобраться, то останься ты жив — у тебя по крайней мере были бы шансы отомстить.

— Разве месть воскресила бы всех сгинувших в Эвиа-ле? — горько отозвался Анэто. — Ты прав, Тёмный эльф. В этом единственном ты прав. Я не стану омрачать последние часы пустой изжигающей ненавистью к вам. Но не мог бы ты...

— Помочь тебе найти Мегану? — перебил его Шоар. — Разумеется. Так сказать, последнее желание приговорённого... или, вернее, добровольно приговорившего себя. Она невдалеке отсюда; ты думаешь, я не знал, куда идти? Освободишься — шагай прямо на восток, на Глаз Жука. В паре лиг наткнёшься на них.

— На них? Она не одна?

— Ну, конечно же, — усмехнулся эльф. — Госпоже хозяйке Волшебного Двора не пристало путешествовать сам-друг. Не знаю, придёт ли тебе по нраву её спутник... но нам пора. Прощай, странный человек Анэто; на кругах этого мира мы уже не встретимся. Королева Вейде исполнила свой долг, собравшиеся из множества мест погибшие эльфы оживлены и готовы к дороге; мне тоже надо спешить. Не держи на меня сердца, кляни Судьбу. И — кто знает! — вдруг ваш Спаситель не во всём таки солгал? Надейся на это, маг.

Шоар кивнул связанному чародею и принялся пятиться, не сводя с Анэто внимательного взгляда. Волшебник не шевелился; он понимал, что нарниец не лжёт и не бросает слов на ветер. Молчаливый ассасин Храма тоже не шевелился, и холодное остриё по-прежнему щекотало горло ректору ордосской Академии.

— А ты? — обратился к нему Анэто. — Почему ты помогаешь эльфам, ты, человек? Или думаешь, что ваш Храм справится и со Спасителем?

Ассасин не ответил.

— Тебе всё равно, будешь ли ты жить или умрёшь?

— Все умрут рано или поздно, — последовал спокойный и холодный ответ. Голос изобиловал неприятными шипящими интонациями, враз напомнив милорду ректору одного из деканов его Академии, а именно — distinguished наставника факультета магии, сиречь злодея.

— Надо же. Воин Храма удостоил меня ответом, — издевательски бросил Анэто. — Какая честь!..

— Это высокая честь, — согласился его невидимый собеседник. — Нечасто рыцарь Храма удостоит словом того, кого ему велено удержать от глупостей.

— Не знаю, как тебя и благодарить, — хмыкнул Анэто, собрав остатки сарказма.

— Что ты. Не стоит благодарности. Мысль, что вы, гнусные людишки, все останетесь здесь, доставляет мне неземное наслаждение.

— Ты — дуотт! — вырвалось у мага.

— Истинно, — с ядовитой учтивостью ответил ассасин. — Последний Рыцарь Храма моей расы.

— А... те двое... Правый и Левый, как я их назвал... Они ведь тоже не-люди, так? Скажи мне, рыцарь, я ведь, как правильно заметил Шоар, уже не успею никому ничего разболтать.

— В ваших легендах злодей всегда пускается в странные рассуждения перед связанным и как бы беспомощным главным героем, — мерзко усмехнулся дуотт. — Разумеется, за это время герой или успевает воспользоваться спрятанным артефактом, или к нему на помощь приходят верные друзья. У нас обстоятельства иные, и к тому же должен признать, рассказывать тебе это действительно доставляет мне огромное удовольствие. Я даже удивлён — мне казалось, что за все века в Храме подобные чувства меня давно оставили. Оказывается, что не до конца... Те двое, ты прав, не люди. Но и не дуотты. Если говорить прямо, один из них был человеком, другой — эльфом. Пока не достигли великого просветления и не вошли в пламя Зелёных Мечей, откуда вышли уже иными, совершенными существами. Пламя стёрло различия меж ними, провело тропой великой боли, без которой невозможно очищение... — В голосе ассасина послышалась нотка зависти. — Конечно, им далеко до совершенства Стоящего во Главе, но между мной и ими — всё равно пропасть.

— Как интересно, — протянул Анэто. — И какая жалость, что я узнаю всё это так поздно!.. Но скажи мне, рыцарь, разве ты не страшишься Спасителя?

— Спасителя? Конечно, страшусь, — неожиданно услышал маг. — Любое живое существо дрожит и трепещет перед Его мощью. Мы не можем с Ним сражаться, мы можем лишь бежать. Храму осталось выполнить последний долг здесь, в Эвиале, после чего мы навсегда покинем сии пенаты.

— Надо же, — покачал головой Анэто. — Все собираются в дорогу, пакуют тюки, и выючные верблюды уже

подведены к крыльцу. Может, ты поведаешь мне напоследок, что же за «последний долг» удерживает вас здесь?

— Нет, — резко отрубил дуотт. — Это тебе знать не положено, пусть даже ты «не успеешь никому разболтать». Стоящий во главе запретил мне это, и я не ослушаюсь его приказа. Так, Шоар даёт мне знать, что я могу покинуть тебя, маг. Эльфы — странный народ; вместо того чтобы просто зарезать тебя, как барана, нарниец играет в благородство, мне велено тебя отпустить. Верёвки я оставляю, избавишься от них сам. Прощай, человек, наше отмщение наконец свершается. Войны Быка и Волка завершатся в эти дни, ничтожество. — Голос дуотта наполнила дикая, несдерживаемая ненависть. — Вы, накипь и плесень, уйдёте, сгинете, воя от безнадёжности и ужаса, а мы, дуотты, посмеёмся над вашим последним кошмаром!..

— Вот как? А остальные твои соплеменники, они что ж, тоже уйдут, следом за эльфами? — выкрикнул Анэто, извиваясь на земле и пытаясь сбросить путы; от ярости он совершенно забыл о магии.

— Те из моих соплеменников, — холодно ответил дуотт, — кто достиг соответствующих высот, последуют за эльфами. Те, кто не продвинулся так далеко, — останутся здесь. Это справедливо. Сильному — жить. Слабому — отправляться во чрево Спасителя. Вы молодцы, люди, создали-таки идеального врага, силу, которой невозможно сопротивляться...

Шорох. Ассасин, конечно же, мог уйти совершенно бесшумно; наверное, он просто давал понять связанному человеку, что отныне тот предоставлен собственной судьбе.

Анэто не пытался нацелить заклятье в уходящего. Холодные тиски ещё не разжались, опытный чародей ощущал чужое присутствие. Наверное, та же Созьди всё ещё следила за ним, до конца выполняя договор с Храмом.

...Уф, всё. Кажется, отпустили. Решили, что он безвреден, безопасен, что у него просто не хватит времени?!

Чародея внезапно затрясло. О, нет, нет, он отомстит, и отомстит страшно! Неважно, сколько у него осталось времени; он разыщет Мегану, и вдвоём они нанесут такой

удар, что эльфы запомнят навсегда — собственно, их «навсегда» в случае успеха окажется до обидного коротким.

Волшебник встряхнулся — узлы послушно распутались, верёвки соскользнули. Как всегда, навалился откат; непривычно тяжкий для столь простенького чародейства.

Анэто поднялся; руки мага так и замелькали. Нарядный посох остался в Нарне, так далеко милость Вейде не простиралась; что ж, умную эльфийку трудно в этом винить. Ничего, Ан, мы можем и по старинке, жестом, словом, взглядом... Пусть моё заклятье не соберёт столько силы, сколько великая фигура королевы Вечного леса, но сейчас и так сойдёт. Если Мегана здесь, она его услышит.

* * *

...Он позвал, когда чародейка почти рассталась с надеждой. Донесённые послушным заклинанием слова показались ей трубным гласом, тем самым, что, согласно Писанию, поднимет мёртвых ото сна.

«Ан!»

«Это я, Мег. Где ты? Что с тобой? Ты близко?»

Беспокоится, окатила тёплая волна. Волнуется, места себе не находит. Всевеликие силы, и как же мне теперь признаться, что я... что меня...

«Мег! Не молчи, ну, пожалуйста! Скажи, где ты? Дай маяк, я тебя сам найду!»

Недавно вернувшийся Эфраим деликатно кашлянул и отошёл в сторонку, с преувеличенным вниманием уставившись на звёзды. Неужели он слышит?..

— Ничего не слышу, государыня, и слышать не желаю. А что до меня такая речь доносится, так то в природе моей, тут уж как хочешь крутись, и даже уши не зажать...

— Спасибо тебе, — само вырвалось у волшебницы. И дальше:

«Ан, ты... я...» — ой, да пропади оно всё пропадом! Я хочу его видеть, и всё. Я сама ему скажу. И... и... предложу покинуть меня, потому что какой же мужчина захочет с... с...

Не обманывай себя, ты сейчас больше всего мечтаешь о том, чтобы он с гордым негодованием отмёл даже саму

мысль о том, что он, благородный Анэто, оставит любимую женщину только потому, что в жилах у неё теперь бродит толика вампирьего яда!

«Всё, я тебя поймал, даже маяка не понадобилось. — Суховатый смешок. — Сейчас буду, Мег... любимая!»

Всё. Умереть, растаять, ничего не видеть, не слышать, только чтобы в ушах крутилось это одно-единственное слово.

Ты, видать, совсем забыла гордость, чародейка, забыла, что такие мысли более приличествуют трактирным служанкам, мечтающим о милости богатого господина, — ну и пусть! Пусть забыла! Потому что мне это нравится, понятно?! Потому что меня никто и никогда не любил, и я тоже, ясно тебе, душа, моё второе я, или как там тебя?! Ничего не знаю и знать не хочу!

* * *

Анэто почти никогда не пользовался заклатьем *тонких путей* для столь малых расстояний. По незримым тропам гораздо легче обойти половину Эвиала, чем оказаться на соседней улице. Сил уходит куда больше, откат — куда злее, а уж о потребном для наложения времени и говорить не приходится.

Всё ещё кривясь и морщась от неутихшей боли, Анэто ступил на траву обычного мира. Полянка, деревья вокруг, поваленный ствол, какая-то фигура справа; а на бревне — она, она самая, Мегана, которую он...

Забыв обо всём, маг кинулся к ней.

Руки льдисто холодны, и лицо снежно-бело, живы только глаза. Чуть подрагивает, словно от сдерживаемых слёз, точёный подбородок.

— Мег! Мег, что с тобой?!

Всё, расплакалась.

Анэто беспомощно поднял голову — и вздрогнул. Из темноты прямо к нему шагнула фигура, от одного вида которой боевые заклятья так и просились в дело.

— Вампир! — вырвалось у мага. — Мег, что он... что тут...

— Эфраим, вампир, к вашим услугам, — церемонно поклонился тот. — Скромно надеюсь, что имя моё не окажется незнакомым многомудрому милорду ректору Академии Высокого Волшебства.

Он был прав.

— Эфраим? Вождь Ночного Народа? — недоверчиво переспросил Анэто.

— Он самый, Ан, — еле слышно шепнула Мегана. — Он меня спас...

— Спас? Вампир? От чего?

— Долгая история, Ан. — Она не улыбнулась, глаза влажно блестели. — Но это неважно. Ты здесь. Всё хорошо...

— Я, государыня моя, пойду полетаю, — встряхнулся Эфраим. — Понадоблюсь — зовите.

— погоди, — остановил его Анэто. — Ты спас Мегану, спасибо тебе за это. — И милорд ректор без колебаний протянул вампиру раскрытую ладонь, как он поблагодарил бы человека.

Эфраим уставился на протянутую руку, словно ему предлагали взяться за осиновый кол. У представителей рода человеческого не имелось привычки подобным образом благодарить вампиров; хотя, если признаться, и поводы для такой благодарности им представлялись нечасто.

— Н-ничего... — только и просипел он, торопливо и неловко коснулся ладони Анэто длинными тонкими пальцами и тотчас отдёргнулся, словно обжёгся.

— Ну, полетел я, — выпалил он, поспешно перекидываясь.

Летучая мышь взмыла вверх, словно за ней гналась Святая Инквизиция в полном составе.

— Мег, я... — проводив вампира взглядом, начал было Анэто, однако чародейка перебила его:

— Он. Меня... — раздельно выговорила Мегана и замолкла, закусив губу.

Волшебник замер.

— Спас, да. Дважды. Второй раз, чтобы спасти, пришлось укусить, — наконец продолжила она.

Анэто попытался выговорить хотя бы нейтральное «рассказывай», но так и не смог. Только смотрел на Мегану да немо раскрывал рот.

— Эфраим хотел остановить моё заклятье... — начала сама хозяйка Волшебного Двора. И, пока она говорила, Анэто начисто забыл и о Вейде с Шоаром, и о коварстве эльфов, и даже о самом Спасителе.

Ночь не кончалась, звёзды словно застыли, навек припиленные к небосводу, шляпки вбитых в великую сферу гвоздей. Разорвавшись, время обернулось настоящей паутиной, и никто не смог бы сказать, когда оно вновь обретёт свой прежний ход. Тьма царила вокруг, незримые стены отгородили Мегану и Анэто от всего мира, и ничто не мешало словам, единственно правильным, если только они произнесены.

Анэто заставил себя не расспрашивать чародейку о вампире, хотя внутри у него всё кипело. Глава Белого Совета слишком хорошо знал, что бесследно такое не проходит. Вампир может высосать всю кровь из человека, и тот рассыплется сухим прахом; а может поделиться с несчастным своим естеством, тем самым «вампирым ядом», одной из самых редких и высокоценных алхимиками субстанций. Достаточно одной капли — рано или поздно жертва вольётся в Ночной Народ. Противоядие неизвестно, действие отравы необратимо. Да, это может спасти жизнь. Человеческое будет жить — ещё какое-то время, постепенно замещаясь вампирым. А когда отомрут последние его остатки, вампиры ряды пополнятся новым членом.

Разумеется, это не единственный путь, как можно стать вампиром. Но Мегану ждал именно он.

— Там была всего лишь капля... — тихо закончила она. — Эфраим говорит, что она просто растворится в моей крови, какое-то время я буду похожа... на них, а потом это пройдёт, но я не верю. Никогда специально не занималась Ночным Народом... напрасно, как оказалось. Но мы... но ты...

Как ей сказать, что осталась только одна дорога — та самая, по которой упорхнула сейчас несоразмерно-огромная летучая мышь? Как выплеснуть горечь и отчаяние?

И он сам начал говорить, взяв в свои её ледяные тонкие ладони. О том, что случилось в Нарне. О великом заклинании, сплетённом Вейде. О том, что королева Вечно-го леса пробудила от вечного сна всех погибших в Эвиале эльфов. О готовящемся исходе, о союзе с Храмом Мечей и — под самый конец — о вступившем в Эвиал Спасителе.

Слышала ли его Мегана? И слушала ли вообще?..

— Мы его тоже видели... — Значит, все-таки слушала. — Кстати, в Священном Писании ничего не говорится о вампирах. Спасены будут «искренне верящие в Него», а вот остальные... И потом — у вампиров же нет души...

— Но твоя-то никуда не делась, — попытался пошутить Анэто.

— А Разрушитель с Отступником? — только покачала головой Мегана. — Последний ведь на Пике Судеб, а вот первый?

— Разрушитель летел на спине дракона. И этот дракон был не один. Они направлялись на Пик Судеб. Но Вейде говорила...

— Что уже поздно? — рывком поднялась волшебница. — Верь ей больше! Во всяком случае, это лучше, чем просто сидеть тут и ждать неведомо чего. То ли мора, то ли той самой «последней битвы»... Ты сможешь открыть туда тропу?

— Разумеется, Мег, но...

— Никаких «но». — Глаза у неё вновь блеснули, но теперь уже не от слёз. — Ненавижу умирать со связанными руками. Давай, Ан, давай, пока я... пока я ещё... — она вдруг всхлипнула и уткнулась ему в плечо. — Я бою-у-усь... а что, если я тебя... как Эфраим...

— Мег, ну какое это теперь имеет значение? — мягко отстранился Анэто. — Спаситель здесь, в Эвиале. Согласно Писанию, у нас остались недели. А если священное предание ошибалось... то, может, часы. Пусть их, всех этих разрушителей, отступников, заступников, переступников и прочих персонажей хроник. Просто побудем вместе. Хоть один раз.

Мегана остановилась. Удивлённо взглянула:

— Ты... хочешь со мной? Я ж как живой труп нынче. Нет, Ан, не могу. Всею душой бы... но нет. Давай уж лучше на Пик Судеб; убивать — иного мне и не осталось.

Маг покачал головой.

— Будь по-твоему, Мег. Но разве ты забыла, что такое этот Пик? Забыла о гномах? О неупокоенных в его недрах? Думаешь, мы пробьёмся там с тобою вдвоём?

Волшебница опустила голову.

— Может, и не пробьёмся. Может, сложим головы. Но уж лучше так, чем... — она кивнула на ночное небо.

— А мне, ты знаешь, даже интересно, — вдруг признался Анэто. — Отрыжка мага-исследователя, наверное... интересно, как оно всё будет. Как Он явится. Что за волшебство пойдёт в ход. Понимаешь?

— «Смерть — последнее великое приключение», — грустно кивнула Мегана. — Вы, мужчины, никогда не изменитесь.

— А стоит ли?

— Нет, в том-то всё и дело...

Они замолчали. Стояли близко-близко, осторожно и бережно касаясь друг друга, словно совсем юные, неумелые любовники, боящиеся неверным движением разрушить соединившее их волшебство. Недвижны звёзды; ни звука, ни огонька вокруг, в распростёршейся по всему Эгесту великой ночи. Что там на юге, в Аркине, захваченном «Тьмою торжествующей», как сказано в Писании? Что там на западе, где бурлит и кипит чёрная преграда, разделившая мир от моря до неба? Какая разница — двое держат друг друга в объятиях, и никакой вампирий яд их уже не разъединит.

Глава восьмая

— Нам в Империи Клешней делать больше нечего, — повторил тот, кому взбрело в голову назваться Кицумом. — Достаточно жертв. Пусть капитан Уртханг собирает добычу и отваливает, дуотты опомнились, и скоро тут будет не

продохнуть от зомби. Клара, Райна, Ниакрис! Ты, Бельт! Шердрада! Отсюда надо убираться.

— Это понятно, ве... Кицум, — поклонилась Клара. Перед странной и холодной силой, укрывшейся под личиной старого клоуна, она всё ещё робела. — Но куда дальше?

— Х-ха, достойная чародейка решила, что я сюда явился думать за неё? — усмехнулся Кицум, шагнув к выходу из галереи подземного храма. — Нет, даже и не надейся. Пасти других — не моя забота. Вы сами выбираете свой путь. Я могу лишь помочь самостоятельно на него вставшим.

— Изуверство, — мрачно проговорила насупленная Ниакрис. — Вы, великие, всё равно не можете без нас. Постоянно вмешиваетесь, а когда требуется слово того, кто знает неизмеримо больше всего рода человеческого, — уходите в тень, юлите и изворачиваетесь, словно вам доставляет удовольствие следить, как мы барахтаемся!

— Справедливо сказано, — серьёзно и без тени усмешки ответил Кицум. — Ты права, Лейт. По-настоящему живёте только вы, смертные. А мы... мы только следим за вами. Без вас мы — ничто, пустые оболочки, заполненные слепой мощью. Вы порождаете нас, вы делитесь с нами вашим сознанием и способом мыслить. Можно знать всё, но это безумная скука, которую мы тоже позаимствовали у вас...

— Мы? — напирала дочь некроманта.

— Согласен. Не «мы». «Я», хотя, как ты понимаешь, у меня нет права так говорить. Настоящее «я», стоящее за этой личиной, как и за множеством иных, таинственно и непознаваемо даже для меня.

— Ты — аватара, — Клара вспомнила подходящее слово. — Аватара кого-то из могущественных начал, которые...

— Можешь сказать и так. Я — лишь часть единого. Ограниченная часть. Не все возложенные на истинное мое «я» ограничения действены для меня, но и не все возможности единого мне дарованы.

— А как появился «клоун Кицум»? — невольно оробев, подала голос Тави.

— Он лучше всего подходил для моей миссии, — пожал плечами Кицум. — Старик был непрост, он слыл одним из лучших в Серой Лиге — ты знаешь, кто это такие, Тави, да и ты, Клара, наверное, тоже. Единое послало меня; осталось только выбрать нужный момент и слиться с ним. Когда пришёл бы мой черёд уходить, настоящий Кицум словно пробудился бы ото сна, найдя в себе мои богатые дары — они остались бы с ним до конца; однако он погиб, погиб на поле брани вместе с Сильвией, когда они вдвоём пытались овладеть Алмазным и Деревянным Мечами, — там, ещё в Мельине. Мне пришлось оживить и его, и девочку... до срока, приходится признать. Ну, чего замолчали? Поңяли, к чему я? Достаточно расспросов, шире шаг, дорогие мои! Прочь отсюда — и к кораблям!.. Похож я на какого-нибудь ярла или тана, а, Райна?

— Очень похож, — заверила его валькирия. — Мы готовы идти за тобой, великий.

— Не за мной, — поморщился Кицум. — Вот за нею, — он кивнул на Клару. — Я только помогу вам следовать по вами — и только вами! — избранному пути.

...Пожары в столице Клешней упрямо не занимались. Орки, как поняла боевая волшебница, тоже отступали к морю, поджигая за спиной всё, могущее гореть; но толстые каменные стены успешно противостояли пламени, оно не вздымалось могучим валом, разделяя враждующих; удалцам капитана Уртханга не удавалось отгородиться от преследователей.

Маленький отряд Клары не терял времени даром. Улицы кишели живыми мертвяками, то и дело приходилось прорубать себе дорогу; Кицум не вмешивался, однако спутники боевой волшебницы справлялись и без него. Сама Клара щедро раздавала подарочки из своего богатого арсенала — подступавших зомби ломало, плющило, давило рушащимися стенами и внезапно низринувшимися с небес камнепадами, под их ногами трескалась мостовая, и оттуда вздымались языки испепеляющего пламени; от Кла-

ры не отставала Тави, вспомнив, что она не только воительница, прошедшая школу Вольных. Её заклинаниям не хватало мощи и размаха, зато разили они точнее и наповал.

...Из столицы они вышли, считай, без особых приключений. В самом деле, не считать же за таковые сотню-другую стёртых в порошок мертвяков? Алмазный и Деревянный Мечи тоже оставались в ножнах, как и заветная петьлька клоуна Кицума.

...У кораблей их ждали. Сами «длинные» лениво показывались на тёмных волнах предутреннего прилива; на песке осталась лишь небольшая горстка орков во главе с самим Уртхангом.

— Наконец-то! — вырвалось у орочьего предводителя. — А то мы уж...

— Собрались уплывать? — поддела его Тави.

— Уплывать?! — оскорбился зеленокожий мореход и аж оскалил клыки. — В уме ль ты, воительница? Когда воины Волчьих островов оставляли своих на поживу этим трупходам?

— Как добыча, капитан? — окликнула его Клара.

— Хвала ветрам, поживились, — ухмыльнулся орк. — Хватит и на гульбу, и на гостинцы. Парни мои довольны, кирия Клара. Говорят, ты принесла нам удачу и тебе следует выделить двойную долю в добыче.

— Перестань, — отмахнулась чародейка, запрыгивая в лодку. — Всё своё ношу с собой, а уж от Клешной мне и тем более ничего не нужно. Пусть их золото вам лучше послужит.

— Куда ж оно денется! — хохотнул капитан. — Ну, гребите, бокогреи! Утро что-то запаздывает, но со светом, не сомневайтесь, тут окажется половина их флота. Кто хочет снова увидеть Громотяг — гребите, да спин не жалейте!

Впрочем, понукать орков и так не требовалось. Вёсла трещали в сильных лапищах, вздувались бугры мышц, и струился пот.

Вскоре «длинные» хищными тенями скользнули прочь от берега, оставив за собой рассеянные огоньки пожаров.

— Эх, не удалось должную огневую потеху устроить, — посетовал Уртханг, останавливаясь рядом с Кларой, замершей возле высоко взнесённого кормового украшения. — Плохо горит там всё, кирия Клара, оттого и вернуться раньше пришлось.

— Не беда, — рассеянно отозвалась чародейка. — Будет тебе ещё потеха, капитан, и совсем скоро.

— Не сомневаюсь, — осклабился орк. — Вот и пришёл спросить, кирия, — где теперь веселиться станем?

Клара подавила невольное желание взглянуть на Кицума. Нет, посланник на попятную не пойдёт. Надо выбираться самим.

Восемь «длинных». Несколько сотен верных и лихих мечей, вырвавшихся из местами горящей, местами разорённой столицы Империи Клешной; они пойдут за ней, Кларой, даже в самую Западную Тьму.

Куда, собственно говоря, она всё это время и собиралась.

Невольно она вспомнила своё первое появление в Эвиа-ле, пустынный берег, странную крипту, железные плиты, разрушенную проклятой Сильвией скрижаль... Теперь-то она знает — именно с этого начался натиск Западной Тьмы на восток, именно она, Клара, вольно или невольно, но открыла дорогу заклятому врагу всего сущего.

Настало время вернуть долги.

Рука чародейки невольно коснулась эфесов — холод Драгнира, тепло Иммельсторна. Две противоположности, обречённые на схождение, на боевое братство; мало кто из магов Долины мог даже представить такую мощь.

Хотя, конечно, «сила есть — ума не надо», как не устал ворчливо напоминать мессир Архимаг. Что сделает Клара Хюммель, когда от воды до неба перед ней воздвигнется великий предел, сотканный из квинтэссенции мрака? С размаху рубанёт сразу и Алмазным, и Деревянным Мечами?

— Если кирия Клара позволит, я бы осмелился напомнить об одном острове... — негромко и почтительно проговорил Бельт, вдруг оказавшийся рядом.

— Острове? Каком острове?

— Кирия Клара размышляет, как именно она нанесёт Западной Тьме последний удар, верно? Но, если я правильно помню рассказы кирии, она ведь побывала на Утонувшем Крабе?

— Каком ещё Крабе? — Клара наморщила лоб.

— Крипта, — Бельт ещё более понизил голос. — Крипта и разрубленная скрижаль. Это ведь там, на проклятом острове... И они там не случайно!

— Ну и что? — всё ещё недоумевала чародейка. — Да, мы там побывали, ещё с Сильвией. Насилу вырвались, надо сказать... А девочка разрубила своим фламбергом стальную скрижаль, которая...

— Именно, — прищёлкнул пальцами старый некромант. — Разрубила скрижаль, одну из многих, что сдерживали Западную Тьму. Не знаю, кто подучил её это сделать, но...

— Да никто не учил! — отрубила Райна. — Просто иначе нам было не выбраться, вот и всё. А у Сильвии ум корток, что мешает — покрошить в капусту, чтобы не маячило, и готово дело. Кирия Клара не должна себя корить...

— Должна, Райна, должна, — хмуро отозвалась чародейка. — Я не имела права...

— Вы, уважаемые, такие вещи тут заворачиваете, что я и половины не понимаю, — фыркнул капитан Уртханг. — Скажите мне лучше — там добыча как? А войско? Но это неважно, если можно добрых зипунов набрать.

— Речь истинного орка, — рассмеялась обычно мрачная Ниакрис. — С тобой, капитан, поспорить смогли бы разве что поури...

— А что? Бравые парни, по слухам; не отказался бы иметь их в команде, — не стушевался предводитель орков.

— Ближе к делу, господа, — чуть повысил голос Бельт. — Кирия Клара не уверена, что её следующий удар окажется губительным для всеобщего врага. Наш долг — дать кирии добрый совет.

— Так, кроме тебя, никто ничего и не скажет, — пожа-

ла плечами Тави. — Я здесь вообще гость, как и сама кيريا или Райна.

— Я скажу, — кивнул старый некромант. — Если где-то у Западной Тьмы и есть уязвимое место, так это там, где Она просачивается на восток.

— Ты думаешь, мы сумеем восстановить крипту? — засомневалась Клара. — Но я понятия не имею, как строились сдерживающие Западную Тьму чары, откуда в закрытом мире брались для этого силы...

— Утонувший Краб слыл местом великого зла и столь же великого ужаса ещё в мои времена, — покачал головой старый некромант. — Среди посвящённых ходили самые дикие слухи. Даже поури... что-то учуяли.

— И что? — не поняла Клара. — Пусть это «место ужаса». Что нам там делать?

— Это последнее место в Эвиале, где можно противостоять Западной Тьме, оставаясь под привычным небом, — ответил некромант.

— А может, для этого надо просто стереть с лица земли Империю Клешной?

— Нет, — вдруг вмешался Кицум. — Я достаточно просидел налевой Клешне. Это странное место, дикое место, несомненно, орудие мести, там правят бал дуотты, но могущество Западной Тьмы основано не на нём. Империя Клешной — выкормыши тех, у кого хватило ума воспользоваться Западной Тьмой в своих интересах; ну, и Она, конечно, тоже своего не упустила, обратив Клешни в своё послушное орудие. Можно перерезать нити, связывающие кукловода с его марионеткой, но разве затронет это самого кукольника?

— А Утонувший Краб — затронет? — осведомилась Клара.

— Не знаю, — ядовито ответил клоун. — Сами решайте. На то вы и люди со свободной волей.

— Слышали, слышали... — проворчала Райна, неодобрительно косясь на Кицума. — Ты, великий, мне странен. Мои боги поступали прямо и открыто. Шли ли войной, заключали ли мир. Внимали молитвам верящих в них, по-

могали. А ты, не в обиду тебе и твоему единому будь сказано, всё больше говоришь загадками да ссылаешься на Закон Равновесия. Помоги нам, раз уж прошёл такой путь! Помоги, не играй в эти игры!

Капитан Уртханг недоуменно воззрился на старого клоуна.

— Не обращай внимания, доблестный, — усмехнулся Кицум. — Почтенная Райна шутит. Я не могу указать вам путь, воительница. Его можете отыскать только вы сами.

Валькирия с горькой обидой покачала головой.

— Я не понимаю, великий. Я привыкла задавать прямые вопросы и получать прямые ответы. Я помню битву, нас разбили, но мы не покорились и не поклонились победителям; однако даже в те дни мои боги не вилияли и не скрытничали. Они — наверное, все — погибли доблестно, с оружием в руках, сражаясь, как положено воинам. Почему ты избегаешь прямого пути?

— Потому что Древние Боги были свободны, — холодно ответил Кицум. — Над ними не довели многочисленные запреты Упорядоченного. Само Сущее позволяло им многое, но потом не забыло взыскать самую высокую плату. Цена моей помощи, Райна, может оказаться непомерной. Я не хочу этого. Какой бы путь вы ни избрали, это будет лучше, чем следовать моим указаниям.

— Будь по-твоему, великий, — сдержанно поклонилась Клара. — Что ж, Бельт, если ты настаиваешь... Капитан, хватит у тебя дерзости пощипать за мягкое подбрюшье сам Утонувший Краб?

— Гррр! — оскалился орк. — Ты, кирия, знала, чего попросить. Ни один из «длинных» ещё не заходил в его воды. Ни один не осмелился даже приблизиться. Ты многое просишь, кирия Клара! Но — хороша ли там добыча? Что я скажу моим удалцам?

— Скажи им, — решительно перебил Кицум, — что они найдут там богатства, какие им не по силам даже вообразить. Всё, что они называют «добычей», покажется содержимым нищенской сумы по сравнению с тем, что их ожидает на Утонувшем Крабе. Столетиями на этом остро-

ве копили золото, самоцветы и вообще всё, что возвеселит душу истинного воина. Но драка предстоит жестокая. Это так же верно, как и то, что меня зовут Кицум.

— Х-ха! Мы не испугаемся! — гордо бросил Уртханг. — «Длинные» ещё не бросали якорей на рейде Краба, это так. Но всё когда-нибудь делается впервые, правильно?

Кицум кивнул.

— Империя Клешной — на самом деле — управляется именно оттуда. Я понял это, пока оставался у них в «заложниках», хотя сидящие в столице дуотты и убеждены, что они совершенно независимы в своих решениях.

— Отлично, — пожал плечами орк. — Пусть управляются откуда хотят, лишь бы моим парням нашлось, чем поживиться. Мы, правда, не знаем тамошних вод, ни фарватеров, ни мелей, ни даже — где у них хранится казна!

— На этот счёт не волнуйся, — усмехнулся Кицум. — Если вы решите идти на Утонувший Краб, я помогу с навигацией.

— Для клоуна ты знаешь очень много, — Уртханг пристально взглянул на собеседника. — Может, мне следовало бы пасть перед тобою ниц и воздать почести, называя для начала хотя бы «великим», как доблестная Райна?

— Не стоит, — Кицум по-прежнему усмехался. — Свободные воители Волчьих островов не кланялись никому и никогда, разве не так?

— Так. Но к нам никогда и не заглядывали такие гости, кому не зазорным было б и поклониться.

— И всё равно — не стоит, — настойчивее повторил клоун. — Лучше поговорим о ветрах и фарватерах, капитан.

* * *

Огромная полярная сова летела прямо на запад. Ничего не значащие для Сильвии, родившейся в Мельине, слова «Утонувший Краб» стали плотью, запахом и звуком; неведомая сила словно указывала дорогу громадной птице, сжимавшей в когтях исполинский чёрный фламберг.

Смертный Ливень мало-помалу иссяк, излив в покорный океан свою ядовитую ярость; ничто не держало Силь-

вию на востоке, даже Игнациус. О мессире Архимеде она почти и не вспоминала. Куда ему теперь до неё, хозяйки несущих всеобщую гибель облаков! Достаточно лишь чуть-чуть изменить их путь... и возмнившему о себе старику придётся попрыгать.

Но сейчас перед нею Утонувший Краб. Что ж, враг ничуть не хуже прочих, а добыча может окупить всё и вся.

Белые крылья равномерно поднимались и опускались, внизу проносились тёмные волны Моря Надежд. Далеко впереди лежал пролив между Кинтом Дальним и Семиградьем, там горел памятный маяк, возле которого собирались армады Империи Клешной; мимоходом Сильвия подумала о судьбе чёрно-зелёных галер, спасшихся от Ливня.

Впрочем, какая разница. Она, последняя из Красного Арка, сметёт любого, кто встанет у неё на пути. Сильвия Нагваль не останется жутким чудовищем. Она вернёт себе свой облик. И завоюет достойное её место. Не в этом мире, так в другом, может, даже и не в Мельине, но обязательно завоюет. Ни для чего, просто так. Чтобы понять, на что она способна. Есть ли в ней вообще что бы то ни было, кроме наследства чародеев Арка и Хозяина Ливней. Может ли она обрести иной смысл существования, чем вечную войну всех против всех?

Золотой пайцзы с ней больше не было. Зловещая вещь сыграла свою роль, не то потерявшись, не то сгорев в пламени преобразования. Да и к чему она, если Сильвия теперь твёрдо знает, кто она и откуда?

Правда, знание это лишь из прошлого. Куда важнее — кем она сделается в тот день, когда вырвется из этой ловушки.

Несколько раз сова замечала медленно тянувшихся над океаном странных существ, заключённых в красноватые сферы из призрачного пламени, чувствовала их смертное отчаяние, их несказанную муку — и могла лишь дивиться силе, втянувшей их в Эвиал. Знать бы ещё в точности, зачем...

...Сильвия миновала кинтский маяк, перед ней рассти-

лалось Море Клешной, совсем недавно она уже пересекала его, правда, не на собственных крыльях, а на мачте имперской галеры, где по палубам бродили мёртвые солдаты в ало-зелёных шипастых доспехах.

...Однако как же всё изменилось! Хозяйка Смертного Ливня, оказывается, способна на такое, о чем Сильвия Нагваль и не мечтала. В том числе и перелететь море.

Она упрямо пробивалась сквозь ветер и дождь, когда жёсткие струи хлестали по броне из упругих перьев.

Сильвия летела.

...Одна в безбрежности. Солнце опустилось в воду, сгустились сумерки, угрюмо катились волны, от берега и до берега, скованные, вопреки кажущейся свободе. Она, Сильвия, сейчас тоже в темнице, несмотря на всю силу. Так всегда бывает — чем больше тебе открыто, тем в меньшем ты, оказывается, волен. Может, действительно, настоящая свобода — она не вовне, она внутри?..

Нет! Нет и ещё раз нет! — восставало всё в душе последней из Красного Арка. Свобода — она в том, чтобы я делала всё, что мне заблагорассудится, а остальные...

А остальные сделают всё, чтобы тебя остановить. И вот тут-то, как правило, начинается истинное веселье.

Храм Океанов остался далеко позади, но, странное дело — Сильвия по-прежнему словно чувствовала спиной устремлённые ей вслед три взгляда. Хранительница, Трогвар и эльфка-флейтистка. У них всё спокойно, и тёплые волны по-прежнему мягко накатывают на белоснежный мрамор поднимающихся прямо из моря ступеней. Пусть так всё и останется — маленький скрытый Храм, надежда и опора в печали, горе, отчаянии; грязную и кровавую работу сделает она, Сильвия Нагваль, наследница Смертного Ливня, единственная законная владелица чёрного фламберга; сейчас она испытывала даже нечто вроде горькой гордости. Она вновь сражается не за себя, и нельзя сказать, чтобы ей это уж так не нравилось.

Взмах белого крыла, ещё один и ещё, равномерный ритм убаюкивает, Сильвии кажется, что ещё немного — и она сможет спокойно заснуть в воздухе, а тело так и будет

стремиться всё дальше и дальше, уже помимо её собственной воли. Круглые жёлтые глаза совы невольно смежаются, закрываются, и...

Она словно налетела на незримую стену, перья встопорщились, Сильвия едва удержалась над волнами; хорошо ещё, не выпустила от неожиданности чёрный меч.

Что это? Что такое? Почему с востока в спину вдруг задул ледяной ветер, несущий обрывки поистине великого заклинания? Сова закувыркалась, пытаясь удержаться, — злой вихрь так и норовил прижать её к пенным гребням волн и без долгих рассуждений утопить.

Напрягая все силы, она взмыла вверх, подальше от предательского моря. Ветер сделался ещё яростнее, он трепал огромную птицу, словно ребёнок мягкую игрушку; кто-то спустил стихию с узды, и что теперь...

Внизу под Сильвией прокатилась исполинская волна высотой в несколько крепостных башен, поставленных одна на другую. Так, значит, и вода тоже. Следует ли ожидать огненных извержений и сотрясений земной тверди?

Сотворено небывалое чародейство, поняла Сильвия. Сотворено эльфами, и... оно из некромагического арсенала. Поднимающее мёртвых и... и что-то ещё, вроде как призывание какой-то великой сущности...

Сова покрутила головой — совсем по-человечески.

«Кажется, я начинаю опаздывать, — подумала Сильвия. — Игра началась... вернее сказать, она заканчивается. Совершены последние ходы, и каждая из сторон может поставить мат другой, и всё висит на волоске.

Скорее, скорее, скорее!»

Кое-как справившись с ветром, сова с чёрным фламбергом вновь полетела на запад, но теперь уже куда быстрее.

* * *

Что ж, Игнациус. Вот и всё. Настало время отправляться в путь. В Ордосе осталось завершить последнее, совсем маленькое дельце, на которое *там* может не хватить секунды, когда придётся (если придётся!) драться не на живот, а на смерть.

Артефакты. Те самые, вручённые Сильвии. Проклятой девчонке они негодились, но мессир Архимаг рассчитывал не только на такое их применение.

Ему они тоже не окажутся лишними.

Разумеется, будучи так давно в его владении, вещи не могли не получить соответствующие наговоры, позволяющие Игнациусу, когда нужно, доставить их к себе хоть с другого края мира. Лишь бы — того же самого мира, где и он сам.

Последнее условие выполнялось.

«...А особенно мне пригодится, — думал Игнациус, тщательно упаковывая драгоценную добычу, — вот этот череп-черепок. Если, конечно, я не ошибаюсь.

Но я же не ошибаюсь, правильно?..»

* * *

Наступила ночь, когда distinguished Игнациус, мессир Архимаг, дождался-таки Динтры, сидя в полутёмной трактирной зале. «У Белого мага» считалось приличным заведением, и для щедрого гостя даже в эти тревожные времена поддерживали огонь в камине, на столе красовались нарядные тарелки со снедью и внушительный кувшин подогретого вина.

— Мой дорогой друг, — Игнациус сделал вид, что ничуть не удивлён, когда заспанный мальчишка-прислужник угодливо распахнул дверь перед дородным лекарем, сжав в тощем кулаке увесистую монету. — Я, признаться, уже беспокоился. Ведь мы же договорились...

— Я знал, что найду вас здесь, мессир. — Динтра грузно плюхнулся на лавку, протянул руки к огню, словно с мороза. — Единственное пристойное место, где ещё пускают постояльцев.

— Так всё просто? — Игнациус поднял бровь. Мол, знаем-знаем, где собака зарыта...

— Именно так, — раздражённо кивнул целитель. — Мессир, если вы хотите действовать, то, честное слово, настала пора. Эвиал катится неведомо куда, и остановить это падение, боюсь, можете только вы.

— Выпейте, друг мой, — Игнациус плеснул вина в серебряный кубок, протянул его Динтре. — И расскажите мне толком, с самого начала, что же натолкнуло вас на этот вывод?

— Я пользовал раненых («Неудивительно», — подумал архимаг), среди них оказался один... дуотт по имени Дазнур. Волшебник, между прочим. Некромант, и не из последних. Он рассказал... кое-что достойное внимания. О некоем острове под названием Утонувший Краб. Вам ничего не говорит это название, мессир?

— Нет, — покачал головой Игнациус. — Признаюсь вам, друг мой, мне случилось побывать в Эвиале... очень, очень давно. Многие поменяло названия, иными сделались и языки, так что...

Разумеется, он слышал об Утонувшем Крабе. Далеко не старый в те годы Игнациус любил дальние походы и рискованные дела (разумеется, рискованные только до определённого предела). Закрытый мир (даже в ту далёкую пору) не мог не возбудить его любопытства. Тем более что закрытый-то он закрытый, однако кое-что наружу всё-таки просачивалось, слабые отзвуки и колебания незримых струн Упорядоченного. Игнациус не поленился, потратив немало времени и сил на «незаметный спуск» — Игнациус на собственной шкуре узнал, что закрытый мир почти всегда равнозначен надписи «Злая собака!» на воротах богатого купеческого дома.

Эвиал понравился ему. Ещё больше понравились, если можно так выразиться, загадочные Кристаллы и не менее загадочные их Хранители. Драконов Игнациус недолюбливал, перенеся на них немалую толику детского страха перед змеями. В сущности, кто они такие, как не змеи с крыльями, умеющие, к сожалению, метко плевать огнём?

Архимаг Игнациус уже тогда прекрасно понимал, что с силой, способной творить подобные артефакты, ссориться не стоит, во всяком случае — без нужды. Кристаллы следовало изучить, лучше всего — в его собственной уютной и оборудованной всем необходимым лаборатории. Идеальным было бы прихватить с собой целый кристалл, по-

скольку его скол, конечно, обладать свойствами целого не может.

Драконов Игнациус не принимал всерьёз. В разных мирах и под разными солнцами они не раз оказывались у него на дороге — и ни разу не смогли помешать ему достичь задуманного. Архимаг самонадеянно отправился к ближайшему Кристаллу, надеясь без помех «элиминировать» его Хранителя и спокойно удалиться с драгоценной добычей.

Он жестоко ошибся.

Драконы очень быстро поняли, что явился к ним в гости явно не обычный чародей их собственного мира. Возле Пика Судеб Игнациуса встретили все девять старших Хранителей и ещё десятка три молодых драконов, не достигших полной силы.

Мессир Архимаг небрежно встал в позицию, грозно направил посох (тогда он ещё любил подобные театральные жесты) — и в этот самый миг драконы ударили. Внезапно, за считанные мгновения составив в воздухе сложную магическую фигуру: кольцо из девяти Хранителей, обвитое, словно венком, всеми младшими драконами.

Недолго думая, мессир Архимаг выпустил замораживающее заклинание, достаточно могущественное, чтобы заключить всех его противников в исполинские глыбы льда, проледенив до костей; после чего они просто разбились бы вдребезги, рухнув с огромной высоты на горные склоны.

К его несказанному изумлению, чары оказались отбиты. Кольцо драконов кружилось всё быстрее, и, не успев сплести новую волшбу, Игнациус почувствовал, какой мощи ответ готовят ему разъярённые Хранители.

...Мессир Архимаг никогда не сделался бы многоуспешным, хоть и некоронованным правителем Долины, не умея он мгновенно оценить силу противника. Хранители ещё помнили, наверное, тех, кто создал их Кристаллы; кровь драконов кипела, она была горяча и молода. И мессир Архимаг понял, что сейчас самым благоразумным станет отступить. Магические существа сами по себе, драко-

ны Эвиала оказались вплетены в опутавшую весь мир сеть магических потоков, их ярость была яростью неба, ветра, моря и света; и Игнациус, в свою очередь ловко прикрывшись фантомами, поспешил убраться восвояси. Сотворённых им призраков драконы разносили в пыль одного за другим, и мессир Архимаг проникся к Хранителям (или, правдивее будет сказать, к их силе) изрядным уважением.

После этого он надолго оставил Эвиал в покое. Не забывал, о, нет, мессир Архимаг никогда не забывал ни одной своей неудачи. Но хватало других дел и других врагов, драконы-Хранители мало-помалу отступили далеко в тень. В конце концов, Игнациус мог ждать, сколько ему заблагорассудится.

— Очень жаль, — Динтра даже не посмотрел на бокал с вином, огляделся, зачерпнул воду из кадушки, напился. — Потому что нам следует немедленно отправиться туда. Там — центр заговора дуоттов, их мести всему людскому роду.

— Войны меня сейчас занимают мало, — нахмурился Игнациус. — Люди и нелюди воюют с незапамятных времён. Всех войн не предотвратить, любезный мой Динтра.

— Я знаю, — холодно кивнул целитель. — Но эта война — особая. Змееголовые нашли способ выпустить на волю Западную Тьму. Сами же они, насколько я понял, будут пытаться вырваться из обречённого Эвиала. Каким именно образом — пока непонятно.

— Очень интересно, — с деланным равнодушием бросил Игнациус. — И что же это за способ? Готов ручаться — совершенно варварский, с обилием никчемных жертвоприношений и так далее и тому подобное. Бьют тараном туда, где хватило бы лёгкого толчка, если, разумеется, толкнёт мастер.

— Как именно они откроют Ей путь — я не знаю, — процедил Динтра. — Но тот дуотт не лгал.

— А, гм, нельзя ли мне расспросить этого самого дуотта?

— Нет, — отрезал лекарь. — Он умер.

— Каа-акая досада, — откинулся Игнациус. — Ну,

друг мой, даже не знаю, что вам и сказать. Кидаться куда-то, на другой край света, и всё потому...

— Хорошо! — перебил Архимага Динтра. — А что у вас в планах? Куда бы вы хотели направиться, мессир? Ведь если я правильно помню наш не столь и давний разговор, то главная цель — покончить с Падшими — не исключала и помощи этому несчастному миру в избавлении от Западной Тьмы?

— М-м-м... совершенно верно. Разумеется, у меня есть детальный план, но, друг мой, я ведь говорил вам, что не могу обсуждать его открыто?

— Я помню, — насупился целитель. — И я готов следовать за вами, мессир, но, повторяю, эта угроза не терпит отлагательств. Её следует парировать немедленно и без проволочек, иначе действительно произойдёт катастрофа.

— Любезный Динтра, я со всей серьёзностью готов отнестись к вашим известиям, — Игнациус кивнул, — однако, согласитесь, менять все планы и намерения только потому, что вам что-то рассказал какой-то умирающий дуотт... а вдруг он лгал? Вдруг хотел ввести нас в заблуждение? И почему он вообще решил, что ему следует открыться именно вам, дорогой целитель?

— Я пытался спасти его, — угрюмо бросил лекарь. — Каким-то образом дуотт понял, что я — не обычный ордосский костоправ. Он почувствовал, что я... в общем, моё происхождение не осталось для него секретом.

— Вот даже как? — поднял брови мессир Архимаг. — Он раскрыл вас, друг мой? Умирающий чародей самого обычного мирка в считанные мгновения раскусил опытнейшего мага Долины, негласного главу Гильдии целителей?.. Только не надо про Ирэн Мескотт, я-то знаю, как она на вас смотрит, — вообще говоря, последняя сентенция не имела ничего общего с действительностью, но Игнациусу сейчас требовалось вывести из себя замкнутого и обычно немногословного лекаря.

— Именно так, — Динтра и глазом не моргнул. — Он был сильным чародеем, этот дуотт. Очень жаль, что он

скончался, вы, мессир, безусловно, многое почерпнули бы в беседе с ним.

— Однако он умер, — Игнациус с трудом сдерживал раздражение. — Умер, и теперь вы предлагаете нам...

— Разве я когда-нибудь обманывал вас, мессир? Да и зачем бы мне делать это? — с укором воззрился на Архимага старый целитель.

— Не обманывали, не обманывали, — Игнациус впервые ощутил неприятный холодок в груди. Это он собирался вывести Динтру из себя! Это ему полагалось выуживать истинные намерения своего визави из оброненных в горячности фраз! А получается-то, что допрашивают именно его, Игнациуса, и как элегантно у Динтры это получилось! — Вы меня — нет, а вот дуотт вас — мог.

— Мессир, смею сказать, что это не первая смерть пациента у меня на руках. Я слышал множество последних признаний, проклятий, угроз или благословений и, хвала великим силам, научился различать правду и ложь, неважно, звучат ли они из уст человека или нелюдя. Дуотт не лгал. Заговор существует. Западной Тьме вот-вот откроют ворота.

— А этот дуотт ничего не говорил по поводу тех существ, коих мы, что ни ночь, видим над Эвиалом?

— Нет, — Динтра смотрел прямо в глаза мессире Архимагу, и Игнациус невольно поёжился, настолько твёрд и холоден оказался этот взгляд. — Это, судя по всему, нечто новое.

— То есть вы не можете сказать, входят ли они в так называемый «заговор дуоттов», или нет?

— Не могу, — признался Динтра.

— Понятно... ну что ж, друг мой, дайте мне чуть-чуть подумать.

— Конечно, мессир. Мне выйти?

— Ну что вы, друг мой, как такое вообще могло прийти вам в голову?! — Игнациус счёл за лучшее всполошиться и вообще продемонстрировать смущение. — Прошу вас, никуда не надо выходить. Мне надо лишь сосредоточиться...

Динтра молча кивнул и присел к столу, занявшись давно остывшей снедью.

Гурман и любитель экзотической кухни даже не требует ничего разогреть? — лишний раз отметил про себя Игнациус. Нет, любезный Динтра, ты не тот, за кого себя выдаёшь...

Ладно. Сосредоточиться и в самом деле не помешает.

Итак, заговор дуоттов. Вполне согласуется с тем, что он, Игнациус, видел в Империи Клешной, во всяком случае, ничему не противоречит. Но почему *этот* дуотт оказался настолько словоохотлив? Почему выдал человеку, пусть и лекарю, этот величайший секрет своей расы? С какой стати? В последние мгновения жизни вдруг разыграла совесть? Или ему просто стало донельзя обидно умирать? Может, соплеменники отвергли его, может, он сделался изгоем — едва ли обычный дуотт вот так запросто получил бы место в Академии Высокого Волшебства, оплоте людского чародейства, тем более что люди и дуотты наверняка воевали и не один раз?

— Как вы думаете, дорогой друг, почему всё-таки этот дуотт решил вам открыться? Почему выдал тайну, не унёс с собой в могилу? Едва ли он испытывал какие-то особые симпатии к людскому роду?..

— Он не питал симпатий к людскому роду, это правда, но ещё меньше — к самой идее подобного мщения, — тотчас отозвался Динтра.

— А как тогда он стал обладателем столь бесценных сведений? Он вёл жизнь изгоя, разве не так?

— Так, — кивнул целитель. — Его изгнали как раз после того, как он не согласился с изначальным планом.

— Не согласился с изначальным планом, — Игнациус иронически поднял бровь, — и его оставили жить?

— Дуотты не лишают жизни себе подобных. Так, во всяком случае, сказал мне Дазнур, и я ему верю. Вдобавок он был сильным магом, его так просто было не взять. Поэтому-то он и пошёл на службу к людям — стены ордосской Академии служили надёжной защитой.

— А почему же не признался раньше?

— План не исполнялся, и дуотт надеялся, что никогда и не начнёт исполняться.

— Погодите, друг мой, эти змееглавцы, они что, бессмертные, словно эльфы?

— Нет. Но жить могут очень и очень долго. Вдобавок Дазнур, не забывайте, мессир, был очень знающим некромантом. Он мог бы отодвигать собственную смерть ещё не одно столетие. По его словам, он ждал «посланца».

— Очень интересно, — сквозь зубы процедил Игнациус. — Что ж, если принять это как данность...

«...А что, вполне возможно. Эти дуотты, судя по всему, весьма злопамятная публика. Могли затаиться на тысячелетия, никакой иной цели, кроме мести, похоже, уже не осталось. Что ж, допустим. Поверим, что дуотт распознал в Динтре чужака — потому что если всё это выдумал сам целитель, то с какой целью? Заслать его, Игнациуса, на Утонувший Краб наводить там порядок? Кому это может потребоваться? Падшим? — Тут губы мессира Архимага сложились в ядовитую усмешку. — Очень возможно. Но это означает, что приманка заглочена и ему осталось только подсесть добычу».

Его план допускал, что Падшие узнают о его намерениях. Допускал он и то, что они решали самолично покарать злоумышленника, тем более что они, хоть и Падшие, а силёнок у них хватит на сотню таких, как Игнациус. Разумеется, если б у него хватило глупости принять бой на их условиях, а не на своих.

«Но где Клара Хюммель? Если я всё рассчитал правильно, — думал Игнациус, — ей сейчас прямая дорога именно к Западной Тьме. Молодецки рубить «проклятый Мрак» Иммельсторном и Драгниром вместе. Эхо разнесётся далеко, Падшим придётся вмешаться. Вмешаться и явиться сюда. Они никуда бы не делись, потому что Мечи иначе не покинули бы Эвиал. Даже если Динтра — их прислужник, и посредством Читающего сообщал им о каждом моём шаге, Падшим некуда деваться. Или смириться с утратой Мечей — или рискнуть всем.

Не сомневаюсь, что они выбрали бы второе. Слишком

долгое время прошло с их падения, и доселе ничего подобного Мечам так и не появилось. Предел терпения есть у всех, даже у богов, тем более — у богов бывших.

Нет, я не допустил ошибки, — самодовольно думал Игнациус. — И как ни мала вероятность того, что Динтра — слуга именно лишившихся трона божеств, я учёл и её. Они — в воронке, а я могу спокойно ждать, когда настанет наконец время привести в действие мою западню. Однажды я потерпел поражение в Эвиале, я не добрался до его Кристаллов, но я изучил этот мир вдоль и поперёк, разумеется, сохраняя полное инкогнито и не предпринимая никаких, гм, шумных действий. Да, мною подготовлены и другие капканы, подобные этому, но Эвиал — один из лучших. Здесь всё случится, может, и не надёжнее, чем в других, но уж точно громче. Разнесётся по всему Упорядоченному.

А если выполнима окажется вторая, скрытая часть моего плана, о которой я не сказал Динтре ни слова, — вот тогда я и одержу победу, полную и окончательную.

Но сейчас — никакой суеты, только спокойствие. Неведомый мне маг, стягивающий своё чудовищное стадо к Утонувшему Крабу, мог бы, конечно, спутать мне карты. Мог бы, не имея он дела с Архимагом Игнациусом».

На самом деле это только увеличивает шансы на успех второй части.

Чародей глубоко вздохнул, утишая яростно забившееся сердце.

Спокойно, Игнациус. Твоё мщение близко, как никогда. Так не испорти же всё ненужной спешкой. Что ж, если Динтра — прознатчик Падших, то тем более сделаем так, как он просит. Он ведь не понимает, что этим только увеличит мои шансы на успех.

— Что ж, друг мой, раз вы настаиваете, то мои планы могут и подождать, — галантно поклонился Игнациус. — Утонувший Краб, вы говорите? А хоть где это?

Динтра молча полез за пазуху, извлёк оттуда внушительных размеров свиток, развернул.

— Вот Ордос. А вот это — тот самый Утонувший Краб.

У последнего предела, — палец целителя упёрся в небольшой островок возле самого обреза карты. — Вы ведь можете открыть туда прямой путь, верно, мессир?

— Неужто вы сомневаетесь, друг мой? А, кстати, ваш подопечный, Читающий, где он?

— Присоединится к нам, как только мы отправимся в путь, — коротко отмолвил Динтра.

— Ну, что ж... — Игнациус поднялся, с хрустом потянулся, всем видом показывая, как ему тяжело. — Ваше желание, любезный мой целитель, — закон. Я открою нам дорогу. Зовите вашего Читающего.

* * *

«Учитель молчит, — мрачно думал Хаген, наблюдая за манипуляциями Игнациуса. — Хотя Читающий уверяет, что передал донесение сразу, как только я ему продиктовал. Не оценил? — нет, невозможно! Значит, наставника что-то отвлекло. Притом настолько важное, что он не нашёл даже секунды ответить ему, Хагену.

Значит, скорее всего там идёт бой. Настоящий бой, как тогда, на Хединсее, когда его атаковали Алчущие Звёзды или Лишённые Тел. Знать бы только, с кем...»

Тогда враг был известен. Сейчас Учитель с Ракотом бьются как будто с тенью. Почти каждое столкновение заканчивается нашим успехом, а положение всё хуже и хуже. Ямерт и остальные Молодые Боги благоразумно не показываются, а Познавший Тьму всегда считал, что разыскивать их и сводить с ними счёты — пустая трата времени, Закон Равновесия может оказаться на стороне проигравших. Мол, особого вреда причинить они всё равно не смогут. Ага, не смогут, как же... Будь его, Хагена, воля, он поступил бы с Молодыми Богами так же, как в бытность свободным таном поступал с трусами, показавшими спину в бою. А Закон Равновесия... лучше уж один раз попотеть, открывая порталы и выводя обитателей из рушащихся миров, чем терпеть этот кошмар, разрастающуюся войну непонятно с кем, непонятно из-за чего...

Во всяком случае, Эвиал они не получают. Игнациус

вполне пригодится, если этому хитровану дать хорошего пинка и устроить так, чтобы ему пришлось драться за его драгоценную шкуру. Учитель строго-настрого запретил Хагену вмешиваться, но в крайнем случае Голубой меч погуляет вволю.

...Какое-то время ушло на сборы и дорогу по ночным улицам спящего Ордоса, но вот наконец оба мага и Читающий оказались на пустынном морском берегу. По дороге Игнациус болтал, не умолкая, рассказывая о своих «научных изысканиях», — Хаген слушал вполуха, не сомневаясь, что почти всё, им услышанное сейчас, — хитро сплетённая ложь. Мессир Архимаг что-то наверняка разнюхал, но делиться этим с лекарем Динтрой отчего-то не торопится. Что само по себе говорит о многом.

— Утонувший Краб, вы говорите, друг мой? Что ж, можно и туда, — бормотал Игнациус, скупыми и быстрыми движениями вычерчивая на залитом лунным светом песке октаграмму. — Драка предстоит горячая, ничего, сдюжите, дорогой целитель?

— Сдюжу, — отозвался Хаген голосом толстого лекаря. — Иначе...

— Да-да, конечно, мир погибнет и всё такое прочее, — скушаяще протянул мессир Архимаг. — Ничего, мы постараемся этого не допустить. В случае чего, любезный Динтра, держитесь, пожалуйста, у меня за спиной. Не думаю, что у вас в арсенале имеются, м-м-м, особо опасные боевые заклятья.

— Меня и мой меч вполне устроит, мессир, — не сдержался Хаген и тотчас прикусил язык. Хорошо ещё, что Игнациус вновь отвлёкся на свою фигуру и слушал его невнимательно.

— Что ж, вроде всё готово... Открываю прямой путь, друг мой, и да поможет нам... гм... всё, что только может! Берег опустел.

Где-то в славном городе Ордосе тоскливо взвыли бродячие псы.

— Не к добру это, — предводитель орков опустил бронзовую подзорную трубу. — Слишком уж тихо. Словно весь мир остановился!

Клара молчала, стоя на самом носу «длинного». То, что происходит что-то странное, она почувствовала уже давно. Судя по орочьим картам, переход от Левой Клешни до Утонувшего Краба потребовал бы немало времени; здесь приходилось бороться с противными ветрами и течениями, однако море оставалось подозрительно спокойным, и узкие корабли, подняв на рассвете прямые паруса, весь день летели по почти зеркальной глади.

— Ветер есть, а волн нету, — заметил Бельт. — Нас словно заманивают...

— Небось зубы-то себе пообломают, если сожрать надеются, — беззаботно отмахнулась валькирия. После возвращения Кицума она, похоже, не сомневалась, что ныне, присно и во веки веков отряд кирии Клары совершенно непобедим.

...А над головами в темнеющем небе всё плыли и плыли самые диковинные страховидлы, заключённые в сферы из тонкого пламени. Все они тянулись на юго-запад — именно к Утонувшему Крабу, как теперь понимала Клара.

Бельт оказался совершенно прав, предложив — назовём это так — отправиться туда.

«А ведь я была там, — терзалась Клара. — Но... убейте меня, не выглядел тот берег как «обитель зла»! Совершенно обыкновенный остров, море ласковое и тёплое...» И почему же, если обитатели этого острова настолько могучи и зловольны, — почему сами не уничтожили крипты? — последние слова она в задумчивости произнесла вслух.

— На этот вопрос легко ответить, — Кицум встал рядом, небрежно опёрся о борт. — Крипты ставили отнюдь не профаны. И от таких, как хозяева Утонувшего Краба, они защищены очень хорошо. А вот от таких, как Сильвия...

— Ты думаешь, вел... Кицум, — поспешно поправилась Клара, — что девчонке внушили эту мысль?

Клоун покачал головой.

— Нет. Это стечение обстоятельств, с выгодой кое-кем использованное. Вы бы и впрямь не выбрались из Эвиала, не разруби Сильвия ту злополучную скрижаль.

— Но, Кицум! Ты же был с нами. Неужто ты не нашёл бы способа...

Собеседник Клары грустно усмехнулся.

— Знаешь, почему я — или подобные мне — всё ещё странствуют по Упорядоченному? Потому что посылающее нас Единое не знает всего. И не может знать по определению. Будущее не открыто никому, мир вечно меняется — следовательно, вечно изменяется и знание о нём. Можешь мне поверить, Клара — я не знаю, как решить ту загадку.

— Но мы собирались... — пролепетала растерянная чародейка, — мы чуть не отправились за тридевять земель, и..

— Возможно, это оказалось бы наилучшим исходом, — грустно промолвил Кицум. — Вся неистовая круговерть, втянувшая в себя и Эвиал, и Мельин, началась именно с удара чёрным фламбергом. Если честно, я готовился к долгому пути на восток, но... — он развёл руками, — всё решилось, как ты помнишь, гораздо быстрее.

— Что нас ждёт на Утонувшем Крабе? — не удержалась Клара.

— Бой, — ни на миг не замешкался Кицум. — Бой, перед которым померкнет даже ваша схватка с козлоногими — когда великий Мерлин принёс себя в жертву и подарил вам победу, а всему Мельину — жизнь.

— Великий Мерлин? — недоуменно нахмурилась Клара. — Я встречала это имя... но в таком странном месте, что ты даже и не поверишь...

— Вот я-то как раз и поверю, — усмехнулся Кицум. — Имя знаменитое, кто бы спорил. Отголоски его разнеслись очень, очень далеко, по всему Упорядоченному, проникнув даже в те миры, где отродясь не бывало никакой магии.

— Да, именно так, — кивнула Клара. — Я прочла о великом чародее Мерлине в книге... в одном диковинном

мирке, где и впрямь — ты прав, Кицум! — отсутствует магия.

— Откуда ж там тогда взяться легендам о великом чародее? — удивилась Тави.

— Это мечта, — негромко отозвался Кицум. — Это вечные мечта и боль тамошних обитателей. Они слышат музыку сфер, они чувствуют — хоть и не все — струящиеся мимо них потоки животворящей силы. Но от магии их мир отгорожен наглухо. Одна из величайших загадок Упорядоченного, кстати — как может существовать жизнь в закрытых мирах, куда не проникает великая река?!

— Может, всё-таки как-то проникает? — осторожно предположила Клара, ощущая себя словно на последнем экзамене.

— Именно, — кивнул Кицум. — Как-то проникает, но так, что не взаимодействует с плотью закрытого мира. За исключением того, что дарует жизнь тем, кто его населяет... Впрочем, простите меня. Я заговорился. Любая маска надоедает и прирастает к лицу. Порой так хочется поговорить... от лица Того, чья часть есть я, извините за корявый оборот. Поделиться знанием. Ведь я — не Он, мне понятны желания и стремления тех, кто меня окружает, у меня — память Кицума, который ведь был не только безжалостным ассасином Серой Лиги, но и отцом — в Мельине у него осталась дочь.

— Постойте, погодите! — Тави схватила Кицума за руку. — Мой учитель! Это ведь он принёс себя в жертву, когда мы дрались с козлоногими! И он говорил мне, что его зовут Акциум, а никакой не Мерлин!..

— У великого Мерлина, главы Совета Поколения, было много имён. И жизнь его никогда не походила на прямой и светлый путь, — колебавшись, ответил старый клоун. — Тебе посчастливилось учиться у него, Тави, ты стала его последней ученицей... сама не зная, что это такое и что значит.

— А что же это значит? — тотчас выпалила мельинская воительница.

— Для этого мне придётся рассказать вам, кто такие

Истинные Маги, откуда они пошли, кто учредил их Орден и как возник Совет Поколения, — ухмыльнулся Кицум. — Боюсь, не хватит и жизни, чтобы поведать обо всём с должными подробностями.

— Ну хотя бы без подробностей! — хором взмолились Клара и Тави.

— Без подробностей... Без подробностей вы не поймёте. А излишнее знание, лишённое этих самых подробностей, часто становится опасно для его обладателя, — назидательно проговорил Кицум. — Поэтому скажу лишь, что, помимо обычных чародеев, волшебников или же колдунов — людей, эльфов, гномов, орков или детей иных бесчисленных рас, обладающих талантом направлять свободотекущую силу согласно своему желанию, есть... вернее, были... хотя и прошедшее время тут не совсем правильно... в общем, существа, которых принято называть Истинными Магами. Истинные они потому, что магия — средоточие их сущности, их плоть и кровь, и они вольны принимать любой облик, какой только пожелают. Они порою мелькают в сказаниях разных миров, но... В громадном большинстве эти Маги не имеют ни матери, ни отца, хотя в их сообществе со временем стало принято оставаться в человеческом облике, особенно, когда они собирались вместе.

— И у них появились мужчины с женщинами? — жадно выпалила Тави.

— Именно.

— А как решилось, кто стал кем? И откуда они всё-таки возникли? И как это — не имеют ни отца ни матери?! — мельника забрасывала Кицума вопросами.

Клоун с шутливым отчаянием потёр лысину и принял-ся говорить — да настолько сложно, запутанно и витиевато, что Клару пробил пот от усилий понять говорящего.

Что-то о потоках животворной магии, где возникают (как, почему, отчего?..) какие-то «возмущения». О том, как эта сила взаимодействует с «материей» (почему, например, оживают люди и все им подобные, а скалы остаются скалами?), о том, что возникает необходимость «сбалансиро-

вать рассогласование», а поскольку «природа не терпит пустоты», то и возникают наделённые сознанием сущности, обладающие куда бóльшим, чем иные, «сродством» с животворной магией, способные управлять этой силой, поворачивая мир вокруг себя (тут Клара поняла, что ум у неё натурально заходит за разум — как это можно «поворачивать мир вокруг себя»?!); толковал Кицум и о том, что «неоднородности исходных возмущений» обусловлены всеобщим и великим разделением сущего на два начала — светлое и тёмное, лёгкое и тяжёлое, мужское и женское. В соответствии с этим главным принципом среди Истинных Магов и появились мужчины с женщинами.

Клара могла только поразиться, узнав, что Истинные Маги, оказывается, не обладали бессмертием. Одно их поколение в свой черед сменялось другим, хотя по человеческому счёту могли проходить тысячи лет. Поёжилась она, узнав о запрете на деторождение у магов Поколения — одно-единственное дитя у двух Истинных с неумолимостью приходящей к простым людям смерти отправляло всех Магов, включая отца и мать ребёнка, в небытие. Уходили Поколения и другими способами, преображённые богами, владыками Сущего, уставали сами от вечной работы, обретая иное существование... Этого Клара тоже не могла понять — как это они «уставали», обладая таким могуществом? Да ей бы хоть малую толику — уж она бы развернулась! Взять хотя бы то знаменитое восстание Безумных Богов, после которого сгинул бесследно Витар Лаэда, отец непутёвого Кэра, сделавшегося, похоже, самым настоящим некромантом... хорошо, что бедная Аглая этого не видит. Ох, придётся ей врать, если, конечно, она, Клара, выберется из этой заварухи с Мечами и Западной Тьмой...

Истинные Маги недолго оставались одиночками. Опыт покупался дорогой ценой, между ними частенько вспыхивали истребительные войны, миры горели и рушились, и равновесие нарушалось ещё сильнее. Мало-помалу создался Орден, упорядочивший все дела магических Поколений. У его истоков стояли Молодые Боги, только-только взявшие в свои руки верховную власть над Упорядочен-

ным, выиграв Боргильдову битву (Райна, не таясь, закрыла лицо ладонями).

Создавались законы, впоследствии названные Законами Древних. Запрет на убийство одного Истинного Мага другим, запрет на прямое же убийство простых смертных; закон об учениках, закон о воспреещении творения...

— А как же эти законы приводились в исполнение? — опять вылезла Тави. — Это было как у нас, людей? Нарушил — и ничего, если не поймали?

— Сильна ты спрашивать, малышка, — усмехнулся Кицум. — С Законами Древних получилась знатная история. Архивы Поколений утверждали, что это — прямое действие, то есть если оный закон запрещал убийство Мага другим, то ослушника ждала немедленная кара, «причиняемая самой магией». Потом это как-то если не забылось, то отошло на второй план, а судить и карать стал Совет Поколения. Его решения подтверждались магическими действиями. И так было, пока не случился мятеж Ракота, ставшего Владыкой Тьмы. «Сама магия» его не покарала, и засучить рукава пришлось его сородичам. А когда не вышло и у них, за дело принялись Молодые Боги... Впрочем, восстания Ракота — это уже совсем другая история, — решительно оборвал сам себя Кицум. — Вдобавок... — Он вдруг осёкся, запрокинул голову, и глаза его расширились.

Клару словно ожгло ледяным кнутом. Ни разу она ещё не видела, чтобы Кицум хоть чего-то устрасился. Но сейчас на лице старого клоуна был написан самый настоящий ужас.

Посланец загадочного Единого смотрел в залитое тьмой небо, где сейчас вспыхнула яркая золотистая звезда. Через мгновение от неё к земле потянулась золотая лестница, вниз по которой к земле неспешно двинулась человеческая фигурка, с головы до ног окутанная тёплым охристо-шафранным сиянием. Несмотря на огромное расстояние, можно было разглядеть каждую деталь одеяния: каким-то чудом фигурка разом оказывалась и далеко, и близко.

— Спаситель, — услышала Клара потрясённый шёпот

Кицума. — Не думали, не гадали... сидели себе да ждали... дождались.

— Ч-что? Что это такое? — Голос Тави чуть дрогнул. Она тоже помнила те злые мельинские дни, когда все только и ждали, что конца света вкупе с пришествием Спасителя. Однако там, в Мельине, у Него что-то сорвалось.

Зато получилось в Эвиале.

— Пророчества исполнились, — Кицум сжал кулаки и с отчаянием посмотрел на Клару. — Его призвали. И теперь...

Воцарилась тишина, лишь едва слышно плескалась вода за бортом. На спускающегося Спасителя смотрели все, от Клары Хюммель до последнего гребца. Смотрел капитан Уртханг, его кормчие, десятники и сотские, смотрели спутники самой Клары!

— Вот так, — Кицум с трудом взял себя в руки. — Я обещал вам славную драку, верно? Ну так всё выйдет ещё интереснее.

— Спаситель... никогда в Него не верила, — призналась Клара. — А что, если Он явился, так это...

— Конец Эвиала, — со злостью отрубил Кицум, снова подняв взгляд на сияющую фигурку. — Конец того мира, что мы знаем.

— Конец... конец... — зашептались орки.

— Э-э, мил человек, — резко и тоже зло вмешался Уртханг. — Ты говори, да не заговаривайся. Не бывает такого, чтобы конец наставлял, а ты только и мог, что оселедец грызть. Руки тебе на что даны? Меч на боку просто так висит?.. Мы, на Волчьих Островах, подобное не раз уж слышали. Кто нас только не пугал! И непременно «концом света». Мол, если мы не покаемся и не станем исправно церковную пятину выплачивать, худо нам станет уже сейчас, при жизни, ну, а про «после смерти» и говорить не приходится. Так что не болтай зря. Видывали мы всякое, и не такое тож.

— И не такое тож? — глаза Кицума сузились. — Ты, орче, храбр, знаешь, с какого конца за меч браться, а я тебе скажу, что ещё никто, ни один во всём мире, где таких

мест, как Эвиал, больше, чем снежинок вашей зимой, не додумался, как можно остановить Спасителя после того, как Он уже вступил в мир. Никто не заставил Его повернуть назад. И потому думаю я, что...

— Что надо нам торопиться сделать своё дело здесь, — с прежней злостью перебил Кицума предводитель орков, глянув на спускающегося Спасителя и сплюнув за борт.

— И то верно, — медленно сказал Кицум, в упор посмотрев на капитана. — Если успеем.

— Успеем, — тот не моргнул глазом. — Если на вёсла приналежь.

— Не томи своих перед делом, — угрюмо посоветовал Кицум. — Он ещё долго спускаться станет. Это ж только видение, не взаправду.

— А раз видение, то что и говорить о нём? — отрубил Уртханг. — Пусть себе видится. А мы ещё зипунов соберём. Нам они никогда не лишни.

— Никогда... не лишни... — только и повторил Кицум, после чего надолго замолчал.

«Длинные» шли ходко. Сквозь незнакомые воды, где могли грозить и отмели, и рифы — потому что перед ними зловещей стеной уже поднимались скалы недалёкого берега.

Утонувший Краб.

* * *

Сердце ещё колотилось от пережитого ужаса, но крылья уже уверенно несли полярную сову высоко над грозно-тёмным морем, меж гребнями голодных волн и плотной пеленой непроглядных туч, когда на востоке вспыхнул золотистый свет. Громадную птицу не швырнуло, не закрутило, как в тот раз, когда её настиг отзвук могущественного некромагического заклинания; нет, она спокойно могла бы лететь дальше, но в воздухе её словно остановила чья-то невидимая рука. Когти едва не разжались, драгоценный фламберг только чудом не полетел в морскую бездну.

Девочкой Сильвия читала запоем — всё, что попадалось под руку. Хроники Империи, смутные эльфы пророчества, сборники баллад и сказок — всё. Не исключая и

Священное Писание. В Спасителя она никогда всерьёз не верила, мол, это — для простонародья, и повествование о Его деяниях для неё оставалось просто ещё одной сказкой со страшным концом. Ясно ведь, что Спасителя выдумали те, кто слаб, кто до одури боится смерти и потому придумывает себе какое-то «посмертие», «возмездие» и прочий возвышенный вздор. Почитать об этом долгим зимним вечером, забравшись с ногами в уютное кресло подле камина, — отчего бы и нет, а вот верить... Сильвия уже тогда считала себя «не такой, как все». Маги смотрят смерти прямо в глаза и побеждают её знанием. Достаточно высоко поднявшийся волшебник может избегать естественного конца очень, очень долго, пока сам не устанет от этого бытия. И это вполне устраивало честолюбивую наследницу Красного Арка.

Хм, Спаситель! Может, где-то Он и есть. Но если Ему вздумается наложить лапу на неё, Сильвию — ей найдётся, чем ответить. Уж она-то не станет падать ниц, не станет ползать на коленях и умолять, — нет, она встретит судьбу лицом к лицу.

Золотое сияние притягивало и манило, казалось, от него невозможно отвести взгляд. Трепеща крыльями, как никогда бы не смогла обычная сова, Сильвия забилась, отчаянно пытаясь сдвинуться с места, — напрасно.

Она видела, как с небес протянулась почти бесконечная лестница и одетая в плащ фигурка неторопливо стала спускаться.

Что это такое или, вернее, кто это такой, девушка поняла сразу. Имя, над которым она слишком часто смеялась, которое она слишком легко сочла глупой слезливой сказкой, утешением для простонародья, и даже чудеса, на которые способны были служители Спасителя в Мельине, ни в чём её не убедили. Мало ли что...

Но теперь она только и могла, что зряшно хлопать обессиленными крыльями. С раскрывшихся небес струится мягкое сияние, огнистой чертой пролегла лестница, и по ней спускается Он, истинный господин и судия, явившийся, чтобы положить предел грехам человеческим.

Сильвия едва не лишилась контроля над преобразующим заклинанием, ещё немного — и она перекинулась бы обратно в человека прямо над безбрежным морем.

И что теперь делать? Поворачивать назад, ко Храму Океанов? Зачем, для чего? Сидючи там, ничего не изменишь. Нет, лучше уж следовать изначальному плану.

Но внутри уже свернулась, основательно устроившись в желудке, холодная змея страха. Спаситель... Спаситель... если Он таки есть, так что же, получается, верны и те исполненные чудовищных предсказаний книги, где трактуется о конце сущего по Его, Спасителя, воле?

Если верить этим книгам, то сделать уже ничего нельзя, даже вымолить «прощение» — и то невозможно. Спаситель признавал лишь тех, кто «уверовал» в Него до Второго пришествия.

Нет! Нет и ещё раз нет! Она, Сильвия Нагваль, последняя из Красного Арка, она не станет валяться в ногах и вымаливать жизнь. Если это её последний бой, то пусть пеняют на себя земля и небо! Пусть-ка этот Спаситель отправляется спасать засевших на Утонувшем Крабе, потому что совсем скоро небо над их головами лопнет, пролившись Смертным Ливнем; пусть узнают, что такое ярость его Хозяйки.

Сова выгнулась немыслимым образом, выставя перед собой остриё чёрного фламберга, что было сил взмахнула крыльями, бросаясь на невидимую преграду; лезвие зашипело, словно и впрямь погружаясь в нечто бесплотное, и мгновением позже Сильвия освободилась.

...Она дала себе зарок не оглядываться, однако тотчас его и нарушила. Протянувшаяся от небес до земли золотая лестница оставалась, как была, фигурка спускалась нарочито медленно, однако она всё же спускалась.

Что случится, когда Спаситель окажется внизу, Сильвия не хотела даже гадать.

Интерлюдия III

озовый кристалл в пальцах Хедина, Познавшего Тьму, ожил, когда сам Новый Бог почти потерял надежду. Кристалл адаты Гелеры, если отказаться от неуклюжего и не везде почитаемого имени «гарпия».

— Повелитель! — Крылатая дева стояла на одном колене, но смотрела прямо, и дивные антрацитовые глаза сияли. — Мой повелитель, мы настигли врага и вступили в бой. Нас штурмуют, весь мой полк в бою. Это то, что мы искали, повелитель! Мир из одних зелёных кристаллов, всё остальное — мираж, иллюзия, почти неотличимая от реальности! Повелитель, надо спешить, надо обрушить на них последний удар, и победа будет полной! Мы приковали их к себе, не даём поднять головы, но...

Когда ты оказываешься очень высоко, где на тебя устремлено множество глаз, то первое, чему учишься, — это не дать им ни разочароваться, ни обмануться.

— Не сомневался ни на миг в тебе, Гели, — улыбнулся Познавший Тьму. — Надави на них как следует. Изо всех сил. Помощь придет, но пусть они подумают, что за твоими плечами — вдесятеро сильнейшая армия.

— Я исполню волю повелителя. — Адата вся подалась вперёд и вверх, словно в молитвенном экстазе. — Прошу лишь о милости — поспешить со штурмом, они не должны уйти!

— Они не уйдут, Гели, не сомневайся, — в этом Познавший Тьму не лгал ни на йоту.

Крылатая дева — в кристалле — обернулась, глянув куда-то себе за спину.

— Вновь штурмуют, повелитель. Мы выдержим, но...

— Если гордая Гелерра говорит, что она «выдержит, но» — значит, пора поднимать остальные полки, — решительно перебил Хедин. — Пусть они атакуют. Не обороняйся, ударь сама. Всем, что имеешь. Но и не зарывайся, конечно. Впрочем, что я. Ты сама всё это знаешь.

— Знаю, повелитель. И не подведу, — гарпия решительно вскинула точёный подбородок.

Кристалл погас.

Адата выполнит порученное, горько подумал Хедин. Ещё одна пешка, живая, мятущаяся, влюблённая — снимается с доски. Ход сделан, противник принял мою жертву. Теперь дело за Эйвилль. Ей тоже пора отозваться, как велено. Неужели я таки ошибся в ней? И это после стольких приготовлений, после того, как напоил собственной кровью...

Познавший Тьму застыл неподвижно, вперив взгляд в чуть мерцающий розоватый кристалл. Ну же, Эйвилль, ну!..

Он почти уже слышал её голос, уже почти убедил себя, что видит разворачивающуюся картину, чёрные волосы эльфки-вампира, её снежно-белые игольчатые клыки — однако Эйвилль молчала.

Где допущена ошибка? Где сорвалось тщательно задуманное? Кто ссамовольничал, кто позволил себе выйти за пределы намеченного для них?..

Удалось составить такой замечательный план, закопать его концы так глубоко, что ничего не заподозрил даже Ракот — он ведь только прикидывается наивным варваром, играя натурами; и вот, пожалуйста, опять что-то срывается, идёт прахом.

«Впрочем, — досадливо морщась, подумал Хедин, — после того как самый первый твой план превратился в свою противоположность и вместо того, чтобы стать *вровень* с Молодыми Богами, ты оказался *вместо* них — нечего особенно и гордиться собственными стратегическими талантами».

Итак, Эйвилль молчит. Гелерра держится из последних сил, но это уже не имеет никакого значения. Его враг решил не отступать, как он это неизменно проделывал, а принять бой. Что ж, ему же хуже. Если он полагает, что сможет выиграть у Хедина, одолев горстку подмастерьев Познавшего Тьму...

Стоп. А не кажется ли тебе, Познавший, что всё это донельзя напоминает твоё собственное восстание? То самое, после которого ты сказал брату — мол, будем ждать, пока не найдётся кто-то достаточно дерзкий, чтобы свергнуть нас самих?

Но откуда взяться этому претенденту?..

Новые Маги, конечно же. Первое, что приходит на ум, — потому что Молодым Богам нипочём бы не додуматься до подобного образа действий. Нет, Ямерт и другие пошли бы напролом, имей они достаточно сил. А Новые Маги — когда-то злые, испорченные дети, не прошедшее инициации поколение, так и не ставшее Поколением с большой буквы. Один раз им уже преподали урок; после чего всё долгие века оставалось вполне спокойно. Чем занимались подопечные Чёрного, Хедина не очень занимало — в дела Новых Богов их младшие сородичи не лезли, и вообще старались не попадаться на глаза.

Может, стоит приглядеться к ним повнимательнее? Но уж очень тщательно они прячутся, уж слишком изощрённая магия идёт в дело. Нет, скорее всего всё же не они.

Методом исключения остаётся опять же единственная возможность.

Дальние. О них Хедин размышлял постоянно, и от бесплодных умствований даже его, Бога, начинали мучить головные боли. Он почти не сомневался, что сейчас сражается именно с ними — но это «почти» никак не помогало. Наверное, Сигрлинн смогла бы рассказать больше — у неё самой случилась некая персональная война с Дальними, и боролась она с ними не без успеха.

Сигрлинн... запретное имя. Ты не дрогнул, Познавший Тьму, когда отказался даже поверить в то, что брандейцы могут держать волшебницу в заложниках. Ты не сомне-

вался — это блеф, проигравшие хватались за соломинку, тщась отсрочить неизбежное. Сейчас ты не можешь раздавить точащее сердце червя сомнений. А что, если...

Да нет, нет, невозможно. Сигрлинн исчезла, и за все бесконечные годы твоего «правления» и «власти над Упорядоченным» ты не нашёл и малейших её следов. Следы прежних Поколений отыскиались, а вот твоя возлюбленная сгинула бесследно.

Оставь и мысль об этом, Познавший Тьму. Твоя неуверенность, твои колебания слишком дорого обойдутся Упорядоченному. Исходи из того, что противостоишь Дальним, и...

Но ты и без того исходил именно из этого. Ничего не добившись в итоге — не значит ли это, что пора сменить изначальную предпосылку?

Теряя терпение, Хедин совсем по-человечески двинул кулаком по подлокотнику. Кирддин по-прежнему исходил кровью, по-прежнему открывались порталы, и быкоголовые воины с великолепно презрительным мужеством шли на верную смерть; захватить с собой кого-то из подмастерьев Познавшего Тьму им удавалось весьма редко.

Так почему же ты молчишь, Эйвилль? Почему?..

Сильные и жёсткие пальцы впились в розоватый кристалл так, что он, казалось, вот-вот покроется паутиной трещин. Хедин наклонился совсем близко к магической вещице, вперяя в неё горящий взгляд. Насколько ж было легче, когда он сам ходил на штурм логовища Бога Горы, добывая для Хагена Голубой Меч! А теперь сиди и до рези в глазах пялься на тобою же сработанный кристалл и жди, пока другие, не ты, сделают то, что прежде ты не доверил бы никому, даже Хагену, лучшему из своих Учеников, настоящих Учеников, не то, что нынешние подмастерья...

Стой, ты несправедлив. Та же Гелерра — разве она не достойна?

Не достойна. Настоящий Ученик раскусил бы его замысел. Настоящий Ученик выполнил бы просьбу наставника, однако не преминул бы задать соответствующий вопрос. Как задал его в своё время другой Хаген из Тронье,

приближённый королей Вормса, прежде чем отправиться в почти безнадежный поход к Аттолесу.

Гелерра вопроса не задала. Она свято верила обманувшему её Богу. Бог решительно двинул её через всё игровое поле, и впрямь — словно тавлейную фигурку. Фигурка живая и не хочет умирать, но готова, если такова окажется воля повелителя... Нет, она — не ученица. Подмастерье. И не больше.

Но, может, это твоя вина? Может, ты мало верил им? Или просто не представлял себе настоящего Ученика без его Зерна Судьбы?

...Время грохочущим потоком пронеслось мимо застывшего Мага, ставшего против собственной воли Богом. Хедин ждал.

* * *

— Ну и что теперь, Ульвейн?

Аррис устало коснулся пальцами лба. На боевой перчатке из тонковыделанной кожи осталась кровь, повязка сползала, рана никак не затягивалась, несмотря на всю магию.

— Стоять и умирать, Аррис, — спокойно отозвался второй эльф. — Приказ аэтероса ясен и недвусмыслен. Держаться до последнего. Отвлечь козлоногих на себя, чтобы не рвались в глубь Мельина.

— Не смешно ли умирать ради людей, а, Ульвейн? — криво улыбнулся Аррис.

Тот лишь покачал головой.

— Мы умираем не ради людей, а ради всего Упорядоченного. Ради наших сородичей в том числе.

Его собеседник только сплюнул и вскинул лук. Огненная стрела пронзила темноту, где-то у подножия холма рухнуло пробитое насквозь тело козлоногого, рыжая шерсть немедленно вспыхнула.

— Отличный выстрел, — хладнокровно прокомментировал Ульвейн. — Ты должен быть доволен, Аррис. Мы выполнили приказ аэтероса. Пробивались в пирамиды. Гасили их магию. Собрали на себя, наверное, всех тварей, сколько их ни есть в Мельине. Заставили перебраться на

нашу сторону Разлома. Истребили неисчислимые количества — а, как мы с тобой знаем, даже Неназываемый не может мгновенно восполнить их потери, особенно среди тех, кто способен думать и говорить. Мельин получил передышку. А мы... что мы. Аэтерос найдёт других. Но и нас не забудет. Ты ведь знаешь, что он ведёт летопись всех своих учеников? Что в его замке есть тайный храм, где на стенах имена тех, кто сложил головы, выполняя его слово? Что он, не жалея сил, делает всё, чтобы мы смогли вернуться?..

— Ты себя уже похоронил? — огрызнулся Аррис, выпуская вторую стрелу. И вновь — короткий всхрип, тупой удар тела о землю и быстро разгорающееся пламя.

— Нет, и не собираюсь. Но готов ко всему. — Ульвейн казался совершенно спокойным, словно его нимало не волновала собственная участь.

Отряд их занимал вершину плоского холма; сквозь траву поднимались составленные кольцом древние камни, покосившиеся и обильно поросшие мхом. Когда-то здесь звучали гимны, немудрёные, но чистые. Людское святилище, ещё из тех времён, когда учение Спасителя не успело распространиться по Мельину. Здесь был родник — древняя, почти утратившая силу магия вытягивала наверх воду из глубинных жил. Несколько дубов окружали каменное кольцо, на ветвях, словно птицы, устроились эльфы-лучники.

А внизу, у подножия, бесилось живое море. Здесь собрались тысячи и тысячи козлоногих, наверное, и впрямь со всего Мельина (во всяком случае, так хотелось верить Ульвейну); твари не переступали некой невидимой черты, словно ожидая команды, которую начальствующие всё не торопились отдать. Время от времени или эльф-лучник отпускал тетиву, или гном-стрелок нажимал на спуск неуклюжей, но убийственной даже издалика магической бомбарды, и тогда очередная тварь падала; остальные пятились, скрываясь в темноте.

Небольшой отряд, приведенный Ульвейном на помощь Аррису, оказался в полном окружении. Подмастерья По-

знавшего Тьму показали, что их не зря облекли доверием, их путь устлалы трупы козлоногих; десяток выжженных изнутри пирамид — и твари Разлома ринулись на дерзких, забыв обо всём прочем. Приказ аэтероса выполнен, теперь оставалось только выбраться прочь из этого мира — однако дверь в Межреальность оказалась забита наглухо. Неведомая магия всё тех же козлоногих, как решили Аррис с Ульвейном. И теперь ни отправить гонца, ни дождаться до аэтероса иными средствами.

Что осталось? Стоять и умирать. Оттеснённые от Разлома, отброшенные от пирамид, они захватят с собой ещё великое множество козлоногих, но рано или поздно отряд погибнет, просто похороненный под этой живой лавиной.

— Как-то... неправильно, брат Ульвейн, — Аррис опустил лук. Стрелять в тёмное море рогатых тварей — всё равно, что кидать камушки по гребню накатывающейся волны.

— В смерти эльфа никогда не было ничего правильного.

— Не так, — возразил Аррис. — Когда погибаешь во имя великой цели. А цель аэтероса — именно такова.

— Тогда о чём ты?

— Уж больно легко мы угодили в ловушку. Привыкли, что козлоногие давят нас числом, а они сманеврировали, зашли нам в спину, отрезали отход. Вот это и неправильно — там всё больше и больше тех, кто может думать. И не хуже нас с тобой. Вот этих бы умников и... — эльф выразительно провел по собственной шее.

— Достоин, — одобрил Ульвейн. — У меня даже есть план. Но он... гм... не очень оптимистичен.

— Чего уж, выкладывай, — усмехнулся Аррис.

— Последнее и всеобщее «кольцо», — Ульвейн в упор взглянул на собрата.

— А, — Аррис понимающе кивнул. — Самое простое и самое последнее средство. Один ба-а-альшой фейерверк и из нас, и из них. Хорошо прожаренное жаркое. Да, впечатляет. Если Мельин уцелеет, об этом «извержении» станут слагать легенды. Превратят в какую-нибудь «битву огненных великанов».

— Тебе б самому легенды писать, — хмыкнул Ульвейн. — Так что, согласен, брат?

— Нет, — вдруг ответил тот. — Это действительно последнее средство. Аэтерос учил нас не совершать необратимых поступков. Встать в «кольцо» и учинить здесь «пляску пламенных духов» мы всегда успеем. А вот вырваться и вывести отряд...

— Хватит уже, — поморщился Ульвейн. — Судьбу надо принимать, не унижаясь. Нам никуда отсюда не деться. Мы можем прорваться, но окружение тотчас же замкнётся вновь. И аэтерос...

— Никогда не бросит нас, — с неколебимой уверенностью отрезал Аррис. — Подождём ещё. В конце концов, воды у нас хоть и в обрез, но хватит.

— Как скажешь, брат-храбрец, — пожал плечами Ульвейн. — Я понимаю, обидно проигрывать тупым козлоногим, но...

— Никаких «но». Аэтерос нас не оставит. Я не «верю», я знаю!

— Аэтерос, конечно же, не оставит. Но и он не всемогущ, никогда не пытался себя выставить таковым. А отвлекшись на нас, он может не успеть в какое-нибудь другое место, где его вмешательство может действительно решить всё.

— Посмотрим, — упрямо бросил Аррис. — Сто восемь солнечных кругов моего собственного мира я служу аэтеросу, и он ещё ни разу не оставил кого-то из наших без помощи.

— Верно. Но даже он не всегда успевал. За те триста восемьдесят солнечных кругов *моего* мира, что я служу аэтеросу.

Аррис не ответил. Одним лёгким движением вспрыгнул на вершину древнего молитвенного камня, прижал пальцы к вискам...

Отлично видевшие во тьме козлоногие разразились дикими воплями, и это тоже было новым — раньше в бой они ходили молча, словно немые. Сейчас же под холмом

словно бесился огромный зверинец, где выли, ревели и улюлюкали на все лады.

— У-у, х-хады рогатые! — в сердцах гаркнул кто-то из гномов, прикладываясь к бомбарде. Огнеброс швырнул пламенный шар прямо в гущу забывших осторожность козлоногих, магия развернула пылающее прокрывало, мгновенно испепеляя плоть и кости.

— Ульв! — Аррис резко присел на корточки, скручиваясь, словно от боли. — Это... азтерос!.. Он говорит: «Держитесь! Помощь идёт!»

* * *

«Наверное, я всё-таки ничему не научился за все минувшие века, — горько размышлял Хедин. — В частности, такому нужному для любого полководца делу, как бестрепетно отправлять полки на верную смерть, если это потребно для общей победы. Вернее, когда-то я это умел, особенно в пору Ночной Империи. А потом — разучился, наверное, так. Я не хотел приближать к себе подмастерьев, не желал новых Учеников, потому что после Хагена я бы не смог жертвовать ими спокойно и хладнокровно. Вот и сейчас. Аррис и Ульвейн выполнили приказ, но покинуть Мельин не могут. Они стянули на себя огромную массу козлоногих, те больше не рвутся в ещё населённые смертными области; и, по безжалостной логике войны, отряд Ульвейна стоит там и оставить, до тех пор, пока его полностью не уничтожат. Во всяком случае, это даст немалый выигрыш во времени.

Но, с другой стороны, у меня достаточный резерв. Я берёг эти полки для решающего удара, но, чтобы открыть окружённым дорогу из Мельина, хватит и сотни подмастерьев. Аррис с остальными вырвется на свободу, а козлоногие хлынут обратно на восток...»

Хедин решительно поднялся, открыл шкатулку чёрной кости (не выкрашенной в чёрный цвет, а тёмной изначально), не глядя, вытянул крупный, в кулак, алый кристалл.

Н-да, тоже мне, Новый Бог, уповающий на подобные штуковины, чтобы его слышали...

— Аррис!

Ну конечно же, эльф слушал. В отличие от Ульвейна, который, похоже, пал духом и приготовился к «геройской смерти».

— Аррис, слушай меня внимательно...

И, разумеется, в этот самый момент ожил кристалл Эйвилль.

Хедин на миг сжал зубы — так, чтобы захрустело.

— Аррис, помощь идёт. Но вам надо удерживать козлоногих во что бы то ни стало!

— Мы понимаем, аэтерос, — донеслось из глубины алого кристалла. — И исполним порученное, мы...

Лёгкий треск. Багряно-блестящие грани покрылись трещинами, и кристалл рассыпался лёгкой рубиновой пылью.

Ничего не поделаешь.

— Арбаз!

— Повелитель, — низкорослый гном едва не повалил походный шатер — настолько широки были его плечи в узорчатой броне.

— Бери свою сотню и отправляйся в Мельин. Аррис и Ульвейн в ловушке. Вы были нужны мне совсем для другого, но эльфы...

— Мы их вытащим, — прогудел бородач, ударяя кулаком в ладонь. — Эльф да гном — навеки вдвоём, как у нас говорят.

— Придётся поспешать, — Хедин поднялся. — Один удар — и всё. И назад. Помни, что вы, гномы-чародеи, мне очень понадобятся, и совсем скоро, потому что мы на пороге последнего штурма.

— Знаем, гаррат¹. И не подведём. Эти рогахи даже не поймут, откуда им вжарили.

— Ой, не хвались, гноме! — усмехнулся Познавший Тьму.

— Не буду, гаррат. Кланяюсь низко и прошу позволения отбыть.

— Отбывай. Как исполнишь, подай весть и возвращайся. Немедленно!

¹ Повелитель.

— Всё понял. Не подведу.

Полог опустился, Познавший Тьму со вздохом позволил себе откинуться в кресле. Да, Арбаз не подведёт. Редкий самородок, невероятная удача — гном с врождёнными способностями к магии, да такими, что эльфы только зеленели от зависти. По крупичам, по множеству разных миров собиравший свою избранную сотню гномов, кто, как и он сам, обладал изначальным даром. Они гордо именовали себя «полком», эти одиннадцать десятков гномов, а равны были десяткам тысяч обычных воителей. Их Хедин действительно берёт. Они способны были повернуть ход даже безнадежно, казалось бы, проигрываемого сражения.

Всё. А теперь — Эйвилль.

...Вампириша стояла на одном колене, низко склонив голову, так, что великолепная волна волос свободно лилась до самой земли.

— Повелитель.

— Я ждал твоего слова, Эйвилль.

— Твоя воля исполнена.

— Ты нашла отнорок?

— Повелитель всё знает наперёд, — вампириша всё так же оставалась на одном колене и не поднимала глаза. — Его воля исполнена.

— Ты на редкость некрасноречива сегодня, Эйвилль.

— Не о чем рассказывать, повелитель. Гелерра всё сделала за меня, осталось только проследить, куда побегут эти негодяи. Я готова явить повелителю всё увиденное мною.

— Жду с нетерпением, — откликнулся Хедин.

Ну, заглотили ли вы мою приманку, Дальние?

По-прежнему не поднимая головы и словно страшась взглянуть Познавшему Тьму в глаза, Эйвилль слегка шевельнула пальцами. Видение сменилось, явив Хедину отряд Гелерры.

* * *

...Её полк втянулся в битву весь, не осталось даже малого «боевого запаса», последней сотни, что повелитель учил всегда держать наготове, как бы скверно ни обстояли дела в передней линии.

Оказалось, что враг мог атаковать не только ордами

тупоумных монстров, послушно бредущих на убой. Выяснилось, что эти создания тоже умеют швыряться огнешарами, и до неприятного метко. Над головами замелькали крылатые существа, наподобие драконов, но со змеиными телами; им навстречу устремились Репак и его сородичи.

На «земле» (ибо какая ж это земля, видимость одна, натянутая поверх зелёных кристаллов) подмастерья Хедина дружно нажимали на упрямо атакующие орды. В ход пошла вся магия, какой только владели соратники Гелерры. И простое стихийное волшебство, и куда более утончённые заклятья, заставлявшие тела чудовищ лопаться, или кости — вспыхивать прямо внутри облегающей их плоти. Кто-то насылал безумие, заставляя страшилищ слепо кидаться друг на друга, кто-то просто выжигал им глаза. Креггер не выпускал раскалившийся огнеброс; перед гномом раскинулась чёрная, по-настоящему выжженная дотла пустыня.

Согласно слову Учителя, Гелерра велела своим «надавить». Восемьсот бойцов Хедина способны распылить огромные армии и обрушить стены самых неприступных крепостей, но сейчас бой шёл равный, магия столкнулась с магией. И адате, как и некоторым другим, особо искусным в защитной волшбе, пришлось не столько разить недругов, сколько прикрывать своих, отбивая градом сыплющихся чужие заклинания.

Гарпия парила высоко над утёсом, ставшим настоящей твердыней её отряда; выполняя приказ, соратники покидали надёжное прибежище, кое-где схватываясь с чудовищами чуть ли не врукопашную. Призрачные фигуры «пастухов» на заднем плане только колыхались и покачивались, отнюдь не спеша приближаться.

Прикрывая друг друга когда заклятьем, а когда — щитом, подмастерья Хедина отбросили тварей от подошвы скалистой громады. Наступать дальше означало растягивать и без того негустую цепь, и Гелерра приказала построиться клином. Призраки маячили со всех сторон, и куда наступать, было решительно всё равно.

...Со стороны казалось, что светлый клин рассекает неподатливую тёмную массу, кипящую, словно варево в кот-

ле, то и дело вспухающую огнистыми пузырями. Крылатые соратники Гелерры развернули сотканную из пламени сеть, накрывая ею одного змеедракона за другим. От горизонта мчались новые, но далёкие сперва фигуры призраков-исполинов неуклонно приближались.

Нельзя сказать, что этот прорыв ничего не стоил. Не все огненные шары летели мимо соратников адаты, не всегда тёмные клыки захватывали лишь воздух; сама Гелерра покрылась копотью до самых кончиков длинных маховых перьев.

Но всё-таки они наступали, и настал момент, когда кольцо призраков вдруг стало таять; до ближайшего оставалась лишь сотня-другая шагов, но хозяева мира зелёных кристаллов не приняли честного боя. Их орды разом повернули и ринулись наутёк, не обращая внимания на рвущие их ряды прощальные огненные подарки от воинов Хедина.

Гелерра поняла, что может умереть от счастья — вот прямо сейчас, немедленно, в миг своего величайшего триумфа. Победа! Враг бежит! И две сотни её наблюдателей, конечно, теперь уж его не упустят.

* * *

— Они ведь упустили их, верно? — негромко спросил Хедин, в упор глядя на коленопреклонённую (в видении) вампиршу.

— Повелитель всё знает наперёд. Враг, что естественно, смог закрыться от них. Но не от меня. О моём существовании он даже не догадывался. Я видела их исход, повелитель. Смиренно являю его для вашего суда.

Теперь Хедин видел весь мир, как он предстал глазам Эйвилль, — невинный шар, сине-бело-голубой с примесью зелёного и коричневого. За пределами воздушной сферы, там, где начиналось не просто пространство, а сама Межреальность, появился зеленоватый туман, он уплотнялся, пока не появились четыре десятка сотканных из этой мглы призраков, медленно проплывших мимо невидимой для них упырицы.

— Это они, повелитель. Дальние, если я правильно всё поняла. Эманации неведомой силы, не нуждающиеся в телесных воплощениях. Я могла заметить их, но не более. Сомневаюсь, что сила вампира способна причинить им хоть какой-либо вред.

— Однако они отступили перед Гелеррой, — заметил Хедин.

— Только так их и можно одолеть — разрушая их логовища. Их самих, боюсь, не уничтожить никак.

— Интересная мысль, благодарю тебя, Эйвилль. Итак, ты смогла проследить их исход?..

— До их иного убежища. Мирка под названием Эвиал. Хедин не удержался. На миг зажмурил глаза, откинувшись на спинку.

— Замечательно. Превосходно, Эйвилль. Твой долг оплачен и забыт. Награда не заставит себя ждать.

— Лучшей наградой мне уже стала похвала и прощение повелителя... — ещё ниже опустила голову Эйвилль.

— Не скромничай. Ты сможешь *обратить* новую, гм, adeptку — взамен погибшей Артрейи.

— Благодарю щедрого повелителя... но каковы будут дальнейшие приказы? Я готова сама отправиться туда и...

— Не стоит, Эйвилль, не стоит. Ты заслужила отдых. А в названный тобой мирок я сподоблюсь сходить сам, да и Ракот тоже не промедлит. Тебе стоит вернуться в Кирддин, к своим, и ожидать там дальнейших распоряжений.

— Слушаю и повинуюсь, великий Хедин!

— До скорой встречи, Эйвилль.

Видение прервалось, и Познавший Тьму позволил себе одну, исчезающе краткую усмешку.

Капкан готов захлопнуться.

Эвиал. Что ж, понятно. Придумано ловко, что и говорить. В самом деле, пришло время потряхнуть стариной и вновь испытать на деле, так ли тверды границы Закона Равновесия.

Осталось отдать последние распоряжения остающимся в Кирддине подмастерьям и устроить всё так, чтобы тот же Арбаз, если надо, мигом бы оказался в Эвиале. Это не просто, особенно помня, *что* за мир этот самый Эвиал...

Рыцари Ордена Прекрасной Дамы отличались множеством добродетелей. Сказать по правде, каждый из них мог служить истинным их образцом во всём, кроме терпения. Непонятный Ракоту не то след, не то намёк на оный — и закалённые вояки словно лишились рассудка. Они не ели и не пили, они падали на колени перед братом Хедина, умоляя ускорить их и без того безумно-быстрый марш. Ракоту оставалось лишь вразумлять их, упирая на то, что к решающей битве они должны подойти свежими, а не вымотанными до предела, как сейчас.

Дорога от Зидды до Эвиала не изобиловала событиями; Ракот старался двигаться как можно более скрытно.

...Чёрная глобула закрытого мира, словно драгоценная жемчужина в раковине, обрамлена неярким мерцанием иных слоёв бытия, что не видны даже странствующим по Межреальности магам Долины. Ракот остановился. Осмотреться, приглядеться... пригляде... — что такое?!

Почти непроницаемой агатовой брони Эвиала больше не существовало. Вместо неё — какое-то испятнанное прорехами решето, словно весь мир послужил мишенью на состязании лучников. Чья-то мощь, явно сравнимая с силой самих Новых Богов, превратила запертый от ненужного любопытства мир в проходной двор.

Но как, когда, зачем?..

Последний вопрос, впрочем, можно было и не задавать. Иначе его, Ракота, просто не оказалось бы здесь.

— О-очень интересно, — вслух протянул бывший Владыка Тьмы. — Господин командор!..

Рыцарь с достоинством приблизился, лишь слегка поклонившись.

— Что говорят ваши чувства насчёт Прекрасной Дамы?

Выдубленное, иссечённое глубокими и резкими морщинами лицо немолодого рыцаря внезапно дрогнуло.

— Мы... утратили след, сударь.

— Вот даже как? — поднял брови Ракот. — Что ж, примите моё самое искреннее сочувствие, командор. Надеюсь, что...

— Орден Прекрасной Дамы помнит свой долг и свои обеты, — отчеканил рыцарь. — Я жду приказаний, сударь.

— Приказания будут простые — спускаемся в этот мир и берём за глотку тех, кто устроил это безобразие в Зидде... стойте! Командор?! Вы видели?..

Разумеется, они видели, видел весь отряд, не исключая обозников.

Возле чёрного, испятнанного пробоинами щита медленно разгоралась золотая искра. Сияние становилось всё ярче, так, что рыцари не выдерживали, отворачиваясь и набрасывая забрала. Искра неспешно погружалась, словно тонула в окружившей Эвиал тёмной глобуле, и из множества прорех тотчас брызнули всё те же золотистые лучи. Командор Ордена упал на колени, его примеру последовали многие другие рыцари; лишь Ракот остался стоять, в бессильной ярости сжимая кулаки.

— Вот оно, значит, что... решил опередить нас, нищепрод?!

— Сударь, не стоит так отзываться о Спасителе, — в шёпоте командора слышался неподдельный страх.

— Что?! — презрительно бросил Ракот. — Ты боишься? Ты — и чего-то боишься, присягнувший Прекрасной Даме рыцарь?

— Я не боюсь ничего, посягающего на меня с мечом или же с заклинанием, — командор справился с собою, голос звучал бесстрастно. — Но Спаситель превыше всего этого, сударь и господин. Не стоит искушать Его.

— Кто ещё думает так же?! — проревел Ракот, обводя остальных спутников тяжёлым взглядом. Ему никто не ответил.

— Молчание — знак согласия... Что ж, моего дела в Эвиале никто не отменял. Вы пойдёте со мной, благородные рыцари?

— Пойдём, — не колеблясь, ответил командор, поднимаясь с колен. — Орден верен слову. Но, господин, должен сказать вам прямо, без увёрток — вы, быть может, и выберетесь из Эвиала. Мы, простые смертные, — нет.

«Не самая вдохновляющая речь перед битвой, что и говорить», — мрачно подумал Ракот.

— Откуда такое уныние, друзья? — громко обратился он к молчаливым рыцарям. — Разве Орден Прекрасной Дамы когда-либо отступал? Разве он...

— Мы не отступали и не отступим! — с неожиданной резкостью прервал Ракота командор. — Ведите нас в бой, повелитель. Дайте лишь каждому немного времени написать свой завет.

— Последние послания идущих в безнадёжную схватку? Не рано ли, командор? Не забывай, что с вами есть я!

— Власть Спасителя огромна. С тех высот, на коих пребывает повелитель, она, быть может, и не кажется такой. Однако мы, смертные, видим всё как есть, — упрямо ответил старый рыцарь.

— Воля ваша, — махнул рукой Ракот. — Я не Ямерт, чтобы все думали со мною в унисон. Пишите свои заветы, но я ручаюсь — очень скоро вы сами над ними посмеётесь.

Командор только поклонился и отошёл.

Бывший Повелитель Тьмы остался стоять, сжав кулачищи и мрачно глаза на золотистый свет, рвущийся из прорех в чёрном покрывале Эвиала.

Спаситель. Снова ты. Что ж, на сей раз наши дороги пересеклись как раз вовремя. Этот мир тебе не достанется, и я сам встану с тобой лицом к лицу, если, конечно, ты не поспешишь сбежать, как в прошлый раз. Мельин спасся от тебя своими собственными силами, Эвиалу, как видно, повезло меньше. Небось тут тоже исполнились какие-нибудь «пророчества Разрушения».

К Неназываемому всю эту дрянь! Честное слово, с каким удовольствием я лично притащил бы тебя, Спаситель, связанного, и швырнул бы в эту вечнораспахнутую пасть, спихнув в устремляющийся к нему навстречу поток ново-созданной пустоты, которую чудовище всё пожирает и пожирает, никак не в силах насытиться.

Эх, мечты...

Что ж, мы у цели. Мешкать теперь тем более нет резона.

— Оставьте обоз. Идём налегке, — резко бросил Ракот.

Кому из них заступить дорогу? Спасителю — или тем, кто распоряжался в Зидде?

Ракот колебался недолго. Разумеется, честь первым скрестить мечи с ним, как-никак Владыкой Мрака, пусть даже и бывшим, принадлежит Спасителю. Твари из Зидды никуда не денутся, их логово найдено, важно, чтобы крысы теперь не разбежались.

Нет, он встретит Спасителя. Как и обещал, лицом к лицу. Осталось немного — послать весть брату Хедину. Едва ли Познавшего Тьму это обрадует, но — они ведь оба всегда знали, что настанет день, когда им придётся столкнуться со Спасителем и ни Он, ни они не смогут шагнуть в кусты, растворившись на воздушных, подобно тому, что проделал их недруг в последнюю встречу.

Орден Прекрасной Дамы молча повиновался. Рыцари построились в боевой порядок, щёлкали скобы взводимых арбалетов, болты вкладывались в направляющие желобки; Ракот, прищурившись, всматривался в раскинувшийся перед ним мир — сквозь прохудившееся тёмное покрывало смутно угадывалась золотая лестница, протянувшаяся от небес до самой земли.

Спаситель, похоже, обожает обставлять своё появление словно провинциальный трагик на балаганной сцене: чтобы все видели и падали ниц. Золотая лестница — что может быть банальнее? «И безвкуснее», добавил бы Хедин, но вопросы изящных искусств оставим Познавшему Тьму. В свою бытность истинным Владыкой Мрака Ракот тоже не чурался монументальности, гордой и аскетичной, так ценимой стекавшимися под его знамёна воинами; случалось и ему устраивать торжественные церемонии в мирах, признавших его власть и давших ему свои полки; но ничего подобного он никогда не допускал. А вот Спасителю всё равно, и падающим сейчас ниц в Эвиале золотая лестница не кажется ни нелепой, ни тем более смешной.

Рыцари Прекрасной Дамы дружно ударили мечами в щиты; командор протрубил в рог. Таиться не имело смыс-

ла, такую сущность, как Спаситель, не захватишь врасплох.

Межреальность стремительно таяла, вокруг сгущались небесные сферы Эвиала, осталась позади испещрённая рваными дырами чёрная оболочка; Ракот и его рыцари парили, медленно опускаясь вниз, на землю, кою последователи Спасителя так любили именовать «грешной», хотя в чём может быть виновата она, вечнорождающая и всеобщая Мать?

...Вести от Ракота Познавший Тьму выслушал с каменным спокойствием. Все дороги сходятся и все пути сплетаются. Его враги всё рассчитали, учли всё мыслимое и немыслимое, кроме одного — что он, Хедин, может сам дёргать их за ниточки, пусть не всегда угадывая, но заставляя плясать под собственную дудку.

И вот, пожалуйста, — Спаситель. Именно в том мире, который Дальние, бесспорно, выбрали для последнего сражения. Не приходилось сомневаться, враг ждёт, что Новые Боги сами устремятся в битву. Весы дрогнули, перевес на стороне Дальних, и Закон Равновесия обязан благоволить «истинным хозяевам» Упорядоченного. Всё правильно, а появление Спасителя только подстегнёт их к действию — похоже, Дальним прекрасно известно, какого мнения оба Новых Бога об этой силе, беззастенчиво хозяйничающей во вверенной их попечению вселенной.

Что ж, мы и вправду пойдём вперёд, устремимся со всеми силами; мы слепо сунем голову в западню и станем ждать, когда капкан захлопнется.

И только тогда возомнившие о себе призраки поймут, что такое *истинная* мощь Новых Богов. Да, придётся повозиться с последствиями. Но уж лучше потом открывать порталы из обречённых миров и творить на скорую руку новые, уже не предназначенные для поглощения утробой Неназываемого, чем бездействовать и видеть, как смертоносная зелёная плесень расползается всё дальше и дальше по Упорядоченному.

Ракот, разумеется, счастлив. Он ждал этого невесть сколько лет. Схватиться со Спасителем сделалось его за-

ветной мечтой; Владыка Тьмы рассчитывал наконец-то встретить равного противника. Что ж, пусть Ракот наступает. Он, Хедин, не замедлит последовать за ним.

Познавший Тьму в последний раз окинул взглядом остающееся в Кирддине войско. Выглядит внушительно, его вполне достаточно, чтобы удерживать быкоглавцев и не дать им вмешаться в том же Эвиале. С самим Хедином уходили лучшие; сотня гномов под командой Арбаза последует за ними, едва только выручит отряд Арриса и Ульвейна в Мельине.

Этого дня ты, Познавший Тьму, тоже ждал бессчётные годы, как и Ракот — встречи со Спасителем. Если твой план верен — а он верен, — то очень скоро ты избавишься от обоих врагов, вечных нарушителей Равновесия.

* * *

Летняя ночь в Мельине не слишком длинна. Наученные горьким — хотелось бы верить! — опытом козлоногие оттянулись дальше от подножия холма, оказавшись вне досягаемости большинства боевых заклятий хединских подмастерьев. Аррис и Ульвейн вместе обходили караульных; большинство бойцов дремало, пользуясь затишьем. Эльфы обычно не спят, как люди, но магия высасывает силы так, что не остается ничего, кроме как замертво свалиться на землю, прямо где стоишь, и заснуть, даже не успев смежить веки.

Отряд взяли в плотную осаду. Казалось бы, что тут такого? Магия ведь не исчерпывается, она не кончается, в отличие от стрел или провизии? — верно, но только на первый взгляд. Никакой маг не сможет творить один огнешар за другим, он устаёт так же, как и обычный воин, сражающийся со щитом и мечом. Ночной отдых восстановит силы, но если враг будет атаковать беспрерывно, от рассвета до заката и от заката до рассвета, то не сдюжат даже подмастерья Новых Богов.

Козлоногие ждали, и эльфы-командиры знали, чего именно. Ночь жила, в отдалении слышался топот, топот, топот — сотни и тысячи копыт топтали многострадальную

мельинскую землю: твари Разлома копили силы для решительного штурма. Громадное большинство из них не доживёт до следующего дня; но смерти для них словно бы и не существовало.

— А если выбить начальствующих? — вполголоса размышлял Аррис. — Кто-то ведь должен гнать в бой эту орду! Сплести заклинание...

— Отыскивающее умеющих думать или хотя бы говорить? — хмыкнул Ульвейн. — Заманчиво, но, боюсь, формулу нам так быстро не вывести.

— Просто отвратительно, почему ты вечно прав? — буркнул Аррис, останавливаясь.

— Потому, что старше тебя и опытнее, — казалось, Ульвейн смирился с неизбежным. — Но я верю аэтеросу. Помощь придёт, он ведь обещал, а его слово крепкое. Знаешь, как в балладах, когда погасла надежда, в последний миг, на краю пропасти?..

— Так то в балладах.

— Жизнь порой ещё причудливее, — философски заметил Ульвейн. — Аэтерос, мне кажется, порою сам чувствует себя трагиком перед огромной толпой...

— У тебя, Ульвейн, в голове помутилось от ужаса, — фыркнул Аррис. — При иных делах за такие слова...

— Стой! Ничего не слышишь?..

Аррис не успел ответить.

Всё действительно случилось, «как в балладах», — к окружённым со всех сторон подмастерьям Хедина пришла помощь. Небо Мельина лопнуло, распоротое длинным огнистым клинком, вниз горохом посыпался рой алых искорок.

— Арбаз, — потрянул головою Аррис. — Иначе старый хвостун не умеет.

— Его счастье, что у козлоногих нет луков...

— Верно, и, кстати, почему? Или до такого им не додуматься?

— А зачем? У них ведь и оружия тоже нет...

В отряде все повскакивали на ноги, небо над головами вспыхнуло сигнальными огнями; сотня Арбаза, точно кор-

шун на добычу, камнем валилась прямо на головы козлоногим, и гномы пустили в ход весь свой арсенал, ещё даже не ступив на землю.

Из всех видов чародейства Арбаз и его товарищи предпочитали пламя — во всех видах и формах. Холм с каменной короной опоясало сразу несколько огненных колец, тёмную массу козлоногих рассекли полыхающие дорожки — словно искусный кондитер резал огромным ножом праздничный пирог.

Прорываясь сквозь бушующие рыжие языки, козлоногие все вместе рванулись на штурм — не замечая погибших, бросаясь прямо в огонь, проскакивая его — опалённые, с горящей шерстью, они мчались прямо по склону, падали и уже не поднимались, сражаемые всем, чем только могли встретить их воины Арриса и Ульвейна.

— Держись! — прогрохотал плечистый коротышка Арбаз, вскинув на плечо здоровенную трубу бомбарды, богато разукрашенной непонятными даже многознающим эльфам рунами. Его огнеброс заставил бы Креггера позеленеть от зависти и слопать собственную бороду: несмотря на то что рецепты зарядов Арбаз щедро раздавал всем желающим, повторить не получалось ни у кого, и перед каждым боем сотнику приходилось, ворча, раздавать своим туго свёрнутые холщовые цилиндрики, покрытые рунами, нанесёнными красной охрой.

Там, где острый клин козлоногих прорвался-таки сквозь огонь, сверкнуло нечто идеально-белое, белее снега на горных вершинах, самая сущность пламени; Аррис и Ульвейн едва успели зажмуриться. Не меньше пяти сотен тварей исчезло бесследно, не оставив даже трупов или хотя бы обугленных костей; земля выгорела на добрый локоть в глубину.

— Пока не опомнились — открываем двери, открываем и прочь отсюда! — рывкнул Арбаз, опуская бомбарду и вытаскивая из-за пазухи прозрачно-желтоватый кристалл.

— Аэтерос не просил нас оставлять Мельин! — выкрикнул Аррис, без промаха посылая очередную стрелу.

— Он вас и умирать тоже не просил! — прорычал гном,

сжимая камень в кулаке, да так, что тот мигом потрескался. — И в ловушку попадать не требовалось! Выберемся из кольца и будете дальше воевать, только второй раз, чур, не попадаться, мы на помощь уже не успеем! Гаррат велел — как вас выручим, со всем поспешанием двигать обратно, там большая заваруха вот-вот начнётся! Вроде как нашли тех гадов, выследил их владыка! А вам — тут дело справлять, козлоногих удерживая, чтобы никуда б не вырвались, в спину б не ударили!

Аррис не удержался от гримасы разочарования:

— Аэтерос не доверяет нам?

— Ерунда! — вновь зарычал гном. — Экие вы, эльфы, гордецы, не подступишься! Нельзя Мельин рогачам отдавать, нельзя, хоть тресни! Забыли, что это за мир?!

— Спокойно, Аррис, всё в порядке, Арбаз, — вступил Ульвейн. — Все всё понимают. Мы знаем наш долг и исполним его в точности. Или ты и в этом сомневаешься, гноме?!

— Никто ни в чём не сомневается, — буркнул бородастый воитель, вновь вскидывая чудовищную бомбарду. — Гаррат почти никого с собой не берёт. Кирддин держать надо, быкоглавые тоже давят будь здоров, только успевай поворачиваться! Мы там понадобится, вы — здесь; а уж владыке советовать, когда он не просит, и вовсе пустое дело. Ну, хватит разговоры разводить! Я ворота открываю, кто не успеет — рогатым на подстилку пойдёт!..

* * *

Хедин торопился, но поспешал, как и положено Богу, медленно. Известие о Спасителе застало его на полпути между Кирддином и Эвиалом, среди дивного многоцветия тонкого мира, где шёл его небольшой отряд. Сейчас Познавший Тьму жалел, что с ним нет Гелерры: адата одержала свою первую победу, сама командуя полком, сил после такого прибывает, да и вообще... отчего-то самому Хедину становилось спокойнее, когда рядом оказывалась совершенно неспокойная крылатая дева с дивными антрацитовыми глазами. Её отряд возвращался в Кирддин; обман-

ный мир зелёных кристаллов достался подмастерьям Познавшего Тьму, и в другое время он бы и сам отправился туда — наверняка найдётся много интересного; но главная битва этой войны разыграется в Эвиале. И, к сожалению, это не то сражение, где всё решится числом.

С собой Хедин взял только семерых. Человек, гном, эльф, мормат, радужный змей и дракон. Седьмым, конечно, оказался Читающий.

Но прежде чем выступить, Познавший Тьму послал ещё одну весть. В мир под названием Хьёрвард, на его северный континент, где с незапамятных времён обосновался тот, кто по справедливости должен был стоять всё это время рядом с новым распорядителем Упорядоченного.

Хедин отправил послание Старому Хрофту.

Спаситель в Эвиале. Что ж, неожиданно — и ожидаемо. Уже какое-то время Он не появлялся возле ключевых миров, отираясь где-то на дальних окраинах Упорядоченного. Мечта Ракота исполнилась — едва ли Спаситель теперь станет спастись бегством, коль уже удалось впиться в ещё живое.

«Он хуже вампира, хуже Неназываемого, — думал Хедин, и кулаки его сжимались сами собой. — Новые Боги так и не разгадали тайну его появления, общие слова о «воплощении надежд и чаяний» остались общими словами. Я встал лицом к лицу с Молодыми Богами, мы схватились с хозяевами Обетованного, но я не испытывал к ним ненависти. Не давал себя уничтожить, не более. А здесь... здесь я именно ненавижу. Это вечно-постное выражение, эти лживые скорбь и сочувствие; ненавижу Его драную накидку, какой побрезговал бы и иной нищий; ненавижу подлые приёмы, уклонение от честного боя; ненавижу само Его существование. И это плохо, потому что ненависть — прерогатива Ракота Восставшего, а я, Познавший Тьму, её себе позволить не могу, она затуманивает сознание, мешая размышлять».

Что сделает он, Хедин, столкнувшись со Спасителем, когда ни один не захочет уступать, Познавший Тьму пока не думал. Некогда он, в то время ещё Истинный Маг, на-

деялся боем разведать пределы отпущенного Ямерту и его собратьям; сейчас скорее всего выйдет то же самое.

Прочь колебания, прочь сдержанность; очень скоро Закон Равновесия затрещит по всем швам, потому что ещё никогда в пределах Упорядоченного две такие силы не сходились в открытом бою.

Хедин оглянулся на свою гвардию. Вот огромный старый мормат, Гвеах, как он назвался Познавшему; один из первых подмастерьев, вставший под знамёна Новых Богов, хаживал ещё на штурм Брандея. Фиолетовые круглые глаза ловят взгляд Хедина, щупальца приподнимаются в обычном для морматов салюте. Вот шагает, по-кошачьи втянув когти, дракон Раабар, единственный из своего племени¹, кого невероятная игра природных законов наделила способностью к магии, но зато одарила так богато, что оставаться в своём мире он просто не мог — выгорел бы изнутри, не зная, как привести в действие обретенное состояние. С Раабаром поспорит Ктаур из племени радужных змеев — он сам, путём отвлечённых умозаключений, нашёл доказательства существования Новых Богов, сумел найти способ прорваться в Межреальность и отыскал тропку в Обетованное именно в тот момент, когда во дворце Ямерта Познавший Тьму впервые собрал самых первых своих подмастерьев; с этого дня Ктаур и Гвеах неразлучны.

Человек, гном и эльф. Их путь обычен для многих хединских подмастерьев: изначальный талант к магии, неустанный поиск всё нового и нового, стремление во что бы то ни стало «заглянуть за горизонт» или же «уйти по меридиану».

Жаль, что нет Арбаза. Будем надеяться, что гном — мастер огненной магии — успеет справиться в Мельине, как рассчитывал Познавший Тьму.

Да, Брандей... Многие тогда погибли, слишком многие. Несмотря на то что ударной силой служили совсем иные полки.

¹ Обычно драконы — магические создания сами по себе, как, скажем, хранители Кристаллов Эвиала, но Раабар происходил из мира, где человека не было, а венцом творения и хозяевами стали драконы. Магия у них не проявилась, за единственным исключением

На сей раз всё будет иначе. Не огромные армии и сотрясающий Упорядоченное штурм — а один укол рапирой, стремительный и разящий. Познавший Тьму не повторит старых ошибок.

...Ракот, конечно, ждать не станет, не утерпит, кинется в самую гущу схватки. Пусть; это только поможет ему, Хедину. Вряд ли усидит в Кирддине и Эйвилль; вот за кем потребуются глаз да глаз. Раз вкусив крови бога, так просто от неё не откажешься.

...Эвиал открылся разом, словно в один миг лопнули скрывавшие его завесы. Семеро замерли на самом краю воображаемой бездны; Хедин видел то же, что и его названный брат: чёрное с прорехами покрывало и пробивающийся сквозь них тёплый золотистый свет. Только теперь на нём проступили и четыре концентрических круга всё того же золотистого оттенка.

Спаситель вступил в Эвиал.

Ракота и след простыл, неугомонный Владыка Мрака, конечно, не в силах ждать. Что же, а у нас, согласно словам Эйвилль, должен присутствовать след...

Разумеется, он отыскался. Искусно укрытый; даже он, Хедин, нипочём бы не обнаружил его присутствия, если бы не слова вампирши.

Как же вы рискуете, подумал Хедин. И насколько же вы уверены в победе. Вы знаете, что Познавшего Тьму можно поймать только на реальную приманку. Вы решили сами стать таковой. Похвальная смелость... и несусветная глупость. Ваши успехи, ваша неуязвимость сослужили скверную службу. Вы стали слишком самоуверенны. Что ж, я не против.

Надо спускаться. Чего ты ждёшь, Познавший? Отчего колеблешься?..

Что-то почувствовав, шевельнул огромными крыльями Раабар; янтарные глаза дракона испытующе взглянули на Хедина.

— Ты прав, дружище. Что-то не так, — проворчал гном.

Хедин вскинул сжатый кулак, и всё мигом стихло, шестеро подмастерьев замерли, словно оледенев.

Вокруг неподвижно застывшей семёрки не за клубился туман, не поднялись завесы тьмы, но отчего-то все, от мормата до человека, поняли, что их наставник замкнул круг неведомой силы, ограждающий их от излишне любопытных взоров.

Познавший Тьму стоял со странным выражением на лице: он вновь чувствовал присутствие сущностей, чьи пути не пересекались с его собственным уже очень, очень долгое время.

Они были здесь. И сейчас где-то рядом.

Хедин покачал головой. Всё интереснее и интереснее. Даже... как-то приятно будет встретить их снова. Вражда порой соединяет не хуже самой глубокой привязанности.

Шло время, Познавший Тьму ждал.

* * *

— Ну и мерзость, — Ракот презрительно скривился, рассматривая затянутые мраком шпили полуразрушенного Аркина. В окрестностях города не осталось ничего живого, в порту замерла целая армада галер, явно брошенных командами. Но хуже всего оказался именно этот мрак, не имевший ничего общего с так хорошо знакомой Ракоту Истинной Тьмой.

— Это просто грязь, — вслух проговорил Восставший, прищуренным взглядом рассматривая напиравшую стену черноты.

В Эвиале стояла ночь, и брат Хедина понимал, что это не простая ночь. Он чувствовал жестоко рассечённые воды Великой Реки, его слуха достигали слабые отзвуки — Драконы Времени стонали, охваченные мучкой.

— Славно тут кто-то порезвился, командор.

— Истинно, сударь, — поклонился рыцарь.

— Как твой след?

В ответ раздался лишь вздох.

— Ладно, — решил Ракот. — Наш дорогой Спаситель что-то не торопится, лестницу протянул, а сам нога за ногу плетётся...

Золотые ступени действительно прочертили небосклон,

исчезая среди развалин Аркина. Сияющая фигурка медленно двигалась среди звёзд, затмевая их слабое мерцание.

Орден Прекрасной Дамы ждал в полной готовности.

«А вообще тут интересные дела творятся, — подумал Ракот, прислушиваясь. — Мир корчился в судорогах, совсем недавно его, точно бич, полоснуло жуткое некромагическое заклинание, поднявшее множество мёртвых, и не абы кого, а эльфов.

Что тут происходит, во имя Истинной Тьмы?

Да, запустили мы с братцем дела, запустили... надо было не ссылаться на Весы и Законы, а не бояться больше доверять подмастерьям. Это, конечно, получится то же самое, что при Ямерте... но нельзя ж терпеть такое непотребство!»

По ту сторону серого занавеса, до сих пор отделявшего занятое «грязью» от остального, ярились обезумевшие чудовища; Ракот не удостоил этот зверинец и мимолётным взглядом. Когда-то и он творил нечто подобное, когда-то и он бросал в бой такие вот создания, наивно полагая, что «сила силу ломит». А сломила-то не сила, а хитрость. Не бессильная, разумеется, но всё-таки — хитрость. Если бы не она, так и пребывать бы ему, Ракоту, развоплощённым на старом Дне Миров.

— Какие будут распоряжения, сударь? — кашлянув, вежливо осведомился командор.

— Распоряжения? — Глаза черноволосого великана сузились. — Не боишься этих милашек, рыцарь?

— Принявший обет служения Прекрасной Даме искореняет уродство там, где его видит, — напыщенно отозвался тот.

— Тогда строй своих. Мы идём внутрь, прямо туда, — Ракот кивнул на руины города.

— Достойное дело, — командор гордо вскинул подбородок. — Орден Прекрасной Дамы будет счастлив последовать за вами, сударь.

«Его надо встретить на лестнице, — думал Ракот, направляясь к серой преграде и обнажая свой знаменитый

меч. — Может, тогда Ему будет некуда деться — если, конечно, Он не полетит, аки птиц небесный? Или не растает в воздухе, как в прошлый раз».

Во всяком случае, терпеть это осквернение чистой Тьмы её былой Владыка был не в силах.

Рыцари в белых доспехах построились клином, первый ряд опустил на одно колено, прикрываясь щитами и выставив лёгкие копья; второй ряд приготовил арбалеты.

Ракот оглянулся, залихватски свистнул и наотмашь рубанул по серой завесе.

Чёрный клинок играючи рассёк преграду, занавес со змеиным шипением пополз в стороны, открывая широкий проход. Скопившиеся тёмные твари завывали, зарычали и заклекотали, дружно бросившись на глупую двуногую добычу; в ответ также дружно щёлкнули самострелы рыцарей, корчась, повалились первые жертвы; Ракот крутанул меч вокруг себя, мигом сметя первую волну.

Дергающиеся конечности, оскаленные пасти с вываленными языками, зелёная жижа, сочащаяся из ран вместо крови, — всё привычно, ничего нового. Владыка Тьмы закинул Чёрный Меч на плечо и сделал знак рыцарям — мол, пошли.

Уцелевшие бестии поджимали хвосты, втягивали жвалы и медленно пятились, припадая к земле и лишь злобно посверкивая буркалами.

— Поняли, с кем дело имеете? — усмехнувшись, бросил им Ракот.

Чудовища не ответили, они продолжали пятиться, не делая и малейшей попытки напасть.

Клин облачённых в белую сталь рыцарей шагнул следом за Владыкой Мрака, и, стоило им пересечь границу...

— След! — выкрикнул кто-то из них, и весь клин тотчас подхватил:

— След! След! След!.. Она, Она, Прекрасная Дама!

— Что случилось? — недоуменно повернулся Ракот.

— Прекрасная Дама! — ринулся к нему командор. — Мы... почувствовали... уловили... отблеск...

Глаза у достойного рыцаря сделались совершенно безумными.

— Спокойно, командор! — рявкнул на него Ракот. — У нас есть враг, не забыли?! Привести людей в чувство!

— Прошу прощения, сударь, — командор выпрямился, лицо его покрывал пот. — Орден помнит принесённые клятвы и обещания.

— Вот и отлично, — проворчал Ракот, отворачиваясь. — Та-ак, и где ж эта лестница кончается? У того собора, как будто бы, верно?.. Идёмте, господа Орден!

Рыцари молча повиновались.

Глава девятая

Ещё один истинный полёт драконов — рушащийся и возрождающийся мир, ломящаяся напролом девятка крылатых созданий; и внезапно замершие в строгой неподвижности горы, объятые ночной тьмой. Пик Судеб, уже почти второй дом. «Сколько раз я сюда возвращался», — подумал Фесс. Сфайрат, несмотря на всю его язвительность и скрытность, всё же помогал. А сейчас там ждёт Этлау, недавний враг и враг смертельный (преподобный, кстати, так и не подумал извиниться за все прелести аркинских пыточных казематов и лобного места!) — а теперь вроде как соратник, пусть невольный, но такие не изменяют.

Что будет дальше, Фесс старался не думать. Ему осталось немного, и путь некроманта придёт к завершению. К добру ли, нет — уже неважно. Во множестве баллад герои «спасали мир», но это спасение всё равно оборачивается битвой, грязной и кровавой, когда забываешь обо всём и сражаешься не ради каких-то высоких целей, а просто охваченный древней, как сами звёзды, яростью и жадой победы.

Вот и знакомый подгорный покой, привычный пламень Кристалла — и округлившиеся глаза отца-экзекутора. Бывший инквизитор стоял на коленях, но руки его отнюдь не были сложены в молитвенном смирении — а сжаты в кулаки.

— Спаситель! — завопил преподобный. — Спаситель!.. Вы что, не видели?

Драконы, уже принявшие человеческий облик, дружно переглянулись и так же дружно покачали головами.

— Мы... летели, — отозвался Чаргос. — А истинный полёт — это, сударь мой, такое дело, что...

— Короче! — Отца Этлау била крупная дрожь. — Короче, драконы, и ты, некромант! Спаситель здесь! В Эвиале! Всё, конец всему! Всему конец, вы понимаете это или нет? Теперь уже не до Западной Тьмы!

— Редрон, — негромко произнёс Чаргос, и жемчужно-волосый дракон молча направился к выходу.

— Даже если Спаситель здесь, — твёрдо произнёс Фесс, — нам нельзя метаться. Мы наметили цель, есть план. Ему и стоит следовать. А если шарахаться из стороны в сторону, то, сами понимаете...

Отец Этлау плюхнулся прямо на каменный пол и что-то замычал, раскачиваясь из стороны в сторону. Он даже не спросил, чем закончился поход к Чёрной яме.

— Мы нашли союзников, — Фесс чуть повысил голос. — Тёмная Шестёрка поможет нам. Поэтому давайте не мешкать. Нас ждёт Утонувший Краб. О Спасителе подумаем после.

— Если Он оставит тебе, чем думать, — мрачно бросил Этлау.

— Не каркайте, святой отец, — нежно пропела Рыся, уперев руки в боки и с вызовом уставившись на преподобного. — Пока Он до нас доберётся, мы уже со всем управимся, если не станем на афедронах рассиживаться.

— Спаситель. Точно. — В пещеру вихрем ворвался Редрон. — Лестница. От небес до самой земли. И Он шагает. Неспешно так, с достоинством.

— Время ещё есть. — Фесс старался говорить как можно убедительнее. — Как раз хватит, чтобы покончить с Сушностью и её прихвостнями.

Дрожащий Этлау с трудом поднялся.

— Ты, девочка, не понимаешь. И ты, хитроумный некромант, и вы, храбрые Хранители. Перед лицом Спасите-

ля все наши распри с Сущностью или Салладорцем не имеют ровно никакого значения. Он непобедим, если только Ему удалось вступить в какой-нибудь мир. Против Него не существует оружия, и никакие заклятья не причинят Ему вреда. Нам осталось лишь наложить на себя руки, чтобы не стать свидетелями Его торжества.

— Руки наложить — большого ума не требуется, — рассердилась Эйтери. — Ты, преподобный, совсем сердце потерял. Опомнись, весь Эвиал сейчас в твоей длани! Некромант правильно сказал — покончим с одной угрозой, займёмся Спасителем.

— Тёмная Шестёрка не может повернуть назад. Я должен призвать их, оказавшись на Утонувшем Крабе. Второй такой возможности нам не представится, — напомнил Фесс.

— Делайте, как хотите, — махнул рукой Этлау.

— Не волнуйся, преподобный, сделаем, — Рысь даже топнула ногой.

— Да, и последнее, некромант, — у бывшего отца-экзакуратора вырвался сдавленный смешок. — Я бы на твоём месте зашёл проводить упокоившихся друзей... напоследок.

— Что ты имеешь в виду?

— Взгляни, — настойчивее повторил инквизитор. — Может статься, больше ты их не увидишь, даже в посмертии.

«Вообще-то он прав, — с раскаянием подумал Фесс. — Сущность, Салладорец, Спаситель... на Пик Судеб мы можем и не вернуться».

— Я пойду с тобой, папа. Хорошо? — Рысь осторожно взяла его за руку.

...Гном Сугутор, орк Прадд и бежавшая из Храма Мечей полуэльфийка нашли последний приют глубоко в пещерах Сфайрата, куда сам дракон почти не заглядывал. Аэсоннэ сотворила небольшой шарик света, послушно плывший в нескольких шагах перед некромантом и юной драконицей.

Поворот, ещё один, стены сдвигаются. Хранителю Кристалла тут делать нечего.

Шорох впереди, Фесс замер — однако Аэсоннэ с криком бросилась вперёд, и шарик света метнулся за нею следом.

...Они лежали рядом. Как и в подземельях Инквизиции, могло показаться, что все трое крепко спят. По крайней мере двое из них, потому что третья...

Пальцы скребли нагой камень, ноги судорожно дёргались, точно порываясь куда-то идти, голова ударялась об пол. Рысь-первая, Рысь, в чью честь некромант назвал свою приёмную дочь, — корчилась на гладких плитах, словно подбитая птица. Глаза открыты, но их заполняет белёсая муть, рот раскрыт и изломан, словно от боли.

Аэсоннэ визжит и прячется за спиной Фесса. Бесстрашная драконица напугана до полусмерти.

...А Рыси-первой удаётся наконец подняться на колени. Ощупывая камень перед собой, она медленно поползла к выходу.

Какая-то сила вырвала её из вечного сна, разрушила те непонятные заклатья, что поддерживали в ней эту обманчивую видимость сна; нет, она была мертва, уже много времени, и сейчас её жестоко швырнули обратно в населённый живыми мир. И это уже не прежняя Рысь. Это зомби, неупокоенный, только выглядит...

— Совсем как живая! — пролепетала Аэсоннэ, по-прежнему прячась за спиной некроманта.

Подъятая Рысь, дрожа, нащупала стену и попыталась встать на ноги. С четвёртой попытки ей это удалось; с каждым мгновением она двигалась всё увереннее и ловчее. Вот только глаза по-прежнему оставались незрячими, их затянуло словно рыбьим пузырьём.

Неупокоенная шла прямо на них, и Фесс с драконицей невольно попятиться.

Что случилось? Кто сделал это с несчастной? И что же дальше? Что, если она теперь окажется под властью Сущности, превратившись в кровожадного монстра, жадного до людской плоти?

И тогда её придётся упокаивать. Теми средствами, коими так хорошо владел он, Фесс.

Некроманта передёрнуло. Вместе с Аэсоннэ они отступали всё дальше, не зная, что делать.

...В огромном зале все враз замолчали, когда троица выбралась из узкого прохода.

— Говорил же я вам, — раздался сердитый голос отца-эксекютора. — Нет, не верили, только бранились...

Драконы замерли, не сводя глаз с неупокоенной. И только Сфайрат шагнул вперёд.

— Признаю свою ошибку, инквизитор, — голос Хранителя срывался. — Она *была жива*. Вернее, пребывала в не-жизни. Никогда не думал, что такое возможно...

— Почему она... как она... — кажется, это вырвалось у рыжей Менгли.

— Заклятье, — прогудел Чаргос. — Было сотворено поистине могущественное заклинание, причём равного не помнит даже моя кровь. Ничего не почувствовал, некромант?

Фесс только потряс головой. Аэсоннэ по-прежнему прижималась к нему, никого не стесняясь.

— Мне следовало сказать тебе сразу, — Чаргос досадливо потряс головой. — Я уловил отзвук свершённой волшбы, едва лишь наш полёт закончился. Не спрашивай меня, кто, где или как сотворил её. Эти чары нацелены были на эльфов, и...

— Вейде, — глаза некроманта сузились. — Королева Вейде.

Всё вставало на места. В том числе и удивительное создание, лесной голем с двумя мечами, помогавший Эйтери и Северу вытащить его с лобного места в Аркине.

— Королева Вейде? — удивился Чаргос.

— Это она. Я уверен. — Фесс не мог оторвать взгляда от мерно шагающего тела. Мёртвого тела, кто бы что ни говорил и как бы оно ни двигалось.

— Она... не кажется опасной, — осторожно заметил Сфайрат. — Я бы не мешал ей, пусть уходит. К тому же и Спаситель, это тоже могло...

— Гном и орк остались, как были, — отрезал некромант. — Вейде. Её работа. Больше некому.

Все молчали, растерянно переглядываясь.

— Ты скажи, некромант, что делать-то? — осведомился Север, на всякий случай берясь за фальчион. — Пластовать, ци не пластовать?

— Нет! — услышал Фесс собственный голос; и тихое, но явственно-злое шипение Аэсоннэ.

— Она мертва. — Драконица заглянула некроманту в глаза, почему-то забыв назвать его «папа». — Мертва, совсем мертва, даже больше, чем просто мертва! — Последние слова она почти выкрикивала.

— Аэ, милая моя, — спасибо Эйтери, оказалась рядом, обняла готовую вот-вот расплакаться драконицу за плечи, увлекла в сторону. — Ну, конечно, она мертва. Уж в этом ты можешь мне поверить, я таких... — Голос гномы упал до шёпота.

— Что станем делать, некромант? Неупокоенная уходит, — прогремел Чаргос.

— Н-ничего, — выдохнул Фесс и вновь удивился: эти слова словно произнёс за него кто-то другой. — Ничего не станем делать.

Одумайся, некромант, вопило в нём что-то. Она не жива, но и не тронута тлением. Неужели ты не возьмёшься вернуть обратно её душу?! Тем более помня о деревянном создании?! В конце концов, зря ты учился у Даэнура?

...Но мудрый дуотт никогда не говорил, как объединить душу с телом.

Значит, ты сам найдёшь путь!

Этого никто никогда не делал.

Значит, ты сделаешь первым!

Я понятия не имею, как...

Ты любил её или нет?!

Безмолвный диалог прервался.

Любил ли я Рысь? Та единственная ночь, что случилась у нас, — пустота ли за ней, судорожный поиск теплоты, или нечто большее, столь усердно воспеваемое трубадурами?

Не знаю. Правильный и честный ответ — не знаю.

Мне было хорошо с ней. Без неё — стало плохо. Не пусто, не тоскливо — просто неполно, словно сгинула половина моего собственного «я».

Значит, ты её любил?

Почему это «любил»? Любишь и сейчас!

Кого?! Эту неупокоенную?! Мерно шагающий труп, оживлённый неведомым, но, несомненно, злым чародейством? Или всё-таки память о ней, настоящей Рыси?

— Папа, — Аэсоннэ, вытянувшаяся в струнку, лицо — белое-белое, ни кровинки. — Ей нельзя дать уйти!

Он знал это. Знал, что каждый бродячий мертвяк, неважно, насколько хорошим человеком — или полуэльфом — он был при жизни, сейчас просто злобное и голодное чудовище.

Ей. Нельзя. Дать. Уйти.

Упокоить, загнать обратно, а сверху придавить каменной плитой потяжелее; за этим у Сфайрата дело не станет.

Но это же Рысь!

Нет. Ты давно потерял её. В безумном хороводе эгестского боя.

Рысь-неупокоенная тем временем безмолвно шагала к выходу из подземного зала; драконы расступились перед ней, нехотя попятился и Север, не выпуская фальчиона.

Аэсоннэ потянула Фесса за плащ.

— Пусть уходит, — резко бросил некромант. — Она никому не причинит вреда. Это не простой мертвяк.

Его слова встретили недоверчивым молчанием.

— Сколько горы ни топцу, — первым возразил Север, — а ни разу не видывал, цтобы мертвяк никому бы вреда не прицинил!

— Это не простой мертвяк, сколько можно повторять! — сорвался Фесс. Аэсоннэ отстранилась, губы её задрожали, словно она вот-вот расплчется.

— Позвольте мне, досточтимые, — Этлау, кряхтя, поднялся. — Я, конечно, не некромант, но кое-что...

— Ещё шаг, Этлау, и я... — Горячая ярость плеснулась из жил, затуманивая взгляд.

— Нет! — выкрикнула Эйтери, бросаясь между ними. — Совсем ума лишились, драку сейчас устроить! Пусть она уходит, господа драконы. Если Спаситель и впрямь в Эвиале, тут такое начнётся... один лишний мертвец, по земле бродящий, ничего не изменит. Их мириады поднимутся!

— Воля ваша, — криво улыбнулся Этлау, напоказ разводя руками и садясь обратно.

Аэсоннэ сделала ещё шаг подальше от некроманта.

— Ждите меня здесь, — Фесс вдруг сорвался с места. — Я... недолго.

Драконы безмолвствовали, Этлау продолжал всё так же криво ухмыляться, Аэсоннэ совсем забилась куда-то в тень.

— Я с тобой, — схватила некроманта за руку Эйтери. — Знаю, что ты задумал, даже и не мечтай один уйти!

— Ну, тогда и я с вами, — не колебался Север. — Цай, недалеко ходить придётся.

— Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь, — напутствовал некроманта Чаргос.

Аэсоннэ исчезла, Фесс так и не нашёл её взглядом.

...Со склона Пика Судеб отлично была видна золотая лестница и источающая свет фигурка на её ступенях.

— Ещё далеко, — вырвалось у некроманта.

— Какая разница? — пожала плечами Эйтери. — Давай, делай, что задумал, пока драконы не решили, что ты попросту сбежал.

— Куда ж это я побегу?! — возмутился Фесс, однако гнома только рукой махнула.

— Делай, что решил, — повторила она. — А я тебе помогу. Звезду ведь чертить станешь, я угадала? Хочешь разыскать Деревянную, правильно?

Мгновение Фесс поколебался, потом кивнул.

— Я бы тоже так поступила. — Гнома решительно взялась за дело. — А ты, Север, не стой столбом. Проследи за... за Рысью. Чтобы никуда не убрела.

— Я ей что, пастух, что ли?!

— Не пастух, не пастух! — отмахнулась Эйтери. — Просто следи за ней. Скоро она нам понадобится.

То, что раньше было полуэльфийкой Рысью, медленно ковляло вниз по склону, шаталось, падало, вновь поднималось, с поистине нечеловеческим упорством пробиваясь к одной ей ведомой цели. Север нехотя двинулся следом, держась на почтительном расстоянии.

— Ты, некромант, не серчай, ежели что, — напоследок развёл он руками. — Ежели она, знацит, на меня кинецца, придётся-таки её того, ну, сам понимаешь...

Фесс отвернулся и не ответил. Гном неловко потоптался, потом, ворча, отправился вслед за неупокоенной.

— Семи лучей хватит, Сотворяющая.

— Знаю, — кивнула гнома. — Да ты не думай, Фесс, Деревянная — она наверняка где-то здесь околачивается.

— Почему?

— Она кто? Лесной голем. Я, сущеглупая, сразу-то не догадалась, потом только, книги почитав. Никто, кроме Вейде, такого не сотворит, даже нарнийцам подобное не по силам. А големы, в которых вложили бродяжью душу, они обречены искать тело, вечно искать. Конечно, приказы они выполняют, но после того, как хозяину стало не до них — отправляются на поиски. Не удивлюсь, если она сейчас где-то в Эгесте, причём недалеко от Пика Судеб. А ты — неужто и впрямь надеешься оживить?..

— Черти, пожалуйста, вон там, где я отметил.

— Э-э, Фесс, ты не злись на меня, не злись. Добра ведь тебе желаю, и не только тебе.

— Аэсоннэ, — вырвалось у некроманта.

— Естественно, — строго сказала гнома, проводя линию. — Ей, бедной, кроме как со мной поговорить-то и не с кем — о тех делах, про которые женщины меж собою балакают. Любит она тебя, Фесс. Как только драконы любить умеют.

— Мне это уже говорили, — буркнул некромант, избегая смотреть в глаза Эйтери.

— Говорили? Кто же?

— Чаргос. Он ей дедом приходится.

— Ну, а я тебе по-простому скажу. Один ты у неё, другого не будет. Не сойдётся она с драконами, хоть умри. Нет ей другой дороги...

— А мне? Мне — есть другая дорога? — вспыхнул некромант. — Она мне дочь, Эйтери, понимаешь ты это или нет? И сама ещё ребёнок, давно ли из яйца вылупилась?

— Она тебе дочь только потому, что тебе этого хотелось. Она твои мысли и отражала. Была девочкой. А может стать и девушкой, и женщиной, и старухой. Кем захочет.

— А я тут при чём? — огрызнулся Фесс.

— А при том, — Эйтери строго подняла палец, — что с Рысью у тебя ничего не было, некромант.

— Не тебе судить, гнома! — Фесс рассвирепел не на шутку.

— Мне, человеке, мне, — усмехнулась Сотворяющая. — С Рысью вас друг ко другу толкнуло одиночество. Что ты, что она — волки среди зимнего леса. И притом чужим оружием попятнанные. Вот и зализывали друг другу раны.

— Откуда ты всё это знаешь?! — Щёки некроманта покраснели.

— Аэсоннэ поделилась, — фыркнула гнома. — А уж откуда она сама узнала... не иначе, как в твоей памяти увидела.

Некромант чуть не поперхнулся. Стыд ожёг так, что хоть сейчас — головой со склона вниз.

— Оставь, — посочувствовала Сотворяющая. — Она ж дракон, не человек. Нечего тут стыдиться. Она родилась с этим знанием, понимаешь? «Память крови» — разве забыл? И что она тебя всего увидела — так у них, у драконов, иначе и нельзя.

— Я не дракон, Эйтери. Человек, — некромант как можно аккуратнее провёл последнюю дугу. — Хватит. Многого сегодня не надо.

— Ты не уходи от разговора-то, не уходи! — в свою очередь рассердилась Сотворяющая. — За что ж ты её так мучаешь, Аэсоннэ-то?

— Как я её мучаю? А ты сама-то — смогла бы вот так,

с кем-то, кто тебя насквозь видит и все мысли твои читает?! А? Смогла бы? Ничего своего, даже внутри!

— Как же вы все боитесь, — в голосе гномы прозвучало плохо скрытое презрение. — Мужчины, мужи, воины. А себя открыть той, кто любит «больше жизни», прости за банальность — ни за что. Нет, мы будем героически умирать, а они пусть слезами умываются... А мысли мы открыть боимся, потому что чистые и светлые любимые наши прочтут там совсем даже нечистое и несветлое вожеление к какой-нибудь портовой шлюхе, случайно встретившейся на дороге...

— Да если даже и так! Мысли — они мои, эти мысли! Какие б ни были! Дела — вот что важно, а не то, что в голове!

— Ой, беда с вами, — только и вздохнула Эйтери. — Фесс, об одном тебя прошу. Если Аэсоннэ для тебя и впрямь — как дочь, ты...

— Она мне дочь, — отрезал некромант. — Дочь. Самая лучшая, какую только может пожелать мужчина.

— Ага, чтобы без пелёнок-криков-болезней? Сразу готовая, умная и красивая? — усмехнулась гнома.

— Оставим это, а? Аэсоннэ я не обижу. А если она знает все мои помыслы, то ей известно и то, кто она для меня. Известно, что люблю её, как отец самое дорогое и единственное дитя. На что ж тут обижаться? На мою искренность? Правдивость?

Гнома только махнула рукой.

— Я начинаю, — предупредил некромант, становясь в середину небольшой звезды.

Заклятье поиска сплести нетрудно, когда твёрдо знаешь, что именно требуется отыскать и это «что-то» от тебя не прячется. Линии звезды вспыхнули привычным зелёным светом, мир закружился вокруг, перед взором Фесса возникали опушки лесов, прогалины в их глубине, тихие речки, поля, покосы, редкие деревеньки; и вот — медленно бредущая заросшим берегом ручья фигура в плаще с парой деревянных клинков за спиной.

Сердце Фесса затрепыхалось, колотясь о рёбра, словно птица — о прутья клетки.

Тонкие руки, одетые корой. Тонкие ветки молодого ивняка вместо волос. Лицо в зеленоватой коре, брови — поросль серебристого мха. И заострённые по-эльфьи уши.

Безымянная — ибо создательница так и не одарила её именем — брела на север. Наверное, она даже не смогла бы сказать, зачем и почему. «Вейде создала тебя, — думал Фесс, — чтобы вытащить меня из аркинских застенков. На тот момент в сложной игре королевы Вечного леса моя роль ещё оставалась недоигранной. Не знаю, как сейчас, когда небо перечёркнуто золотой лестницей, нужно ли ей ещё что-то от меня, но тогда, похоже, эльфийка нуждалась во мне.

Эх. Вернуться бы туда, на Клык, в башню старика Парри. Сколько всего сделал бы по-иному. И самое главное — ни за что не полез бы в Эгест мстить за несчастного Джайлза».

Закрытие меж тем сработало как надо, настиг некроманта и откат — ему Фесс чуть ли не обрадовался; это значило, что мир ещё не сорвался в пропасть, что привычные законы работают по-прежнему.

Эйтери сунула ему в руку скляницу с каким-то снадобьем, Фесс машинально выпил, не чувствуя вкуса, — боль слегка приутихла.

— Ну, а что теперь-то, некромант? — осведомилась гнома.

— Я знаю, где она. Где та, что называет себя Безымянной.

— Допустим. Но ты разве не видишь, что творится?

— Вижу. Но, понимаешь ли, Сотворяющая...

Он заколебался. Сказать напрямик? Обидится, гномы гордый народ.

— Понимаешь, — повторил Фесс, стараясь смотреть Эйтери прямо в глаза, — бывают моменты, когда ты делаешь всё по-своему. И не можешь никому ничего доказать или объяснить, почему поступаешь именно так. Тебе приводят массу разумных доводов, и ты даже не споришь. По-

тому что говорящие кругом правы. А ты знаешь, что всё равно должен делать, что делаешь. Вот и у меня сейчас так. Не мешай мне, Сотворяющая, пожалуйста, не мешай.

— Тебе, пожалуй, помешаешь, — фыркнула гнома. — А говорить тебе говорили, и всё больше правильные вещи. Да только ты не слушал, некромант. Разве ни о чём не жалеешь, а?

— Жалею, — кивнул Фесс. — Отрицать не стану. Но жалею о том, что сам решил, а не что мне насоветовали. Сам сделал — сам перед собой и ответ держу.

— В том-то вся и беда, — грустно молвила гнома. — Ну, что дальше-то, некромант? Куда пойдём?

— Далеко ходить не придётся.

— А не ты ли совсем недавно про Тёмную Шестёрку так красиво нам всем говорил? — Эйтери упёрла кулаки в бока.

— Я говорил, — Фесс и не думал отпираться. — Но мне сейчас надо найти Безымянную, гнома. В глаза посмотреть, — он запнулся. — Душа... столько про неё говорили, а получается... Я боюсь думать, что Вейде такого там начаровала, чтобы вывести душу из живого тела и загнать в деревяшку. А она ведь это сделала. Именно это!.. — Последние слова получились просто диким и кровожадным рычанием.

— А ты не горячись, некромант, — посоветовала Эйтери. — Вейде искусна в самой неожиданной волшбе. Небось и это не просто так сотворила, потому что приспичило ей. Да и то сказать — если бы не она...

— То Рысь осталась бы жива! — выкрикнул Фесс.

— Да? С чего ты взял? Ясно теперь, что серые что-то с ними такое учудили, когда они им в руки попали, такое, что и сказать страшно, сердце в пятки уходит. Попытал бы ты лучше нашего преподобного отче, а то он на словах-то всё за нас, а как до дела дошло, да ещё какого... Не осталась бы в живых твоя Рысь. Она... оно... тут ходит только потому, что Вейде её душу сохранила. Вывела из трупности и сберегла. Жутко, конечно, но сам посуди — гном-то и орк так и остались, как были?

Фесс молча кивнул.

— Хорошо потрудились серые, — голос Эйтери резал, словно нож. — Видно, твои им действительно попались ещё живыми. Спасти не могли, сумели только удержать, но и это, Фесс, великое дело. Не знаю, кто ещё бы так смог. Тут и Ордос бы спасовал, и Волшебный Двор не сдюжил. Вот только зачем это святым братьям?

— Это-то понятно. Они меня ещё в Салладоре уговаривали, мол, сдайся и спасёшь друзей. Я не верил. Не во что было верить. Я *точно* знал, Эйтери, точно — и Рысь, и Прадд, и Сугутор мертвы, а всё иное — ложь, слагаемая лишь для того, чтобы заманить меня в ловушку. Оказалось, нет.

— Инквизиторы тоже лгали.

— Конечно. Играли словами, потому что «не-жизнь» всё-таки отличается от смерти и даже «не-смерти». Но ни орк, ни гном, ни Рысь не ушли в Серые Пределы. И это главное.

— И ты их оживишь? — гнома взглянула на него в упор. — Словно в плохой балладе, где все враги убиты, все наши живы?

— Если все наши живы, то мне плевать, хороша баллада или плоха.

— Так не бывает, — покачала головой Эйтери. — Баллады или не баллады, а связать разорванное не могут даже боги. Душа, отлетев, не возвращается обратно, во всяком случае, так говорят мои книги. Никому и никогда ещё не удалось по-настоящему оживить кого-то, вернув ушедшего из тех самых Серых Пределов, о которых ты вспомнил. Может, в иных местах... иными руками... но не нашими, Фесс, не руками смертных! Нет такой иглы, чтоб залатать прореху. И ниток таких не сыщется тоже. Оставь её, некромант, отпусти. Пусть уходит. И Безымянную оставь тоже. Ты всё правильно говорил там, внизу — у нас есть дело, есть план, союз с Тёмной Шестёркой дорогого стоит! А ещё ведь и Спаситель... я людским рассказням про него не слишком верила, а эльфы к подлинным хроникам Первого пришествия никого не допускали. Напрасно, получа-

ется, не верила. После Западной Тьмы и Салладорца Он — первейший враг. Не желаю, чтобы меня «спасали», а потом ещё и «судили» или что там у Него нам уготовлено. Честно живу, честно умру и в камень уйду, как предки мои. Перед ними и стану ответ держать.

— Эйтери, — Фесс дружески положил руку ей на плечо. — Ты всё правильно говоришь. И со Спасителем нам сойтись придётся. И с Сущностью. Но не смогу я идти на штурм, если буду знать — Рысь моя тут бродит, неприкаянная, пустое тело с пустыми глазами. Не могу, гнома!

— Эх, ты, — Сотворяющая только прищурилась. — О себе только и думаешь, некромант. Видать, плохо тебя Дазнур учил. Азбучную истину так и не вложил. Хотя, если такое от мамы с папой не воспринял, никакой декан не поможет. Не о себе думать ты сейчас должен. Не о себе. И не о тех, кто тебе близок. Про тех, кого не знаешь, кого ни разу не встречал, по Эвиалу странствуя, — вот о ком твоя забота быть должна!

— Ну точно — как в балладе...

— Тьфу! — гнома всерьёз разозлилась. — Фесс, не ставляй меня пожалеть о том, что помогала тебе и что с эшафота тебя вытаскивала!..

— Ты не пожалеешь, Сотворяющая, — некроманту стоило немалых усилий спрятать гнев. — Я найду Безымянную. И отправлюсь дальше намеченным путём. Это не займёт много времени.

— А эта? — Эйтери мотнула головой вслед скрывшемуся Северу. — Неупокоенная?

— Никуда не денется, — уверенно бросил некромант.

— Постой, ты что же, за ней так и побежишь, без ничего, в дорогу не собранный? — подивилась гнома.

— Он не побежит, — раздался за их спинами голос юной драконицы. — Он полетит. А я его понесу. Как и обычно.

Фесс невольно покраснел.

Аэсоннэ стояла, скрестив тонкие руки на груди, жемчужные волосы заплетены в косу и перекинута вперёд. И... она больше не выглядела девушкой-подростком, слов-

но в одночасье повзрослев на пару обычных человеческих лет.

— Я помогу тебе, папа.

Папа. Всё-таки папа. Не Кэр и не Фесс.

— Ну, тогда я пошла, — Эйтери попыталась проскользнуть ко входу в пещеры.

— Останься, Сотворяющая, прошу тебя, — остановила её драконица. — Ты была права, нам понадобится твоя помощь. Ну, чего медлим? Надо лететь.

— Лететь? — чувствуя, что проваливается под землю от стыда, пробормотал некромант, не в силах даже взглянуть на Аэсоннэ.

— Конечно, отец, лететь, — усмехнулась она. — На своих двоих когда ещё доберёшься! А неупокоенная сейчас шагает как раз навстречу... Безымянной, — последнее слово далось с некоторым трудом, драконица чуть запнулась. — Две части некогда единого целого. Вот только что случится, когда они встретятся?

Фесс промолчал, просто не находя слов.

— Ну, что мы все замерли? Я перекидываюсь, — предупредила Аэсоннэ. — Скажи, куда лететь, пап. Сразу и Безымянную подберём, и неупокоенную перехватим. А там уж как дело повернётся.

— Спасибо, Аэсоннэ, дочка, — Фесс наконец нашёл силы взглянуть ей в глаза — уже не человеческие, в глаза расправляющего крылья жемчужночешуйного дракона.

«Не за что». — Ему показалось, или в мыслеречи гордой драконицы и впрямь мелькнула тень затаённой обиды?

Пик Судеб прыгнул назад, под стремительно мчащимся драконом расстился густой лес, окутанный ночным мраком. Летели молча, только «правее» да «левее» Фесса, указывавшего направление.

...Безымянную они нашли на небольшой опушке, неподвижно застывшую с запрокинутым лицом, обращённым к неярко мерцавшим звёздам. Она даже не повернулась, когда дракон, сложив крылья, с шумом опустился на свободное место.

Фесс и Эйтери оказались на земле, не медля, переки-

нулась и Аэсоннэ. Только теперь Безымянная обернулась к ним.

— Вы пришли, — произнёс незнакомый глуховатый голос. — Нашли меня. Не забыли...

— Как же мы могли забыть тебя, спасшую жизнь Кэру? — Аэсоннэ первая шагнула к Безымянной, вновь приняв человеческий облик. — Ты, Север и Сотворяющая вытащили его с лобного места. Такое не забывается.

— Я была создана для этого, честная драконица. Это всё, что я знаю.

Эйтери рванула сумку, сердито шипя, выдернула из гнезда какой-то пузырьёк, сильно и зло встряхнула — скляница засияла ярче любого магического огонька.

Фесс, не отрываясь, всматривался в лицо диковинного создания. Нет, ничего общего с Рысью-первой, кроме разве что острых эльфийских ушей.

— Создавшая отпустила меня. Больше я ей не нужна, и моё существование бессмысленно.

— Никогда не читала, что лесной голем может так говорить и чувствовать! — боязливо шепнула некроманту Эйтери.

— Ничьё существование не бывает бессмысленно, — решительно возразила Аэсоннэ, подходя вплотную. — Тебя сотворили, тебе отдали приказ, всё верно. Но осталось тело, откуда исторгли душу. Ту самую, которой оживили тебя. Вас разделили, разрезали надвое. Разные силы, с разной целью. А теперь пришла пора сделать вас одним целым.

Фесс онемел от изумления. Аэсоннэ произносила как раз те слова, которые должен был произнести он сам.

Безымянная не шелохнулась.

— Идём с нами, — драконица осторожно тронула её за плечо. — Или будешь тут сидеть сто лет? Может, ты корни решила пустить и вырасти?

— Нет, — глухо ответила Безымянная. — Я пойду с тобой, светлая драконица... делай, что хочешь. Во мне нет ничего, ни желания, ни нежелания. Если тебе нужно —

делай. Я знаю, что такое страх, но никогда его не испытывала. Что нужно делать, светлая?

— Сесть мне на спину, — лаконично ответила Аэсоннэ.

...И вновь странный полёт сквозь ночь, прочерченную золотой лестницей, под отдалённый стон колоколов — мир словно вызванивал себе погребальную. Вновь молчание, становящееся томительным, почти непереносимым.

...Гном Север послушно топал следом за медленно уходящей к югу неупокоенной. Сперва он не разжимал пальцев на эфесе фальчиона; он и впрямь не помнил ни одного мертвяка, «не охочего до свежатинки». Однако на сей раз всё вышло совсем не так — подъятая брела неловко, порою спотыкаясь, но даже не поворачивала головы в сторону гнома, и мало-помалу он расслабился. Видать, правы некромант с Сотворяющей — это не просто зомби, ходячий труп с одним-единственным желанием.

Вышагивать по бездорожью Северу пришлось недолго. Зашумели крылья, и с небес камнем рухнул белодымчатый дракон; на спине его сидели трое. Трое, а не двое.

Неупокоенная остановилась, в горле у неё что-то захрипело и забулькало. Руки протянулись — прямо к третьей фигуре, закутанной в длинный плащ.

— Ну что, некромант? Ты знаешь, что делать дальше?

— Знаю, Эйтери, — отрезал Фесс, хотя, конечно, это было не так.

Неупокоенная и Безымянная шагнули навстречу друг другу. Сейчас возьмутся за руки, словно сёстры...

— Пап, если у тебя есть подходящее заклинание, то сейчас самое время. — Аэсоннэ нахмурилась, меж тонких бровей залегла складка.

Некромант не ответил; а меж тем удивительное деревянное создание и тело, лишённое души, но не пугающего подобия жизни, действительно взялись за руки и застыли, словно оцепенев. И лес затих тоже, точно боясь пошевелиться, спугнуть.

— Иди за мной, — наконец проговорил некромант одними губами. Безымянная кивнула, осторожно потянула неупокоенную за руку — и та послушно шагнула следом.

— Куда теперь, папа? — Аэсоннэ оказалась рядом, улыбнулась, взглянула в глаза — совершенно не по-детски.

— Обратно, к Сфайрату. А ты...

Драконница тихонько рассмеялась. И без долгих церемоний взяла некроманта под руку.

— Плохо уметь превращаться и выглядеть всегда так, как хочешь, — вдруг пожаловалась она. — Во всём видят второе дно, как люди говорят. А я просто подросла, пап. Драконы медленно взрослеют и ещё медленнее старятся, но вот вырасти — могут очень быстро. Если ты понимаешь, о чём я.

— Хочу верить, что понимаю, — пробормотал Фесс.

— На тебя уже набросились, я знаю. И Чаргос, и Эйтери. Те, кто знает правду о нас, драконах. Но всё равно — они не понимают. Их не было с тобой всё это время. Я... просто искренна, пап. Знаю, что для тебя — я дочь. Ты принял меня, ты был первым, кого я увидела собственными глазами, а не памятью крови. Я действительно... люблю тебя. И как отца. И не только. Видишь, как всё перемешалось... Вот, всё, сказала. — Она откинула косу назад, попыталась рассмеяться — не получилось, смех застрял в горле. — А ты хочешь спасти её, оживить, вернуть... всё понятно. Только не потому, что любишь. А потому, что виноват, она — твой позор, твой вечный укор. Ведь ты ж сейчас... — она помедлила, — спокоен. Нету в тебе...

— Не надо, — опуская голову, попросил некромант. — Не читай меня. Пожалуйста. Как говорится, я знаю, что ты знаешь, что я знаю.

— О правде сказано много красивых слов, мол, и остра она, и режет, и так далее, — грустно кивнула Аэсоннэ. — Драконы, конечно, умеют обманывать, могут солгать, как Сфайрат, — но сами не обманутся никогда. Наш дар — и наше проклятие. Они знали, чем наделить Хранителей Кристаллов. И наша правда — самая острая. Люди могут думать, что мы лжём, и спастись этим.

— Дочка...

— Не надо. Я тебя не читаю. Хочешь добрый совет, пап? Самый добрый, на какой только способна хитрая и злая

драконица. Оставь их вдвоём. Не делай ничего. Нам надо спешить — Тёмная Шестёрка ждёт твоего зова. Да и Спаситель... он, конечно, спускаться не очень торопится, но эта продолжающаяся ночь...

— Спасибо, дочка. Спасибо за совет. Но я...

— Ты решил, — покивала драконица. — Что ж, папа, воля твоя. Я помогу тебе, что бы ты ни задумал. Я тебя не оставляю. Но ты ведь и вправду не знаешь, как слить душу и тело. До такого не додумались даже великие некроманты прошлого.

— А Салладорец? — вырвалось у некроманта.

— Салладорец — не знаю, — помрачнела Аэсоннэ. — Он уже столько раз удивил нас всех... не возьмусь ничего предсказать.

Помолчали.

— Я хочу быть с тобой, — просто сказала драконица. — Хочу, могу и должна. Всё вместе. Хочешь видеть во мне дочь — буду дочерью. И мне не придётся притворяться.

— Рыся... — беспомощно начал некромант.

— Да-да, мама тоже говорила, что в такие минуты у мужчин пропадает дар речи, — драконица засмеялась, хоть и несколько натужно.

— Мы и так с тобой. Неразлучны. Я видел, как ты... появлялась на свет, я...

— Да чего уж. Говори прямо — видел, как ты вылуплялась из яйца!

— Нет. Ну, о чём ты, Рысь!

— О том, что надо сделать положенное, — очень серьёзно заявила драконица. — О прочем давай думать после. Согласен, папа?

Это «папа» было настоящим. Как и мягкий свет в её глазах.

— Конечно, дочка. И... ещё раз спасибо, что зовёшь меня отцом.

Драконица улыбнулась.

— Не за что, пап. Ни у кого из моего племени не было такого отца. И уже не будет. Что же до всего прочего...

Был бы ты драконом — могла б звать «папой» и дальше, даже если б мы вдруг стали делить ложе. У нас ведь нет «инцеста», в отличие от вас, людей.

— Рыся!

— Что? Разве ты боишься прямооты? Честности? Разве любить кого-то и хотеть быть с ним — позор?

— Н-нет, но...

— Но «так не принято»? Оставь, папа. Нам идти в битву, в Эвиал нагрязнул Спаситель, может, нам всем осталось жить совсем чуть-чуть, а мы всё равно блюдем какие-то приличия!

— Приличия — то, что отличает нас от зверей.

— Нет, — отрезала драконица. — Есть приличия — и «приличия». Вторые только мешают. Соблюдать их — просто ханжество.

— Давай не будем спорить...

— Давай, — легко согласилась Аэсоннэ. — Ты только не... Папа! Отец! Нет! Не надо!..

Некромант уже некоторое время сжимал в правой ладони заветный чёрный шестигранник. Зародыш Чёрной башни, которая всегда с ним. Острые грани пересекают кожу, ладонь щекочит сбегающие капли крови, и мир вокруг начинает меняться. Истощенный крик драконицы тонет, гложет в волнах накатывающего со всех сторон тумана; стены, словно из блестящего гномьего угля, вздымаются прямо перед некромантом, он делает шаг к двери...

— Не сейчас, — слышит он.

На пороге застыл знакомый карлик. Поури по прозвищу Глефа, с чудовищно искаженным, согласно своей природе, лицом Фесса и длинным древком в руках, на каждом конце которого — по обоюдоострому клинку.

— Ты не можешь войти, — говорит карлик, пристально глядя в глаза некроманту.

— Не могу? Почему?

— Не время.

— Мне надо. И я пройду, — упрямо повторяет Фесс, делая шаг.

Поури без малейших колебаний вскидывает глефу наперевес.

— Ты не пройдёшь.

Некромант не стал тратить время на споры. Почему карлик преградил ему дорогу, откуда он вообще тут взялся — сейчас неважно.

— Ты не можешь биться со мной, — неожиданно сказал поури, не отступая тем не менее ни на шаг. Фесс не ответил — к чему слова, когда приходится прибегать к совсем иным аргументам.

Он давно не обращался к арсеналу Серой Лиги, его оружием стала магия, а не меч. Сейчас у него ничего нет, только пара кулаков, но на крайность сгодятся и они.

— Не подходи! — в последний раз предупредил карлик и, поскольку Фесс даже не подумал подчиниться, атаковал.

Бил он по-настоящему, и удар правого лезвия наверняка пришёлся бы некроманту в шею, если бы Фесс, весь изгибаясь и выворачиваясь, не поднырнул под древко, коротко ткнув поури костяшками пальцев в горло. Тот захрипел и опрокинулся; некромант пинком отшвырнул глефу куда подальше.

— Ну, видишь? Вот я и прошёл.

— Дурррак... — приподнимаясь на локте, выдавил карлик. — Не понимаешь, кого срубил, что ли?..

Фесс не удостоил его ответом.

Библиотека... библиотека... там, где бесконечные ряды книг на всех ведомых и неведомых языках. Там найдётся ответ, не может не найтись.

В каком-то ослеплении он мчался по знакомым коридорам, взбегал неизменившимися лестницами мимо мрачных статуй в глубоких нишах; он найдёт ответ, ну, конечно же, найдёт. А карлик... что ж, у Чёрной башни множество мрачных тайн, и он, Кэр Лаэда, не нанимался раскрывать их все.

Стройные шеренги фолиантов успокаивали, вселяли уверенность; ну, конечно же, требуемое заклинание отыщется, не может не отыскаться. Ведь это же так естествен-

но — вновь слить разделённые душу и тело. Величайшие маги Упорядоченного, о чьём существовании Фесс может и не подозревать, разумеется, уже давно всесторонне изучили проблему и нашли соответствующее решение. Осталось его только разыскать.

Он бросился к полкам, словно ныряльщик, разорвавший опутавшие ноги жёсткие стебли морской травы и отчаянно устремившийся наверх, к свету и воздуху.

Но на сей раз книги не раскрывались сами собой, страницы не спешили к нему на помощь.

Вот на глаза попадается «Большой указатель некромантии, составленный мэтром...» — просмотрено не раз, Фесс помнит каждую страницу, нужного здесь нет и быть не может.

«Тайные знания, сообщённые мне дуоттами во время моего у них пленения» — остроумная компиляция одного из анонимов, претендовавших на обладание «истинным наследством» змееглавцев, — не то, не то.

«Обряды и заклинания Смерти» — сочинение безумного мастера Рашшагра, изгнанного из Белого Совета и Академии после того, как он, стихийный маг, вдруг увлёкся Тьмою и, хотя его нельзя сравнивать с гениальным Салладорцем, тоже достиг немалых успехов. Может быть, здесь?

— Нет. Не ищи. — На пороге появился всё тот же Глефа. Выглядел он неважно, рваный кафтан на груди перепачкан кровью, как будто удар Фесса проломил ему горло. — Тебе ведь сказали, что...

— Одного раза мало показалось? — зло бросил некромант. — Иди сюда, я добавлю.

Поури по кличке Глефа лишь криво улыбнулся.

— Разорванное не сшить. Не ищи заклинания.

— А что будет, если я и поищу? Ну, не найду. Какая тебе забота, кто б ни говорил твоим языком?

— Без помощи ты потеряешь тут слишком много времени.

— Тогда разумнее будет мне помочь, — невозмутимо заметил Фесс.

— Наивный! — возвысил голос карлик. — Есть закли-

нания, сколь угодно слабые, но могущие сорвать такую лавину, что...

— Как я устал от этих пророчеств, предвещаний и тому подобного. Помоги, а если нет, то...

— Если бы ты спустился по той лестнице... — прохрипел на прощание карлик и вдруг повалился на пол, ткнувшись уродливой головой в руки, словно марионетка, выпущенная кукловодом.

Спустился по той лестнице...

Чёрная яма, ведущая сквозь иные слои реальности прямо на Утонувший Краб...

Безымянная, Рысь-неупокоенная, он и — и Аэсоннэ, если она согласится. Остальные драконы, Утонувший Краб, Сущность — подождут. И Спаситель... тоже подождёт.

— О, гордость человеческая! — Фессу показалось, кто-то вздохнул в углу огромной библиотеки.

Да, Спаситель не станет ждать. Но что, если эта Чёрная башня, его собственная Чёрная башня — ведёт прямо туда, к Сущности? Что, если Она всё время пыталась дать ему понять это?

Он не найдёт нужного заклинания. Ведь в прошлый раз его подсунули прямо под нос некроманту, попутно сделав понятными головоломные иероглифы далёкого Синь-И.

Некромант встряхнулся, в последний раз сожалеюще оглядел полки и пошёл прочь из книгохранилища. Тела карлика на пороге не оказалось.

На первый взгляд всё вокруг нововоздвигнутой Чёрной башни оставалось таким же, как и всегда, — та же нескончаемая ночь, то же небо, рассечённое золотой перевязью лестницы Спасителя, тот же провал пещеры, Пик Судеб, изрядно пострадавший от визита возрождённой Аттики, только...

Эйтери завизжала, Север подскочил на месте, хватаясь за фальчион, Аэсоннэ ахнула, совсем по-человечески зажимая рот ладонью, и только Безымянная с поднятой Рысью невозмутимо смотрели друг на друга, не замечая ничего больше.

А, понятно. Он таки преобразился.

Наваливалась новая реальность, иное тело, иной взгляд. Тогда, в Аркине, ему могло казаться, что он — прежний, а святым отцам просто что-то почудилось. Теперь уже нет.

Мышцы, налитые силой. Рук нет, но есть мысль.

Фесс попробовал мысленно сорвать цветок — тонкий стебелёк послушно лопнул, жёлтый венчик покорно подлетел к самому его носу. В облике громадного вопреки некромант видел сразу всё, что творилось и спереди, и с боков, и даже сзади. Удобно, нечего сказать, когда придётся драться. И никакого отката, и сила течёт свободно, так свободно, как никогда раньше.

— Папа!

Одуванчик словно сам собой подлетел к драконице, аккуратно воткнулся в её жемчужные волосы.

«Так-то оно лучше», — мыслеречь получилась куда естественнее и свободнее обычных слов.

— П-папа...

— Фесс!

— У-ух, вон оно как... — только и протянул ошеломлённый Север.

«Ничего страшного. Вы ведь меня слышите?»

— Слышим, — вырвалось у Эйтери.

«Чёрная башня ведёт прямо к Западной Тьме. Рыся, прошлый раз мы не спустились до конца и, наверное, были правы. Тогда мы бы не сдюжили. Теперь — другое дело».

— Мы не летим с драконами?

«Летим, Рыся, летим, конечно. Но там, на Утонувшем Крабе... быть может, нам придётся избрать иную дорогу».

— Ой, пап, ты опять!..

Поле зрения стремительно сужалось, исчезала громада воприно тела, некромант возвращался к человеческому облику.

— Ох, и напугал же ты нас, — выдохнула Эйтери.

— Всё будет хорошо, — попытался ободрить её Фесс, невольно косясь на застывших друг подле друга неупоконную-полуэльфийку и Безымянную.

Те, похоже, вообще ничего не заметили. Да, наверное, и не могли. Деревянного голема ничего не интересовало, а

неупокоенная... могла ли она вообще понимать хоть что-нибудь?

— И что теперь с ними делать-то? — не унимался Север. Охотник за мертвяками никак не мог успокоиться — поднятого требуется изрубить в лапшу или же извести каким-то иным способом, но никак не оставлять так, как есть!

Некромант заколебался. Да, Чёрная башня не дала ответа, как он надеялся. Эйтери права — заклатья, сшивающего душу с телом, у него нет.

Значит, надо идти дальше. «Только вперёд» уже не получится, он станет постоянно оглядываться. На что можно надеяться — может, истинная хозяйка Чёрной башни смилостивится над ним? Унизительно, тяжело, но разве станешь думать об унижениях, когда можно и впрямь ожить Рысь?

Но если разорванное и впрямь не соединить?... А он, озираясь через плечо, пропустит тот единственный момент, когда надо бить, чтобы одержать победу?

Злясь на себя, Фесс тряхнул головой, пытаясь отогнать навязчивые мысли.

— Папа, надо спешить, — настойчиво проговорила драконица. — Чаргос не станет ждать бесконечно. Да и Уккарон...

Она была права, как всегда.

— Безымянная, — неловко начал Фесс, взглянув на лесного голема. — Прости за это обращение, но я хотел попросить тебя о...

— Конечно, — отозвалось деревянное существо. — Я отправлюсь с вами, спасённый мною.

— Нет. Я прошу тебя остаться здесь, на Пике Судеб. Вместе с нею, — он кивнул на Рысь-неупокоенную, — и присмотреть, чтобы не случилось ничего непоправимого.

— Нет, — бесцветным, лишённым чувств голосом ответил голем. — Я не могу этого сделать. Не ты создал меня, спасённый. Не тебе отдавать мне такие приказы.

Она произнесла это без злобы, ненависти или хотя бы

неприязни. Безымянная никого не хотела уязвить. Она просто сообщала, как обстоит дело.

— Я пойду с вами.

— А она?!

— Она тоже. Я позабочусь о ней.

— И что дальше? Ты понимаешь, что нам предстоит, Безымянная?

— Битва, — равнодушно ответила Деревянная. — Чтобы соединить несоединимое, нужно, чтобы свершилось небывалое, чтобы рухнул весь порядок. Тогда ты сможешь найти ответы.

— Откуда ты знаешь?

— Это моя природа. Вложенная в меня создавшей.

— Она права, папа, — вступила драконица. — Никто не знает, вернёмся ли мы сюда. Пусть идёт, если... если *она*, — кивок в сторону неупокоенной, — будет на её попечении.

— Тогда веди, Безымянная.

Деревянное создание безмолвно поднялось, осторожно потянуло Рысь за руку — та повиновалась, словно кукла.

На пороге пещеры некроманта встретили все восемь драконов и преподобный Этлау.

— Время истекает, — сумрачно проговорил Чаргос.

— Мы готовы. Но... Хранители, кто из вас согласен понести на себе вот этих двух?

Драконы молча воззрились на Деревянную и Рысь.

— Это. Совершенно. Необходимо? — разделяя слова, преувеличенно-чётко проговорил Сфайрат.

— Ты прав, многомудрый, — кивнул некромант.

— Необходимо для общего дела или тебе самому? — рыкнул дракон.

— Мне самому, — Фесс не отвёл взгляда.

— Твоя надежда безумна, — вступил Чаргос.

— Нам это не помешает.

— Что ты говоришь!

— Я клянусь. Даю Слово Некроманта, — сами собой вырвались последние слова.

Хранители переглянулись.

— Не стану говорить «теперь отступить некуда», но, Неясыть, если ты станешь смотреть на неё, — кивок в сторону неупокоенной Рыси, — то...

— Знаю, — зло перебил Фесс. — То всё погибнет. Помню, поверьте, уж накрепко запомнил! Но всё равно, драконы, кто согласен нести?

— Я могу. И я, — отозвались Редрон и Менгли.

— Тогда не будем больше мешкать. — Фесс шагнул к успевшей перекинуться Аэсоннэ. — Путь открыт, и дело сделано. Драконы! Покажите, на что способны, что хранили все эти столетия. Быть может, это наш последний полёт — впереди битва, по сравнению с которой Скавелл — детские забавы. Драконы, ваша служба пришла к концу, это говорю вам я, Кэр Лаэда, маг Долины, хранитель Мечей, тот, кому выпало переписывать судьбу Эвиала! — Горло сдавило, Фесс никогда ещё не произносил ничего подобного. Но выпренные декларации оказались именно тем, чего ждали от него драконы — девять плотов извергли громоподобный рёв, девять пастей испустили струи клубящегося пламени; и девять стремительных крылатых теней рванулись наискось сквозь рушащийся вокруг них мир — туда, где на заокраинном западе лежал загадочный остров со странным именем Утонувший Краб.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Интерлюдия I</i>	7
Глава первая	42
Глава вторая	79
Глава третья	119
Глава четвёртая	154
<i>Интерлюдия II</i>	196
Глава пятая	234
Глава шестая	304
Глава седьмая	350
Глава восьмая	386
<i>Интерлюдия III</i>	419
Глава девятая	449

Литературно-художественное издание

Ник Перумов

ВОЙНА МАГА

Том 4

КОНЕЦ ИГРЫ

Часть первая

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *Б. Волков*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *С. Кладов*

Корректор *М. Колесникова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухарева пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 13.10.2006.

Формат 84х108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 25,2.

Доп. тираж 20 100 экз. Заказ № 4548.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.perumov.com

Официальный сайт Ника Перумова

Оперативная и достоверная информация
о новых книгах, работе над фильмами
и творческих планах писателя.

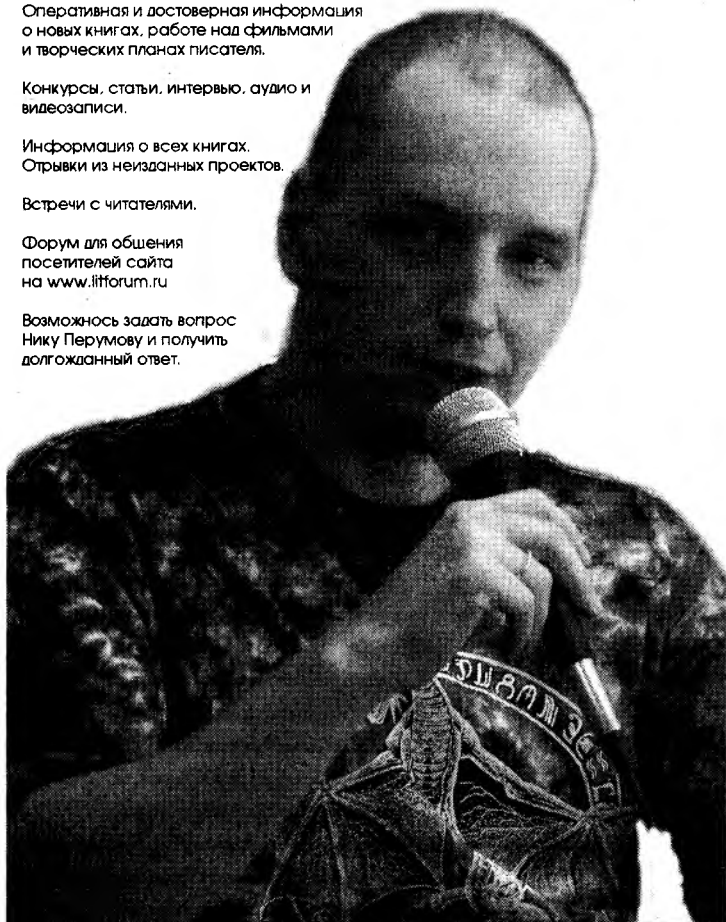
Конкурсы, статьи, интервью, аудио и
видеозаписи.

Информация о всех книгах.
Отрывки из неизданных проектов.

Встречи с читателями.

Форум для общения
посетителей сайта
на www.litforum.ru

Возможность задать вопрос
Нике Перумову и получить
долгожданный ответ.

WWW.OLMER.RU

Ведущий российский литературный портал.

Аудитория более 12000 человек.

6 лет ежедневных новостей.

Обзор книжных новинок.

Сайты популярных писателей: Вадим Панов,
Мария Семенова, Терри Пратчетт и других.

Самый популярный отечественный автор фэнтези

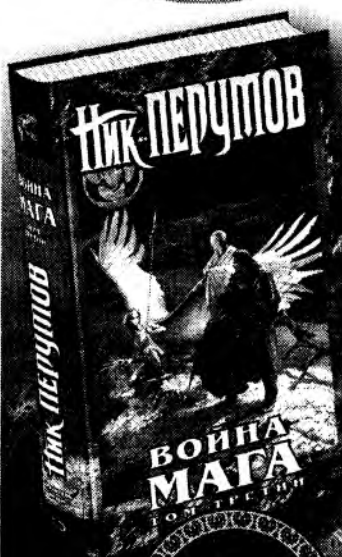
НИК ПЕРУТОВ

ВОЙНА МАГА

ДОЛГОЖДАННЫЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ
ЛЕГЕНДАРНОГО ЦИКЛА:

«Война мага. ЭНДШПИЛЬ», том 3

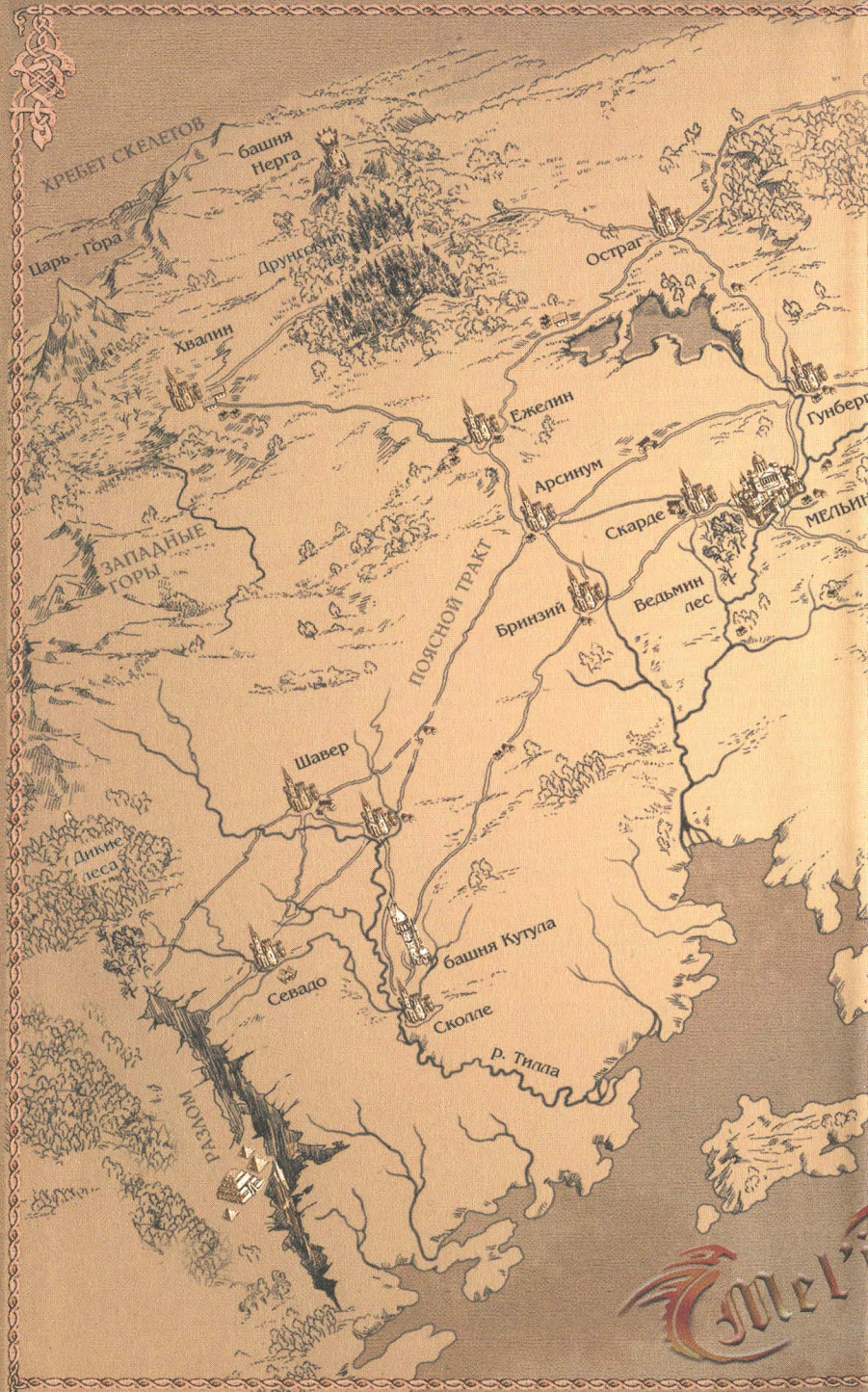
«Война мага. КОНЕЦ ИГРЫ», том 4

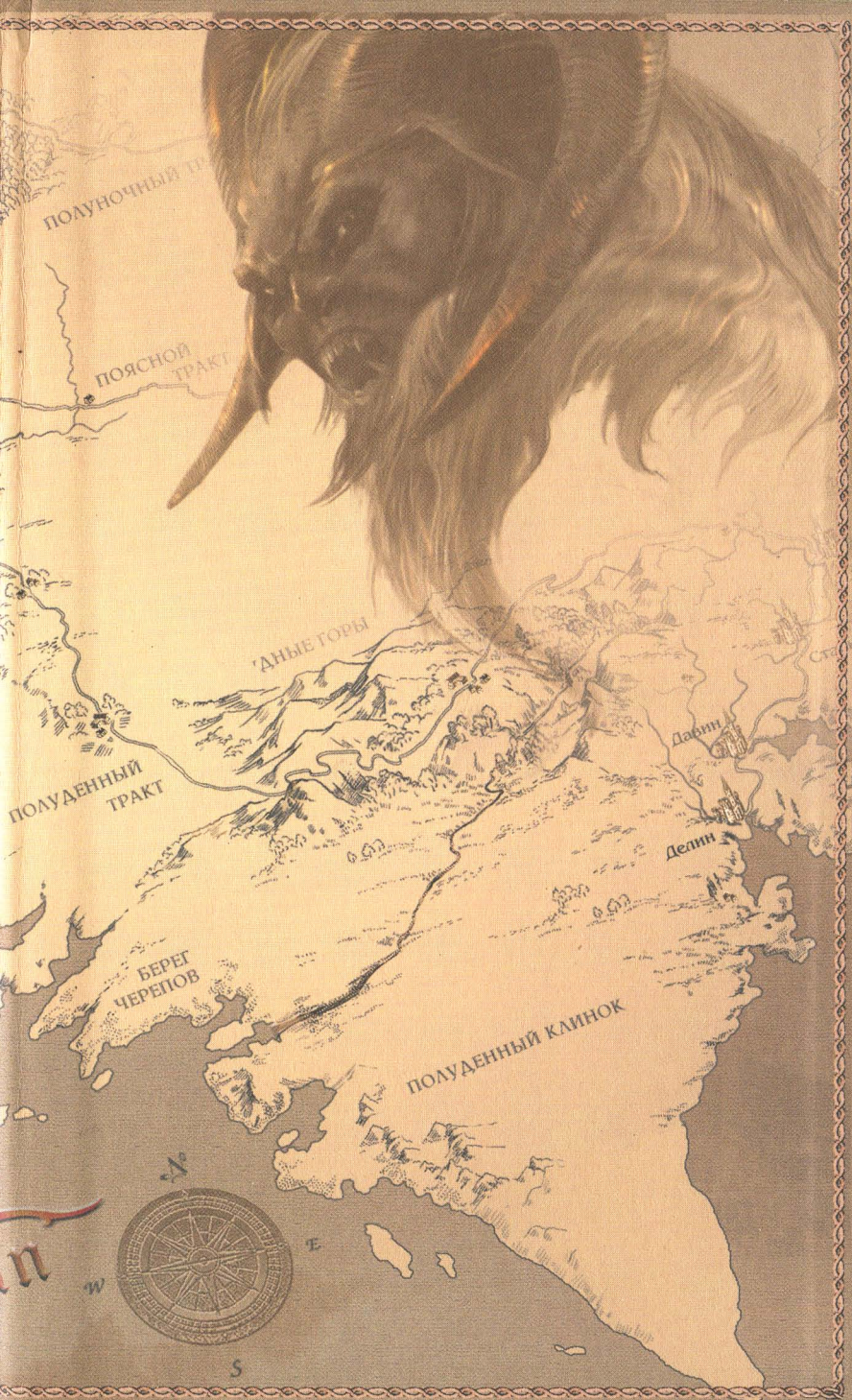

itadad of
lmer

WWW.OLMER.RU

www.perutov.com

ХИК ПЕРУМОВ

ISBN 5-699-15058-7

9 785699 150588 >